

Пётр Червинский

Предметный мир примет и поверий

(Цикл рождения)

UNIWERSYTET ŚLĄSKI
WYDAWNICTWO

Предметный мир примет и поверий
(Цикл рождения)

Пётр Червинский

**Предметный мир примет
и поверий**
(Цикл рождения)

Redaktor serii: Językoznawstwo Słowiańskie
Jolanta Lubocha-Kruglik

Recenzja
Ewa Barbara Komorowska

Rada naukowa:
Ewa Komorowska – Uniwersytet Szczeciński
Tadeusz Szczerbowski – Uniwersytet Pedagogiczny w Krakowie
Katarzyna Dembska – Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu
Zdeňka Nedomová – Uniwersytet w Ostrawie
Anastasija Urža – Moskiewski Uniwersytet Państwowy im. M. Łomonosowa

Decyzją autora publikacja ukazała się na prawach maszynopisu gwarantowanego
– teksty nie były poddane redakcji w Wydawnictwie Uniwersytetu Śląskiego.

Решением автора публикация издана на правах гарантированной рукописи
– тексты не были отредактированы в Издательстве Силезского университета.

Оглавление

Предметы и люди: характер взаимодействия	7
О признаках, которые могут предметы в себе для людей содержать	9
О предметах и людях как средствах для достижения цели	18
О производимых людьми над предметами действиях	28
Предшествие появлению на свет как индуктивная препозиция	37
О возможности повлиять на достижение желаемого	37
Средства и формы приметного распознавания	46
Изменение поведения как показатель достигнутого состояния	54
Параметральные определения на основе воспринимаемых признаков	67
О регламентирующих ограничениях проживаемого состояния	83
Предметы в их ролевых отношениях к человеку	87
Мотив оставления места события (как один из возможных)	91
Некоторые визуальные ограничения	94
Ограничения в отношении собаки и кошки	99
О запретах предметного действия (на двух примерах)	104
Об одной модели позиционно-акционального избегания	110
О желательности укрывать свое состояние	111
Об этапах рассмотренного предшествия	115
Появление человека на свет и связанные с этим позиции	119
Роды как предварение появления	119
Действия, связываемые с облегчением процесса	124
Действия при неблагополучии протекания	126
Действия при тяжелом и крайне тяжелом течении	130
Об отмечности момента рождения	133
О необходимости скрытого прохождения к рождающей	136
Возможные роли предметов участия	139
О предметах способствования и предотвращения	142
О некоторых объектах пространства	149
Роли субъектов участия	154
Рождение как результат себя разрешившего состояния	165
О знаковых сопровождениях рождений (на двух примерах)	165

Манипулятивные действия в отношении будущего	169
О рожденных в «сорочке» и «шапочке»	176
О знаковой переходности состояния рожденного	182
Проекция к полу того, кто появится следом (на одном примере)	186
Время рождения как предсказание	188
Касающиеся новорожденного предписания и их следствия	195
О знаковости новорожденного, заключаемой в нем самом	200
О концептуальных проекциях в отношении рожденных вне брака	204
Позиции и регуляции после рождения	221
Предопределенные следствия производимых действий	221
Аспектуальные основания появившегося на свет бытия	229
Литература и примечания	245
Streszczenie	267
Summary	269

Предметы и люди: характер взаимодействия

В интересующем нас материале, не определяя исходно классифицирующие и не только классифицирующие отличия в нем, встречаются, что вполне понятно и объяснимо, передаваемые с помощью слов обозначения предметов, а также людей, применительно к их положениям, состояниям и социальным ролям. Представляется важным определить, для понимания изучаемой области, какие именно персонажи в их обозначениях (поскольку, возможно, что не всегда и не обязательно люди) и какие предметы действуют в ней и каким именно образом себя в ней обнаруживают и, соответственно, проявляют. Вопрос, который требует более или менее полного описания всего материала. Не только, добавим, выбранного в своей тематике в отношении к широко понимаемому началу, заключающемуся в рождении человека, с учетом того, что предшествует этому и затем непосредственно следует, т.е., фактически, от зачатия до подрастания и детства, с одной стороны. И ухода из жизни в самом конце, с другой, представляемому в народной традиции как умирание, смерть и посмертное состояние (умерший, покойник, мертвец).

Не объясняя на данном этапе подобного рода выбор позиций в двух, скажем так, крайних точках человеческого, земного в своей протяженности, существования, с опущением самой этой протяженности, не вдаваясь также в известные философские положения о том, что жизнь уже в самом начале, с появлением человека на свет, есть не что иное, как его продвижение к смерти, и оставаясь в пределах мировоззренческих и семантических особенностей материала, свою задачу в указанном отношении автор усматривал в том, чтобы, в конечном итоге, наряду со всем возникающим остальным, представить не только возможные формы и виды того и другого (начала существования человека и его же в дальнейшем конца), но и проступающий, видимый, ощущимый смысл для сознания всё тех же, или, может быть, всё того же начала-конца. Начиная при этом в предлагаемой книге с начала.

И это также было бы тем, на что стоило бы обратить внимание и попытаться установить, не выходя, опять же, за пределы определяемого материала и исходя исключительно из него, опираясь на релевантную для

него семантику. Иными словами, это не было бы перенесением характерных для народной традиции и в целом известных представлений о жизни и впоследствии смерти, так же как не было бы выведением представлений, следующих собственно из материала поверьй-примет.

Это было бы, исходя из задачи и замысла, определением парадигматическим, таким, которое вписывает нечто имеющееся, выводимое и определяемое, в систему предполагаемого виртуального целого, действующего и проявляющего себя для сознания своих носителей как генеративно-перцептивная база – концептуальная в основе своей совокупность, комплекс того, что, с одной стороны, производит и проецирует, смыслы, понятия, представления, отношения, включая оценки и позиционные положения, а с другой, позволяет, ориентируясь в окружающем, равно как и производимом с помощью средств языка, в соответствии с общими, конвенциональными и узуальными, нормами, формами, установлениями, правильно воспринимая видимое и слышимое, в пределах данного социума адекватно к нему себя проявлять. Оставаться в его этих самых пределах, будучи его интегральной (применительно к сознанию и пониманию) частью, членом и представителем.

Все это виделось отправным положением, мотивирующим основанием и исходной точкой, скрытым, поскольку не определяемым и не представляемым наглядно, истоком. Равно как и, если не завершающим где-то в конце, то выводимым не сразу и поступательно, по мере определения и описания материала, установлением. Его, это установление, видится необходимым представить и обосновать как такое, которое непосредственно следует из материала, позволяя его для него характерным образом воспринять, в его особенностях и характеристиках.

Прежде чем начать к этому подходить в какой-то себя обнаруживающей последовательности, было бы важным исходно определить, что можно увидеть, а также концептуально и типологически вывести из самого материала. Для такого начала и выбрано было то, что достаточно очевидно и как бы лежит на поверхности в изучаемых текстах поверьй-примет. Поскольку, хотя это и выражаемые с помощью слов представления, однако, как так выражаемые, это все-таки тексты. Выглядят, по крайней мере, как тексты и воспринимаются через текст, не будучи текстами в общепринятом смысле. Однако не будем входить в этот обросший многочисленными теориями предмет¹ (что выражается текстом и с помощью текста, не будучи таковым), поскольку не в этом состояла задача. Важным виделось подчеркнуть, что через текст мы доходим до чего-то принципиально иного, что не является текстом и не имеет к нему отношения (если не вкладывать в это понятие слишком широкий и также действующий в научных концепциях смысл, определяющий мир как текст² и видящий текстом все, что имеет информационный характер). Исходя же из положения, что

текст – явление не прежде всего и не в первую очередь, а принципиально вербальное, к материалу поверий-примет как к текстам в предлагаемом исследовании мы подходить не будем. Интересовать нас будет то, что хотя и выражено с помощью слов, словами в общепринятоом понимании, а тем самым, и текстами, не является.

Возвращаясь к мысли, исходно важной для материала, достаточно очевидной и вроде бы находящейся на поверхности (не случайно *вроде бы*, поскольку не так уж все это на поверхности), – возвращаясь к этой на время оставленной мысли, подходим к тому, что и было заявлено: предметы и люди, в их типичном для поверий-примет наличии, представляемом в них отражении и таком же в них представляемом взаимодействии. Выведение и определение тех и других, с учетом указанных отношений, позволит увидеть типологически, а затем и парадигматически определяемые признаки, характерные как для предметов с людьми (а может, людей с предметами) в повериях и приметах. Как во взаимодействующем, так и не только во взаимодействующем соположении.

Возьмем для такого анализа три не специально выбранные, но вместе с тем и не вполне случайные, единицы, такие, которые виделись как, если и не совсем различные, то и не совпадающие в своем интересующем нас устройстве. С мыслью также о том, что, собственно, происходит, что может происходить в предметном мире примет и поверий.

О признаках, которые могут предметы в себе для людей содержать

Первая из этих выбранных трех в своем текстовом выражении* выглядит следующим образом:

Если стол сильно расшатался, то это предрекает тяжкую болезнь хозяину, если же при этом он начинает скрипеть, то болезнь закончится смертью; чтобы не случилось того и другого, такой стол нужно немедленно удалить в холодное, по возможности опустелое помещение и там после недельной стоянки исправить, но самое лучшее – это оставить стол на разрушение и не вносить его больше в дом.

* Здесь и далее цитируемый материал приводится по источнику, который был основным: В.А. Кульматов, Т.В. Кульматова: *Русские народные приметы и поверья*. Москва: АСТ, 1999.

Что можно увидеть, исходя из того, что лежит на поверхности и не вдаваясь первоначально в установление, что к чему, что с чем и зачем в данной единице представлено? Прежде всего, то, что *стол*, что он, если сильно расшатался, то это что-то может обозначать, но не для стола, а для какого-то человека. Что, если же он при этом начинает скрипеть, то для того же человека то, что обозначалось в первом случае, усиливается, и при этом в значительной степени (не уточняя на данном этапе, что именно, поскольку речь о предмете, который *стол*). И тогда, во избежание данным предметом (столом) в таких его состояниях означаемого, *такой стол (предмет) нужно немедленно удалить*. Указывается при этом куда, на какое время, а также что с ним в конце этого времени, *после недельной стоянки*, следует сделать – *исправить, но самое лучшее – это оставить стол (данный предмет) на разрушение и не вносить его больше в дом*, т.е. не возвращать его к прежнему и ему надлежащему месту.

Задумаемся над тем, что, собственно, происходит и что, в общем-то, отражено, отвлекаясь от того, что речь идет о столе, хотя и имея это в виду, и мысля о нем как о некоем предмете, не случайном, не всяком и не любом, а типологически, если не единственным образом, что, впрочем, менее вероятно, обусловленном.

Есть некий предмет, который, при объявлении у него дестабилизирующих, скажем так, его нормативное состояние признаков, может в себе заключать свидетельство воспринимаемых, точнее переосмыслиемых, как подобные признаков у человека, который каким-то известным и общепонятным образом связан с данным предметом, находится с ним в обусловленных и, возможно, взаимодействующих с ним отношениях. При обнаружении названных признаков у подобного рода предмета необходимо его, во избежание им означаемых признаков у такого *его* человека, а) с привычного и ему надлежащего места *немедленно удалить*, б) вынеся, переместив в другое не только для него, но и для человека, не характерное для постоянного пребывания, проживания место (*холодное и по возможности опустелое*), в) где оставить на определенное время, после чего либо г) *там*, т.е. в том самом месте (*после недельной стоянки*) *исправить*, либо, еще лучше д) *оставить на разрушение*, не возвращая, откуда был забран, к исходному месту (*не вносить его больше в дом*).

Прежде чем выяснить парадигматический смысл производимых действий в отношении расшатавшегося стола, стоит задуматься над характером себя обнаружившего взаимодействия или связи стола со своим человеком. Что за этим может стоять, как понимать положение стола применительно к его человеку, представив при этом попутно, единственный ли такой человек в отношении стола или нет. Обращаясь к тому, что второе, и видя, что человек этот назван *хозяин*, есть основания полагать, с учетом всех остальных домочадцев, что эта связь, о которой речь, уста-

навливается, во всяком случае в разбираемом отношении (стол показывает ожидаемое состояние человека), между ним и столом как единственная, расшатавшийся стол не указывает на подобные состояния других домочадцев, но на состояния только хозяина. Кем выступает тогда хозяин, и при этом не только в отношении стола, который находится в доме, также будет вопросом, предполагаемым к объяснению.

Вернемся к характеру связи стола с хозяином. Что может иметься в виду, – стол расшатавшимся, а затем и скрипучим, дестабилизированным, своим состоянием вызывает, означает, предчувствует, резонирует или же на себя принимает, а может, скорее, перенимает, тяжкую болезнь, ожидающую хозяина, которая, при скрипении, неизбежно, как получается, закончится смертью, предрекая, тем самым, сигнализируя, о таком его состоянии?

Внимание следует обратить также на фактор времени. *Если стол сильно расшатался, говорится в поверии, то это предрекает.* Следовательно, наблюдаемое нынешнее состояние стола относится к будущему в отношении хозяина. И тогда получается, можно было бы говорить, что стол либо предчувствует, либо вызывает, означая одновременно при этом, ожидаемые состояния хозяина. Можно было бы так говорить, если бы не то обстоятельство, что состояний этих следует избежать (*чтобы не случилось того и другого*) немедленным удалением означенного стола из дома в холодное, по возможности опустелое помещение, а затем *после недельной стоянки исправить, но самое лучшее – это оставить стол на разрушение и не вносить его большие в дом.*

Получается, что с вынесением и удалением из дома стола хозяину того, что предрекалось столом, точнее его расшатавшимся и, возможно, скрипучим впоследствии проявлением, уже ничего не грозит. Не следует ожидать ни тяжкой болезни, ни того, что болезнь закончится смертью. Со столом, удаляясь, выносится то, что он в себе для хозяина содержал.

Отвлекаясь от фактора времени, для поверий-примет имеющего характер (не вдаваясь в теоретизирующие рассуждения) настоящего-будущего, т.е. такого будущего, которое себя объявляет какими-то признаками в переживаемом и наблюдаемом настоящем, – отвлекаясь от этого, видимо, следовало бы сказать, что стол на себя принимает, а если точнее, то *перенимает*, тяжкую болезнь хозяина, которая в крайнем случае закончится смертью. И из этого следует, получаясь, что, вынеся стол за пределы дома, того и другого можно и необходимо было бы избежать.

Положение очень типичное и характерное для представлений в народной традиции. Достаточно вспомнить нечто подобное в заговорах с перенесением, передачей болезненного состояния, боли, в том числе и зубной, с соответствующими приговариваниями по формуле, на какой-то живой, а часто и не живой предмет – в мышь, в дерево, пень, камень, воду и пр.³

Если переживаемое болезненное состояние в настоящем времени можно перенесением передать, то и ожидаемое в будущем состояние также. Стол содержит, начинает в себе содержать, объявляя, то, что как наблюдаемое и очевидное, ставши и будучи видимым, произойдет, но что как не наблюдаемое и не очевидное, поскольку еще для человека не видимое, уже существует. Тяжкая болезнь, которая может закончиться смертью, уже присутствует для хозяина, возможно, еще не в нем или только каким-то прихватывающим началом в нем, и находящийся в доме стол в себе ее, на себе испытав, содержит. Болезнь, что, видимо, следует предположить, присутствует и, витая, находится в доме, но, находясь и присутствуя в доме, местом своего пребывания она избирает стол (следует вспомнить при этом, что на такой находящийся в доме стол кладут традиционно покойника⁴). В силу чего ее можно вынести за пределы дома со столом *в холодное, по возможности опустелое помещение*.

Характер разбираемой связи хозяина и стола можно было бы определить как проекцию. Стол проецирует то, что касается состояний хозяина (не углубляясь далее в этот предмет и оставаясь в пределах представленного). Всегда ли и только болезненных или также каких-то других? Задумываясь над этим вопросом и видя в нем смысл, не будем, однако, его разрешать, что значительно уводило бы в сторону⁵.

Следует выяснить, также не углубляясь и оставаясь в пределах того же рассматриваемого, как, в отношении того же стола, понимать и интерпретировать хозяина, равно как его же и в отношении объектов, обозначенных с помощью слов *холодное, по возможности опустелое помещение* и далее в завершении *дом*. Объектов, связанных с производимыми и сопровождающими предотвращающее разрешение действиями по удалению, исправлению, оставлению, невнесению все того же стола.

Хозяина можно, не только в данной связи, понимать как того, кто, с одной стороны, занимает ведущее, или примарное, положение по отношению ко всем остальным проживающим и пребывающим в доме. С другой, как владельца и обладателя, того же дома, хозяйства при доме и со всем этим стола. Положение, которое можно для парадигматики определять в отношении признака примус-поссессора, *PrimPoss*. Вместе с тем в отношении вероятной тяжкой болезни, а также и смерти, то же лицо, уже не важно, что это хозяин, выступает как тот, кто испытывает, а испытывая, переживает, ощущает в себе, состояния, от него не зависящие, им, как правило, не контролируемые и не управляемые. Выражалось бы это известным в грамматике положением пациенса.

Как примус-поссессор, хозяин связан, взаимодействуя, со своим домом и в нем, как пространственным центром, столом (все остальное лежит за пределом рассматриваемого), особым и для него единственным, по сравнению с остальными домашними, образом, что и находит свое отражение

в приведенном поверьи. Отношение это (минуя другое возможное для хозяина, дома, стола) и было названо проективностью. Понимать выводимое следует парадигматически – и проективность, и примус-посессорность, и, тем более, пациентность выступают как общие признаки в отношении разбираемой целостности, каковым предстает мир поверий-примет, поскольку не только стол, дом и хозяин их для себя обнаруживают.

Если дом объявляет себя как ‘внутреннее и ограниченное (имеющее пределы-границы) пространство обжитого своего’, со всем тем, что из этого следует, в том числе для хозяина, то *холодное, по возможности опустелое помещение*, куда *такой стол нужно немедленно удалить*, дому по признакам, прежде всего, ‘обжитого’, возможно также, и ‘внутреннего’, противополагается.

Чтобы понять, чем является данное помещение, не случайно определяемое как *холодное и по возможности опустелое*, необходимо представить, в составе разбираемого поверия, что, собственно, производится со столом, если его из дома немедленно в него удаляют. Удаляют стол для того, чтобы то, что содержится в нем, что он уже имеет в себе, вывести, вынести за пределы жилого – того, что не просто и не случайно *жилье*, но что, вместе с тем и при этом, является выразителем и содержателем жизни, в первую очередь для хозяина. Витальные состояния хозяина обозначаются и определяются в нем, определяют себя и им же определяются, дом прямо и непосредственно, неразрывно связан с хозяином. Связь эта, будучи многослойной и многосложной, в целом может характеризоваться как экзистенциально-витальная (не уточняя данного представления, которое уточнялось бы также для каждого случая).

Тем самым, *холодное, по возможности опустелое помещение* есть помещение нежилое, а потому и не связанное с хозяином как владельцем витально определяемыми отношениями. Стол туда можно вынести, удалив и оставив со всем, что в нем, таким образом, что это не будет воздействовать и с этим влиять на витальные состояния хозяина, которые определяются домом и в доме.

Подытоживая, можно представить такую картину. То, что стол сильно расшатался и при этом может начать скрипеть, с учетом проецирующей как в себя принимающей (*амплективной*^{*}) роли, следует воспринимать,

* Лат. **amplector**, **plexus sum**, **plecti** ‘обвивать, обнимать, обхватывать’; ‘содержать, заключать, включать, охватывать’; ‘принимать’; ‘усваивать’. Представляемые здесь и далее латинские значения-соответствия подобраны (выборочно и не во всех возможных при этом случаях) для того, чтобы в своем обобщающем отвлечении позволили подойти к пониманию не всегда однозначно определяемого смысла. Использование, в качестве дополнения, латинизированной формы предполагает не усложнение, а уточнение описываемого. Соотношение с характеризующими словами русского языка как не строго терминологичными, вместе с тем, следует видеть не как синонимику, нечто подобное

с точки зрения наблюдающих, как указание, *индикацию*, обусловленную проявившими себя в нем дестабилизативными признаками. Стол в этом случае выступает как амплектив-индикатор. То, что его нужно при этом *немедленно удалить* за пределы дома в *холодное, по возможности опустелое помещение*, есть не что иное как его отчуждение – *алиенация*, или, фактически, освобождение от него как от стола в своем доме. Хозяин, как уже отмечалось, в разбираемом случае выступает, с одной стороны, как примус-посессор, в отношении стола и вместе с тем дома, и как пациентс, с другой стороны, в отношении ожидающих его состояний тяжкой болезни и смерти, которые, будучи для него угрожающими, *денунтивными*^{*}, объявляют его в этой роли как пациенса потенциального витально-го денунтива. И тогда стол становится амплектив-индикатором данного денунтива (прибегая к латинизированному, как отвлеченному от возможных вербальных ассоциаций, обозначению признаков).

Отчуждение (алиенация), как производимое предполагаемыми агентами действие, теми, кто будет стол выносить, в пользу хозяина, выступающего в этой роли адресативным субъектом, или тем, кому действие косвенно назначается, не адресуясь прямо ему, но его пользу опять же предполагая, – действие это имеет в своем составе объект удаления (*стол*), всё тех же предполагаемых, но не называемых агентов, субъекта (хозяин), место, куда производится алиенация, проявляемая наглядно как вынесение за пределы с перенесением по назначению (*холодное опустелое помещение*), место, откуда (*дом*), а также, как следует из приведенного текста, темпоральное обстоятельство (на неделю или же постоянно, по выбору с указанием второго как лучшего).

Отчуждение (алиенация), тем самым, реализует себя для сознания в виде конструкции, имеющей соответствующий вид и для данного текста модальность, определяемую как предположительная, или условная, а точнее долженствовательная⁶, в соответствии с удвоенной формулой *если – то и чтобы – (то)*. Стоящее за всем этим представление можно выразить, опираясь на приведенную единицу, следующим образом (в данном случае это уже не слова, а укрытые за ними значения): ‘Если стол сильно расшатался (1), то, поскольку это предрекает тяжкую болезнь хозяину (2), а к тому же если он при этом начинает скрипеть (3), что означает, что болезнь закончится смертью (4), – то, чтобы этого не случилось (2 и 4),

---

через другое подобное, а как взаимное уточнение, поскольку определяемый с помощью предлагаемых терминов смысл, будучи сложен и многослойен, не всегда поддается строгому определению.

* Лат. **dēnuntio, āvi, ātum, āre** ‘давать знать, уведомлять, объявлять’; ‘угрожать’; ‘предвещать’ (*mortem alicuius; pluviam*).

такой стол нужно немедленно удалить из дома в холодное, по возможности опустелое помещение (5).

В итоге мы получаем а) конструкцию, иллюстрирующую в своем составе то, что было названо *отчуждением (алиенацией)* – парадигматический уровень представления; б) модель, которая также парадигматически, концептуально и более обобщенно, представляет то, что за отчуждением стоит и чего отчуждение является проявлением (смысл модели потребует объяснения); в) предполагаемую форму реализации для условий, показанных в тексте (в отношении расшатавшегося в доме стола) – парадигматико-сintагматический уровень, виртуальный, поскольку обобщенный и допускающий, но приближающийся к актуализации, предполагая, что, когда и как следует сделать при каких-то условиях; г) модальность существования в отношении конструкции (а), предполагающей реализацию при условиях в (в).

Указанную алиенацию, состоящую в вынесении с перенесением, в виде конструкции можно представить по формуле:

$$\{Ag > [Obj(Alien) > Loc(Exit) > Loc(Fin)] > T\} S(A)$$

Производимое в пользу субъекта как адресата, *S(A)*, действие агентов, *Ag*, в отношении алиенируемого объекта, *Obj(Alien)*, связано с его удалением из первоначального места, *Loc(Exit)*, с перенесением в место конечное, целевое, *Loc(Fin)*, на какое-то время *T*.

Модель, о которой упоминалось и которая за этим стоит, из чего вынесение из одного места с перенесением в другое следует воспринимать как одно из ее проявлений, заключалась бы в том, чтобы формально представить необходимо достаточный минимум для возможной реализации предполагаемого смысла, который предстоит объяснить. Исходя из формальных обоснований, неизбежными компонентами видятся, в первую очередь, а) то, что должно быть подвергнуто соответствующим действиям, или объект; б) какое-то действие или не обязательно действие, но нечто, имеющее соответствующий смысл и направленность, предполагающее удаление, отделение, изоляцию, отставление, отведение – сепарацию; в) заинтересованное лицо, или субъект-персонаж, возможно при этом и множественный, который не обязательно действует и проявляет себя как агент, но без наличия или присутствия которого производимое потеряло бы смысл. И, видимо, важным и необходимым следует посчитать также г) то, откуда, не обязательно воспринимаемое для сознания как место и также не обязательно к какому-то определенному месту актуализируемое, но вместе с тем свое место, как место нахождения, предполагающее.

Модель, о которой речь, можно, в значении для нее, представить как отделение, *сепарацию*, чего-то или кого-то, *O*, откуда-то, из чего-то

либо же от кого-то, позиция, точка, пункт, отделения, P , в интересах либо в пользу кого-то или чего-то – A :

$[O(Separ) > P] > A$ ($O(Separ)$ из P для A , в интересах A)

И тогда отчуждение со столом, его транспортная, связанная с перенесением с места на место, алиенация, была бы одним из возможных для сепарации проявлений, предполагающая уточнение трехкомпонентной сепаративной модели (O из P для A) в конструкции, отмечающей подключение еще трех компонентов – места перенесения $Loc(Fin)$, времени оставления T и агентов, производящих действие Ag . С дополнительным уточнением объекта O как объекта алиенации: $O = Obj(Alien)$, позиции или пункта исхода P как места, из которого производится удаление: $P = Loc(Exit)$, того, в интересах и в пользу которого все производится, как адресативного по его назначению субъекта: $A = S(A)$.

То, что стол, как было представлено, выступает в роли объекта, принимающего на себя потенциальные состояния, угрожающие хозяину, и, тем самым, указывает на таковые в отношении его, предполагает в парадигматическом отношении признак, или параметр, названный *индикацией* (указанием), выступающей в разбираемом случае как *индикация дenuнтиности*, или угрозы. Параметр этот будет типологическим, т.е. таким, который может встречаться и для других положений.

В результате описанного для стола, отвлекаясь от непосредственно в отношении его проявляемого, можно вывести парадигматические соотношения для представленной сепарации в возможной для нее разновидности, заключающейся в алиенации, которая способна себя проявлять как алиенация транспортная (отчуждение с перенесением объекта) либо другая, без предполагаемого перенесения. В свою очередь, сепарация может быть как отчуждающая, алиенативная, так и не отчуждающая. Если первая предполагает необходимость в отношении объекта, наделенного негативными свойствами, такое изменение его исходной позиции, места его нахождения, которое связано с его отделением от обжито-освоенного пространства субъекта, то вторая не будет подобного отделения предполагать. Не отчуждающая сепарация, в свою очередь, может выглядеть как дисконтактная (изолирование объекта как без изменения его положения, так и с изменением, но без отделения от обжито-освоенного пространства) и как контактно-ограничительная (скажем, в условиях присутствия тяжко больного в доме). Другие вероятные виды для разбираемого предметного мира в отношении сепарации можно будет определить при изучении соответствующим образом материала.

Вместе с тем объект, содержащий в себе указание на что-либо, не должен иметь непременным условием избавление от него. В целом ряде слу-

чаев такое вовсе не предполагается. Для разбираемого случая индикация проявила себя в разновидности денунтивности (указание предполагаемой угрозы). В свою очередь, то, что стол на основе представленной единицы выступил как объект амплективный, т.е. угрожающие для хозяина признаки содержащий в себе, в более широком смысле и отношении делает его таким объектом, который, вбирая и заключая нечто в себе, объявляемое далее для субъекта в каком-то значении, предполагает в нем показателем **проективность**. Стол, тем самым, есть тот проективный объект (способный испытывать на себе, воплощая и заключая), который в данной проекции как ее разновидности проявил себя в отношении амплективности, переняв, вбрав в себя то, что должно угрожать хозяину (денунтивность).

Получаются три не всегда и не обязательно связываемых парадигматических ряда: 1) проективности в разновидности амплектива для денунтива; 2) сепарации в ее разновидности алиенации с подвидом для транспортива; 3) индикации, сводимой к характеру, объединяющему ее в денунтиве с амплектив-проективом. Тем самым, объекты в приметах, определяемые в наглядном своем объявлении как имеющие материальную форму предметы, могут быть тем, что в себе заключает, вбирая, какие-то признаки, актуальные для человека, а заключая их таковые в себе, указывает для него на то, что может его ожидать, происходит с ним либо произошло, а он об этом не знает либо не чувствует. И тогда то, на что, перенимая на себя, указывает человеку-субъекту данный объект, при условии понимания этого с его стороны, может стать для субъекта причиной его (объекта) от себя отделения – избегания, минования, избавления, вынесения, уничтожения и т.п., как возможных видов и форм сепарации.

Производимые действия в отношении вынесения из дома стола с удалением его в *холодное, по возможности опустелое помещение*, будучи проявлением рассмотренной сепарации, смыслом имеют предотвращение с отведением от себя нежелательного – *аверсию*. Получающаяся цепочка признаков и их следствий в отношении стола представляется следующим образом:

- Стол = амплектив проектива денунтивного состояния для хозяина.
- Как такой проектив, он – индикатор такого его (хозяина) состояния.
- Как амплектив подобного состояния он должен быть удален, становясь для агентов объектом транспортивной алиенации в отношении сепаратива (отделения, избавления, изолирования).
- Его удаление из дома в холодное помещение (транспортивная алиенация) имеет предотвращающий смысл (аверсия).

Индикация (для людей) показывает для них его денунтивную амплективность в отношении субъекта, из чего и следует необходимость его транспортивной алиенации, имеющей аверсивный смысл:

Obj(Ind) > ObjAmpl(DenSubj) > ObjAlien(Transp) = Avers(DenSubj)

Данное представление следует понимать как парадигматико-синтагматическую проекцию исходно парадигматических признаков, объединяемых в композицию, имеющую типологический и вместе с тем способный быть актуализированным характер.

О предметах и людях как средствах для достижения цели

Обратимся теперь к материалу еще одной единицы, отражающей нечто принципиально иное:

Девушка, которую долго замуж не берут, должна кататься на осле, чтобы счастье улыбнулось ей.

Единица эта, как можно заметить, не предотвращающего характера. Если в том, что следовало произвести со столом (и в том, и в другом примерах себя отражают предписываемые к осуществлению действия), содержалась идея избавления от того, что как витальные угрожающие состояния ожидает хозяина, то в обязывающем к исполнению катании девушки на осле (поскольку *должна*) речь идет о том, чего она может достичь, что желательно в силу того, что у нее этого нет, чего она на данный момент лишена. Катание на осле для нее имеет провоцирующий, вызывающий и стимулирующий характер. Что-то должно пробудиться, вызваться к жизни, воодушевиться, с тем чтобы *счастье* в конце концов *улыбнулось и ей*. В этом случае это предполагает приобретение ею, получение для себя, в свою пользу того, чего не хватает и не достает. И это была бы тогда не аверсия, как в предыдущем случае, для того же уровня представления, а **комплексия**, комплетивность, как необходимое и желательное дополнение, довосстановление или довосстановление отсутствующего.

Довосстановление как определение в разбираемом отношении не случайно, поскольку исходно имеется представление о том, что каждой девушке следует, полагается выйти замуж, в противном случае это ущерб. Безбрачие, вынужденное либо в силу каких-то других причин, воспринимается как недостаток – недостача, отсутствие необходимого для нее в отношении достигаемой экзистенциональной целостности и полноты и одновременно, с перенесением на нее, недостаток этот становится ее же характеризующей чертой как ущербной и неполноценной⁷.

Итак, перед нами, с одной стороны, субъект, выступающий как объект в отношении переживаемого им, как социального, так и экзистенционального положения (*долго замуж не берут*). С другой стороны, он же, точнее она, поскольку говорится о девушке, в предлагаемой модальности долженствования, агент применительно к действию, которое назначается к осуществлению (*кататься на осле*). С тем чтобы нежелательность ее положения сменилась в желательное представление о том, *чтобы счастье улыбнулось ей*. И в этом случае она будет тем самым субъектом, в пользу которого ею самой осуществляемое действие предполагает необходимое достижение желательной цели.

Остается также установить, как понимать осла, на котором ей надлежит кататься, и что означает, на поверхностном уровне вроде бы очевидное, *счастье*. Следует ли это счастье воспринимать для нее как замужество в будущем либо за этим может стоять также что-то еще и другое?

По внешнему виду осел выступает тем одушевленным предметом (однако то, что одушевленным, неважно), который становится средством желаемого достижения цели. На этом можно было бы и остановиться, поскольку для представляемого смысла подобного знания достаточно: будет кататься на осле – выйдет замуж. Вместе с тем, в отношении предметного мира поверий-примет, вопрос об осле остается неясным. Что происходит при этом, почему той, которую долго замуж не берут, надо, во-первых, *кататься* (видимо, важно передвижение, можно было бы и не кататься на том же осле), а во-вторых, *на осле*, не на чем-то еще, раз уж важным оказывается осуществление при посредстве чего-то движения⁸?

Предполагаемая по не исключению продуцирующая семантика, равно как и признак упрямства, приписываемые ослу, которое следует переломить (перенос на упорное не выходжение замуж), возможно, имеют свое значение, однако не это было бы все же предметом для рассмотрения. В разбираемом случае, как со столом, следует выяснить не присутствующее (либо неприсутствующее) в сознании, в том числе и символическое, представление об объекте, а то, в каком отношении он находится и каким образом связан с взаимодействующим с ним человеком. В то время как на примере стола эта связь его со своим хозяином определялась, исходя из рассмотренного поверия, как проективность, то в отношении осла применительно к девушке с ее катанием на нем, которое должно ей помочь, о проективности вроде бы говорить не приходится.

Осел – и вот тут возникает немаловажный вопрос – проецирует или не проецирует положение девушки в отношении того, что ее *долго замуж не берут*? Если представить, что проецирует, перенимая в себя и выступая, тем самым, как амплектив (не будучи вместе с тем, как стол, индикатором такого ее состояния), то катанием на нем, своего рода моторно ему сообщаемым движением, его запуском в ход, осуществляется преодоление

какого-то внутреннего, в осле себя проявляющегося, застоя, экзистенциально-энергетического по своему существу. Движение это, преодолевая произошедший застой, способствует перенесению того же в экзистенциальное положение девушки, которое, пробудившись, начавши свое продвижение, поведет ее застоявшееся до этого положение к замужеству.

Вместе с тем интерпретировать сказанное можно было бы и в другом ключе. Осел не проецирует, перенимая в себя, ее долгое сидение в девушках. В этом случае, видимо, наблюдалась бы необходимость какого-то иного характера действий с ослом, не обязательно предполагающих на нем катания для нее. Более обоснованным было бы предположить, что с его помощью, посредством такого на нем катания, осуществляется, запускается в действие некий процесс, который и должен привести к достижению желаемого. Осел способствует, через катание на нем (приходится повторить), пробуждению, вызыванию, стимуляции неких энергий и сил, которые требуется для замужества, после долгого без него сидения, запустить. Выступая как такой энергетический, скажем так, стимулятор, осел предполагает при этом не просто необходимость движения для него, но такого, которое подразумевает с ним непосредственно контактную соучаствующую совместность, т.е. сидение с катанием на нем для той, пользу которой данное действие полагает.

Таким катанием, стимулируясь, сообщается импульс тому движению, которое, по внешнему виду, к замужеству в будущем, а на деле к преодолению застоявшегося недостаточного экзистенциального положения для девушки поведет. На это последнее указывает сказанное в заключающей форме *чтобы счастье улыбнулось ей*. Не говорится о том, чтобы вышла замуж, хотя это вовсе не исключено, представлено нечто более емкое, изменится ее настоящее положение в светлую сторону, перед ней нечто откроется, и не просто нечто, а некий оптимум и позитив, отсюда глагол *улыбнулось*. Само замужество, что само собой разумеется, не обязательно означало бы счастья, но если будет оно (трудно представить, исходя из представлений в традиции, чтобы замужества в этом случае не было), то не только и не столько оно, сколько жизненная удовлетворенность и полнота, которых при настоящем ее состоянии нет. И в этом смысле того, что было определено перед этим как довосполнение, восстановление, или комплексия и комплетивность.

Тем самым, исходно, девушка, *которую долго замуж не берут*, предстает как пациент застойно-ущербного экзистенциального положения (кондиционального констатур-дефектива*), в модальности долженствова-

* Лат. *consto, st̄ti, st̄turus, ēre* ‘стоять твёрдо (неподвижно), удерживаться’; ‘оставаться неизменным, одинаковым’; ‘застаиваться’; ‘останавливаться, застывать, замерзать’; *dēfīcio, fēci, fectum, ēre* [de + facio] ‘отложиться, отпасть, изменить’; ‘оказываться недостаточным’.

ния далее проявляя себя как агент все того же экзистенционального (для себя) стимулятив-импульсива, с тем чтобы стать в результате субъектом комплективного (для себя) оптимум-сатисфактива. Производимое ею действие (катание на осле) имеет возвратный характер, производится ею самой в свою пользу.

Если рассмотренная перед тем единица с хозяином и столом имела в своем значении, как было показано, предотвращение, аверсию, отведение нежелательных в будущем для хозяина состояний, передаваемых столом, поскольку в нем заключенных, то с катанием девушки на осле следует говорить об обратном. Не предотвращение, а побуждение, вызывание с достижением желаемого лежит в его основании. Объединяет оба поверия то, что подразумеваемых признаков в настоящем времени нет – тяжкой болезни и смерти хозяина только в будущем можно было бы ожидать, равно как и того, чтобы *счастье улыбнулось* для девушки. Речь, тем самым, в обоих случаях идет о нежелательно либо желательно происходящем. В первом случае этого ожидаемого как возможного следует избежать. Во втором, напротив, достигнуть. Цели обеспечивающих то и другое действий прямо противоположны. Потому, если смысл действия со столом определял себя как аверсия, отведение, отталкивание от себя, то катание на осле для девушки, определяя себя обратно как привлечение,зывающее, провоцируемое, стимулируемое притягивание, можно было бы выразить как стимулятивно себя проявляющую *аттраксию*^{*}.

Обратимся теперь к рассмотрению единицы, в которой, в отличие от двух предыдущих, со столом и ослом, признаки, о которых говорится, имеют место, присутствуют в настоящем, причем, как следует из приводимых слов, их не представляется возможным, каким-то образом отведя, избежать, можно только узнать изменение в будущем к лучшему:

Если ребенок при смерти, то нужно подать его нищенке Христа ради в окно, если та, ничего не зная, примет его, помолится и посадит под избой, то ребенок будет жив.

Как и ранее, предстоит решить, чем выступает ребенок, который *при смерти*, а затем (если – то) *будет жив*, что следует сделать с ним, подавая нищенке, как ту же нищенку необходимо охарактеризовать. И, говоря о людях, что, собственно, в смысле своем производится теми, кто ребенка нищенке в окно *подает*. Равно как и установить, исходя из парадигматики и синтагматики характеризуемого положения, как интерпретировать

статочным, не хватать, недоставать; ‘приходить в упадок’; ‘беднеть, нищать’; ‘гаснуть, угасать’; ‘убывать’.

* Лат. *attrahō, traxi, tractum, ēre* ‘притягивать’; втягивать (в себя)’; ‘привлекать, вовлекать’; ‘склонять, побуждать’.

проявленные в единице предметы, каковыми оказываются *окно*, в которое ребенка нищенке подают, и *изба*, под которую та, приняв его и помолившись, затем посадит.

Ребенок, как следует из того, что представлено, находится в том витально-ослабленном и угрожающем состоянии, которое делает его объектом-пациенсом ранее обозначенного в отношении хозяина денунтива. С тем отличием, что, если хозяину угрожали тяжкая болезнь и вероятная смерть, то это первое, что очевидно, ребенок уже испытывает, и смерть ему непосредственно угрожает. И тогда его можно было бы в данном его проявлении определить как пациенса мортуального денунтива.

Одновременно с этим, как следствие, он выступает, с одной стороны, объектом подавания его в окно нищенке Христа ради – действия, производимого кем-то (в модальности долженствования) для получения, как следует из дальнейшего, сведения в отношении того, будет ли он жив. Подавание в окно, тем самым, становится средством приобретения знания применительно к его состоянию в ближайшем или, по крайней мере, не так чтобы отдаленном и обозримом будущем, поскольку его выживание, в результате состояния при смерти, не следует воспринимать по времени отодвинуто. Представление должно быть ясным на данный момент и изменение к лучшему наступить с очевидностью. Исходя из имеющихся не только, впрочем, в традиции представлений о кризисном состоянии тяжко больного, когда вопрос о жизни и смерти решается на глазах, вполне допустимым было бы предположить, что изменение к лучшему происходит в не отдаленном, если не сразу себя объявляющем и непосредственно отмечаемом, времени.

В связи со сказанным, применительно к подаванию ребенка в окно, которое определило себя как действие-средство приобретения знания, его же, т.е. ребенка, следует в этом случае представлять как объект, но не получаемого знания, а проверки, установления предполагаемого состояния (*пробатива*) выхода либо нет, в отрицательном случае, из того, что для него обозначено верbalной формой *при смерти*.

Будучи объектом пробатива для подающих и проверяющих, для нищенки ребенок также оказывается проявлением как объект, но иной разновидности. Ее действия, согласно представленной единице, имеют тройной характер, модально отмеченный как условный (*если та, ничего не зная*), – *примет его, помолится и посадит под избой*. Примет, помолится и посадит. Ребенок, следовательно, выступает объектом того принятия, которому предшествует подавание, передача его в окно (*трансумптив*^{*}), объектом сажания под избой – *иллатива*^{**}, что вполне очевидно, и еще

^{*} Лат. *transūmo*, —, *sumptum*, *ēre* [trans + sumo] ‘принимать’; ‘перенимать, усваивать’.

^{**} Лат. *infēro*, *intūli*, *illātum*, *inferre* ‘вносить, вводить’: i. *pedem* (*gressum*) *in aedes* входить (вступать) в дом; *agmen infertur in urbem* войско вступает в город; *se socium i.* при-

чего-то, какого-то внутренне обращенного и не вполне очевидного действия, которое обозначено словом *помолится*.

Помолится – за него? Вообще помолится за больных-умирающих, за исцеление их, исправление мира с удалением его от грехов? Или помолится, обращая свои молитвы к Богу, поскольку делает это обычно и, тем самым, не обязательно в отношении данного положения с тем же ребенком?

На эти вопросы трудно было бы однозначно ответить. Равно возможно и то, и другое, и третье, как по отдельности, так и в одновременности. Предполагать вместе с тем, что помолится, прося о его исцеление, нет особенных и непосредственных оснований, поскольку, как сообщается, делает она все это, примет, помолится и посадит, *ничего не зная*. Хотя и это не так, чтобы просто и очевидно, однако об этом несколько позже. Ничто не мешает вместе с тем предположить, что как бы там ни было и что бы ни составляло либо могло составлять предмет молитвенного ее обращения, ребенок, прямо ли или косвенно, в этом ее проявлении оказывается задействованным, как, может быть, опять же косвенный, а может, и непосредственный объект-адресат – по внешнему виду вроде бы получения божественной благодати, которая для него оборачивается улучшением состояния. Но это была бы одна только, хотя и вполне возможная, сторона. Другая и более, исходя из того, что сказано, очевидная связывалась бы с тем, что в итоге производимых нищенкой над ребенком действий приобреталось бы, как уже отмечалось ранее, знание о том, что его состоянию смерть уже не грозит.

Интерпретировать все это в отношении ребенка можно было бы, представляя его как объект пробативных по своему значению, с одной стороны, *трансумптива* и *иллатива* (принятия в результате подачи в окно и сажания под избой), которые обрамляют собой, предшествуя и завершая, как наблюдаемые и очевидные действия, то, что в центре, и то, что с другой своей стороны, более сущностной, не наблюдаемой и не очевидной, можно отметить в отношении моления признаком *адоратива*^{*}. С добавлением к этому еще одного значения для ребенка, применительно к заключению *будет жив*, определяя его как пациент статального аниматива^{**}, поскольку, видимо, не об изменении к лучшему его состояния, а о том, что он не умрет, хотя находится *при смерти*, имеет смысл говорить.

В связи с нищенкой возникает уже поставленный перед этим вопрос, точнее ряд взаимно связываемых вопросов. Что, собственно, происходит

соединиться в качестве спутника; ‘приставлять’; ‘сажать’ (*aliquem in equum*); ‘ставить, расставлять’; ‘вносить, вкладывать’.

* Лат. **ādōro, āvi, ātum, āre** [ad + ōго] ‘обращаться’; ‘молиться, молить’; ‘просить в молитвах, вымаливать’.

** Лат. I **ānīmātus, a, um** [part. pf. к *animo*] ‘обладающий дыханием, одушевлённый, живой’; II **ānīmātus, ūs m** [*animo*] ‘дыхание, жизнь’.

применительно к действию по отношению к ней с подаванием ей ребенка *Христа ради в окно*, равно как и в сопровождении не случайного указания *если та, ничего не зная, для того, что примет его, помолится и посадит под избой*.

То, что ребенка нищенке подают *Христа ради в окно*, должно означать, и иначе не может быть, что то, что ей так подают, есть не иное, как милостыня. Именно так домашние просящим нищим и нищенкам подают. Важным при этом также оказывается, что подают не нищему, а нищенке, как началу женского потустороннего (нищие воспринимаются по традиции как близкие тому свету, с ним непосредственно связанные, если не прямо его представители, отсюда их не только обычное присутствие на кладбищах, но и через кладбища и на кладбищах с ними контакт⁹).

Будучи милостыней, подаваемой в окно Христа ради, ребенок должен восприниматься как жертва и ее приношение, заместительный и просительный по значению своему объект. Для того, собственно, милостыню *Христа ради* (что не случайно) и подают, с предположением, пожеланием и намерением в отношении нищего, чтобы тот за подавшего помолился. Из чего получалось бы, что моление, в данном случае нищенки, получившей ребенка в качестве милостыни, обращено не к ребенку, а в ответную, скажем так, благодарность к домочадцам, к дому, к тем, кто в избе, под которую она, помолившись, посадит его, к домашнему и семейному общему родовому. Все это прямо связывается также с ребенком как с отпрыском и впоследствии продолжателем рода. Откуда и то, что *будет жив*, что следует интерпретировать и в таком отношении: *будет жив* для своих и свои будут живы в нем как в своем продолжении и потомстве. Подобного рода значение предполагает не столько не обязательно осознаваемое понимание и восприятие ребенка (в общем-то, чуждое для сознания русской деревни), сколько рассмотренный *нищенке Христа ради в окно* подаваемый контекст.

Важным в связи с указанным видится также и то, что ребенка нищенке подают, *если он при смерти* (все та же связь и контакт со смертью). Будучи опосредующим мертвого и живого, отмечая собой присутствие мертвого в живом для живого, никто другой, как нищий и, соответственно, нищенка, в том числе также женский аспект проявления смерти, способен каким-то образом на состояние, угрожающее смертью, — но не отвести и не повлиять, а узнать и, узнав, дать понять об этом просящим. Не словами, не прямо, а своим поведением и действиями, которые в этом случае приобретают знаковый, отмечающий собою характер (*индикация*, себя ранее проявившая для расшатанного стола). Индикативными признаками сопровождается то, что нищенка примет его, помолится и посадит под избой. Важно, что примет и что посадит, поскольку именно это для наблюдающих индикация.

Внимание на себя обращает также и то, что сделает она все это, *ничего не зная*. Чего не зная? Того, что *ребенок при смерти*? Того, что от нее ожидают, что она *примет его*, что *помолится* и что *посадит под избой*? Того, что ребенок, вследствие этого, *будет жиye*? Или всего этого в его совокупности? На что указывало бы местоимение *ничего*. Иными словами, как получается, не знает она обстоятельств, самой ситуации, всего, что сопровождает и следует из нее, действуя, в результате этого, по наитию, импульсивно, не отдавая себе отчет. Воспринимая это ее ‘по наитию’ в не-посредственном смысле, как если бы (однако не ‘если бы’) на нее что-то нашло. Или в нее вошло, ее к этому подтолкнуло, с мыслью, что за всем этим что-то стоит, что ведет ею, направляет и руководит, к тому, чтобы она производила все эти индикативные, не для себя, для домашних, и вместе с тем разрешающие какие-то нагромождения действия, те витальные и энергетические утяжеления, которые делают состояние ребенка *при смерти*. Как разрешение (помимо проверки и узнавания) этой тяжести, вследствие, чисто внешних по виду, принятия в качестве милостыни ребенка в окно с последующим за этим сажанием его под избой – принять и, очистив, отдать, принять в окно, а вернуть, посадив под избой, – как такое, в итоге своем, оборотное разрешение с кульминацией в производимом молении все это также можно было бы объяснить.

Не случайным в разбираемой связи видится также и то, что нищенка, после того как помолится, не положит ребенка под избой, а *посадит*. Это посадит можно в перенесении (метаморфически, от *метаморфный*) понимать и в отношении, что ребенок – растение, которое, чтобы выросло, надо сажать, посадить. Равно как и в отношении ребенка, который, будучи жив и здоров, сидит, не лежит. Из чего получалось бы, что вся представленная в данном поверию ситуация в ее направленности на ребенка имеет двойной характер. С точки зрения и с позиции тех, кто его подает в окно, что определялось как проверка его выживания, *пробатив*. И с точки зрения, но не с позиции, а производимого нищенкой не одного только действия, а точнее не действия, но чего-то другого, какого-то скрытого оперативного перемещения или смещения (трудно это каким-либо определенным физическим образом выразить), не объявляемого и не ею осуществляемого воздействия, для которого она выступает посредником и оператором. Воздействия, которое будет иметь своим смыслом возвращение к жизни, одушевление, придание жизни, выход из состояния ‘при смерти’. И это не будет целительство, врачевание, излечение, нет оснований к этому, нищенка ничего такого не делает, тем более, что и получившееся возвращение ребенка к жизни исходит не от нее. Это будет то, что в физическом проявлении себя наблюдало в ‘подаче – принятии – молитвенном обращении – и затем сажании под избой’, в передаче и возвращении. Получается обращение, оборот – туда, по направлению

к нищенке, женскому, близкому к мертвому и потустороннему, и оттуда, в новом, одушевленном, возвращенном от смерти к жизни, положении и качестве. Двойной характер произведенного над ребенком можно было бы обозначить как *пробативно-анимативное обращение (конвертив)*.

Остается выяснить, говоря о предметах, чем являются и как себя объявляют встречающиеся в разбираемой единице ‘окно’ и ‘изба’, но не по отношению к живущим, а по отношению к тому, что ими и, соответственно, нищенкой произведено (в модальности условия ‘если – то’ что было бы произведено).

Окно предстает как граница, что ему в целом свойственно, пространства внутреннего и внешнего, с одной стороны, а также и вместе с тем, с другой своей стороны, как то, что своим выходом, отверстий открытостью в окружение, в свет, позволяет ребенка нищенке передать, не выходя при этом самим из дома. И это также имеет значение, поскольку можно было бы выйти наружу и через дверь, равно как и не через дверь, а в непосредственной близости передать. Однако это было бы чем-то другим и не позволяло бы осуществить намерения. В указанном смысле окно можно было бы определять как эгрессивно*-контагиозное и медиативное средство, обеспечивающее возможность выхода и опосредованного с чем-то внешним контакта.

В типологическом отношении окно в разбираемом смысле и таком его проявлении можно было бы относить к разряду медиативных предметов, или предметов-посредников, медиаторов, обеспечивающих далее, и это можно рассматривать как подразряд, какой-то и с чем-то контакт. Это был бы подразряд контагиозных по своему характеру медиаторов (в этой группе могли бы оказываться не только предметы, но также и люди). С последующим далее уточнением для окна, на что было указано, как эгрессивно-контагиозного медиатора, т.е. такого предмета-посредника, возможно также и человека, который предполагает для достижения контакта одного с другим, видимого с невидимым, внутреннего с внешним, своего с не своим и т.д., какой-то односторонний выход. На примере того же окна в ту, но не в обратную сторону. Что, в принципе, не исключено, однако в разбираемом примере не проявляет себя и, тем самым, не действует. Ребенка нищенке в окно подают, но обратно в окно же не принимают, поскольку это исказило бы получаемый и выводимый смысл.

Изба, соответственно, выступает тем местообъектом, под который *та* ребенка *посадит*. Не случайным при этом видится, что *под избой*, не около, не перед ней, не при ней. И тогда то, что выражено в форме *посадит*

* Лат. *egrēdior, gressus sum, grēdi* [e + gradior] ‘выходить, выезжать’; ‘ходить’; ‘удаляться, уклоняться’; ‘переступать, переходить’.

под избой, приобретает смысл указанного ранее обращенного и возвращенного прорастания – обращения к жизни и прорастания к своему родовому семейному, как деревце, как росток (вегетативный код витального человеческого). Изба в этом случае выступает, что натурально, местом своего родового, в себя принимающим возвращенное к жизни, к себе его в обновленном виде и состоянии адаптирующим. Как бывшее в состоянии ‘при смерти’, но не для избавления от него и не для придания смерти, а для обращения, его полагалось вынести за пределы избы, с тем чтобы, по возвращении к жизни, вернуть, посадив *под избой*.

Исходя из этого, изба как предмет могла бы быть охарактеризована в отношении адаптирующего адмиссивного* локализатора, по отношению, что следует подчеркнуть, к своему родовому, выходящему из него, покидающему его и в него затем возвращающемуся. Тем самым, это было бы синтагматически связанное парадигматическое ее значение, обусловливаемое контекстом предполагаемого определения.

Парадигматически, вне такого контекста, изба, как было отмечено, выступала бы ‘местом обжитого внутреннего для своего’ (не будем входить в дальнейшие в этом случае уточнения). В регулярно себя проявляющих, в том числе и в приметах с повериями, положениях, с выходом, оставлением, уходом, выездом из избы, предполагающих затем возвращение, можно было бы в более расширенном смысле, вне контекста с ребенком с его обращением от состояния ‘при смерти’ к состоянию ‘будет жив’, в значении адаптив-адмиссива, – в таком более широком и в себя данное проявление включающем смысле изба как дом (локализатор) родового семейного проживания, из которого выходят и куда потом возвращаются, могла бы быть охарактеризована уже не как адаптив-адмиссив, поскольку нет обращения к живому от мертвого, но и не как привычное для сознания ‘родовое гнездо’, которое покидают и из которого выходят не для того, чтобы вернуться потом (это еще один синтагматико-парадигматический смысл), а как место, того же своего родового, в отношении временного его оставления. В этом своем значении изба как дом объявлялась бы, также синтагматически, предполагая регулярные положения, в форме локализатора возвращения в свойственной им повторяемости (ассертив итеративного реверсива**).

Исходя из сказанного, представленное в данном поверье можно интерпретировать, выражая в модели пробативно-реколютивного конвертива:

* Лат. **admitto, mīsi, missum, ēre** ‘допускать’, ‘пропускать, впускать’ (lucem in thalamos); ‘(от)пускать, давать волю’; ‘вводить, допускать’.

** Лат. **II assēro (ad-sēro), sēruī, sertum, ēre юр.** ‘объявлять, признавать’; ‘защищать, ограждать, охранять’; **rēvertor, rēversus sum** (чаще **rēverti**), **rēverti** ‘приходить назад, возвращаться’; ‘обращаться, направляться’.

Ag(ProbObj) > ConvertObj > Subj(Resolut)

Имеется некто, кто, будучи заинтересован в том, чтобы, проверив, установить, *Ag(Prob)*, передает с мыслью о возвращении объект своего интереса, *ConvertObj*, субъекту, который способен желаемое в отношении объекта разрешить, *Subj(Resolut)*.

Все остальное из выведенного применительно к рассмотренной единице будет предполагать синтагматическую либо, в своем уточнении далее, ситуативно-контекстную реализацию. И то, что объектом для пробатива выступает ребенок, и то, что ресолютив определяет себя в значении аниматива (возвращения к жизни). Равно как и то, чем являются определенные ранее окно, изба, а также нищенка в ее опосредовании по отношению к пробативу и анимативу.

О производимых людьми над предметами действиях

Рассмотрим еще одну, сопоставимую с одной из показанных ранее, единицу, а также и вместе с тем такую, которая будет связана с обозначенной в заглавии работы темой рождения. С тем чтобы получить дополнительный материал к обобщению.

Если супруги хотят мальчика, а у них все время рождаются девочки, то мать, собираясь на крещение, должна завернуть девочку в отцовскую рубашку, в которой ее везут туда и обратно.

В качестве персонажей (субъектов) выступают супруги, которые хотят мальчика, с не случайным при этом существенным дополнением *а у них все время рождаются девочки*, поскольку в противном случае отмечаемое к исполнению действие, может быть, не предполагалось. Имеются также рождающиеся все время девочки, как объекты, значение которых следует определить. Имеется воображаемый мальчик, которого нет, но которого, как следует из представленного, оба супруга хотят (то, что оба, а не один из них, видится немаловажным). Имеется девочка, последняя из родившихся до нее, что объяснений не требует, и, тем самым, одна из какой-то не определенной в количестве череды таких же по своему смыслу объектов, которую (и в этом будет ее отличие от всех предыдущих) *мать, собираясь на крещение, должна завернуть ... в отцовскую рубашку, в которой ее везут туда и обратно*. Имеется мать, которая производит, должна произвести указанное в данном случае действие. Подразумевается также

отец, роль которого, не проявив себя, не обозначена (он один из супругов, т.е. входит в состав парно-совместного заинтересованного субъекта).

Из предметов себя объявляет отцовская рубашка. Имеется также крещение, куда мать собирается (об отце в данном случае не говорится, хотя его участие, очевидно, имеет место), и данное положение также следует далее в отношении смысла определить. Имеется действие матери, связанное с заворачиванием девочки в рубашку отца. И, наконец, имеется то, что выражено с помощью слов *ее* (т.е. девочку) *везут туда и обратно*. Немаловажно также и то, что *туда*, а потом и *обратно*, поскольку без этого двойственного определения производимые (матерью) действия с отцовской рубашкой теряли бы свой интенционально-направленный смысл.

Первое, на что следует обратить внимание, прежде чем установить отношения между лицами, действиями и используемым предметом, это на то, что, как это было ранее с катанием на осле, в основание единицы заложена мысль о приобретении, получении чего-то желаемого, но не просто, а после длительного необладания им либо, как в разбираемом случае, обладания каждый раз чем-то другим. Темпоральная длительность, протянутость в отношении того, что желается и ожидается – долгое незамужнее состояние, рождения все время девочек вместо мальчика, – не только предполагает, но и, видимо, делает осуществимым то, что в обоих повериях предлагается. Катание на осле, заворачивание последней родившейся девочки, едучи на крещение, в отцовскую рубашку могут и должны помочь, как следует из представленного, при пересечении какого-то длительно пережитого положения. Разрешение предполагается после него.

Возникает при этом вопрос, что, если в обоих случаях, речь идет о том, чтобы получить и достичь (счастья, которое улыбнется, мальчика вместо все время рождаемых девочек), то, поскольку для катания на осле с возникновением у девушки, *которую долго замуж не берут*, положения, когда счастье ей улыбнется, значение было отмечено как комплексия, довосполнение, восстановление экзистенциально отсутствующего и не хватающего для нее, – то можно ли так же определять, понимая как восполнение, и желаемое появление мальчика вместо девочек у супругов? Видимо, нет. Хотя бы уже потому, что, если для той же девушки говорилось о счастье, о том, *чтобы счастье улыбнулось ей*, в конце концов после долгого незамужнего пребывания, то в разбираемом примере о счастье и, следовательно, о его отсутствии как недостаче для восполнения не говорится. Речь о том, что *Если супруги хотят мальчика, с добавлением а у них все время рождаются девочки*. Хотят, и это важное определение, в то время как девушка, которую долго замуж не берут, не отмечается в том отношении, что она себе что-то хочет.

Тем самым, приходится заключить, что основу характеризуемой единицы составляет хотение, или желание, себе получить что-то другое,

противоположное тому, что имеется в каком-то внутренне ощущаемом переизбытке, взамен и в отличие, хотя и как то, что в его дополнение, также возможно и не исключено. Согласно пословицам *Сын да дочь – красны детки! Сын да дочь – день да ночь* (и сутки полны). *Красные детки на черное житье* (о сыне и дочери). Однако во всех этих пословицах, при восприятии достаточности и полноты, говорится о паре детей противоположного пола, с упоминанием сына как первого, старшего и, тем самым, опоры семье и сестре. В разбираемом случае речь не о том, поскольку мальчика супруги себе хотят в ощущении переизбытка от девочек, в желании, с одной стороны, перемены, а с другой, чтобы чувствовать себя, скажем так, как родители не в ущербе, как с общественной, так и материальной и жизненной стороны. Однако не будем входить в подобные уточнения, не отрицая их и имея в виду. Для разбираемого случая как характеризуемой единицы важно то, что речь идет о ‘желании получить другое взамен не единично имеющегося’ (дезиратив-пермутативного акквизитива*). Данное представление будет определяющим и одновременно таким, которое может встречаться в типологически совпадающих случаях.

Возвращаясь к упомянутым в разбираемой единице лицам, действиям и предмету, супруги, которые хотят себе мальчика, выступают субъектами своего желания, будучи одновременно объектами того положения, при котором *у них все время рождаются девочки*. Не будем, однако, это значение определять, поскольку оно в отношении смысла производимого матерью действия не существенно, а именно это действие и составляет основу того, о чем речь. Важно то, что непосредственно следует матери сделать для получения желаемого – реализации парного, с точки зрения субъекта, дезиратив-пермутативного акквизитива (того, что супруги себе хотят). В том, что матери следует сделать, содержится совмещенное представление о моменте производимого действия (*собираясь на крещение*), об объекте (*девочке*, которую будут крестить), о предмете, с помощью и при посредстве которого действие производится (об *отцовской рубашке*), о том, что именно с предметом в отношении объекта надо произвести (*зaverнуть*), и, наконец, что также видится важным и о чем уже говорилось, о том, что девочку, как объект, завернув в рубашку (обеспечивающее средство-предмет), необходимо везти в ней *туда и обратно*.

Прежде чем пойти дальше в это определение, стоит обратить внимание на то, что заворачивание в рубашку фактически имитирует для девочки

* Лат. *permūto, āvi, ātum, āre* ‘совершенно изменять’; ‘менять, обменивать’; ‘поворачивать’ (*aliquid in contrarium: permutata ratione* в обратном порядке, наоборот); *acquiīro, quīsīvī (quīsīi), quīsītum, ēre* [quaero] ‘прибавлять, добавлять’; ‘добывать; ‘приобретать’; *acquiīsītio, īnis f* [acquiro] ‘прирост, прибавление’; ‘приобретение’.

утробное положение плода. Иными словами, через мужское начало в отцовской рубашке передаются ей как носителю, точнее было бы говорить *придаются*, признаки того же мужского – плоду, который последует после нее. Отсюда важно то, чтобы везти ее в этой рубашке *туда и обратно*, с встречавшимся уже ранее обращением (как в поверии с ребенком, подаваемом нищенке), к назначаемому для крещения, и потому освященному, месту из дома, с возвращением после крещения в дом. И тогда действие матери в этой части предполагает имитативно-продуцирующий характер, симиллятивный и стимулирующий по своему существу. Проходящая обряд крещения девочка, завернутая по дороге *туда и обратно* в отцовскую рубашку, имитирует, продуцируя, появление у супругов мужского потомка.

Мальчик при этом воспринимается как желаемый и представляемый к появлению в будущем, а потому воображаемый, дезиративно-имагинативный, объект (в модальности оптатива) для супругов как парно организованного субъекта указанного ранее дезиратив-пермутативного акквизитива. Девочки, которые у них все время рождаются и по отношению к которым супруги выступают страдательными объектами, или пациентами, избыточно повторяющегося и продолжающегося их экзистенционального состояния (статального дуратив-кумулятива), эти девочки выступают объектами множественного по своему характеру переизбытка (мультиплекативного кумулятива).

Отец, коль скоро о нем также, хотя и косвенно, речь, выступает в парном составе субъектного дезиратива, с одной стороны, а с другой, как носитель и обладатель рубашки – предмета, который, используясь для заворачивания, проявляет себя как средство, или объект-инструмент, для достижения поставленной цели, реализуемой в появлении ожидаемого мальчика. Мать, соответственно, действует как основное лицо, агент производимого ею имитативно-стимулятивного действия, выступая также в составе парно-субъектного дезиратива.

Все сказанное можно представить в виде конструкции следующим образом:

$$[\text{SubjConj(Desider)} > \text{PermutAquis(ObjMasc)} < \text{ObjFem(MultCumul)}] \\ > \text{AgGen(ImitStimul)} > \text{ObjInstr(ProprPatr)}$$

Интересно, и это находит свое отражение в формульном описании, что в поверии говорится *Если супруги хотят мальчика*. Нет сообщения о том, ‘чтобы родился мальчик’ или ‘тогда родится мальчик’ (как в поверии с катанием на осле, где непосредственно сообщалось об этом *чтобы*). Иными словами, смысл заключен в желании: *Если хотят*, то матери надо сделать то-то и то-то. Желание это следует удовлетворить соответствующим действием, из чего получалось бы, что представленная единица характеризует

себя в отношении ‘предполагаемого удовлетворения желания вследствие преизбыточествующего обладания чем-то другим’. И именно в этом можно усматривать ее определяющий смысл, из которого следует положение о стоящей за этим модели. Структура этой модели будет довольно проста, сводясь к представлению о том, что если имеется у субъекта желание в отношении чего-либо, которое связывается с достаточно длительным у него отсутствием этого, то предлагается, обычно инструментальное и имитативно-стимулятивное, средство к его достижению:

$$Subj(DesiderObj:LongAbsent) < InstrAffect(ImitStimul)$$

Модель состоит из трех компонентов, получающих свое расширение в уточняющих признаках, – субъекта желания по объекту в отношении инструмента его (желания) достижения: $S - O - I$.

Обобщая все сказанное на примере рассмотренных четырех единиц, представляется важным с типологической точки зрения обратить внимание как на характер себя отразивших предметов в их отношении к человеку, так и на возможные смыслы производимых действий для реализации какой-либо цели, с учетом, что также немаловажно для разбираемой предметной области, того, какие значения в проанализированных единицах как концептуальных целостностях себя проявили.

Обращение к предметам позволило выявить, как возможный, проективный характер их отношения к человеку, при котором (на примере расшатавшегося и затем начинающего скрипеть стола) не всякий предмет, но лишь такой, который, будучи частью обжито-освоенного и принадлежащего человеку, возможно при этом внутреннего и ограниченного, пространства (как типологически определяющий признак), свое то или иное, в первую очередь дестабилизативное, состояние, перенимает от человека, с предполагаемой проекцией к будущему, что позволяет предвидеть нечто подобное как угрозу и, соответственно, знак. Двойной характер такой проекции был охарактеризован как амплективность (перенимание) и индикация (указание).

Вторая особенность используемых предметов заключается, исходя из анализа четырех отобранных единиц, в их способности, при каких-то характеризующих условиях, служить средствами, инструментами, достижения предписанной цели. На примере осла, с одной стороны, и отцовской рубашки, с другой, можно вывести внутренним образом связанный, но при этом различно, характер в отношении того, что желалось бы, прибегая к данным предметам, осуществить.

Инструментность осла с предписанием катания на нем для девушки, которую долго замуж не берут, чтобы счастье улыбнулось ей, не заключается, что очевидно, в какой-либо объясняющей данное положение связи

осла с человеком. Трудно себе представить, чтобы осел был носителем и вместе с тем передатчиком счастья на нем катающемся. Так же как и то, что было бы результатом для девушки такого катания и что было показано как довосполнение, или комплексия, в отношении недостающего ей (отсутствие счастья). Роль осла в этом случае обращалась, так, по крайней мере, это виделось не исключающим допустить, вокруг, с одной стороны, его концептуально поддерживаемой продуцирующей, а с другой, упорствующей составляющей, с необходимостью то и другое, движением, катанием на нем, для себя запустить.

И это было бы по своему характеру стимулятивное и вместе с тем импульсативно-provокативное действие, смысл которого заключается в преодолении состояния сложившегося неразвития или застоя. С положением, для девушки, при котором ее *долго замуж не берут* (оставаясь, что видится немаловажно, в дословном того представлении, т.е. не то, что она не выходит замуж или долго не может найти себе жениха, а что именно *долго ее не берут*). Однако не собственно выход замуж, т.е. конкретное событийное разрешение, предполагается результатом катания ее на осле, а разрешение более полное и вместе с тем обобщенно-абстрактное – *чтобы счастье улыбнулось ей*.

Из чего получалось бы, что инструментность осла имеет, помимо указанной стимулятивности, импульсативности и провокативности, преодолевающий сложившееся пердуративное состояние смысл, с возможностью, после этого, объявления, открывания нового. Значение, которое, как инструментное, можно, описывая в контексте статальности преодолевания-открывания, представить как осуществляемый переход и прорыв. Осел (в обобщении), как предмет, точнее как предметное средство, при условии катания на нем находящимся в состоянии застойно-длительного неизменения, выступает как инструмент статального преобразования, иммутатива. И это еще одно значение из выведенных, помимо амплективной индикативности, на примере стола.

Говоря об отцовской рубашке, предмете, также имеющем инструментальный смысл, выступая как средство, используемое для достижения предписанной цели, внимание следует обратить на ее на сей раз прямую и непосредственную связь с человеком, и при этом двойного характера. Поскольку важно, что это рубашка отца, т.е. родителя предполагаемого в будущем мальчика. Так же как, что не менее важно, поскольку отца, то мужского начала. Тем самым, рубашка как инструмент, позволяющий вызвать в будущем достижение желаемого, с одной стороны, но лишь отчасти, может быть уподоблена проективности для стола, определяя себя в контексте своей принадлежности, однако связь это не обжито-пространственная, а телесная, в известном смысле рубашка внешняя, облекающая, составная часть человека. И в то же время, с другой, с отхождением

в этих признаках от стола, она выступает вбирающим в себя носителем свойств *своего* человека. В разбираемом случае это свойства, поскольку отца, то родителя и мужского. Инструментность рубашки в этой связи можно представить как *абсорбирующую* и на основе этого и *теративно-репродуцирующую*, способствующую, через репродукцию и в полученном репродукте, достичь повторения, удвоения, исходно заложенных в данном предмете как *абсорбированных*, принятых, им от *своего* человека, признаков.

Из проанализированных предметов остаются окно с избой в примере с подачей нищенке ребенка, если он при смерти. Можно долго и разносторонне определять то и другое, поскольку оба эти предмета в своих значениях емки и многозначны в народной традиции. Однако не в этом для разбираемых случаев состояла задача. Важен контекст единицы, предполагающий установление типа, который данный предмет в данном случае собой отразил. Окно служило не столько средством того, что подача ребенка нищенке через него как отверстие дома-избы получалась возможной, сколько тем, что допускало (через скрытый за всем этим пробатив, проверку с установлением, будет ли жив) возможность обращения, с пересечением границы, к тому, что воспринимается как близкое смерти и потустороннее, будучи внешним и запредельным для внутреннего и *своего*, семейного и родового. Тем самым, окно выступало бы в функции «двери», или портала, обеспечивающего выход, односторонний в разбираемом случае, а тем самым, не взаимодействие и не контакт с тем, что находится, открываясь, за ним, и не просто со всякого рода иностранным, а конкретно с потусторонним, точнее было бы говорить, не своим, которое находится в определенной близости к смерти. И это можно было бы, характеризуя как средство такого выхода, определять как *эксцессивно-экстрапативную*^{*} инструментность.

В отличие от окна, изба инструментом не представляется, ничего не достигается с ее помощью. Она выступает местом, локализатором, с одной стороны, возврата ребенка нищенкой, после того как она его примет, помолится и посадит, а с другой, такого возврата, а точнее обращенного возвращения, которое предполагает его, как начало живое, поскольку *будет жив*, своего рода прививаемое «посажение» к «дереву» его родового. Поскольку речь идет не об этом «дереве», а о своего рода «приросшем» месте его, проявляемом в избе, то избу в ее отношении к предметности можно представить как *своего* рода емкость, сосуд семейного родового

^{*} Лат. *excēdo, cessi, cessum, ēre* ‘уходить, уезжать, удаляться’; ‘выходить’; ‘переходить, превращаться’; I *extrāneus, a, um* [extra] ‘внешний, посторонний, приходящий извне’; ‘наружный’; ‘чужой’; ‘чужеземный, иностранный’; *extrāneo, āvi, —, āre* [extraneus] ‘считать чужим’; II *extrāneus, i m* ‘чужестранец, иноземец’; ‘чужак, посторонний’.

присутствия и обитания – локализованный и н к л ю с и в г е н е р а т и в н о - г о и н х а б и т а т и в а .

Характер производимых действий на основе примеров можно свести к двум прямо противоположным в своих значениях проявлениям – отталкиванию от себя, в виде аверсии, предполагающей далее алиенацию (отчуждение), допускающей также возможность иметь (для стола) транспортный смысл с вынесением за пределы, и притягиванию, или аттраксии. Это последнее оказалось способным себя проявить в притягивании, имеющем побуждающий, стимулятивный, смысл (в примере с катанием на осле) и смысл имитативно-репродуцирующий, не исключающий стимуляцию, но более связанный, на примере с отцовской рубашкой, с предполагаемым результатом.

Еще одной разновидностью для характера производимых действий (более точные их определения были показаны при анализе) можно считать обращение, или конверсию. Обращение это может быть (на примере с ребенком и нищенкой) возвращенно-преобразующим, реститутивно-иммутативным, предполагающим передачу другому с обратной отдачей в преобразованном состоянии либо его таковое предполагающем в будущем. И может быть обращением результивного цикла, т.е. таким, которое, передачи и возвращения не имея в виду, полагает для необходимости достижения цели осуществление какого-то значимого в определенной точке, отмечающей общий смысл, оборота. Завернутой в отцовской рубашке девочку следует отвезти для крещения (определяющий в своей кульминации пункт) и затем все в той же рубашке привезти обратно, в результате чего обратный цикл допускаемой цели оказывается завершен и надо бы ожидать получаемого следствия.

И, наконец, последнее, в отношении общего смысла представленных единиц, не вдаваясь опять же в подробности ранее данного описания. Та, которая предполагала вынесение за пределы дома стола, определила себя в значении предотвращения, как разновидности избегания (эвитатива), ухода от угрожающего, – аверсивного денунтива. Единица с катанием на осле имела смыслом стимулятив комплексии, пробуждение, вызывание того, что будет способствовать достижению удовлетворяющей полноты (чтобы *счастье*, в конце концов, *улыбнулось*). Пример с ребенком и нищенкой определялся в значении, с одной стороны, проверки и узнавания (пробатива) и в то же самое время, с другой, в значении предполагаемого, допускаемого, скрыто желаемого, возвращения к жизни – аниматива. То и другое вместе, с проверкой, будет ли жив, и в то же время с таким желанием, для чего, собственно, и производится подача в окно. Единица с отцовской рубашкой служила для иллюстрации того, что типологически связывается с имитативно-стимулятивным

дезиративом – действиями при помощи средств, смысл и цель которых состоят в получении чего-то желаемого.

Из всего этого следуют вероятные роли и функции тех предметов, которые, находясь к человеку в каких-либо отношениях (были показаны только некоторые из них), находясь изначально, исходно, в соответствии с представлениями разбираемого мира поверий-примет, взаимодействуя с ним, составляя в то же самое время его собственный мир, мир его существования и проживания, испытывая определенные действия с его стороны, позволяют, предполагая, ему, человеку, чего-либо в этом мире своем достигать, избегая грозящих опасностей либо, напротив, приобретая желаемое.

Предшествие появлению на свет как индуктивная препозиция

О возможности повлиять на достижение желаемого

Речь пойдет о зачатии и беременности с точки зрения потенциальных родителей, т.е. матери и отца, в первом случае их обоих, и предпочтительно, а точнее единственно, в отношении будущей матери во втором. Исключительно на основе, что следует подчеркнуть, выбранных в качестве материала единиц, определяемых привычно как приметы и/или поверия (в уточнение того и другого не будем входить¹⁰, поскольку не в этом состояла задача). И, тем самым, без обобщения получаемых результатов к чему-то другому в фольклорной и не только в фольклорной традиции.

Одним, из вопросов, которые видится необходимым поднять и в какой-то мере решить, помимо основного объекта, связываемого с элементами и проявлениями предметного мира поверий-примет, будет вопрос о том, может, не столько, что также было бы важно, но небольшое количество материала не позволяет об этом судить, может, не столько, чем представляется то и другое, зачатие и беременность, в отношении появления на свет человека, сколько, как оно, это то и другое, себя проявляет и отражается на основе изученных единиц. С какой стороны, добавляя к сканному, себя обнаруживает. Подобное разрешение не может, естественно, более или менее полно, а уж тем более исчерпывающе, только затронув, ответить на данный вопрос, однако может каким-то образом и в каком-то своем повороте его осветить.

Первую группу поверий-примет из выбранного нами источника, представляющую, скажем так, начально-исходную фазу рождения, составляют четыре, общий смысл которых сводится к тому, чтобы воздействовать соответствующими действиями на пол ребенка в последующем. Из чего получается равным образом, как то, что, с точки зрения разбираемого материала, процесс этот можно направить и регулировать, так и то, что, исходя из предложенных рекомендаций, родителям может быть не безразлично,

кто придет, появившись на свет, девочка или мальчик. Приведем единицы, относящиеся к данной проблеме:

Если женщина во время супружеского акта наденет мужскую шапку, то она будет беременна мальчиком, а если мужчина покроет голову женским платком, то женщина будет беременна девочкой.

Если во время супружеского акта подложить под голову шапку или мужские штаны, то жена станет беременна мальчиком.

Не ложись с бабой с левого бока, чтобы не родилась девочка.

Во время супружеского акта, если хочешь, чтобы родился мальчик, – держи левую ногу кручей.

Небезразличие, о котором шла речь, касается, что вполне объяснимо, исходя из знания народной традиции, предпочтения в сторону появления ребенка мужского пола. Та же тенденция себя отмечала и в той единице с отцовской рубашкой, которая была раньше рассмотрена, хотя в ней это мотивировалось тем, что все время рождаются девочки, а супруги хотят себе мальчика.

Влиять на желаемое в отношении пола ребенка должен супружеский акт (приметы иного характера источник не предлагает, хотя это, в принципе, не исключено), в первых двух случаях сопровождаемый использованием определенных предметов, в двух последующих – позиций, связываемой с участием левого (бока, ноги) у мужчины.

Для начала обратимся к предметной характеристике. Предметы, способные в указанном отношении повлиять, проецируют как принадлежность, так и ориентированность. В первом случае это достаточно очевидно и предполагает обратный, с точки зрения супругов, характер: женщина надевает мужскую шапку, чтобы родился мальчик, мужчина голову покрывает женским платком для появления девочки. То, что эта шапка должна быть шапкой мужа, а не любого мужчины, платок, в свою очередь, не просто женским платком, а жены, – об этом не говорится. Можно подобное обстоятельство предполагать, но равным образом можно и не предполагать. Не так, как это было в поверии с отцовской рубашкой, где вопрос принадлежности не возникал. Остановимся в этой связи на том, что важно, поскольку заявлено. Важно, чтобы шапка была мужской, а платок был женским, без определения их принадлежности.

Обобщая и несколько поднимаясь в характеризуемом представлении над ситуацией, можно бы было сказать, что речь идет в данном случае не о принадлежности, не имеющейся как таковая в виду, речь идет об обращенности, или ориентированности, мужского к женскому (шапки для женщины) и женского к мужскому в обратную сторону (платка для мужчины). Положение, которое поддавалось бы уподоблению оборачи-

вания и перевода одного к другому и в обратную сторону. С тем чтобы родился ребенок мужского пола, мужское необходимо усилить и женское к этому обратить, придав ему внешний характер и принцип мужского – на голову, через голову и к голове. Так же как, равным образом, наоборот, для рождения девочки необходимо усилить женское, придав его через женский платок на мужской голове, участвующему в соответствующем действии супругу.

Мужская шапка и женский платок, отразившие себя в первой из четырех единиц, выступают предметами-средствами, инструментами достижения цели, имея симиллятивный характер, т.е. такой, который предполагает воздействие на происходящее через ориентирующее, направляющее, оборачивающее в нужную сторону, уподобление. Важным при этом оказывается как производимое при этом действие (супружеский акт), так и то, что то и другое следует, для женщины с шапкой, надеть на голову, для мужчины с платком, голову им покрыть.

Задумаемся над этим последним, впрочем, не только над ним. Скажем, если женщина будет какое-то время ходить с мужской шапкой на голове, пусть даже перед самым супружеским актом, а мужчина, подобным образом, с женским платком, – возможен ли будет такой же закладываемый результат? Как следует из представленного в поверии, нет. То и другое прямо привязано к времени совершения акта, с необходимостью сопровождая его. Время и производимое действие имеют к достижению желаемого не переводимое отношение.

И еще одно – *надеть*, в отношении шапки, на голову, с одной стороны, и *покрыть* им голову, для платка, с другой. Имеет ли это, приметное по своему смыслу, значение или так себя объявляет, поскольку мужчины шапку на голову *надевают*, а женщины голову, так это принято называть, платком, как правило, *покрывают*?

Отсюда немаловажное для традиции представление в отношении женщины – быть, оказаться, пойти, войти, прийти, сидеть и т.д., обычно публично, при людях, на улице, с *непокрытой головой*, что считалось недопустимо, а уж тем более для замужней, и совершенно недопустимо в церкви. Потому для нее, как следствие, *опростоволоситься*, т.е. оказаться в дурацком для себя положении, совершив ошибку, промах, поставить себя в глупую ситуацию, нередко на людях, при всех, означает, фактически, то же самое – появиться где-нибудь с *непокрытой платком головой*. Глагол *покрывать* в то же самое время отнюдь не случайно используется в значении, связанном с выходом замуж. Ср. у Даля: *Гуляй, покуда голова не покрыта! Женихъ невѣсту покрытую узнаѣтъ* (на дѣвичнике). *Невѣста подъ покровомъ, подъ ширинкой или фатой, подъ покрываломъ. Придетъ Покровъ, дѣвкѣ голову покроетъ. После Покрова не будетъ таковѣ (дѣвка, а будетъ бабой).* А также *покрыть, покрывать,*

применительно к домашним животным, ‘случить’, ‘оплодотворить’, но может быть переносно также о людях.

Платок, возвращаясь к обозначаемому в единице действию, с тем же успехом можно было бы на голове завязать, накинуть сверху, на себя наложить. Однако это виделось бы как нечто иное, терялся бы, как получается, не случайный, связанный именно с покрыванием, смысл. Мужчина, покрывая голову женским платком, фигурирует, выступает при этом как замужняя женщина, как баба, говоря по-другому, имея в виду соответствующий гендерный и социальный статус народного представления, позицию бабы, можно было добавить рождающей бабы, поскольку именно в этом ее положение и роль. Тем самым и иными словами, важно не столько производимое действие, сколько имеющее ритуально-гендерный смысл положение ‘обманного псевдомужского’ – в виде, форме и роли женского, и при этом замужнего.

С надеванием мужской шапки на голову, поскольку мужская шапка – и показатель, и атрибут для мужчины, можно предполагать то же самое и в отношении женщины. Из чего получалось бы, что для достижения желаемого необходимо не только усиление того либо иного начала (мужского для мальчика, женского – девочке), необходима еще и подмена позиционных ролей. Подмена, для одного из супругов, в ту либо в другую сторону, а не замена, поскольку супруги при этом ролями не заменяются, мужчина остается мужчиной в первом случае, женщина женщины во втором.

Что касается второй единицы, поскольку в ней говорится о мальчике, участие принимают мужские, не женские, атрибуты – та же шапка или мужские штаны, но не на голову, а под голову. Или то, или то, не одно и другое одновременно. Не сообщается, правда, что под голову женщины их следует подложить, но это, как следует думать, предполагается. Нет представления о том, чтобы надевать, равно как и не имеется аналогичной рекомендации в отношении девочки.

Поскольку под голову подложить, а не надевать, то о подмене ролей, как в предыдущем случае, говорить не приходится. Инструментальное действие шапки (мужской, поскольку другой быть не может) или мужских штанов имеет такой же симилятивный характер. В обоих случаях для достижения результата необходим и одновременно с этим достаточен непосредственно реализуемый телесный контакт, направленный исключительно к голове, другие части участия не принимают. Те же мужские штаны, как и шапку, под голову следует подложить, не к другому какому-то месту.

Из чего получается, если иметь в виду обобщение, что для достижения желаемого результата в отношении пола ребенка, необходимо соединение трех составляющих: а) производимого действия, каковым является супружеский акт, в его совершении и временной протяженности, как *процессива*, и только при этом возможна участвующая проекция двух

других, – б) *атрибутов* мужского либо, напротив, женского, не столько по принадлежности, сколько по показателю конвенционального смысла и соответствующей ориентации, *релятиву*, и в) надеваемых на голову, ее покрывающих, под нее подкладываемых, т.е. имеющих непосредственно контагиозное отношение именно к ней, не к чему-то другому.

Формулы, которые из этого следуют, можно представить для первого случая:

$$\text{Femin}(\text{AttrMasc:Caput}) / \text{Masc}(\text{AttrFemin:Caput}) > \text{Proc}(\text{Coit}) > \text{Masc/Femin}(\text{Praegn})$$

И для второго:

$$\text{Femin}(\text{AttrMasc:Caput}) > \text{Proc}(\text{Coit}) > \text{Masc}(\text{Praegn})$$

В обобщении для модели, которая за этим стоит и о которой можно было бы говорить как о модели реализуемого в желательном результате физического положения, к каковым следует относить и беременность, в разбираемом случае в отношении женского, но обобщено не только в нем, выделяются, как обязательные, признаки ‘используемого атрибута как симилятивного инструмента’, *Attr(InstrSimil)*, – ‘телесного, аппликативного (апплицируемого), контакта’, *Cont(ApplCorp)*, – ‘процесса’, *Proc*, – и ‘достигаемого (для физического положения) результата’, *Rez*:

$$[\text{Attr}(\text{InstrSimil}) > \text{Cont}(\text{ApplCorp}) > \text{Proc}] > \text{Rez}(\text{PhysCond})$$

Еще более обобщенно, в модели, к разряду которых данную следует относить, можно было бы говорить о ‘процессуально отмеченной контагиозно атрибутивности для достижения желаемого результата’ (процессуально реализуемый через посредство атрибутивной контагиозности оптатив достижения): $P > A|C > OQ^*$.

Следующую пару рекомендаций, на сей раз предполагающих рождение исключительно мальчика, с предостерегающим уточнением для первой (чтобы не родилась девочка), составляют значения, обращающиеся вокруг занимаемой мужчиной позиции, во втором случае позы (*держи левую ногу крuche*), обращающие внимание на левое с предположением правого как нежелательного для первого случая, – *Не ложись с бабой с левого бока*.

---

* Лат. **quaero, sīvi (ii), sītum, ēre** ‘искать, разыскивать’; ‘стараться приобрести, помогаться, добиваться’; ‘приобретать’; ‘зарабатывать’.

Опустим значения правого и левого, имеющие существенный смысл для сознания, определяемого как мифологическое, впрочем не только¹¹ его, поскольку не в объяснении того, почему как левое, так и правое способны влиять на пол, с привычной ориентацией правого как мужского, а левого к женскому, ибо не в этом определении состояла задача. В отношении рассматриваемых единиц важно было и будет решить, что именно происходит, с учетом рекомендательных установок, что следует делать и как поступать для получения желаемого результата, что получится, если сделать либо не сделать чего-либо. А также, исходя из этого, далее попытаться представить все это применительно к определяемому предметному миру, существующих признаков, элементов и отношений в нем.

Обе описываемые позиции для мужчины (рекомендации обращены к нему) касаются времени совершения супружеского акта, который ранее был представлен по этой причине как процесс, с учетом темпорального и акционального компонентов, реализующих себя в предполагаемо производимых агентами действиях, т.е. в их протекании. Определяемый процесс, для того, чтобы не родилась девочка, но чтобы родился мальчик, должен происходить таким образом, который, для данных двух случаев, не имеет в виду использования каких-то предметов, инструментальность, тем самым, не предполагается. Результат достигается харakterом позиционного расположения агента-мужчины в отношении объекта-женщины. Из чего получается объединенная формула:

$$AgMasc(PozDextr/PedSinistr>TentArd) > Proc(Coit) > Masc(Praegn)$$

Модель достижения, реализацией которой выступает то и другое, определяет себя в обобщении через признаки ‘занимаемой агентом телесной позиции’ во время ‘процесса’ для ‘ достижения желаемого результата (физического положения)*’:

$$Ag(PozCorp) > Proc > Rez(PhysCond)$$

Из чего получалось бы, в отношении типологизирующего сопоставления с предыдущими рекомендациями, представление о единицах, предполагающих, для предметного мира поверьи-примет, достижение того либо иного физического положения субъекта (субъектов) через производимый теми или иными участвующими процесс – и это было бы общей частью,

---

* Под физическим положением для разбираемого случая следует понимать пол ребенка, которому предстоит появиться на свет. Как его видовую, статальную, форму, отсюда *физическое и положение*. Он же (ребенок) выступает в роли предполагаемого к появлению субъекта, т.е. того, на кого направлено агентом производимое действие.

– в ходе которого либо используются предметы как инструменты (то, что прикладываемые, аппликативные, было бы разновидностью данной подгруппы), либо те, кто участвуют, один из них, занимает ту или иную телесно реализуемую им же позицию.

В парадигматическом представлении в данном случае следовало бы говорить:

1. О единицах, предполагающих достижение желаемого результата, что составляло бы первый уровень различия, поскольку не все единицы подобное будут предполагать. И это были бы, пользуясь латинизированной формой для описания, оптативно-акквизитивные результативы.
- 2a. О единицах второго уровня (либо последующего по отношению к предыдущему), предполагающих достижение желаемого результата как физического положения субъекта, – физико-кондициональные (либо статальные, с предположением длительности) оптативно-акквизитивные результативы.
- 2b. О единицах, также второго уровня (либо последующего), предполагающих достижение желаемого результата через осуществляемый перед этим процесс, – процессуальные оптативно-акквизитивные результативы.
3. О единицах, объединяющих признаки для 2a и 2b, предполагающих достижение желаемого результата как физического положения субъекта через осуществляемый перед этим процесс, – физико-кондициональные (статальные) процессуальные (стально-процессуальные) оптативно-акквизитивные результативы.
- 4a. О единицах, предполагающих достижение желаемого результата как физического положения субъекта через осуществляемый перед этим процесс с использованием симилятивных либо стимулятивных предметов как инструментов, – физико-кондициональные (статальные) предметно-инструментальные процессуальные (стально-процессуальные) оптативно-акквизитивные результативы. С возможными в этой группе подразделениями на симилятивные, стимулятивные, симилятивно-стимулятивные, аппликативные и др. формы предметной инструментальности.
- 4b. О единицах, предполагающих достижение желаемого результата как физического положения субъекта через осуществляемый перед этим процесс, реализуемый в своем протекании участвующими (одним из участвующих) в определенной телесной позиции, – физико-кондициональные (статальные) корпорально-позиционные процессуальные (стально-процессуальные) оптативно-акквизитивные результативы. Со своими какими-то допускаемыми далее разновидностями в зависимости от вида позиции.

Подразделение по четырем представленным уровням не отражает действительного характера предполагаемого парадигматического устройства состава всех единиц. Данная обрисовка касается только того, что было перед этим рассмотрено.

В отношении предметов, которых в материале представленных четырех единиц получилось три – мужская шапка, шапка без подразумеваемого определения того, что мужская (обе как один допустимый предмет), женский платок, мужские штаны, – можно было отметить, в качестве признаков, их ‘атрибутивность’, как показатель соотнесенности, в данном случае с женским либо с мужским, и использование в роли средств для достижения результата, или ‘инструментальность’, которая проявила себя в показателе ‘оборотно-усиливаемой симиллятивности’, в атрибутиве мужского к женскому и наоборот, с целью, через подобие, воздействовать на желательный пол ожидаемого к появлению ребенка.

И остается еще один перед этим поставленный, но не решенный вопрос. Чем является и как предстает, но не предшествие рождению, родам и появлению человека на свет, что предполагает не только зачатие, но и беременность, о которой далее речь, а, скажем так, первая фаза такового предшествия, отраженная в материале рассмотренных единиц?

Ограничиваясь на данном этапе представленным в них материалом, необходимо иметь в виду нечто большее – восприятие и ощущение, через отражаемое отношение, того, чем является в разбираемом предметном мире поверий-примет жизнь, бытие, существование, экзистенция человека. Однако не в общем и целом, не как таковые, а в изучаемом исходе – рождении с его предшествием и в завершающем, обрывающем земное существование, конце, с умиранием, наступающей смертью и положением после этого к продолжающим в этом мире существовать. Первым этапом к этому и было бы в материале источника четырьмя единицами представленное зачатие, определившее себя в рекомендательных формах регулирующего влияния на пол. Через процесс, приводящий к беременности, но без таковой регуляции самодействующий и воздействию в желательном направлении не поддающийся.

В результате можно вывести следующее. Зачатие, как предшествие беременности, в экзистенциональном своем отношении, важно для разбираемого предметного мира, но не само по себе, а как то, что способно предопределять пол рожденного затем человека, т.е. как то, что имеет гендерно-генеративный смысл. Место и смысл его этот, однако, не самостоятельны, служебны и подчинены, поскольку зачатие служит беременности, выступая побуждающим, формирующим средством по отношению к ней. И это был бы инструментально-модулятивный смысл в общем экзистенциональном движении (к появлению человека).

Воспринимается и представляется то, о чем речь, как достигаемое следствие, получаемый результат, производимого супругами процессуального взаимодействия (речь не случайно идет о супругах). И это был бы процессуально-результативный акквизитив.

На получаемый результат можно и следует повлиять, прибегая к определенным средствам и формам воздействия. Процесс поддается, в гендерно-генеративном своем отношении, как исходно-ведущем и наиболее значимом, направляющей регуляции. Тем самым, акквизитив его потенциально модеративен, но при условии использования модеративных средств, модераторов. В связи с чем он узитативно-модеративен. Поскольку предполагается, что не только можно, но и следует на результат в отношении пола рождающего человека влиять, зачатие предстает при таком повороте как аффективный коммотатив* узитативно-модеративного акквизитива в отношении генеративного гендера с маскулиниативным своим предпочтением (препозитивом).

Исходя из сказанного, в качестве предварительного обобщения, этот первый этап представляет такое небезразлично-участвующее отношение к появлению на земле человека, которое видит необходимость влиять, прибегая к использованию вспомогательных средств, на то, чтобы такой человек был желателен в отношении пола для тех, кто рождает (по отведенной им социальной и гендерной роли). Эта желательность себя проявляет в сторону предпочтения мужского женскому, и ведущий характер в такой регуляции, не будучи симметричен, приписывается супругу, а не супруге.

Обобщение для дальнейшего, как следует из представленного, будет предполагать а) то, что можно и следует влиять в желаемом направлении на происходящее и производимое, каким-либо образом действуя, и б) регулируется эта способность влиять при посредстве использования средств, предполагающих достижение желаемого результата. Предметный мир, о котором речь, тем самым, выглядит как поддающийся изменяющему воздействию, т.е. как модеративно-инструментальный, а характер того и другого (модеративности и инструментальности) определяется существующим в данной традиции узитативным знанием – использованиями того, что именно, кем, когда, при каких условиях и обстоятельствах должно и следует применять с желательной целью.

---

* Лат. **affecto**, **āvī**, **ātum**, **āre** [*frequ.* к *affīcio*] ‘страстно стремиться, горячо желать’; ‘достигать, добывать, обрести’; **commōveo**, **mōvi**, **mōtum**, **ēre** ‘приводить в движение, двигать, сдвигать’.

Средства и формы приметного распознавания

Следующую группу интересующих нас единиц в отношении все того же предшествия (появлению человека на свет) составляют те, в которых описывается, как узнать получившуюся беременность, определив, тем самым, соответствующее положение у женщины. Само наличие подобных способов в виде примет (а подобные единицы, как следует полагать, очевидно, приметы) свидетельствует о заинтересованном отношении к данному обстоятельству. Заинтересованном с общественной точки зрения, из чего, в свою очередь, будет следовать такое же не безразличное отношение и к рождению. Исходя, что видится немаловажным отметить, из рассматриваемого материала. К рождению в смысле появления человека на свет или к рождению как родам, т.е. процессу, и тогда акцент будет падать не на рождающегося, а на ту, кто рождает. К этому вопросу вернемся при рассмотрении соответствующих единиц.

Продолжая затронутую проблему в аспекте общественной акцентуации, стоит задуматься над тем, что находит свое отражение в повериях и приметах в отношении беременности. То, что беременность предполагает в дальнейшем ребенка? То, что это влияет на состояние и, тем самым, здоровье, и, тем самым, физическую способность, а с этим также характер и самочувствие женщины, предполагая далее изменение ее поведения и семейного соучастия? Или то, что это определяет какой-то новый экзистенциональный, а может, и социальный статус и способ бытования данного рода-семьи? Вопросы эти не безразличны в том отношении, что ответы на них позволят лучше представить характер существующих общественных представлений, а с этим предметный мир, о котором речь, в его ориентирующем и организуемом соответствующим образом устройстве.

Прежде чем попытаться на эти вопросы ответить (отдавая себе отчет в фрагментарности, а потому и неполноте материала, в связи с чем и ответы будут иметь предварительно-намечающий, а не определяющий сущность проблемы, характер), – прежде чем начать в каком-то аспекте и повороте на все это отвечать, обратимся к примерам. С тем чтобы, в первую очередь, отметить, увидев, в них то, что собственно и без погружения в концептуально-мировоззренческую природу передаваемого, первоначально и на поверхности отображено.

Приметы, связанные с определением беременности (в материале их встретилось три), разделяются в трех положениях – с позиции намеренного, с позиции то ли намеренного, то ли нет, в зависимости от того, как к этому подойти, и с позиции ненамеренного, но наблюдаемого, определения. По одной примете для каждой, представляя их в приведенном порядке:

Чтобы определить беременность, нужно налить мочу в медный сосуд и бросить в него тонкую иглу на целую ночь; если наутро на иголке появятся красные пятна, то женщина беременна.

Моча беременной женщины имеет цвет, похожий на цвет лимонной корки, и в ней плавают мелкие частички.

Если у женщины внезапно появились на лице пятнышки вроде веснушек (их еще называют «мятежами»), то это верный признак того, что женщина беременна.

Первые две, как можно заметить, имея характер физиологический (трудно поэтому было бы их отличить от медицинских рекомендаций на данную тему), предполагают манипулятивные либо обсервативные обращения с мочой. Не будем входить в вопросы мифологических представлений, а также фольклорных, культово-ритуальных, магических и им подобных, связываемых с мочой¹² как частью человеческой субстанциональности, с возможным ее использованием с целью того либо иного воздействия, поскольку, во-первых, не к этому бы сводилась решаемая нами задача, а во-вторых, трудно было бы увидеть в представленном материале, особенно во втором примере, нечто исходно мистическое. За неимением более подходящего слова, придется так это в данном месте определить, хотя в этом всем можно и следует видеть нечто другое, чего стоило бы коснуться в дальнейшем, после более расширенного описания материала.

Предметный мир, о котором речь, с тем чтобы, не входя в рассуждения и вместе с тем не создавая туманностей, как-то его под этим углом обозначить, не мистический и не магический, а реально существующий, естественный, натуральный мир обычного повседневного проживания. С точки зрения, что необходимо добавить, проживающих в нем. Ничем особо существенным не отличающийся от того, в котором люди живут и теперь, с тем немаловажным и определяющим уточнением, что это мир, воспринимаемый и регулируемый представлениями о нем, мир отраженный. Отличие и специфичный характер его определяется тем, каким именно образом отраженный, воспринимаясь и представляясь не как мистический, или магический, или какой-то еще, а реальный, в реально себя проявляющих действиях, состояниях, положениях и предметностях.

Вернемся, однако, к примерам. Поскольку беременность не только можно, но и нужно определить, как говорится в первой примете, служит это свидетельством важности ее как произошедшего, а может, и произведенного и потому достигнутого результата. С какой позиции важности, не сообщается. Так же как и по данным трем единицам, нет оснований судить о том, как воспринимается данное положение женщины – как произошедшее в силу своей обыденности для нее как супруги, как достигнутое по причине результативно определившихся действий, со стороны

обоих, супруга, видимо, в первую очередь, как ожидаемое и желательное или как неизбежность, которую не обойти.

Все эти вопросы, пусть и не безразличные, оставаясь за скобками, на представленном материале не разрешить. Ответы на них могут себя обнаружить впоследствии. В данном месте беременность, как объект для установления, предстает как никак не окрашенный оценочно либо концептуально факт, как явление, которое может случиться и быть и к которому следует себя подготовить.

Из чего получается, что беременность имеет в подобной своей основе событийный характер и в этом ее повороте будет относиться нами к тому, что можно называть *индуктивом*^{*}. Тем, что случилось, произошло и от желания, нежелания, равно как и, пусть не покажется это странным, от намерения и участия человеческих не зависит. Как зачатие, добавляя к сказанному, рождение, жизнь, болезни, смерть и т.п., воспринимаемые в их приключившихся с человеком, как правило мимовольно, экзистенциональных проекциях, как то, что дано и что следует, восприняв и приняв, пережить. Ибо, как бы там ни было, все это от воли, пусть даже с участием действиями и соучастием, намерения и стремления, независимо от проявляемой активности и интенсивности прилагаемых усилий, никак не зависит. Или есть, или нет. И примеры с определением беременности могут служить тому подтверждением.

Предметами, позволяющими получившееся либо не получившееся положение установить, выступают *медный сосуд* (в который нужно налить мочу, что само собой разумеется, проверяемой женщины), *тонкая игла* (важно и не случайно, что *тонкая*), которую надо бросить в этот сосуд *на целую ночь* (важно и не случайно, что на ночь, не на день). Дополняющими общее представление выступают параметр времени – *если наутро*, и определяющий признак – *красные пятна на иголке*, которые если *появятся*, то *женщина беременна*. А если не появятся или если не будут красными, то, получается, нет? Однако это, что немаловажно, приметой не предполагается, женщина, тем самым и следовательно, должна быть беременна, и в данное представление именно это исходно заложено. В противном случае, можно бы было добавить, зачем проверять? Проверяют с тем, чтобы убедиться в *долженствующем* быть состоянии (долженствовательная модальность согласно грамматике¹³).

Взаимодействующими компонентами определения выступают четыре – *моча*, исходно предполагаемой беременной женщины; *сосуд*, который должен быть *медным*; *игла*, которая *тонкая*; *пятна* на иголке *наутро*, которые будут *красными*. Два из них (сосуд и игла) представляют собой

---

* Лат. *indūco, duxi, ductum, ēre* ‘вводить’; ‘проводить’; ‘внедрять’; ‘вносить’; ‘выводить, представлять’; ‘выводить (на сцену)’.

предметы, обиходные и бытовые, артефактные, не природные. Один – составляющую текущую в человеке субстанциональность (моча). И последний, красные пятна, атрибутивность предмета (иглы) в его позиции к утру после ночного в медном сосуде с мочой пребывания.

К этим всем обстоятельствам обратимся впоследствии, не упустив и того, что находят свое отражение в том, что представлено, также и действия – мочу в медный сосуд нужно *налить*, тонкую иглу на целую ночь *бросить*. Имеется также цель всего этого – *определить* беременность и измененное в отношении предмета состояние для *появляться* красные пятна на иголке наутро, как показатель достигнутого разрешения поставленной цели.

Прежде чем подойти к описанию и представлению стоящей за этим модели, необходимо решить, чем является данная единица применительно к заключенной в ней цели, к какой группе подобных ее следовало бы относить. Нет в ней, как в четырех, рассмотренных ранее, отнесения к желаемому будущему, говорится об определении физического положения женщины на данный момент. Нет и того, что следует представлять как воздействие для получения предполагаемого результата. Необходимо лишь установить и узнать, распознать состояние, отделив его, вследствие этого знания, от другого. Намеренно производимая и целенаправленная операция, которую можно определить как *дискрецию*^{*}, а характеризуемую ею примету как *дискретивно-субстанциональную*, поскольку основу распознавания состояния, хотя и с помощью используемых предметов (медного сосуда, тонкой иглы), составляет субстанция женского организма (моча).

Прежде чем вывести формулу себя обнаружившего взаимодействия предметов с субстанцией на период времени (*на целую ночь*) для определения названного физиологического состояния, стоит задуматься над тем, имеет ли не случайно приметный и, следовательно, концептологический в отношении разбираемого предметного мира смысл то, что сосуд должен быть *медный*, игла выбирается *тонкая*, определение предполагает время проекции *на целую ночь*, проверяют *наутро*, а появляющиеся на иголке пятна *красные*. Значимо это или не значимо и, если значимо, то в каком отношении.

Чтобы ответить на этот вопрос, представим себе изменение признаков. Можно ли было бы определить то же самое, если использовать не медный сосуд, не тонкую иглу или вообще не иглу, произвести операцию, оставив все это не на целую ночь и вообще не на ночь, а пятна, если появятся, не получились бы красными. Не вдаваясь в технические, а с этим химические детали и обстоятельства, поскольку не в этом состояла задача, можно было

* Лат. **discerno, crēvi, crētum, ēre** ‘отделять, разделять’; ‘различать’; ‘отличать’; ‘распознавать, узнавать’; ‘решать, улаживать’.

бы все же предположить, что все это не случайно, а следовательно, и значимо. Однако значимо не сверхъестественным образом, как это может быть свойственно разбираемым единицам, а исходя из знания, выработанного вследствие опыта и многократной проверки. Примерно такое же знание себя обнаружит в приметах, связываемых с погодными наблюдениями, типа *Если солнце садится в облако – следующий день будет ненастный* или *Туманный круг около солнца – к дождю или метели*^{*} и им подобных.

Из чего получается, что, видимо, не имело бы смысла усматривать в перечисленных свойствах медности для сосуда, тонкости для иглы и красноты для пятен чего-либо дополнительного, предполагая увидеть в этом, если не мифологический, то специфический мировоззренческий дополняющий смысл. Так же как и оставление на целую ночь полагает не столько воздействие ночи как значимого в отношении контактов с по-тусторонним периода (что, впрочем, не полностью следует исключить, прилагая это к сознанию так называемых приметоносителей), сколько, возможно, периода темного, лунного и по-иному, чем день, воздействующего на людей и предметы, в том числе и в физическом отношении.

Возвращаясь к оставленному взаимодействию, необходимо сказать, что имеется некий агент, *Ag*, человек, предположительно женщина, но не обязательно, а может, и вряд ли та, которую на беременность проверяют. Этот агент, действуя в отношении субъекта как адресата (проверяемой женщины), *S*, не то, чтобы ей на пользу, но направленно на нее, интенциально и гратификативно^{**}, и тогда проверяемая женщина не столько адресативный, сколько интенциально-гратификативный субъект, *SI* (гратификативная часть дополнительна), – действуя таким образом в отношении названного субъекта (*Ag* и *SI* могут и совпадать, однако не в этом дело и не об этом речь, предметный мир примет и поверий сомнительно, чтобы это предполагал), действуя интенциально, агент использует, как это ранее характеризовалось, субстанциональную составляющую организма субъекта, *Subst(OrgSI)*, производя над ним операции с помещением (в медный сосуд), *Loc(Cap)*, и введением, интеръекцией, *Interject*, объекта, который послужит средством определения, *ObjInstr* (тонкой иглы). Производится все это с оставлением на целую ночь, *Temp(Depos)*, а предполагаемым результатом должно быть изменение внешнего вида инструментального средства, *Mut(Vis)* (красные пятна наутро), что и будет восприниматься как знак ожидаемого состояния субъекта – *Sign(CondSI)*. Если они не появятся, вид иглы останется не измененным, *Stabil*, состояние субъекта также будет показано. В формуле это можно выразить следующим образом:

^{*} Энциклопедия русских примет. Москва: Эксмо, 2003, с. 323.

^{**} Лат. *grātificor, ātus sum, āri depon*. [gratus + facio] 'угождать, стараться услужить': g. alicui aliquid любезно уступить кому-л. что-л., пожертвовать чём-л. в пользу кого-л.

$$Ag(F) > [Loc(Cap) < Subst(OrgSI)] > [Interject(ObjInstr) > Temp(Depos)] > Mut/Stabil(Vis:ObjInstr) = Sign(CondSI)$$

Формула представляет такую концептуальную единицу (характерную для сознания своих носителей и, тем самым, предметного мира повсей-примет), которая, в обобщении, позволяющем относить ее к группе подобных, может определять себя как **с и г н и ф и к а т и в н о - к о н д и ц и о н а л ь н а я** субстанциональная локализация инструментальных объектов, с проявлением объединяемых в единое целое признаков ‘знаковости’ для ‘сстояния’, устанавливаемой через посредство ‘предметов’, ‘помещаемых’ в некое ‘субстанциональное’ окружение, или среду.

Модель, которая за всем этим стоит и проявлением которой выступает данная единица, предполагая более высокий уровень обобщения, видится как модель предметно-инструментальной атрибутивной знаковости. Знаковость может быть также атрибутивно-предметной без инструментальной, предполагающей распознавание на основе атрибута предметов (предмета), их внешнего вида, качества, свойства, и эта знаковость будет по уровню высшей по сравнению с инструментальной, представляющей ее разновидность:

$$OI > A > SC \parallel O > A > SC$$

OI, условно, инструментальный объект, который может быть как множественным, так и единичным, для модели это неважно, *A* – его атрибут, а *S* – получаемый на основании атрибута объекта знак, формирующий знание *C*. После определения моделей в большем числе используемые для передачи модельной конструкции показатели могут быть уточнены.

Следующая единица из приведенных для определения беременности манипуляций с мочой не предполагает, обращая внимание на ее цвет, *похожий на цвет лимонной корки*, и на то, что *в ней плавают мелкие частички*. С точки зрения восприятия и отношения к определяемому состоянию трудно увидеть что-либо новое по сравнению с предыдущей. Нет, следовательно, агента, производящего операцию, хотя есть агент-обсерватор, который так же, как и в предыдущем случае, сомнительно, и по той же причине, чтобы с субъектом, т.е. беременной женщиной, совпадал. Обсервация внешнего вида предполагалась и в случае с красными пятнами на тонкой игле, однако там это было следствием производимых над этой иглой операций, в данном случае это чистое наблюдение.

Имеется, таким образом, некий агент, который не действует, а наблюдает, *AgObserv*, имеется также объект его наблюдения, представляющий собой ту же текучую субстанциональность женского организма (*моча беременной женщины*), *Subst(OrgSI)*, которой приписываются, при

их наличии, соответствующие атрибутивные, внешнего вида, признаки, $Attr(Vis)$, и которые следует подтвердить. Имеется интенциональный субъект, в отношении которого определение производится, SI . И имеется, соответственно, ожидаемый результат (беременное состояние женщины). Укладывается все это в формулу сигнификативного установления, общим смыслом своим похожую на предыдущую, с тем отличием, что используемые для определения предметы как средства и инструменты в нем не участвуют, так же как и не объявляют себя никакие активно производимые действия, в связи с чем и выводимая на этой основе формула, а соответственно, и стоящая за ней единица выглядит проще:

$$AgObserve(F) > Subst(OrgSI) < Attr(Vis) = Sign(CondSI)$$

В отличие от предыдущей модели, определявшейся в отношении предметно-инструментальной атрибутивной знаковости, данная может быть выведена как модель объектно-атрибутивной знаковости, повторяя, тем самым, в своем составе вторую, более обобщенную, из двух перед этим представленных: $O > A > SC$. Из чего получалось бы, что обе характеризуемые единицы с типологической, а также и с парадигматической, точек зрения, относятся к общей группе, при этом вторая, с цветом лимонной корки, представляет проекцию более общего положения в отношении уровня по сравнению с первой.

Следствием обсервации, но на сей раз без предполагаемого производящего направленное наблюдение агента, можно рассматривать также последнюю из трех приведенных примет. Признаком предполагаемой беременности в этом случае выступают не субстанциональные объявления женского организма, но сама женщина, как субъект и объект наблюдения, $S(F)/O(Observ)$. В том, как выглядит и что можно, увидев, заметить у нее на лице – пигментные пятнышки *вроде веснушек*. С немаловажным для определения дополнением, если они на лице у женщины появились *внезапно*, $AttrSubit(Vis)$, т.е., иными словами, не только раньше их не было, но и не имелось тенденции к их постепенному образованию. Формула представляемой единицы могла бы выглядеть следующим образом:

$$S(F)/O(Observ) > AttrSubit(Vis) = Sign(CondS)$$

Предположительно, но это уже в препозиции, производимое наблюдение над женщиной, намеренное или нет, но, исходя из контекста необходимости определения с ожиданием беременного ее состояния, в известном смысле все же намеренное, будет касаться, опять же исходя из того же контекста, не каждой женщины, а лишь той, которая, находясь в супружеском с мужем сожительстве, в более общем и наиболее частом случае, это

свое с ним сожительство начинает. Важно, с позиции все того же предполагаемого ожидания, из чего будет следовать далее изменение ее социального статуса, переводя ее из положения молодухи в более значимое и уважаемое положение бабы, – важно и актуализировано для традиции то, чтобы женщина, вышедши замуж, в недолгом времени забеременела и затем родила, показав таким образом свою продуктивную в отношении мужнина рода способность. Из чего будет следовать соответствующее ограничение в отношении $S(F)/O(Observ)$, относящее ее предпочтительно (если не исключительно) к признаку инициирующей продуктивности, открывающей ей, тем самым, ее положение в роде, или, иными словами, ее интродукции.

В этом смысле и отношении, парадигматически и концептуально, но за пределом верbalного отражения в разбираемых единицах, то, о чем речь, относилось бы, для устройства характеризуемого предметного мира, но не только и не столько поверий-примет, фрагментарной частью которого те выступают, сколько мира имеющихся в общем сознании представлений, – в этом смысле и отношении данная группа рассматриваемых единиц, предполагающих определение беременности, могла бы быть отнесена к разряду тех, в которых себя проявляют значения интродуктивно-генеративной семантики. С подразделением на инициирующую интродуктивную генеративность, а затем продуктивную-репродуктивную (признаки, которые вряд ли возможно, с учетом имеющихся в народном сознании представлений, разделять) и, как в разбираемом случае, в объединении, однако не предполагающем того же самого, что в двух предыдущих, – на инициирующую (ре)продуктивную.

Отметив данное положение как существенное для проективного мира поверий-примет, его поддерживающее и объясняющее, в отношении которого разбираемые единицы необходимо воспринимать как формируемое вербально отображаемое следствие, – отметив все это и имея в виду, следует, ограничивая себя изучаемым материалом и оставаясь в его пределах, за эти пределы в выводах и обобщениях все же не выходить. Парадигматика меньшего, являясь частью состава большего, имеет все основания рассматриваться в собственных параметральных определениях.

Подходя к обобщению и соотнося с предыдущим этапом предшествия появлению человека на свет, каковым представлялось ожидаемое от супругов зачатие, беременность на этапе определения, исходя из представленного, выступает как то, что следует, видится важным и необходимым в ее происшествии подтвердить. При этом, если планируемое и ожидаемое зачатие выступало как то, что с помощью применяемых инструментальных предметов и способов поддается воздействующему регулированию в желаемую сторону с предпочтением мужского пола будущего ребенка женскому, то определяемая с необходимостью убедиться и подтвердить

беременность данного, следующего после зачатия, продвижения ничего подобного не предполагает. Необходимость подтверждающего определения (конфирмативный эстиматив^{*}) выглядит как удостоверяющий факт, который должен быть, который важен, существен, поскольку (предполагаясь исходно), будучи ожидаем, не неизбежен. Может быть, а может не быть.

За этим стоит особый характер вероятно-предполагаемой, а потому субъективной¹⁴, модальности, специфичность которого заключается в направленно-целевой, выжидающей, устремленной к результативному следствию разрешаемого получения предполагаемой вероятности, не допускающей, отталкивающей внутренне от себя вероятность недостижения. Тем самым, это была бы все та же, что и в предыдущем этапе себя проявившая, предпочтительность. Предпочтительно, поскольку важно, существенно и ожидается, чтобы женщина оказалась беременной, и проверка в виде подтверждающего это ее состояние установления именно этому, главным образом, и должна послужить. Из чего следует, говоря в обобщение, удостоверяющий предпочтительно подтверждающим определением достигнутого состояния результатив.

Изменение поведения как показатель достигнутого состояния

Следующую группу поверий-примет все того же цикла предшествия составляют те, в которых отмечается, вследствие достигнутой женщиной и уже очевидного состояния, изменение характера ее поведения, ее отношения к окружающим и отношения к ней, но не со стороны людей, в первую очередь, близких, а со стороны домашних животных. Из четырех единиц материала источника к этим последним относятся три:

Как только молодая понесла, все домашние животные изменяют отношение к ней: они не дичатся, не убегают, а ищут ласки ее, в особенности кошка и собака, которые стараются полежать на ее постели или быть рядом с ней.

---

* Лат. **confirmo**, **āvi**, **ātum**, **āre** ‘крепить, укреплять’; ‘подкреплять’; ‘подтверждать’ (aliquid argumentis et rationibus); ‘уверять, утверждать, доказывать’; ‘объявить действительным’; **aestimo** (**aestymo**), **āvi**, **ātum**, **āre** ‘оценивать’; ‘считать’ (aliquos pro sociis); ‘устанавливать (ценность), ‘определять (достоинство)’; ‘полагать, высказывать мнение, давать заключение’.

Особенное расположение животных к беременной женщине нельзя считать добрым знаком, особенно если она платит им взаимностью: будет трудная беременность и разрешение.

Если же на ласки и приязнь животных женщина отвечает явным равнодушием, то ее беременность либо ложная, либо будет протекать благополучно и благополучно же разрешится.

Первое, на что стоит и следует обратить внимание, это на то, что первая фаза, начало беременности, отмечается изменением и особым расположением к женщине со стороны домашних животных. Люди себя в этом случае не проявляют. Можно интерпретировать данное положение, не углубляясь и не ища дополнительных смыслов, более обостренным по сравнению с человеком, поскольку близким к природе, может, не столько инстинктивным (не всегда подходящее это слово), и не интуитивным, а, скажем так, импульсивно-эмоциональным и эмотивным чутьем, более чистой и не замутненной физической и психической организацией у животных. Трудно, однако, было бы это к поверием и приметам в отношении понимания животного мира, с учетом имеющихся в народном сознании представлений, прикладывать.

Домашние животные, составляя ближайшее по отношению к человеку и, отчасти, собственное его окружение, с одной стороны, как живая, подвижная часть, в том числе и хозяйственного обихода, а с другой, как живая, участвующая и вместе с тем ограждающая, – служат посредниками, промежуточной составляющей, переходной и обращаемой, между тем, что относится к человеческому как родовому семейному, и тем, что, будучи вне и вокруг, таковым не является. Чем бы оно ни являлось и ни предстояло – потустороннее ли, чужое ли, натурально-природное, мертвое, полевое, лесное, речное и пр. Будучи таковыми, животные, если не видят (что также не исключено), то чувствуют, а чувствуя, понимают и (если не вкладывать в это человеческий смысл) знают – то, что обычному человеку в обычном для него состоянии не дано.

Проявляется это их чувство и знание в поведении и в отношении, в поведении для себя, в отношении – к человеку. И это свойство, этот их поддающийся изменению в зависимости от происходящего характер воспринимается и представляется как показатель, позволяющий, устанавливая, определять, что именно произошло или что в скором времени ожидается. Открытость домашних животных, в первую очередь, по отношению к происходящему, открытость их равным образом внешнему миру и внутренним состояниям, невидимому, если говорить в обобщении, эта открытость их составляет необходимую и неотъемлемую мотивирующую основу примет¹⁵. Впрочем, не в этом смысл и суть проводимого рассмотрения. Отдавая в этом себе отчет и имея данное представление в виду

как мировоззренческую по своей природе основу, обращать внимание, описывать и изучать будем то, что следует непосредственно из материала и находит в нем свое отражение.

Вторую сторону, помимо изменения поведения и отношения животных к беременной, составляет обратное, обращенное к ним, проявление женщины, также воспринимаемое как измененное. Иными словами, будучи не беременной, до беременности, женщина так себя по отношению к ним не вела.

Обратимся для более пристального рассмотрения с тем, чтобы вывести вероятные следствия, к первой единице из трех приведенных. *Как только молодая понесла* – акцентируется первоначальная, для семейного окружения, скорее всего, незаметная фаза (если определения на беременность ранее не было произведено). В этом смысле следующее далее представление – *все домашние животные изменяют отношение к ней*, можно как такое определение произошедшей беременности воспринимать. Коль скоро домашние животные, и не просто, а *все*, изменили к ней отношение, то это верный признак только что произошедшей беременности.

Далее, в пояснение, говорится, что *они не дичатся, не убегают, а ищут ласки ее*. Из чего получалось бы, что за ними ранее этого не замечалось, т.е. они дичились при виде ее, убегали и не искали ласки. Не потому, по-видимому, стоит добавить, что чувствовали в ней недоброго человека (привычный взгляд с современной позиции), а потому, и это ближе к предметному миру примет и не только примет, что молодая до первой беременности и до первых, далее, родов чужая для них в доме мужа пока еще и не своя. Изменение отношения к ней со стороны домашних животных с появлением у нее признаков произошедшей беременности есть в этом смысле знаком признания, принятия и освоения с их стороны. Опустим лежащее на поверхности и также более свойственное современному восприятию не всегда достоверное представление о большей расположенностии домашних животных к детям, а следовательно, и беременным, чем ко взрослым и не находящимся в таком положении, поскольку, говоря опять же о том же предметном мире примет, не это будет определяющим.

Вслед за этим их поведением, идет, также немаловажное, с точки зрения места и положения в хозяйстве и доме¹⁶, уточнение – *в особенности кошка и собака*, и еще более значимое, но несколько в другом, хотя и развивающем, отношении расширение – *которые стараются полежать на ее постели или быть рядом с ней*. Полежать на ее постели или быть рядом с ней – или то, или то, не одно и другое. Однако не потому, необходимо добавить для объяснения, что то и другое по существу невозможно, а потому, что за этим стоит свой особенный и различаемый смысл.

Полежать на ее постели предполагает, с одной стороны, приобщение к наиболее близкой, интимной и вместе с тем не бодрствующей, рассла-

бленной, стороне бытия человека, а также, что с этим связано, к так называемому третьему состоянию, пребывания во сне, промежуточному между жизнью и смертью и близкому ко второму. С другой стороны, через все тот же приобщающий и адаптирующий контакт, произвести, импульсивно и эмотивно, то, что в языке называется *греть, нагреть кому-либо место*, посидев, полежав на нем перед ним, что, в свою очередь, хотя в языке это не отмечается, предполагает также происходящий при этом обмен, флюидами, токами, биоэнергетическими и биоритмическими невидимыми субстанциями, создающими, формирующими соответствующие поле и фон.

Быть рядом с ней, в свою очередь, может предполагать что-то вроде защитного, ограждающего сопровождения, с одной стороны, приобщающего и адаптирующего, как в предыдущем случае, с другой, придающего, посылающего от себя нечто свое, формируя, опять же невидимую, защитную оболочку.

И, наконец, последнее, помимо знакового характера в данной примете, предполагающего со стороны домашних животных проявление признаков произошедшей беременности у молодой, видимо, следует говорить, исходя из только что перед этим представленного, о ... И вот тут возникает вопрос – о чем таком, собственно? Поскольку трудно было бы, наблюдая, приписывать все тому же предметному миру примет, в части, касающейся домашних животных, те признаки, которые подводили бы к мысли об их признании, освоении и адаптации молодой в доме мужа.

Вместе с тем из этого можно было бы вывести то, что после первой беременности (нет сомнения, что именно об этом речь, поскольку говорится не *женщина, баба или супруга, жена, а молодая*, т.е. недавно вышедшая замуж, первого года супружества и еще не рожавшая), – то, что после первой беременности, во-первых, подвергается изменению статус у молодой, ее ожидает после рождения ребенка переход на следующую ступень родовой акцептации и, во-вторых, что связано с тем, что во-первых, с этой первой беременностью она естественным образом приобщается к родовому началу мужчина дома-семьи. Из чего будет следовать третья, делающее ее полноправной в этом доме-семье хозяйкой, наравне с другими женами, скажем, старших братьев, если таковые имеются.

Тем самым, помимо знакового характера, отнюдь не укрытого, имеет смысл говорить о ее приобщении к роду, вхождении в род, на женских, что само собой разумеется, а потому не только статусных, но и хозяйственных, в первую очередь, условиях и правах. Параметр, который можно определять как позицию генеративной ее адаптации. Понятно, что в отношении рода мужа и вместе с этим его семьи. Так называемой большой семьи в составе всех ее, от старших к младшим, представителей.

Возникает при этом вопрос – относимо ли это к данной примете, в том смысле, что явно и очевидно либо укрыто в ней и прямо не выражено?

Чтобы ответить, стоит еще раз задуматься над тем, что представлено. Что означает, помимо соотнесения, знакового или не знакового, то, что домашние животные, да к тому же *все*, изменяют отношение к молодой, как только та понесла? Не углубляясь в то, о чём ранее говорилось, видимо, есть основания полагать, что за этим стоит представление о состоянии, которое влияет на поведение и характер самой беременной. Она становится более мягкой, спокойной (с позиции домашних животных), возможно, физически погруженной в себя и открытой тому, что природно, а не общественно и социально. Становится ближе животному миру, животным, с их для них типичным и свойственным отношением ко всему окружающему. Становится более понятной для них и лучше воспринимаемой ими. Признак, который также можно определять как адаптивный, не то, чтобы в другую, а в более общую сторону, предполагающую разные виды и адаптивности, и перехода на следующую в экзистенциональном смысле ступень.

Все сказанное, исходя из того, что за этим скрывается и стоит, для семантики разбираемой единицы, а с этим и в отражении в формуле, затем и модели, есть основания относить к параметральной характеристике состояния молодой в отношении первой, но, если шире, то и не только первой беременности, определяя это ее состояние как изменение в сторону ‘натурализации’, вкладывая в это удвоенный смысл – адаптации в семейно-домашнем, хозяйственном и родовом и приобщающего сближения к натурально-природному, сближающему с животными, проявлению.

Переформулируя то, что содержится в разбираемой единице для целей передачи определяемых значений в конструкции, представить в ней отраженное можно следующим образом: ‘Если домашние животные, *Animal(Dom)*, изменяют в сторону близости, *Affil*, отношение к молодой, *SNupt*^{*}, то это знак, *Sign*, того, что та оказалась в начальной фазе, *Incept*, (с точки зрения единицы то, что это в самом начале, небезразлично, поскольку выражено оборотом *Как только*) того состояния, *Cond*, которое ‘натурализует’ ее, *Natur*, приближая к природному (природно-физическому) и домашнему положению, *DomPhys*’:

$$\text{Animal}(\text{Dom}) > \text{Affil}(\text{SNupt}) = \text{SignIncept}[(\text{CondSNupt} > \text{Natur}(\text{DomPhys}))]$$

Единицу, тем самым, следует относить, в группе знаковых, к подгруппе анимально-знаковых (в отличие от предметно-знаковых и в па-

* Лат. **nupta**, *ae f* [nubo] ‘жена, супруга’; ‘замужняя женщина’; ‘невеста’; **nūbo**, **nupsi**, *nuptum*, *ěre* (редко) ‘покрывать, окутывать’; ‘закутываться в покрывало (о невесте в день свадьбы), т.е. выходить замуж’.

раллели к ним), к подгруппе также знаково-инцептивных (отмечающих начало чего-либо), а в ней к разновидности кондициональных (характеризующих состояние). Общим парадигматическим определением было бы положение ее в единицах анимально-знаково-инцептивно-кондициональных, если бы таковые, помимо данной, нашли свое выражение в материале.

Модель, которая за всем этим стоит, представляя собой более высокий уровень обобщения, может быть описана как модель анимально-гестиональной^{*} знаковости: *Anim > Gest > SC*.

Следующая единица из трех приведенных, на первый взгляд, противоречит по смыслу рассмотренной, поскольку, как в ней говорится, *Особенное расположение животных к беременной женщине нельзя считать добрым знаком*, с усиливающим распространением *особенно если она платит им взаимностью*. Знак этот воспринимается вместе с тем с отнесением не к настоящему ее состоянию, а к тому, как и чем оно продолжит себя в последующем и затем закончится: *будет трудная беременность и разрешение*.

Все это переводит проявление отношения животных к беременной и ее такое же ответное к ним в совершенно иную плоскость. Предсказывается не случившееся, демонстрируя себя как состоявшийся факт, проецируется положение в будущем. Животные, с одной стороны, почувствовали не только и даже не столько беременность как таковую, о чем говорилось в рассмотренной единице, они предчувствуют трудности ожидаемого положения. Физического характера, в первую очередь, поскольку трудная беременность и разрешение предполагают боли, недомогания, длительность, повторяемость, неотпускание, в конечном счете, переживание состояния, близкого к смерти, смертью также грозящего, а нередко и завершающегося.

По общему смыслу данную единицу можно было бы относить к разряду знаково-предвещающих предупреждающего, объявляющего, характера, раскрывающего то, что укрыто, но ожидаемо, и не то, чтобы с определенной долей вероятности, а непременно произойдет (модальность подтверждаемой уверенности). Средством, а точнее способом объявления этого ожидаемого (вне зависимости для данного уровня обобщения того, чем это может быть), становится отношение животных, т.е. опять же их поведение – анимально-гестиональная знаковость. Вместе с тем это не будет одна только анимально-гестиональная знаковость, поскольку, как получается, особенное расположение должно быть взаимным, говорится о том, что *особенно если она платит им взаимностью*. Что стоит за этим

^{*} Лат. **I gestio, ūnis f** [gero] ‘исполнение, ведение, совершение’; ‘поведение, образ действий’.

особенно, но не с точки зрения общепонятного смысла, а с точки зрения определения разряда, подразряда возможно, если быть более точным?

С одной стороны, и, скорее, поэтому внешней, это *особенно* можно воспринимать как усиление. Если бы не было этого, то беременность и ее разрешение могли бы быть менее трудными? Как представляется, все же дело не в этом, а в том, что между животными и беременной женщиной (в данном случае, может быть, и не исключительно молодой, т.е. еще не рожавшей) устанавливается взаимная связь, которая и выступает свидетельством того, о чем говорится в примете. Связь эта, будучи выражением интуитивного поиска с ее стороны и поддержки со стороны домашних животных, представляет собой выражение того, что произойдет, что беременность и разрешение будут трудными. *Особенно* в разбираемом случае не только и не столько усиливает неотвратимость определяемого, сколько служит дополнительным знаком предсказываемого. Вместе с тем, как получается из последующей единицы, развивающей те же взаимные отношения (*Если же на ласки и приязнь животных женщина отвечает явным равнодушием*), при отсутствии обратной подобной реакции с ее стороны, трудностей ожидать не приходится.

И, естественным образом, тогда возникает из всего этого немаловажный вопрос. Как воспринимать отраженное предсказание в случае с взаимностью и с равнодушием? Нет ли в этом противоречия? Поскольку, если *Особенное расположение животных к беременной женщине нельзя считать добрым знаком* (не обращая внимание на то, что следует из *особенно*), и вместе с тем *Если же на ласки и приязнь животных женщина отвечает явным равнодушием*, то недоброго знака нет.

Разрешение видится не в том, что следует определять как противоречие, а в том, что с помощью соотносимых по смыслу слов выражены две различные ситуации. В первом случае особенное расположение животных имеет контактно-взаимообратную, обратимую, разновидность. Животные проявляют к беременной особенное расположение не в ответ, но в связи с таким же, ими предчувствуемым, предрасположенным отношением к ним, может, не сразу так прямо видимым и наблюдаемым (отсюда это *особенно*, как следствие того, что себя объявит впоследствии). И это сочувствующее, эмпатическое, отношение по своему характеру с их стороны.

В свою очередь, вторая отображеная ситуация предполагает нечто другое. Животные реагируют исключительно и единственno на состояние женщины. Взаимообратной контактности, обратимости связи нет, поскольку с ее стороны нет того же, есть явное равнодушие. И тогда это не столько сочувствующий и эмпатический поворот, сколько знак беременного либо псевдoberеменного (в случае ложной беременности) ее положения. Такое же к ней отношение с их стороны, которое себя проявило

в рассмотренном случае с молодой, как только та понесла, и, отчасти, с тем же описанным при всем этом значением.

Возвращаясь к определению единицы с особенным расположением животных к беременной при взаимности с ее стороны, для отражения в формуле (как анимально-гестиональная знаковость предвещающе-предупреждающего характера сказанное в ней уже было представлено) следует говорить не о том, что знаковым образом отмечается ее состояние, поскольку как о беременной о ней непосредственным образом сообщается. Это знак не настоящего ее положения, как отмечалось ранее, но того, которое будет ее ожидать. И тогда животные в их аффилиативном отношении, *Affil*, к беременной, *SPraegn*, с дополнительным обратно-контактным и равным отношением к ним с ее стороны, выступают во взаимодействии знаковым средством определения ее состояния по признаку тяжести, как в протекании, так и затем в завершении, *PraegnExitS*:

$$Animal(Dom) > / < Affil(SPraegn) = SignDifficil(PraegnExitS)$$

Стоящую за этим модель можно представить в ее обобщении как такую, в которой находит свое выражение показатель одностороннего либо, как дополнительность, двустороннего, обоюдно направленного, отношения (релятива), не обязательно аффилиативного, которое будет себя проявлять на последующем уровне – отношения, действующего и в модели себя обнаруживающего как несущий определенное знание знак. Характер этого знания, того, о чем оно и что несет с собой знак, к модели иметь отношения не будет. Проявит это себя для разряда, групп и подгрупп семантических единиц, передаваемых с помощью представляемых в индексах формул. Об устройстве и соотношениях всего этого, системно-парадигматическом по определяемому характеру, речь пойдет в последующем, после большего числа характеризуемых единиц.

Для данного уровня представления (в модели) не суть важно также, что релятив устанавливается между животными и человеком. Взаимодействующими участниками могут быть любые по природе своей существа, не исключая также и представителей не этого мира, умерших, потусторонних, каких-то иных. Важно, чтобы подобные существа, обладая такой способностью, могли вступать в отношения релятивного взаимодействия, под которым следует понимать проявления не акционального, которое может быть, а может не быть, а эмотивного, импульсивно-эмоционального, чувственно-сенситивного, психогенного, психоэнергетического характера, соответствующим образом заряженного и на кого-то либо, возможно, что-то направленного.

Существа эти принято воспринимать в понятиях одушевленности (вкладывая в это не столько грамматический, сколько концептуально-

мировоззренческий, однако не современный, смысл). В том отношении, что они обладают и наделяются представлением, но не душой, и не духа, и не сознания, и не воли, которые могут быть и могут не быть, и не животно-вitalьной субстанции, придающей способность существовать, передвигаясь или не передвигаясь, которая также возможна, но не для всех. Существа эти все в совокупности и без различия на виды, в их обобщении, обладали бы тем, что можно себе представить как самоэнергетизирующийся флюид, позволяющий им себя проявлять вне зависимости, а если в зависимости, то преобразуемой и подталкивающей, от чего-то другого.

Данное поясняющее отступление следует воспринимать не как философствующие по своему характеру рассуждения, а как то, что в отображаемом смысле характеризует определяемый предметный мир, поскольку в повериях и приметах возможны и нередко себя проявляют, пусть и не прямо и не непосредственно, некие силы, не всегда принимающие вид и характер привычно воспринимаемых одушевляемых форм. Впоследствии к данному положению при описании соответствующего материала можно будет затем возвратиться.

Итак, говоря о модели, реализацией которой можно считать рассмотренную перед тем единицу с особенным расположением животных к беременной женщине и взаимностью с ее стороны, – определять ее можно как взаимный (дополнительно) релятив способных к активному проявлению существ, который становится знаком какого-то выводимого знания: $AE > R/M > SC$. И это была бы модель (мутуо-)релятивной актив-эссенциальной знаковости. С предположением той, которая ранее определила себя как модель анимально-гестиональной знаковости, как ее разновидности. В известном смысле модель релятивная будет более высокой по уровню. Характер соотношения моделей, впрочем, представляет собой вопрос отдельного рассмотрения.

Получается, что лишь при взаимном расположении женщины, о чем, впрочем, уже говорилось, следует видеть трудности в протекании и разрешении беременности. Однако для разбираемого случая, продвигаясь в определении дальше, важно не только то, что происходит все в последующем будет благополучно, но также и то, что связывается это союзом либо с так называемой ложной беременностью. Из чего получается, что явное равнодушие в ответ на особенное отношение животных, с одной стороны, означает, что для беременной все обойдется благополучно, а с другой стороны, в паре к этому, благополучие протекания и разрешения оказываются приравненными и в одном ряду, с точки зрения предвестия, заключенного в одностороннем и не взаимном расположении, с ложной беременностью.

Объяснить данное положение можно, единственно, то и другое объединяющей легкостью. Если беременность ложная, сомнительным было

бы видеть трудности, если не протекания, то разрешения, каковое и не наступит. Так же как и нетрудными будут протекание и разрешение второй допускаемой возможности, связанной с помощью *либо*. Мотивирующая основа того и другого ранее уже объяснялась, сводясь к тому, что женщина внутренне, находясь в состоянии беременности, будь то ложной или не ложной, не ищет эмотивно-витальной поддержки со стороны домашних животных, поскольку она ей не требуется (при условии благополучия). Необходимо поэтому далее выяснить, что представляет собой данная единица, в каком отношении она находится с предыдущей и как показать модель, которая за этим стоит.

Конструктивно разбираемая единица на предыдущую во многом похожа, отличие заключается в односторонне направленном аффилиативе со стороны домашних животных. Без взаимности со стороны предполагаемо беременной, при ее, по отношению к ним, индифферентности, *Indiff*. А также в том, что допускается, по исключению, выбор между фиктивностью ожидаемого состояния, *PraegnFict*, и благополучием его протекания, с таким же благополучием разрешения в предполагаемом конце, *SalExitS*:

$$Animal(Dom) > Affil(SPraegn) < SPraegn(Indiff) = Sign(PraegnFict/ SalExitS)$$

Модель может быть представлена опять же как знаковая с опорой на односторонний, неважно какой в обобщающем случае, релятив. Тем самым, это была бы модель, непосредственно связанная с предыдущей, определяемая, соответственно, как модель релятивной актив-эссенциальной знаковости: *AE* > *R* > *SC*. И тогда предыдущая могла бы представить ее уточняемый по показателю мутуативности вариант.

Для концептуального обобщения, говоря о моделях и единицах, отвлекаясь от способа формульного, как структурно просвечивающего, отображения, можно представить себе в виде цепочки идей, существующих внутренне, в ощущении и в сознании, применительно к разбираемым трем единицам, соотношения следующего характера:

1. Если наблюдается, что некто или нечто условно живое, поскольку активно себя проявляющее, изменяет свое отношение, имевшее место до этого, к кому-либо или к чему-либо, то > с достаточной очевидностью следует полагать изменение, возникновение нового состояния у объекта подобного измененного отношения.
2. Если наблюдается, что, скажем, животные, прежде всего домашние, а особенно кошки и/или собаки, меняют свое отношение к своему человеку > следует ожидать изменения его состояния, которое, вполне вероятно, уже произошло, но ему неизвестно.

3. Если наблюдается, что те же животные меняют свое отношение в аффилитивную, контактно-сочувствующую, эмпатическую сторону > состояние такого их человеческого объекта должно вызывать беспокойство.
4. Если наблюдается (и здесь мы подходим к началу того, что выражается далее в рассмотренных единицах), что те же животные меняют свое отношение в аффилитивную сторону к молодой (в доме мужа, в котором она после заключения брака живет) > состояние ее объясняется произошедшей недавно беременностью.
- 5a. Если на их расположение беременная женщина отвечает взаимностью > это ее состояние будет тяжелым как в протекании, так и в разрешении.
- 5b. Если на их расположение беременная женщина отвечает явным равнодушием > это ее состояние либо должно, либо будет благополучным как в протекании, так и в разрешении. 5a и 5b – единицы общего уровня, следующего в распространение к 4.

О моделях, видимо, следует говорить применительно к тому, что было представлено для 1, отчасти, возможно, для 2. То, что касается 3 и последующих, способно найти свое отражение в тех единицах, которые определяются как поверия и приметы, поскольку в них, равным образом, как отношение в левой части при *если*, так и характер следствия в правой части, после знака >, определены. Определенность эта, как можно было увидеть, имеет, может иметь, характер последовательного для каждого очередного уровня уточнения. Из чего получалось бы, что данные единицы способны между собой не только соотноситься, но и различаться по степени представляемой в них обобщенности.

К характеризуемому этапу предшествия появления человека на свет, определившему себя в отношении произошедшей беременности, относится еще одна единица в источнике, несколько отстоящая по передаваемому смыслу от предыдущих:

Если беременная женщина становится особенно ласковой с мужем и родными, то это недобрый знак, предвещающий разлуку с теми, с кем она ласкова.

С одной стороны, отмечается встречавшийся также и ранее характер изменения отношения в аффилиативную сторону. С другой, изменение этого отношения исходит не от домашних животных, как это себя наблюдало, с взаимностью либо без таковой, изменение отношения исходит на сей раз от самой беременной и касается в предсказании не ее состояния, не того, каким ему быть, а чего-то принципиально иного – разлуки с теми, с кем она ласкова. И опять появляется ранее себя уже наблю-

давшее *особенно*, из которого следует, что до этого та же *беременная женщина особенно ласковой с мужем и родными*, в общем-то, не была, на что указывает глагольная связка *становится*.

Прибегая к простому и достаточно очевидному объяснению, в отношении которого трудно что-либо возразить, беременная женщина, будучи особо чувствительна, с одной стороны, а с другой, напротив, менее реактивна, закрыта, поскольку в свое состояние погружена, не осознавая, но ощущая, точнее импульсивно, физиологически чувствуя, реагирует на окружающее через призму своего состояния таким каким-то образом, который связывается с тем, что ожидается и произойдет в контексте тревожности, оставления, возможности одиночества и какой-то, если шире, угрозы. Беременная женщина, в первую очередь, внутренне и импульсивно, требует, ищет, предполагает защиту, в своем таком состоянии она должна быть окружена, при ней должны быть более или менее постоянно, стабильно, надежные близкие. Те, на кого она может рассчитывать. Отсюда, не осознавая, но чувствуя, воспринимает она разлуку, которая произойдет, как ожидаемый отрыв, оставление, прерывание сложившихся и ей теперь особенно необходимых связей, стремясь компенсировать, избежать, устраниТЬ, опять же эмотивно и импульсивно, проявлениями особенной ласковости со своей стороны.

Объяснять происшедшее, то, что беременная становится особенно ласковой и это предвещает разлуку, можно также с позиции плода. Растущее в теле ее существо, с одной стороны, находится в промежуточном к жизненной экзистенции состояния, слишком к мертвому и потустороннему, но не просто к мертвому и потустороннему, и это с другой стороны, а к мертвому своего родового и потустороннему, которое забирает жизнь, но может также ее и, возвращая, давать. Состояние это, будучи промежуточным, между тем и этим, не живым и живым, однако ближе к тому, что первое, – состояние это открыто, с одной стороны, к тому, что пока еще не настояще, а то ли будущее, то ли вневременное, а с другой своей стороны, в силу все той же открытости (а с этим сомнительности и незащищенности, живые своего родового не могут его поддержать, поэтому взвешенность положения неизбежна), оно, но не способно предвидеть будущее, что было бы не релевантно, а, пребывая не в настоящем времени, чувствует, точнее чувственno, ощущением, знает то, что для человека, ногами ходящего по земле и в ее непосредственном окружении своего бытия находящегося, воспринимается и определяется как то, что, в бытии этом не получая пока еще места, невидимо, неизвестно и не произошло. То, что может произойти, если есть у него к тому основания полагать.

Однако не в объяснении мотивирующей основы, дающей возможность понять, как действуют люди, животные и предметы в определяемом мире поверий-примет, состояла задача. Говоря о нем таковом, можно видеть

как очевидное то, что в этом мире имеются ролевые и релятивные проявления, обращенные к людям и в них себя реализующие. Таковыми являются в разбираемой единице *беременная женщина*, витально-экзистенциональностный человеческий проектив, которая *становится особенно ласковой*, с релятивом аффилиативной направленности, как субъект (не агент, поскольку не действует); далее *муж* и *родные*, позиционно- и социально-ролевые проекции ‘человека’, выступающие здесь в виде объектов направленного на них аффилиативного релятива со стороны упомянутого субъекта. Различия между тем, кто выступает как *муж*, и теми, кто фигурируют как *родные*, в данном случае не отмечается. И тот и другие равным образом проявлены как объекты направленных на них со стороны *беременной чувств*.

Говоря об устройстве предметного мира поверий-примет, следует также иметь, определяя, в виду то, что возможны в нем положения (что это и чем является в данном мире, подлежит объяснению, которое опустим на данном этапе), которые определяются, выражаемые с помощью слов *быть*, *становиться с кем-либо ласковым / ласковой, особенно ласковым / ласковой*, а также *разлука кого-либо с кем-либо*. Понятные с точки зрения своих привычных значений, они должны быть, точнее то, что выражено с помощью этих, равно как и других каких-либо, слов, должно быть вписано в отражаемую через поверия и приметы систему, исходно концептуальную, устроенную парадигматически, в системно-концептуальных и парадигматических смыслах и отношениях описываясь и представляясь.

Возвращаясь к определению разбираемой единицы с *беременной женщины*, становящейся ласковой, видится необходимым сказать, что в ней представленное следует охарактеризовать как ранее уже встречавшееся знаковое предвестие предупреждающего (раскрывающего) характера. Как и в том ранее рассмотренном случае, предупреждение содержится в изменяющем отношении со стороны кого-либо, направленном на какой-то живой объект, в том и данном случае человека, и это предупреждение как предвестие, касаясь этого человека, в отличие от предыдущего случая с предупреждением (там речь шла о трудной беременности), имеет в известном смысле обюодный характер, поскольку разлука с мужем или кем-то из близких затронет, естественным образом, и ее самое – *беременную женщину*, ставшую с ними особенно ласковой.

В формульном выражении данная единица получила бы следующий вид:

$$S(Preagn) > Affil(Obj) = Sign(DisjunctObjS)$$

Воспринимая разлуку как разобщение, разделение, с отрывом и удалением, ее можно определять с позиции (не входя в дальнейшие уточнения,

которые могут впоследствии себя объявить) пространственно реализуемой дистантности (дистантность может быть и не пространственная). И тогда изменение отношения со стороны кого-то в сторону другого кого-то (не имея в виду только людей) становится знаком наступающей вслед за этим дистантности.

Как получается, модель, которая из этого следует и по этому основанию выводится, включает в себя не только аффилиатив, но любой возможный характер изменяемого отношения, в котором аффилиатив представляет собой только частный случай. Так же как частный случай и разновидность будет собой представлять для передаваемого знака дистантность. И эта была бы, для наиболее высокого уровня (но, видимо, не наивысшего), того, который был раньше представлен как первый под цифрой 1, – это была бы уже встречавшаяся ранее модель релятивной актив-эссенциальной знаковости: $AE > R > SC$. В своей разновидности, второго и третьего уровней (2 и 3), применительно к данному случаю и приближающейся к тому, что выражено в рассмотренной единице (для 4 и 5), – в разновидности изменения релятива для R (в любую сторону), субъекта какого-то состояния для AE и знаковости применительно к пространственной дистантности для SC :

$$Subj(Cond) > R(Mut) > SpatDist(SubjObj)$$

Параметральные определения на основе воспринимаемых признаков

Следующую группу того же этапа предшествия составляют поверия и приметы, касающиеся немаловажного, как оказывается исходя из количества материала, вопроса, кто должен родиться, мальчик или девочка. Беременность уже состоялась, поэтому так, как это было на этапе зачатия, на пол ребенка нельзя повлиять, но можно на основании себя проявляющих признаков его, по крайней мере, предвидеть.

Вопрос, который может возникнуть как не попутный и для разбираемого предметного мира имеющий собственное значение, сводился бы к положению о том, с какой целью (опустим сложившиеся традиционно и продолжающие существовать представления, поскольку в данном случае дело не в этом) и чем можно было бы объяснить то ли желание, то ли необходимость узнать регуляцию пола ребенка. *Регуляция* здесь не случайное слово, поскольку естественным, а может, и не естественным, а сверхестественным образом чем-то и кем-то производится и устанавливается,

с точки зрения сознания, о котором речь, какой-то и чем-то мотивируемый без участия человека отбор. Человек в этом пункте, скажем так, экзистенционального своего пребывания подвержен действию от него не зависящих и не поддающихся его управлению сил. Так же как и в отношении бесплодия или бездетности, удачности либо неудачности брака, хорошей либо плохой жены или мужа, к этому также физических состояний, болезней, несчастий, удач, неудач, не говоря об ожидающей каждого смерти, а вместе с этим и своего появления на свет, в известном смысле, исходя из народной традиции, также и рождения детей.

И тогда, поставив такой вопрос и предполагая увидеть в нем при возможном ответе, с одной стороны, проявление определенных сил, от которых это зависит и которые управляют этим, направляя в мужскую либо в женскую половинную¹⁷ часть усиления, а с другой стороны, сложившийся не индивидуальный, а коллективный, социумный интерес, поскольку он обнаруживает себя главным образом в материале, – поставив такой вопрос, прямого ответа на него ожидать не приходится. Действие регулирующих сил оказывается за пределами выраженного, мало того, оно, не объявляя себя никак, не ощутимо. Трудно искать такого же непосредственного определения для предпочтения пола ребенка. Можно, с определенной долей непротиворечия и допустимости, сделать это, исходя из каких-либо косвенных, атрибутивных и сопровождающих, указаний. Попытку подобного рода попробуем при анализе предпринять.

Обращаясь теперь непосредственно к материалу, можно увидеть в нем, в разбираемом тематическом определении пола ребенка на основе каких-то признаков, три, а точнее четыре, группы. Три с проявлением одного какого-то показателя, четвертая – в их совмещении. Выделяемыми для определения пола, для первой группы, будут признаки внешнего вида, то, как женщина выглядит, что изменилось либо меняется в ее теле или лице. Вторую группу составляют признаки ее проявления, исходно предполагаемые как от нее не зависящие, то, что она, поддаваясь какому-то импульсу, осуществит либо на что-то как-то отреагирует. В дополнение к этому второму параметру необходимо сказать, что выбор в этом случае далеко не велик, по одному примеру в источнике. Третью группу составляют довольно известные признаки предпочтений в еде. В зависимости от того, что беременная охотнее ест, указывать это будет на то, кого следует ожидать, родится мальчик или родится девочка. В четвертой группе совмещаются признаки внешнего вида (стороны расположения ребенка внутри живота) с предпочтениями в еде либо развлечениях и занимаемых во время сидения позах (протягивает вперед правую или левую ногу).

Все эти признаки, что приходится полагать, прямым отношением к полу ребенка не объясняются. Из чего может следовать предположение о непрямом и скрытом влиянии их на состояние беременной через то,

кто находится у нее в животе, девочка или мальчик, а через то, в свою очередь, вероятное в своих проявлениях действие чего-то еще. Не всегда, а может, и не до конца обоснованно, с точки зрения того же предметного мира и связанных с ним представлений, влияние это следует объяснять исключительно физиологическими причинами, эти причины могут быть следствием себя таким образом объявляющего и чего-то другого. Однако не будем данное положение развивать без особых на то оснований, представив его как возможный, но без своего раскрытия, недостаточный в объяснении ход.

К первой группе из упомянутых в материале источника относились бы четыре таких единицы:

Если женщина во время беременности полнеет в лице, то она родит, скорее всего, девочку, а если худеет, то сына.

Если у беременной женщины живот приподнят кверху и имеет крутой и острый вид, то родится мальчик, а если живот широкий в боках и округлый, то родится девочка.

Если беременная веселая, бодрая, румяная, то родится мальчик, а если наоборот, то девочка.

Белые соски на молочных железах указывают на беременность мальчиком, а темные – на беременность девочкой.

Идя по порядку, прежде чем описать представленное в формулах, передающих значения единиц с отражением стоящих за ними моделей, обратим внимание на следующие обстоятельства:

1. Почему и, тем самым, как и чем объяснить, то, что женщина *полнеет в лице*, с неслучайным, видимо, указанием *во время беременности*, т.е., предполагая какую-то длительность, не сразу, не вдруг, а в ее ходе и протекании, – почему такое ее состояние означает, что она родит *девочку*, а если, наоборот, *худеет*, то *сына*. И то, что в одном случае *девочку*, а в другом, и не симметрично, *сына*, не мальчика, а там, соответственно, все же не дочь? Вроде как разные плоскости? Можно, конечно же, объяснить это традиционными представлениями, опирающимися на мысль, что *Дочь – чужое сокровище*, по пословице, с рядом подобных других¹⁸. Однако в данном случае, как представляется, дело все же не в этом. Что заставляет, помимо чистой физиологии, поскольку не только, а может не столько, в одном случае женщину в лице полнеть, а в другом худеть?
2. Поддается ли все тому же не только физиологическому и сложившемуся веками понятийному объяснению, не всегда, как известно, к тому же в реальности достоверному, то, что по форме живота у беременной можно определить, кто родится? То, что *живот приподнят кверху*

и имеет крутой и острый вид, и поэтому рождается мальчик, а если широкий в боках и округлый, то рождается девочка, – было бы объяснением слишком простым, прозрачным и ассоциативно прямо соотносимым. Только ли в этом дело и к чему тогда подобное указание?

3. Почему веселость, бодрость и румяность у женщины означают мальчика, а то, что наоборот, т.е., довосстановливая, грусть, вялость и бледность – девочку? Только ли все те же упомянутые перед этим коллективные представления о предпочтении мужского потомства женскому по известным причинам, из обычаев следующим, за этим стоят?
4. И, наконец, последнее, отвлекаясь от чисто телесного и физического показателя в отношении сосков, – только ли наблюдениями, и насколько действительными, поддерживать следует представление об их цвете применительно к белому в случае *мальчика* и *темному* с указанием на *беременность девочкой*?

Задавшись всеми этими вопросами, поставив их как не единственно имеющие место в традиции, но и не случайные, перевести их придется не в плоскость возможного объяснения, поскольку для такового нет оснований, а в плоскость характеристики и описания в отношении все того же предметного мира примет, хотя в данном случае и не только. Плод, что само собой разумеется, натуральным образом влияет на поведение матери, ее внешний вид и телесное состояние, однако, как получается, не равно и не одинаково в зависимости от своего пола. Может при этом возникнуть вопрос – спонтанное это явление, ни от кого и ни от чего не зависящее, либо кем-то или чем-нибудь вызываемое? Имеется ли намерение с какой-либо стороны проявить, указав, значение пола? Не от ребенка в утробе, однако, проявление подобного указания должно было бы исходить.

Опираясь на то, что имеется в мифологических, а с этим традиционных затем представлениях, с определенной долей, если не уверенности, то вероятности, можно судить об участии в данном процессе, с предшествием появлению и самим появлением человека на свет, общего для данного рода-семьи родового начала, соединяющего и стыкующего между собой тех, что живы и на земле, и тех, что не на земле, но о которых сложно было бы говорить как о не существующих. Предшествие и появление человека на этот свет есть неизменным следствием такого общего родового взаимодействия в обеих своих частях, потустороннего и посюстороннего, и при этом участие, и в известном смысле (но не человеческом) заинтересованность, этих первых можно считать едва ли не определяющими.

Исходя из данного представления, признаки, себя объявившие в отношении беременной, можно воспринимать как, с одной стороны, определенное следствие, физически наблюдаемое, этого их участия, потусторонних сил родового (как-нибудь так это можно определить, не особо вникая). С другой стороны, в свою очередь, и что также не исключено, как не то,

чтобы сколько-нибудь намеренно подаваемые знаки на земле живущим живым в отношении пола ребенка их общего рода, а его означение, отмеченность, не обязательно для людей и уж тем более не для себя, но для сущности и существа бытия как существования (корневая тавтология здесь не случайна). В том отношении, что так должно быть, потому что такова природа вещей.

В том, что *женщина во время беременности полноет в лице*, означает *девочку*, которую она, *скорее всего*, родит, а *если худеет, то сына*, трудно, хотя и возможно, доискиваться какого-то особого смысла, хотя это метка и знак. Обращает внимание на себя это *скорее всего*, допускающее определенную вероятность вывода. То есть данная метка и знак, а точнее и в первую очередь, следствие состояния беременности в отношении пола ребенка, – не есть прямое и непосредственное указание для людей. Силы потустороннего соучастия так подействовали, что в одном случае получилась девочка, а в другом получился сын, и это себя объявило затем на лице. Так это можно было бы воспринимать. Несимметричное соотношение *девочка – сын*, в свою очередь, также можно воспринимать как то ли заинтересованное, то ли обоснованное чем-то (потусторонним знанием, не людским) со стороны тех же сил участие. Им понятнее, очевиднее и виднее, что важнее для родового существования и проявления в данный момент – родилась чтобы девочка, чужое сокровище, но для жизни общего пребывания необходимое, или сын, как наследник, прямой потомок и представитель для своего.

В таком же контексте можно интерпретировать и остальные признаки, в соотношении активности и воинственности для приподнятого кверху, крутого и острого живота для мальчика и спокойной не выставляющейся вперед, не вызывающей и не заносящейся уравновешенности широкого и в боках округлого в отношении девочки. К мирному и не тревожному существованию в этом последнем случае или к необходимости в будущем не только активного проявления для своего родового, но и, возможно, его защиты. Либо радости от прибытия и прибавления, роста своего родового в веселой бодрости и румяности у беременной в отношении мальчика, в соположении с тем, что обратно, с прибытием как умалением, утратой, необходимостью другому роду отдать, после того как вырастит, применительно к девочке. Белый цвет сосков в сопоставлении с темным при беременности мальчиком либо девочкой также можно интерпретировать в означающем смысле.

Говоря о семантике характеризуемых единиц, в первую очередь, все эти четыре следует воспринимать как атрибутивно-знаковые. Беременная женщина выступает в них как атрибутивно определяемый субъект. В зависимости от видового значения атрибута, она же становится знаком, точнее носителем знака, своего состояния в отношении пола

ребенка, которого ей предстоит родить. Модель, стоящая за всем этим, такая, которая будет иметь отношение и себя проявлять при каких-то других условиях, не только пола ребенка и не одной лишь беременности, представляет собой модель субъектно-либо объектно-атрибутивной знаковости: $(S/O < A) > SC$. Конструкции, определяясь значениями единиц, могут быть выражены в представлениях более общего и подробных уровней. Для более общего уровня совместная их семантика сводилась бы к представлению о том, что ‘по внешнему виду и поведению беременной, а также ее предпочтениям с известной долей достоверности можно определить пол будущего ребенка’:

$$SPraegn(Vis/Gest/Praep) = Sign(Masc/FemGign)$$

С уточняемыми далее признаками в отношении каждого из параметров внешнего вида, поведения, предпочтений (*Vis/Gest/Praep*), подробное представление которых в формулах, будучи громоздким и мало оперативным, ничего существенно нового в то, что было ранее сказано, вместе с тем не вносило бы, поэтому мы его обойдем. Достаточным видится лишь представить, что в отношении каждого из параметров для триады *Vis/Gest/Praep* возможны не только данные в четырех единицах проекции, но и другие. Каждая из этих проекций относилась бы к выведенной и отраженной в общей формуле, которую также как самостоятельную концептуальную и одновременно парадигматическую единицу можно воспринимать. Равно как и через нее, эту общую, каждая из показанных была бы проекцией более подробного уровня, но не единственного и вместе с тем не окончательного, с точки зрения подробности, в отношении определенной перед этим модели.

Следующую группу единиц, связываемых с определением пола ребенка по основанию ненамеренно-импульсивного проявления беременной, можно представить такими двумя из источника:

Если беременная женщина обмочит свою сорочку спереди – сын будет, сзади – дочь.

Если беременную женщину спросят, кого она родит, сына или дочь, и она в ответ засмеется, то родится девочка, а если рассердится, то мальчик.

Не вдаваясь особо в подробности, поскольку получающиеся в первом и во втором из приведенных случаев основания вполне соотносятся с тем, о чем ранее говорилось в отношении выбора между полом потомства, – физиологической очевидностью, скажем так, для сорочки (но не только, поскольку значимо также для упоминавшегося перед этим общего родового, то, что спереди, и то, что сзади) и реакцией радостью либо неудо-

вольствием в ответ на вопрос, – не вдаваясь в подобного рода определения и уточнения с тем, чтобы ранее сказанного не повторять, обратим внимание лишь на отличие в параметрах того, что было названо ненамеренно-импульсивным со стороны беременной проявлением.

Однако, прежде всего, уточним само понятие ненамеренной импульсивности, с одной стороны, очевидное, поскольку от человека, в данном случае беременной женщины, не зависящее, ни в том, что она обмочит сорочку, ни в том, что в ответ засмеется или рассердится, поскольку не от расположения духа и не от ее настроения это зависит, что неизбежно следует полагать. С другой, вместе с тем, стороны, как импульсивное в своей ненамеренности, то и другое чем-то или кем-то, как потусторонним, скрытым, невидимым, было вызвано. Что-то или кто-то *оттуда* ее к тому подтолкнул (подтолкнуло). Не в том отношении, что она обмочит сорочку, это может быть проявлением чисто физиологическим, а в том, что *ею это сделается* (в данном случае важен пассив, не *она это делает*, а *ею делается*) спереди или сзади. *Спереди* или *сзади* имеет направленный, точнее изнутри, а возможно извне (но не снаружи), направляемый, смысл. Как все то же атрибутивное значение, метка.

Импульсивностью будет и то, что *она в ответ засмеется* (на вопрос, кого родит) или, напротив, *рассердится*. Ненамеренность, следовательно, в этой паре связывается по смыслу с тем, кто как-либо действует, проявляет себя и реагирует, т.е. с субъектом, которым является в разбираемом случае человек. Импульсивность, по внешнему виду своего объявления, будет его импульсивностью, однако по движущему, толкнувшему именно к данному проявлению предполагает участие кого-либо или чего-либо несюстороннего.

В этой совместности, в некотором смысле, в отношении так либо как-то иначе себя проявляющего человека, для него орудийной, обнаруживается свойство предметного мира поверий-примет. Человек в этом мире, коль скоро приходится о нем говорить, в своих проявлениях не самостоятелен, толкаем, ведом, направляем и управляем, что и находит свое отражение для него в отмеченной ненамеренной импульсивности. Мало что, если вообще что-либо, оказывается зависимым от него в отношении непосредственности. Он может воздействовать на себя, на то, что с ним происходит, что его ожидает или произойдет, через посредство того, что вне его, что от него не зависит, но на что он способен, при условии знания и умения, повлиять. С тем чтобы это посредничество, войдя в него и в нем отразившись либо не в нем, а в том, что или кто его окружает, использовав его как орудие либо как такое же средство что-то другое, могло привести к желаемому в его достижении результату.

Однако все эти силы воздействия применительно к разбираемым единицам определения пола ребенка, которого беременная может родить,

в отношении этих единиц, в отличие от единиц не знакового, а, например, продуктирующего, вторгающегося характера с изменением обстоятельств в желаемом направлении, все эти силы воздействия в данном случае, не объявляя себя, определяются, сводясь к охарактеризованному импульсиву. На поверхности представленная ненамеренная импульсивность совмещенного проявления человека с тем, что внутри либо вне его, объявляет себя как знак, который не то, чтобы дается, но который имеется и который поэтому следует растолковать.

Формула, которая передавала бы семантику первой из двух рассмотренных единиц, объяснялась бы как соответствие ранее выведенной, предполагавшей выбор между визуально определяемым проявлением, поведенческой (гестиональной) характеристикой и предпочтениями, предполагая необходимое, исходя из представленного в единице, уточнение в отношении признака *Gest*:

$$SPraegn(MinctCamis > Front/Pone) = Sign(Masc/FemGign)$$

И, соответственно, для второй единицы, применительно к характеру ответной реакции на задаваемый вопрос:

$$SPraegn[(Ris/Irat) < Interrog(UterGign)] = Sign(Masc/FemGign)$$

Модель, стоящая за обеими единицами, являясь моделью субъектно-гестиональной знаковости – $S > G > SC$, представляет собой разновидность ранее уже выведенной в отношении поведения животных, как знаковости анимально-гестиональной, с тем отличием, что наблюдаемые проявления у животных не всегда будут иметь, с точки зрения разбираемого предметного мира, характер с их стороны субъектный, впрочем, и данное положение вовсе не исключено. К вопросу о месте животных в повериях и приметах и с ними связанных представлениях, с учетом отличия либо неразличения их от людей, на основе большего числа единиц, можно будет впоследствии обратиться, что составляло бы вместе с тем отдельный предмет для исследования.

В связи со второй из двух рассмотренных поведенческих не вполне обычным видится положение с задаваемым вопросом: *Если беременную женщину спросят, кого она родит, сына или dochь*. Трудно предполагать, чтобы женщина с определенной долей уверенности могла это знать, тем более, что ответ получается не словесный с ее стороны, а все тот же направленно-импульсивный, поскольку она реагирует внешне себя обнаруживающим эмоциональным образом – радостью или неудовольствием. Вопрос, в связи с этим, если он кем-либо задается, с учетом имеющихся в коллективном сознании представлений, лишь по внешнему своему про-

явлению обращается к ней, поскольку ответ ожидается получить (как это следует из приметы) не от нее непосредственно, но через нее. В зависимости от ее реакции, от того, как она в ответ на вопрос себя поведет, а не что она скажет, и будет следовать результат. Кого она родит, сама она вряд ли знает (те, кто спрашивает, не сомневаются в этом), знают все те же силы несюстороннего, и получается, что данный вопрос, по существу своему, обращается к ним.

В дополнение к характеризуемым представлениям предметного мира поверьй-примет получалось бы, что носители соответствующих знаний, а точнее экзистенциального опыта, даже если спонтанно действуют, не задумываясь и не вкладывая особого смысла в свои проявления и действия, в том числе и вербального свойства, через внутренне побуждаемые ощущения, а нередко также сознательно, обращаясь к кому-либо (не говоря о том, что к чему-либо), по существу обращаются, отдавая себе в этом отчет или нет, не всегда к человеку (либо к тому, к чему), но к кому-то или к чему-то, способному или способным ответно действовать через данный объект. Вопрос к беременной женщине, кого она родит, сына или дочь, может служить тому иллюстрацией.

Следующую группу, связанную с определением пола ребенка, представляют две единицы источника, указывающие на предпочтения в еде:

Если беременная женщина предпочитает селедку, то у нее будет мальчик.

Если беременная женщина предпочитает свеклу или редьку, то у нее родится девочка.

В отличие от предыдущих, в которых те или иные предметы в подобного рода определении себя не проявляли, в этих двух пол ребенка связывается с такими продуктами, как селедка в первом случае и свекла или редька во втором. Мотивацию их различия по данному основанию можно сводить к двум, трудно сказать, чтобы взаимно исключающим или не исключающим положениям. Первое было бы положением физиологического, если точнее, то консумптивного (поедающего) характера. Второе – характера символического, связываемого с мужским отношением к рыбам, однако не профессионально, а, скорее, концептуально* поддерживаемым.

* Концептуально – в связи с представлениями древнего происхождения, находящего свое сохраняемое выражение в народных сказках (о рыбаке и рыбке, Емеле со щукой, о царе морском, также, отчасти, рыбе, сюда же былинный сюжет о Садко), косвенно, что требует углубления в предмет, в народной сатире (*Повесть о Ерише Ершовиче*), а также в таком сохраняющемся еще выражении, хотя забытом, как рыбку поймать в значении ‘забеременеть’ и др. Весьма интересный и показательный предмет для подробного, однако самостоятельного и углубленного, рассмотрения, в том числе и в отношении к мужскому началу с его положением к женскому, требующий не одной только основательности,

И таким же концептуальным, отчасти также аграрно-мифологическим, отношением свеклы и редьки к женскому, как и рыбы с селедкой, требующим своего изучения. В разбираемом случае, ни на чем не настаивая, небезразличным виделось на то и другое лишь обратить внимание.

Можно было бы также поставить вопрос, хотя, как представляется, сомнительно, чтобы он мог иметь отношение к характеризуемому материалу, а потому вопрос, не противоречащий, внутренне, не на вербально оформленяемой поверхности, предметному миру поверий-примет, однако для данного случая, видимо, не актуализируемый, – о соотношении того, что было представлено как консумптивное, поедающее, основание, с тем, что было обозначено как обусловленное мифологически. Иными словами, о поедании, поглощении, фактически вбириании, введении в себя с приобщением к тому, что поедается и, тем самым, вбирается (известный мотив очень многих культур), в результативном, вследствие этого, отношении к предмету подобного поедания. Отчасти, а, может быть, и не отчасти сюда же относятся не только мотивы с поглощением человеком чего-либо, что способно менять его самого в каком-либо отношении, позволяя чего-то достичь, приобщиться к чему-либо*, но и мотивы с пожиранием самого человека великанами-людоедами, ведьмами, Лихом, Змеем, чудовищами и пр.

Затрагивая, коль скоро был поднят, такой поворот, то, о чем речь применительно к разбираемому материалу, можно было бы определить в отношении связи (насколько в итоге своем не случайной, хотя укрытой и не очевидной): *Если беременная женщина предпочитает селедку, а раз предпочитает, то, следовательно, и больше или охотнее есть по сравнению с чем-то другим, есть следствие или, может быть, что также не исключено, порождающая причина того, что у нее будет мальчик.* Так же как и в обратную сторону: *Если беременная женщина предпочитает свеклу или редьку, то у нее родится девочка*, – есть следствие либо причина такого ее предпочтения.

Вопрос не праздный и не бессмысленный, если иметь в виду то, о чем ранее говорилось применительно к импульсивно-направленному проявлению в человеке вне его находящихся сил, подталкивающих его к совершению либо, напротив, уходу и избеганию того или иного, для данного случая, действия. Ставя такой вопрос, можно видеть две стороны

но и обоснованности для получения каких-либо выводов. Рыбы как водные существа, водянай, уволакивающий детей, себе их требующий, но и, небескорыстно, дающий, отношение к воде мужского и женского, не совпадающее и каким-то образом соотносимое, – все это, как и другое, однако, не может быть применительно к разбираемому материалу даже кратко помянуто, а тем самым, и отнесено.

* *Съешь моего яблочка, пирожка в известной сказке о бабе-яге, молодильные яблоки, черствые хлебы, которые следует съесть, после чего только можно в пространственном отношении к определенной цели приблизиться и т.п.*

в его разрешении. Либо то, что беременная предпочитает селедку или редьку со свеклой, в силу того, что формируется мальчик или, напротив, девочка в ее животе, но не само по себе формируется, а влияющими на это формирование силами, в одну либо в другую сторону. И тогда, поскольку мальчик или девочка в ней начинают себя объявлять, это ведет к тому, о чем говорится в примете, – предпочитать начинает она селедку или редьку со свеклой. Либо то, что подталкивающие беременную вне ее находящиеся силы несююстороннего, а в данный момент, может быть, в ней себя и обретающие, имея, по им одним известной причине, в виду или желающие, чтобы (у данного рода и в данной семье) родился мальчик или, напротив, девочка, в своей той либо другой направленности, заставляют ее, соответствующим образом изнутри, от плода, воздействуя, тянуться к селедке либо к свекле и редьке, что составляло бы с позиции беременной, организуемую, побуждаемую подталкиванием, импульсивность. Предпочитает она одно либо другое по той причине, что это зависит не от нее, но от тех, кто видит необходимым либо желаемым, для себя, а, может, и не для себя и они лишь посредники, появление в роде потомка исходно определенного пола.

Как бы все это ни объяснять (имея в виду характер устройства определяемого предметного мира в его проявлениях и особенностях), перед нами приметы, которые будут иметь либо знаковый (что все же скорее), либо, если склоняться к тому, о чем говорилось, в предшествующем абзаце, не столько знаковый и даже не собственно знаковый, а продуцирующий, формирующий смысл. Равным образом то и другое было бы, исходя из позиции и функционального смысла селедки и свеклы с редькой как предметов, для указующего в эффекте своем, потребления, – то и другое следовало бы определять как предметно-знаковые либо предметно-продуцирующие, без отрицания знаковости в этом случае с точки зрения человека, единицы.

Беременная женщина себя проявляет в обоих и параллельно соотносимых случаях как субъект препозитивного консумптива в отношении объекта (селедки либо свеклы или редьки*), который, будучи тем либо другим**, предопределяет, указывая на пол ребенка либо, продуцируя его, – и этим указывая:

* Показательно это *или*, указывающее на что-то одно, над чем также стоит задуматься. Возможно (не углубляясь, однако, в предмет), что за этим стоит какое-то дополнительное, в отношении девочки, различие. Но возможно, и нет, а различие исходит от предпочтения, либо чего-то другого, направленно действующих в сторону женского для беременной импульсива в ней себя обретающих на определенное время сил.

** Показывать в формуле, что это селедка либо свекла или редька, не представляется, с точки зрения все той же формулы, значимым, важно, что то и другое разное, поскольку в место объекта^A, равно как и объектов^{B/C}, может войти и что-то другое.

$$SPraegn(PraepConsumpt > Obj^{A/(B/C)}) > Masc/Fem(SPraegnGign)$$

Можно бы было добавить в формулу при последнем, определяющем, компоненте показатели знаковости, *Sign*, и знаковой продуцируемости, *ProdSign*, но можно и не добавлять, воспринимая представленное без них как достигаемое в результате рождения, *Gign*, следствие.

Модель, которая за всем этим стоит предполагает в исходе своем представление об объекте какого-либо предпочтения как о том, что содержит в себе получаемое на этой основе знание: $O > Pr > SC$. И это была бы модель когнитивного объектно-препозитивного следствия.

Еще одна пара примет, и последняя в этой группе, предполагает определение пола ребенка одновременно по нескольким основаниям – положению плода внутри живота, предпочтениям и занимаемой во время сидения позе. Для мальчика, в отличие от девочки, как и в рассмотренном перед этим случае, предпочтения сводятся к выбору пищи. Для девочки – к виду предпочтаемых развлечений:

Если беременная женщина чувствует, что плод у нее лежит больше в правой стороне и она с удовольствием кашает дичь и даже грубую пищу и сидя протягивает правую ногу, то будет мальчик.

Если беременная женщина чувствует, что плод у нее лежит больше в левой стороне живота и она с удовольствием слушает музыку и смотрит на танцы и сидя протягивает левую ногу, то у нее будет девочка.

В отношении противопоставления правого левому применительно к мужскому и женскому ранее уже говорилось. Насколько действительно вызвано то и другое производившимся наблюдениями, а насколько это следствие сложившихся, исходно мифологических, представлений, а может также, физиологических следствий, трудно судить без специального изучения, что к тому же и не входило в задачу. Достаточным будет принять это как имеющий основание, не суть важно какое, факт. В сознании коллектива имеется знание относительно связи положения плода внутри живота, более в правой либо, напротив, в левой части, с полом будущего ребенка. Так же как и протягивания правой либо левой ноги беременной во время сидения. К этому добавляются предпочтения в выборе пищи либо, в данном случае не в параллель, в характере развлечений. Слушание музыки и смотрение на танцы, как указано дополнительно *с удовольствием*, подчеркивает веселость, радостность и приподнятость настроения.

Говоря, что положения с предпочтениями себя объявляют не в параллель, можно взглянуть вместе с тем на представленные в двух различающихся случаях обстоятельства с еще одной стороны. Небезразличным для первого положения видится указание на то, что беременная *с удоволь-*

ствием кушает дичь и даже грубую пищу, с подчеркнутым в приведенном фрагменте представлением признака ‘дикого’ и ‘охотничьего’ (через *дичь*) и ‘грубого’, с усилением в *даже* в предпочтаемой пище. Так же как с *удовольствием* (повтор не случаен) то, что *слушает музыку и смотрит на танцы*, указывало бы на противоположение дикому, грубому и охотничьему цивилизованного, культурного и тонкого, в известном смысле и в противопоставлении, устремления к искусству.

С одной стороны, в дополнение к этому, также еда, поглощение, поедание, а с другой, желание более высоких и не таких природно-физиологических наслаждений. Есть, побуждаясь, если не чувством голода, то возрастающим (у беременной) аппетитом. И получать удовольствие от слушания музыки и смотрения на танцы – как проявление эстетическое и побуждение чувством к прекрасному. Несколько преувеличено данное определение, но иначе выразить это было бы сложно. Собственно говоря, если вдуматься, то не чувством к прекрасному, а мотивом, толчком, исходящим от женского в материнской утробе и, как уже отмечалось ранее, либо от того, что уже имеется и как женское (или мужское) в приложении к плоду себя оформляет, либо, что также не исключено, от того не посюстороннего, которое своим выбором и своим предпочтением (грубой пищи или музыки с танцами) предопределяет впоследствии пол.

Формула, представляющая ту и другую из единиц, определяла бы себя в отношении тройственной кратности признаков, которые, проявляя себя в совокупности, действуют одновременно, своего рода аккордом (прибегая к метафорическому определению):

SPraegn[PosGerm(Dxt/Snst):Delect(EssDur/MusSalt):Sess(TentPed^{D/S})> Masc/Fem(SPraegnGign)

Как и в предыдущем случае, данную единицу можно определять в двух отношениях – как знаковую и как продуцирующую (если исходить из побуждающего воздействия несюсторонних сил), с тем отличием, что это были бы позиционно-альтернативные знаковость, продуцируемость либо знаковость, определяемая вследствие продуцируемости. С тем существенным дополнением, что значение позиционности следует понимать обобщенно и достаточно широко, в совмещении положения плода, осуществляемых предпочтений, занимаемых во время сидения пози, возможно, чего-то еще, что непосредственно в единицах не отражено, но что может себя проявлять.

Модель, проекцией которой выступала бы данная обобщенная единица, представлялась бы в отношении смысла, соотносимого со всем, что было представлено ранее в единицах, рассмотренных перед этим, исходя

из характера узнавания и обозначаясь, тем самым, как когнитивное позиционно-препозитивное следствие.

Прежде чем перейти к рассмотрению единиц, представляющих другие значения для состояния беременности (оставаясь в пределах предшествия появлению человека на свет), имеет смысл предварительно установить, что можно увидеть, применительно к разбираемому этапу, в том, что важным видится установление, еще до рождения, пола ребенка. В каком отношении важным, не исключая, но и не принимая, в качестве определяющего и основного, значения социально-функционального, с точки зрения заинтересованных представителей рода-семьи, включая родителей. Поскольку, если смотреть на данный вопрос, и не только на данный, обращаясь к не объявляемому на поверхности смыслу, то необходимо признать, что поверия и приметы, собственно говоря, не о том и что содержат они в себе определенное понимание и восприятие мира, которое вовсе не обязательно должно не только быть очевидным и легко мотивируемым, но и осознаваться носителями.

Исходя из примет, можно видеть серию различаемых признаков, через следящее наблюдение и контрастирующее установление которых, в их совокупности или отдельности, в данном случае не это важно, важно заметить то либо другое, во внешнем виде, в поведении, в предпочтениях и т.п. у беременной, – через установление которых предполагается, закладывается и в известном смысле регламентируется не только возможность, как получается, но также и следующая из всего этого необходимость определить, кого ожидать к появлению на свет – сына или дочь, мальчика или девочку.

В связи с такой постановкой вопроса, прежде всего появляется не случайная мысль о том, что, видимо, надо не просто заметить, опираясь на существующие и подаваемые приметами знания, надо последовательно и с соответствующим намерением следить за тем, что себя объявляет в беременной. Не случайным и не безразличным видится также вопрос о том, кто бы это мог делать и у кого для этого был бы не только направленный интенциально, но и наметанный соответствующим образом глаз. Трудно бы было в этом усматривать функциональное проявление мужа как будущего отца, равно как и других мужских представителей рода его и семьи. Скорее всего, это роль, отводимая и сводимая к проявлениям женского.

Тем самым, как получалось бы, женское родовое мужа, как будущего родителя в первую очередь, не то, чтобы заинтересовано, но по роли, им отведенной и им положенной, должно, и ему это вменяется, по мере возможности, а также и с необходимостью, установить, кого беременной по ее состоянию предстоит родить. Кого ожидать в пополнение рода.

Идя в рассуждениях дальше, видится также небезразличным задаться вопросом, почему это стоит и следует делать, т.е. пол ребенка женщинам

данного рода, однако для общего представления, определять. Равно как и то, какое все это отношение будет иметь, с одной стороны, к предшествующему – в этапах зачатия, где на пол ребенка можно было, прибегая к известным действиям, каким-то образом повлиять, после этого определения беременности, как положения состоявшегося и себя проявившего, что также было в каком-то своем отношении важно (вопрос опять же, в каком), с изменяющимся отношением к беременной со стороны домашних животных и от нее в обратную сторону, с распространением далее этого изменения на близкое окружение. А с другой стороны, что более ясно и очевидно, к последующему – протеканию беременности в том или ином ее виде или характере, родам и появившемуся потомку.

Подходя к заключению применительно к заданному вопросу в соотносимых его составляющих, первое, на что следует обратить внимание, полагало бы такое позиционное отношение с точки зрения предметного мира поверий-примет и Субъекта, в нем себя отражающего, Субъекта в значении носителя и одновременно с этим создателя, – которое (отношение) видится как заинтересованно-участвующее, с одной стороны, и последовательно-отслеживающее, как следствие первого, также с другой. Заинтересованно-участвующее, видимо, в общем и целом, хотя не во всех возможных, в повериях и приметах, положениях, однако в разбираемом случае не об этом речь. А последовательно-отслеживающее – прямо и непосредственно в отношении беременности как предшествия появлению на свет человека. Беременности как таковой и по-разному вместе с этим определяемой в зависимости от получившихся на основании материала ее этапов.

В целом, если иметь в виду позицию названного Субъекта в отношении происходящего, которое находит свое отражение в повериях и приметах, а если все же не в целом, то в какой-то его значительной части, и тогда показатель этот может восприниматься как типологический, – в целом для этой части приметного материала, видимо, следует говорить о воздействующем, в каких-то определенных случаях вмешивающемся, а также контролирующем и регулирующем отношении к внешнему. Тому, что касается человека, будучи равным образом, с точки зрения современного восприятия, как зависящим, так и не зависящим от него.

Обращаясь к условно выделенным этапам на основе просмотренного материала, в этих этапах можно было заметить два существенных показателя, не всегда совпадающих, а точнее, то совпадающих, то расходящихся, – гендерно-ориентированного и статально-определенного в отношении будущего потомства характера. Иными словами, важно доступным образом установить, при возможной на самом первом этапе способности повлиять, пол ребенка, равно как и состоявшийся факт его, пока что еще утробного, существования.

То и другое выглядит, исходя из поверьи-примет, положением не только не безразличным, но и ментально и обсервативно сопровождаемым, хотя определяемым и регулируемым в силу возможностей только в самом исходе. В этом исходе, сводимом к зачатию, поэтому можно было бы говорить о такой проекции гендерно-ориентированного отношения к потомству, предполагаемому в производимых супругами действиях, которое характеризовалось бы как направление (*модерация*), вкладывая в это понятие представление о зависящем, в каком-то смысле, от человека выборе и канализировании своей той либо другой интенции, с желанием получить для себя в последующем нечто определенное, если знать, что и как для этого следует делать. И это был бы условно самый первый этап, или предшествие того предшествия, которое далее себя проявляет в беременности.

Вторым, опять же условным (если этапом), было бы то, что в рассмотренном материале себя проявило в виде необходимости определения беременности как события состоявшегося и что от воздействия человека, а тем самым, его участия либо неучастия не зависит, на что нельзя повлиять (поэтому это событие), но что можно и полагается подтвердить как имеющееся либо еще не имеющееся женское состояние. В этом случае следует говорить о проекции статально-определенного позиционного отношения, в то время как гендерно-ориентированная его часть отражения не находит. Смысл этапа сводился бы к установлению (*фиксации*) получившегося (видимо, как ожидаемого и желательного, а потому и интенциально сопровождаемого) либо не получившегося состояния. Последнее, впрочем, не принимается в разбираемом материале в расчет, установление служит задаче убедительного в своей очевидности подтверждения.

Третьим этапом, после того как беременность, если и не подтвержденная предшествующими манипулятивными действиями, воспринимается как событие состоявшееся, было на основании материала то, что предполагало изменение отношений – домашних животных к ней, а также ее к ним в обратную сторону, равно как и ее к ближайшему окружению, мужу, родным. Видеть во всем этом можно то, что сводилось бы к представлению релятивной позиции беременной, но не только ее одной, а в единении, совмещении с плодом.

Позиция эта, будучи новой, с одной стороны, как для нее, так и для не-посредственно ее окружающих, представителей дома-семьи, не исключая при этом животных, с другой своей стороны, предполагает, как следствие ее новизны, свое такое же определение. Но не с той точки зрения, что новая, а как такая, которую следует, восприняв и приняв, претворить, преобразуя сложившиеся положения. С тем чтобы, включив, абсорбировав, найти ей, как возникшей позиции, в энергетической и релятивной домашне-семейной самости, надлежащее место. И это было бы то, что можно условно определять как прививание, или осаживание, включение,

освоение, вхождение, пользуясь латинизированным определением, как *интродукцию*. Не столько самой беременной, хотя и ее, сколько представляемой ею в данном роде-семье позиции, с проекцией к ожидающемуся в будущем потомству.

С точки зрения названных перед этим как общие показателей этот третий этап укладывался бы в представление статального определения (гендерная ориентированность своего отражения не находит), но не в смысле определения состояния, а с позиции его ориентации в окружении. В этом случае можно было бы говорить о статально-ориентируемом положении, из чего получалось бы совмещение показателей в их составляющих частях, ориентированности без гендера и статальности без определения.

И, наконец, четвертый, последний этап, из до сих пор рассмотренных, также представляет собой совмещение, укладываясь в представление о гендерной определяемости. На пол потомка уже нельзя повлиять, но его можно по наблюдаемым признакам у беременной женщины отслеживать, возможно при этом последовательно и не единично. Значение этапа с позиции все той же беременности сводилось бы к обобщенному определению. Как определенности и потому несомнительности, к тому же после этапа *осаженной интродукции* (с точки зрения состояния), как необходимости, не упустив наблюдаемые признаки и момента не пропустив, в гендерном отношении ее, не дополнительно, а дефинитивно, определить, приписав ей важное, с точки зрения заинтересованного родового и семейного окружения, значение.

И это было бы то, что обобщенно можно было бы характеризовать, в отношении беременности, а также предшествия в целом появлению человека на свет, – как атрибуцию. С этого момента плод начинает восприниматься как тот, кто может родиться, в гендерном отношении будучи определен, а беременная женщина – как в недалеком будущем мать сына или дочери, мужского или женского потомка для рода-семьи. Атрибуция, следовательно, представляет собой приписывание более или менее ясного в гендерном проявлении признака для беременности как состояния, для беременной женщины и для того, кого она может родить.

О регламентирующих ограничениях проживаемого состояния

Очередную группу поверий-примет будут представлять единицы, связанные с поведенческими регламентациями беременной, обусловленные главным, если не единственным, образом тем, чего ей не следует делать,

что следует избегать, в чем она не должна участвовать и как ей следует в каких-либо случаях реагировать. Прежде всего, это будут запреты предотвращающего от смерти будущего ребенка характера, а потому и высшей степени характеризуемой опасности:

Беременной нельзя заранее приготавливать белье для младенца, а то он жить не будет.

Если беременной женщине пришлось быть на похоронах, то ей необходимо выйти раньше, чем состоится вынос тела, чтобы не умер носимый ею ребенок.

В первом случае возникает предмет – *белье для младенца*, которое *беременной нельзя заранее приготавливать*. Из чего может следовать дополнение, что не беременной данный запрет не касается, хотя, как следует предполагать, об этих приготовлениях ей, видимо, знать не положено. Опустим слишком простое, лежащее на поверхности и не отвечающее смыслом предметному миру поверьй-примет, о том, что подобные с ее стороны приготовления выступают примером искушения судьбы, поскольку типично не следует делать то, что проецирует будущее, которое не наступило и неизвестно, наступит ли, а если наступит, то вовсе не обязательно в задуманном виде. Так же как, хотя это много ближе, не отрицая при этом сказанного, стоит упомянуть, но на этом не останавливаться, о том, что связывается с апотропеическим введением в заблуждение, или обманом, стоящих за существующим сил, в том числе также мертвого и потустороннего. Всякие приготовления следует, исходя из этого, производить таким образом, чтобы не вызывать подозрения, а тем более убеждения с их стороны, способных, по своей природе и по своему противящемуся характеру (не будем входить в рассуждения по данному поводу), существенным образом навредить, обернув все в обратную сторону.

Можно и, видимо, не без значения было бы посмотреть на данное обстоятельство также и со стороны, которую следовало бы вписать в представление об обряжении. *Приготавливать белье для младенца* с позиции его будущей матери есть не что иное, как обряжение его на тот свет.

Перебирая возможные для разбираемого случая мотивации и при этом не отвергая их (в единице не сообщается, почему не следует данные приготовления производить), небезразличным видится также еще одно основание. Стоит задуматься над положением, передаваемым словом *заранее*. Получается, что, с одной стороны, на других запрет этот не распространяется, во всяком случае об этом в поверии не говорится (хотя таковой имеет место в традиции и вовсе не исключен), а с другой, если не *заранее*, то та, что родит, а тогда и не будет беременной, *приготавливать белье для младенца* может. И в этом случае мы подходим по внешнему виду

к игре словами, а по существу к представлению двух принципиально себя различающих положений. Что, собственно, значит и что стоит за тем, что *Беременной нельзя заранее приготавливать белье для младенца?* Запрет, если вдуматься, касается ее на данный момент состояния как беременной, а также, одновременно и в параллель, того, кто будучи назван *младенцем*, таковым еще не является, поскольку не появился на свет и не рожден. И тогда – для кого будет приготавливать беременная белье, если младенца нет? Получается, что для того, кто займет, в отношении приготовленного белья, его место, т.е. потустороннему и подмененному, из чего неизбежным следствием будет то, что характеризуется как забирание родившегося на тот свет теми, которые его воспринимают как им предназначенного.

Небезразличным в этой связи видится также и оформление с помощью слов. Не говорится, что ребенок умрет, или родится мертвым, или вообще не родится, либо как-то еще. Говорится *он жить не будет*. Очень емкое положение. Как понимать то, что *жить не будет*? Видимо, не только и не исключительно в отношении смерти, не то, что умрет, а то, что жить ему не назначено, не для него эта жизнь, здесь, на земле, в этом свете. Поскольку, если последовательно исходить из значений слов, то для того, чтобы *умереть* или сделаться мертвым, стать мертвым, родиться мертвым, надо сначала жить, быть живым и эту жизнь затем утратить, лишиться ее. В то время как *жить не будет* всего этого может не предполагать, а в контексте сказанного и не предполагает. *Жить не будет* – потому что жизнь не для него, нет и не может быть в нем ничего от жизни, поскольку место его в этой жизни занято.

А тогда, что, собственно, происходит, если ни мертвый он, ни живой, не умер, родившись? И если, родившись, некое время и жил, то это не следует воспринимать как действительное, поскольку такое живое только по виду его состояние на деле было фантомным?

Думается, что в этой связи мы подходим к важному, но прямо не проговариваемому представлению о том, что помимо живых и не живых, точнее было бы говорить *не живущих* (имея в виду под *живущими* тех, кого в совокупности их витальных и физических признаков называют людьми), имеются также известные по ряду традиций и не родившиеся, обычно *еще не родившиеся*. Но ведь может быть и *уже*. То есть, которые, вроде бы как родившись, не являются таковыми родившимися по своему существу. Выйти на свет получилось, но жизни при этом нет. В них и для них, что можно бы было добавить. Не мертвым некто родится, а неживым, в человеческом смысле этого представления. С этим и связано может быть то, что *он жить не будет*, в котором важно и то, что *жить*, и то, что *не будет*, отнесение к будущему здесь отнюдь не случайно.

В отношении других, т.е. не беременной, подобного рода запрет, имеясь, может предполагать не такую силу и, соответственно, значимость,

поскольку, если беременное состояние не оставляет сомнений в отношении ею носимого плода и затем появления ребенка на свет, то приготовление белья теми, кто к этому столь прямого и непосредственного отношения не имеет, может иметь не столь ясное предназначение. Для заинтересованных в забирании жизни у еще не родившегося несюсторонних сил, поскольку те, кто помимо беременной занимается этим, с плодом витальной нитью не связаны, а именно это может иметь для подобного рода сил ощущимое основание.

Говоря о предметности, нашедшей свое отражение в разбираемой единице, следует обратить внимание на то, что *белье для младенца*, поскольку об этом речь, фигурирует в строгой связи с предикациями *приготавливать, заранее и беременной*. Иными словами, это не самостоятельно существующая в разбираемом предметном мире и, тем самым, сознании предметность, а обусловленная, ситуативно и позиционно. То, что это запретный объект, следует из того, что *белье для младенца* определяется не как таковое, а в отношении *беременной*, т.е. его будущей матери, применительно также к запретным для нее действию *приготавливать* и времени, обозначенному словом *заранее*.

Единица имеет предикатно-предметно-предотвращающий смысл предупреждающего характера. Предикатность распространяется на предмет и совместно с ним становится основанием предотвращения, а предупреждение выводится из того, что прямо указывается на следствие из нарушения (*а то он жить не будет*). В отрицании (*нельзя*) содержится представление о том, что произойдет, если беременная сделает это, и тогда выводимая формула получала бы следующий вид:

$$S(Praegn) > Adorn^* Ante(Obj > Infant) > Infant(NonVit)$$

Модель, которая за этим стоит, сводилась бы в обобщении к представлению о необходимости избегать для субъекта совершения каких-либо действий, ведущих к угрозе. И это была бы модель избегания: $S > E > Act(Min^{**})$.

---

* Лат. **adōrno, āvi, ātum, āre** ‘готовить, устраивать, подготавливать’; ‘оснащать, снаряжать’.

** Лат. **I mīnae, ārum** [одного корня с minax] ‘зубцы, выступы’; **peren.** ‘угрозы’; ‘зловещие предчувствия’; **mīnax, ācis** [minor I] ‘угрожающий, грозящий, грозный’; **I mīnor, ātus sum, āri depon.** [minaе I] ‘торчать кверху, выдаваться, возвышаться’; ‘грозить, угрожать’.

Предметы в их ролевых отношениях к человеку

Предметы, которые раньше встречались в соотнесении с фигурировавшим в рассмотренной единице бельем для младенца, могут быть выведены в своем предварительном обобщении, которое впоследствии должно пополняться, следующим образом:

Предметы принадлежности как материализованные объекты, имеющие определенную распознаваемую форму и вид и по этой форме воспринимаемые и определяемые (уточнение не случайное с точки зрения характера разбираемого материала), выступающие объектами обладания, реализованного либо предполагаемого, со стороны человека, составляющие группу, характеризуемую как посессивы. К ним относится, из рассмотренных на материале предшествующих единиц, стол, который, если он расшатался, следует вынести в холодное опустелое помещение во избежание тяжелой болезни хозяина. Роль такого стола была раньше описана. В дополнение можно сказать, что данный предмет, выступая носителем определенных признаков, из которых следует далее его знаковость, как такой заряженный ими предмет, относиться будет с этой позиции к группе так называемых инсертивов*, а в ней к разновидности амплективов, содержащих в себе через признаки представление об угрозе, в рассмотренном случае, своему обладателю, что предполагало бы использование подобного рода предметов как эвитативов, т.е. для осуществления предотвращения, отклонения, избегания, ухода от грозящей опасности.

К той же группе, определенной как посессивы, следует отнести отцовскую рубашку, в которую, согласно рассмотренному поверию, матери следует завернуть, отправляясь к крещению, очередную девочку, родившуюся у супругов, а те хотели бы в будущем мальчика. Вобравший в себя признаки своего обладателя (отца), данный предмет также относится к инсертивам, что открывает возможности его в дальнейшем использования в том или ином отношении. Предлагаемая тема с заворачиванием девочки с целью получения мужского потомка впоследствии имеет в виду продуцирование с помощью данного предмета как средства того, что желается, и это укладывалось бы в представление о предметных стимулятивах.

К посессивам следует относить и сорочку беременной, по которой определяется, кого предстоит ей родить. Будучи, внутренне, по своему характеру инсертивом, поскольку признак этот не актуализирован, сорочка в примете данное свойство не проявляет, становясь показателем иного ряда значений, которые можно определять как сигнификативы,

* Лат. II *insero*, *sērui*, *sertum*, *ēre* ‘всывать, вдевать, продевать’; ‘вкладывать, вдевать, вставлять’; ‘прививать, вводить, включать’.

указывающие на что-либо, что представляет предмет интереса со стороны намеренного либо не намеренного, хотя не случайного, обсерватора.

Еще одну группу, в которой находят свое отражение окно, в него подают ребенка нищенке, если он при смерти, изба, под нее та его, помолившись, должна положить, а также медный таз и игла, использующиеся для определения беременности. И это были бы, в широком и обобщающем представлении, предметные атрибутивности, т.е. такие материализованные объекты (в какой-то своей разновидности, поскольку не материализованные объекты также не исключены), которые, имея определенную распознаваемую форму и вид и по этой форме воспринимаясь и определяясь, составляют интегральную часть чего-то большего, входя в это большее, фигурируя и используясь в нем, выступая одновременно показателем этого большего, с одной стороны, и носителем, с другой стороны, его свойств и признаков. Окно является, соответственно, такой интегральной частью избы, та, в свою очередь, двора и хозяйства (включая семейство, живущее в ней), медный таз и игла также такие же части, как хозяйствственные и домашние принадлежности.

Роли, как это было показано, предполагая парадигматику действующих в мире поверий-примет отношений, у перечисленных атрибутивов различны. Окно, выступая граничным пределом внутреннего пространства семейной избы и обеспечивая возможность контактирующего взаимодействия с внешним, относилось бы к разновидности, которую можно определять представлением о терминативах, вкладывая в это понятие довольно широкий смысл, позволяющий говорить о названных перед этим границах, допускающих одновременно с этим возможность как пребывания в пределах, так и контакта с другим, находящимся вне, возможность взаимодействий, а также пересечения, входа и выхода.

Изба, соответственно, также будучи терминативом, ограничивающая своими пределами внутреннее пространство семейного в ней пребывающего, в данной подгруппе относилась бы к терминативам не контактного и открывающего (окно), а в себе заключающего, содержащего, контентивного, вида.

Медный таз и игла, соответственно, были бы в атрибутивной, но не терминативной группе, представителями подгруппы узитативов, т.е. предметов, используемых повседневно для осуществления каких-либо действий.

Что касается проявления для парадигматики, то на основе примет, окно и изба, как это было представлено, себя обнаружили как различные по своему значению локативы, позволяющие реализовать произведенное действие, но непосредственно и как средства осуществления и достижения цели в нем не участвующие.

Медный таз и игла для приметы, соотносясь между собой и участвуя в достижении поставленной цели одновременно, в парадигматическом отношении вместе с тем различались бы. Если иглу, поскольку используемую как показатель искомого признака, следует определять в этом случае как **сигнifikатив**, то медный таз, также участвуя и воздействуя на иглу (тем, что медный и что содержит в себе на всю ночь мочу), проявляет свое значение как **объект**, предоставляющий таковую возможность и ее обеспечивающий, иными словами, как **фундатив**^{*}.

К атрибутивам, но несколько иного характера, следует относить на основе просмотренных единиц мужскую шапку, женский платок и мужские штаны. К атрибутивам, а не посессивам, поскольку не говорится об их принадлежности, хотя обладатель в данном случае не исключен. Вместе с тем важно, чтобы эти предметы были мужскими или женскими по своей, как из этого следует, атрибутике, по тому, что им приписывается с позиции отнесенности. В парадигматическом отношении, будучи инсертивами и выступая средствами достижения желаемого, они в этой роли проявляют себя как **стимулятивы**.

К стимулятивам следует относить и осла, на котором предписывается кататься девице, которую долго не берут замуж. Но относить как животное, не предмет, хотя в объемлющем смысле все же предметность. Так же как и домашних животных, включая собаку и кошку, из единиц об изменении с их стороны отношения к беременной (в этой проекции они выступают как **сигнifikативы**). Будучи тем, что традиционно принято определять понятием ‘живой инвентарь’, а тем самым, как принадлежность и интегральную часть дома, семьи и хозяйства, выступали бы эти живые предметности в этом смысле как **атрибутивы**.

Селедка, свекла, редька, дичь и несколько неопределенно грубая пища в представленной по приметам парадигматической роли **сигнifikативы**, а как предметности потребления (еще одна группа), соответственно, **консумптивы** в этом ряду. В дополнение следовало бы сказать, что иная какая-то роль, как вещественных по своему характеру предметов питания, с предположением для них инсертивности, содержания в себе, включения в себя каких-либо признаков, также вполне вероятна и допустима для мира поверий-примет.

И, наконец, последний предметный объект из встретившихся, на основе также последней из рассмотренных единиц – белье для младенца, которое беременной нельзя заранее приготавливать, представляет еще одну группу. Его нельзя считать ни посессивом, ни атрибутивом, по-

* Лат. **I fundo, āvi, ātum, āre** [fundus] ‘снабжать основанием или дном’; ‘основывать, закладывать’; ‘класть основание’; ‘утверждать, укреплять’; ‘обеспечивать’; ‘надёжно помещать’.

скольку ни значение принадлежности, ни значение отнесенности не находят в нем своего отражения. Младенца к тому же как такового нет, к тому же и неизвестно (исходя из высокой смертности новорожденных в прошлом), будет ли, на что не столь непосредственно, но все же указывает также примета, в отнюдь не случайной и емкой по своему значению характеристике *a to он жить не будет*. Вместе с тем белье для него, при его, как получилось, отсутствии и экзистенциальной неопределенности. И это было бы предметностью предназначенности, назначения, с представлением группы аккомодативов*.

В парадигматическом отношении, для *беременной*, которой *нельзя заранее* это белье *приготавливать*, данный объект, как уже отмечалось по формуле, относился бы к группе эвритативов (предполагающих уход, избегание). Другие возможные для него значения не исключены, но в рассмотренной единице своего отражения не находят.

Говоря о других возможных как не исключаемых значениях, необходимо иметь в виду различия, связанные не только с реализацией предметов в составе включающих их единиц, но и с их положением в описывающей и содержащей системе. С одной стороны, имеется то, что может определяться как положение о том, чем является данный предмет для сознания, но не как таковой, а как относящийся к данному миру – предметному миру поверьй-примет. В этом случае его положение, а точнее внеположенное в сознании существование, не будучи связано непосредственно с чем-то конкретным, в себя вбирающим и соответствующим образом вписывающим, оказывается наиболее обобщенным и своего рода категориальным. На этом уровне выходило бы то, что было представлено как предметности принадлежности, атрибутивности, потребления, назначения либо чего-то еще другого, по уровню совпадающего.

Далее появляется то, и это было бы с другой стороны, что можно определить, в контексте того же предметного мира, в представлении ориентированного к типично предполагаемой функции места в концептуальной системе. Для этого уровня представления предметы, или предметности, будут в себе содержать показатели, предполагающие перцептивное к ним отношение, то, как обычно данный объект, поскольку в этом случае уже и объект, воспринимается, будучи предрасположен сознанием для чего-либо, что может в дальнейшем себя проявить. На этом уровне, для восприятия, появляются определения для предметностей как инсертивов, терминативов, локативов, контентивов, контактивов, фундативов, консумптивов и пр. Иными словами, исходно заряженных чем-либо, какими-то свой-

* Лат. *accōmōdo, āvi, ātum, āre* ‘прилаживать, привешивать’; ‘прикладывать’; ‘принаряливать, устраивать, сообразовывать, приспособлять, согласовывать’; ‘прилагать, употреблять, посвящать’; ‘предназначать’; ‘предоставлять’.

ствами, представляющих собой то, что содержит в себе границы, предполагая возможность пересечения, то, что является местом, пространством, не обязательно для чего-либо постоянного, но где можно как оказаться, так и пребывать, то, что может нечто либо кого-то в себя включать, что обеспечивает возможность взаимодействия с чем-либо, как посредствующее, либо возможность подобную допускающее, то, что может служить основанием, допуская введение, помещение внутрь, чего-то другого в него входящего, то, что используется для потребления, преобразуясь для этого и переставая, тем самым, в исходном виде существовать, и т.п.

Эта группа, а точнее следующий по уровню после предыдущего класса разряд предполагает знание включенного с составляющими его предметами взаимодействия, или того, чему они, как правило, предназначены, как могут использоваться и для чего служить.

Следующим положением, определяющим значения характеризуемых предметностей, было бы их проективное отношение к единице, то, как они себя проявляют в ситуативно-контекстном, для того или иного случая, использования. Эта проекция в известном смысле могла бы характеризоваться как синтагматическая. С той существенной оговоркой, что синтагматика для нее имеет предопределенный, поскольку моделью обусловленный и в ней положенный характер. А коль скоро моделью, и модель есть не что иное как конструктивно заложенный в сознании, а потому и парадигмальный по существу образец, то и проекция эта для той же предметности будет также парадигматичной, ориентируемой к возможной реализации. На этом уровне появляются характеристики типа представленных ранее стимулятивов, эвитативов, сигнификативов и др., себя еще при описании не проявивших и на что впоследствии следует обращать внимание.

Мотив оставления места события (как один из возможных)

Возвращаясь к оставленному материалу предшествия появлению человека на свет в разбираемой на этом этапе беременности, рассмотрим следующую единицу, связанную с поведенческими рекомендациями для женщины в отношении грозящей плоду опасности, содержащую представление о возможном ее присутствии на похоронах с необходимостью *выйти раньше, чем состоится вынос тела, чтобы не умер носимый ею ребенок*.

Мотивация данного положения достаточно очевидна и особого комментария не требует. Актуализируемый момент для того, чтобы выйти, связанный с выносом тела, при том, что само присутствие при обряде отправления покойника, хотя и не слишком желательно, определяясь как вынужденное словами *если пришло быть*, в целом не запрещено, – момент оставления, с выходом и исключением себя из места присутствия смерти,

поскольку об этом речь, отмечается выносом тела, что следует сделать раньше и до него. Поскольку с вынесением тела, как известно из существующих представлений, происходит то, что смерть может забрать, унести с собой, сопровождая покойника и при нем пребывая, также кого-то еще, с чем и связываются разного рода запреты и предостережения, о которых в данном случае не приходится говорить.

В разбираемом ключе существенным и отнюдь не случайным видится определение, объясняющее указанную необходимость для беременной *выйти раньше, чем состоится вынос тела, чтобы не умер носимый ею ребенок*. Чтобы ребенок не умер, воспринимаемый в данном контексте как тот, кому предстоит появиться на свет, т.е. это уже ребенок, как бы родившийся и уже родившийся, в настоящем как будущем, и в отношении смерти, с неразличением противоположения времен. Прошлое, настоящее, будущее действует и существует для потустороннего как единое, вне положения к проекции человеческого земного в своей последовательности бытия. В контексте данного представления *чтобы не умер* также следует понимать вне положения к цепочечному расположению времени: *чтобы не умер* здесь и сейчас как вообще. Не дано ему будет, поскольку смерть его с собой заберет, как человеческое и для нее в известном смысле также и безразличное естество, но не явиться на свет, а явиться на свет как живое, поскольку *он умер*. Таким каким-то образом это можно описывать и представлять.

Обращаясь к самой единице в ее составе, видим беременную, или субъекта, которой предписывается, в случае вынужденного присутствия на похоронах, действие, связанное с оставлением места до обозначенного момента. Из чего получается то, что похороны, что натурально, определяются как событие, происходящее во времени и пространстве, и к этому времени и пространству, во времени, применительно к фазам, и пространству, с распространением на какой-то условно себя ограничивающей территории, к тому и другому, привязывается актуализируемый в необходимости совершения для беременной выход *раньше, чем состоится вынос тела*. Выйти она должна, по времени, до совершения другими данного действия, а в отношении пространства, покинув место события, т.е. осуществив пересечение, перейдя какие-то обусловленные его проявлением границы.

Далее следуют – те, кто присутствуют, помимо беременной, на похоронах, и кому положено на них присутствовать до конца, в тексте поверия не обозначенные, а применительно к ней понимаемые как те, от которых она должна, оторвавшись, уйти, покинув их и оказавшись за пределами контактного взаимодействия с ними. Обусловлено это тем, что похороны, как событие, помимо показателей времени и пространства, имеют участников – присутствующих при этом живых людей, присутствующих при том же духов людьми, теперь уже на земле не живущих (умерших, но не

то, чтобы не живых или мертвых), покойника в виде тела, его души, где-то рядом и возле него обретающей и пока еще не отошедшей, а также, при всем при этом, неизбежно присутствующей и находящейся смерти.

Особенность похорон как события в разбираемом случае связана с тем, что все присутствующие при этом участники, помимо живых людей, составляют приписываемую, ими не нарушаемую принадлежность событию, будучи втянуты органично в поле, орбиту происходящего. Говоря иначе, место их – при покойнике и так же, как он, они это место покинуть не могут, разве что вместе с ним. Из чего получается, что, выходя с похорон, беременная оказывается за пределами его в себя втягивающего и собой вместе с тем ограничивающего не одного только энергетического, но и актантного и контактно-акционального поля. Оказывается за пределами действия кого-либо или чего-либо из непременно присутствующего и неизменно находящегося на похоронах. Как их обязательное сопровождение и неотъемлемая принадлежность.

Еще одним условно присутствующим, хотя и не действующим, поскольку еще не способным, лицом, выступает ребенок, которому, чтобы не умереть, вместе с его будущей матерью необходимо в определенное время покинуть происходящее. Выступает он в данном случае как объект экзистенционального по своему существу состояния, определяемого в двух крайних противоположностях – жить ему или же умереть, что зависит не от него, а от поведения на похоронах беременной.

Получаемая на основе сказанного формула разбираемой единицы имела бы следующий вид:

$$SPraegn(AssistFunebr) > ExitAnte(ExportCadaver) > \\ Infant(NonMort)$$

Модель, стоящая за всем этим, не непосредственным образом соотносилась бы с данным своим проявлением, поскольку это была бы модель избегания, эвакуации, а если конкретнее, то избегающего присутствия кого-либо где-либо в определяемый момент: $S > E(Assist) > Loc(Temp)$.

Эвакуация, тем самым, касалася бы не предмета, как это было отмечено ранее, а находящегося, пребывания где-либо в какое-то время. И это был бы темпорально-пространственный эвакуатор, с указанием времени на первом месте как более актуальным, поскольку пространственный показатель, сам по себе не будучи ограничен, привязывается к показателю временному. Подобно сказочному сюжету о Золушке (но не только), с неотвратимой необходимостью уйти, покинуть место своего в данном времени пребывания до строго отмеченного момента, поскольку в противном случае произойдет нежелательное, а то и опасное, обращение. Мир, обернувшись, поменяются своими местами, и то, что видимо и существует

здесь и сейчас, превратится в другое, если не прямо противоположное. Нечто подобное предполагает описанная модель. И то же, отчасти, может касаться еще не родившегося ребенка, поскольку этому миру он все еще не принадлежит, а находясь между тем и другим, легко подвергается обращению, от живого к мертвому, вместе с ним, и его с собой при таком обращении забирающему.

Некоторые визуальные ограничения

Два очередные поверия касаются предостережений на сей раз не столь суровой опасности, поскольку в них речь не о жизни и смерти, а о возможном в отношении будущего ребенка физическом недостатке, если беременная не соблюдет накладываемых на ее поведение ограничений:

Если беременная подолгу смотрится в воду, то дитя будет косоглазым, при крайней необходимости она должна по возможности чаще отводить глаза.

Беременная должна всячески остерегаться увидеть и тем более соприкоснуться с чем-либо страшным, уродливым, безобразным, так как это может оказаться на ее будущем ребенке.

Оба ограничения предписывают избегание, связанное с восприятием с помощью зрения, но не только. Первое для воды, с временным уточнением *подолгу* и допущением, в случае *крайней необходимости*, *чаще отводить глаза*. Второе, с определением *всячески*, предполагает необходимость *остерегаться увидеть*, и уж *тем более соприкоснуться с чем-либо страшным, уродливым, безобразным*. При этом, если в первом случае прямо указывается на то, что произойдет (*дитя будет косоглазым*), то во втором подобного указания не содержится, предполагая общее и не конкретное положение о том, что *это может оказаться на ее будущем ребенке*.

Косоглазие у ребенка, как следует из представленного, появится только тогда, когда смотрение будет достаточно долгим и пристальным, из чего получалось бы, что исходящая от воды, а точнее, связанная с ней каким-то образом порча предполагает для своего воплощения с переходом на плод определенной «впечатывающей», скажем так, переносимой фиксации. Производимое от воды *впечатление* должно быть закреплено.

Еще одна особенность, на которую стоило бы обратить внимание, прежде чем перейти к заключающему определению, связывается с тем, что неясно, о какой воде, собственно, идет речь. Вода ли это природная, в реке, в каком-либо водоеме, так называемая большая вода, или любая и независимо ни от чего, которая может быть в тазике, в миске, в лужице,

в бочке, в бутыли, в кувшине, в чашке, в стакане и пр.? Вместе с тем, исходя из конструкции, *если (беременная) подолгу смотрится в воду*, видимо, следует предположить, что это вода, с одной стороны, предполагающая более или менее гладкую и имеющую определенную протяженность поверхность, а с другой стороны, такая, в которую смотрятся. Иными словами, типично это не была бы любая вода где угодно и в чем бы то ни было, а поскольку такая, в которую смотрятся, то, скорее всего и вполне очевидно, вода в естественном ее состоянии. Трудно представить себе смотрение в тазик, а уж тем более в кувшин или чашку-стакан, поскольку, и это имеет прямое свое отношение к традиции, что находит свое воплощение в сказках, обрядах, гаданиях, ворожбе и т.п., — смотрятся, а точнее все-таки *смотрят*, в воду (но не на воду) для того, чтобы, увидев в ней под поверхностью что-то, об этом узнать либо, чтобы в своем отражении, как в зеркале (и тогда *смотрятся*), увидеть себя, полюбовавшись ли, проверив ли что-либо, в чем-либо на основе образа убедившись*.

Может в этой связи возникнуть не то, чтобы праздный, но и не так, чтобы не мотивированный, хотя не вполне очевидный вопрос, — для чего беременной подолгу смотреться в воду? Связать его следовало бы с тем, что, с ее стороны, имело бы отношение к ребенку. Не сознательно, а может, и не вполне сознательно, импульсивно, движимая чем-то в себе изнутри, беременная, нередко бывающая в задумчивом и мечтательном состоянии, может начать смотреться в воду, любуясь ли своим отражением и находясь при этом в приостановленно-успокоенном расположении духа, интуитивно желая ли увидеть или почувствовать что-либо в отношении ребенка. Как смотрятся в воду с необъяснимым желанием увидеть в ней близкого человека, а в гаданиях суженого и жениха.

Если исходить, отталкиваясь от этого, то получалось бы, что более или менее продолжительное и без отвода глаз смотрение в воду, неизменно должно что-то там вызывать, но это что-то, действуя не на беременную, а на носимого ею ребенка, выходит, что дает косоглазие. С одной стороны, отражение и образ увиденного в воде получаются искаженными, косыми с позиции глаз, а с другой, что также действительно и не исключено, переносимое от воды, физически проявляя себя в ребенке, дает ему косоглазие. Кривое получается водное зеркало, равно как и кривое что-то в воде под

* В гаданиях и, в особенности, при ворожбе можно встретить мотив смотрения в воду, обычно в темную (поскольку, как правило, ночью) и при этом (опять же обычно) стоячую, начинающую временами ходить, в бочке, в колодези, под мельничным колесом, может быть также в тазике, миске. Но это не то, что следует связывать с представлением «смотреться», для любования, с тем, чтобы увидеть себя. В перечисленных случаях смотрят, чтобы увидеть кого-то или что-то другое, с собой непосредственно или косвенно то ли связанное, то ли не связанное. Различные виды и обстоятельства данного представления могли бы составить предмет отдельного рассмотрения.

поверхностью пребывает. Бес ли то, водяной ли, русалка ли, дух ли какой, не существенно. Важно то, что не следует долго и не отводя глаз через воду на это смотреть. Фиксируется, закрепляется, тем самым, в итоге, как искаженное водой отражение, впечатляясь, впечатываясь не на беременной, а на ее ребенке, так и что-то косое, некошное, потустороннее, то, что в воде, переводя свое несюстороннее косоглазие и передавая его ему. Однако передавание это с закрепляемым в ребенке впечатыванием требует определенного времени (*подолгу*), равно как и смотрения без отвода глаз.

Единица будет иметь акционально-предотвращающий смысл, относясь к модели перед этим себя уже проявившего избегания (эвитатива), с тем отличием, что избегание, *E*, касается в данном случае не присутствия где-либо до какого-то времени, но, также с определением времени, допустимого осуществления действия (смотрения в воду) в отношении того или иного субъекта (беременной в разбираемом случае): $S > E(Act) > Temp$. Представляемое действие, *Act*, предполагает пристальное, без отвода глаз, смотрение в воду, время, *Temp*, определяет себя наречием *подолгу*, а субъектом, *S*, выступает беременная. И это все будет иметь отношение к реализации данной модели для разбираемой единицы.

Модель, в свою очередь, соотносясь с моделью, перед этим представленной, в отношении избегания присутствия где-либо, допускаемого до какого-то времени, определялась бы как разновидность (еще одна наряду с предыдущей) более общей модели, предписывающей необходимость субъектного избегания, $S > E$, чего-либо, какого-то *A*, в отношении какого-нибудь реализуемого далее показателя *T*, не исключительно времени: $S > E(A) > T$.

Формула разбираемой единицы выглядела бы следующим образом:

$$SPraegn[Long/OculosRect(SpectAqu)] > Infant(Strabon^*)$$

Избегание, эвитатив, о котором шла речь, следовало бы не непосредственно из единицы, а из содержащегося в ней знания о том, что будет, если делать то-то и то-то, на основе которого далее выводится концептуальное следствие, связываемое с предостережением, – акционально-предотвращающий смысл единицы, относимой по этому признаку к группе подобных.

Такой же акционально-предотвращающий смысл содержит в себе единица с усиленным с помощью всячески предостережением *увидеть и тем более соприкоснуться с чем-либо страшным, уродливым, безобразным*. Из чего получается, что соприкоснуться намного хуже, чем просто увидеть.

* Лат. **I strābo, ὄπις m** (греч.) ‘косоглазый, страдающий косоглазием’; ‘завистливый человек, завистник’.

В связи с чем возникают два, а точнее три, не вполне взаимосвязанных, но при этом не праздных вопроса. Как можно, даже остерегаясь, и тем более *всячески*, чего-либо не увидеть, если это ненароком окажется в поле зрения? Разрешением отчасти будет не то, чтобы не увидеть, но, опять же, *остерегаться увидеть*. *Остерегаться* выходит достаточно в отношении данного представления. В этой связи также требует уточнения и само это *остерегаться*. Второе связывается с необходимостью вывода для значения *соприкоснуться*. Что за этим может, предполагаясь, стоять? И, наконец, еще одно, – что понимать под *страшным, уродливым, безобразным*? Это что-то одно или три разные вещи? Только ли что-то или, возможно, и кто-то? И каковы критерии, субъективные, объективные (имея в виду традиционные представления сознания коллективного, а не индивидуального) того, что считать и воспринимать, понимая как страшное, уродливое, безобразное?

При рассмотрении поставленных перед этим вопросов, с предположением их того или иного определения, следует помнить о том, что поверия и приметы, как, впрочем, любой предсказательный материал, представляют картину довольно общего и не прорисованного в четких понятиях положения. В связи с этим также слова, используемые для передачи какого-либо запрета или предостережения содержат в себе, скорее, интенцию и направление, чем строго определенный в значениях смысл. Поэтому, если встречается что-то вроде показанного в характеристике *Беременная должна всячески остерегаться увидеть*, с расширением и тем более *соприкоснуться*, понимать это следует, главным образом в том отношении, что беременная должна постоянно быть начеку, должна быть в напряжении, в готовности встретиться с чем-либо, что может на ее состояние и состояние плода каким-либо образом повлиять. Иными словами, она не столько должна не увидеть, что может быть в ряде случаев неизбежным и от нее не зависеть, сколько она должна знать, что если что-то случится и произойдет, то пенять ей придется впоследствии на себя самой.

И это была бы одна сторона вопроса. Другая касалась бы положений, определяющих выражаемое с помощью *всячески, остерегаться, тем более, соприкоснуться, с чем-либо* и того, что передавалось рядом по внешнему виду контекстуальных синонимов в виде *страшным, уродливым, безобразным*. В отношении *всячески* можно предполагать не столько то, что далее, сочетаясь с ним следует, сколько общее его отношение ко всему окружающему. Все, что вокруг, если, что можно было добавить, это не в доме и не в домашнем хозяйстве, освоенном и привычном, может в себе содержать любого рода опасность. В своем таком положении беременная подвержена, как никто другой, воздействию со стороны чего-либо вредоносного и нежелательного. В этой связи то, что названо *страшным, уродливым, безобразным*, имеет не эстетический,

не визуально отталкивающий и не субъективно интерпретируемый как неприятное смысл, оно имеет значением мысль о столкновении, встрече с чем-либо, в первую очередь, незнакомым, а потому непонятным и по этой причине, скорее всего, не человеческим и, вероятно, потусторонним – тем, что вызывает, нередко интуитивный, не поддающийся объяснению, страх. Отсюда *страшное* стоит на первом месте. И далее, коль скоро страшное, то и *уродливо*, с корнем в *родиться, род*, то ли рожденное, то ли не рожденное, но, несомненно, *вырожденное*, отсюда первоначальное *выродок и урод*. И тогда *безобразное* также может быть, не так, чтобы от части, интерпретировано как *безобразное*, не имеющее должного образа, надлежащего вида, не благообразное, и потому, возможно, не человеческое либо от не человеческого что-то имеющее в себе.

Получается, что предостережение касается, если не в первую очередь, то не прямо, но интенционально, необходимости избегать любого контакта с тем, что, будучи необычно, неясно и непонятно, по виду и через вид, того, что потенциально содержит в себе способность причинения зла. Нельзя сказать непосредственно, что это или кто, это может быть чем угодно, и поэтому *всячески*, и поэтому *остерегаться*. С одной стороны, *увидеть*, а с другой, через усиление в *тем более*, также в достаточно общем определении *соприкоснуться*, – поскольку шире, объемнее, предполагая любого рода контакт, и включая в себя также *увидеть*.

Следующее как предостерегающий вывод и также довольно общее положение о том, что *это может оказаться на ее будущем ребенке*, в контексте сказанного, то ли намеренно, то ли в самом своем основании, допускало бы объяснение (если задуматься более или менее основательно, что значит, собственно, то, что *может оказаться?*), связанное, в первую очередь, с тем, что воздействие страшно-уродливо-безобразного на беременнную через ее органы чувств на плод, находящийся в ней, поведет к тому, что ребенок окажется чем-то или каким-то другим, перенявши в себя природу от страшно-уродливо-безобразного. Не исключено, что родившийся человеком не будет, а будет кем-то или чем-то другим. Потому еще это с *чем-либо*, а не с *кем-либо* для *тем более соприкоснуться* в тексте предостережения, ибо как бы оно ни выглядело, будучи одушевленным или же нет, воздействовать будет оно на плод этим *чем-либо*, в нем присущим и через него в результате любого вида контакта передающимся, непосредственно переходящим на плод.

Отсюда прямое следствие к тому, что известно любой традиции, а народной в особенности, о том, что, с одной стороны, беременная, а с нею ребенок, к тому же еще не рожденный, особо подвержены всякого рода воздействиям, главным образом вредоносным и нежелательным. А с другой, положение о том, что и плод, и рожденный потом ребенок, до определенного времени, в экзистенциональном смысле, по природе своей, проме-

жуточны, будучи ближе к тому, а не к этому миру и, тем самым, открыты ему, не человеческому, потенциально опасному и в отношении человека, людей далеко не всегда позитивному. И поскольку трудно, если вообще возможно, узнать характер его того или иного воздействия, то лучше поэтому *всячески остерегаться увидеть и тем более соприкоснуться с чем-либо* таким. Главным образом и в первую очередь для беременной.

Модель, за всем этим стоящая, будет собой представлять разновидность выведенной ранее $S > E(A) > T$, т.е. модели субъектно-акционального избегания по какому-то показателю. Однако поскольку то, что *должна остерегаться увидеть и соприкоснуться*, не предполагает в общем случае акционального проявления со стороны беременной как субъекта, но ее интенционально заряженную предрасположенность – стараться быть в постоянной готовности и начеку, то показатель A может быть либо опущен, либо заменен на Ct , предполагающий любого вида, в том числе и визуальный, контакт, а T представлять собой что-либо потенциально опасное, заменяясь на Pc . И тогда модель, в такой своей разновидности, в виде $S > E//Ct > Pc$, касалась бы не одной лишь беременной, предполагая предостережение в избегании E субъекту S , возможно контактного Ct , с чем-либо, по какому-то основанию не желательного, смысл которого себя проявлял бы уже не в модели, а в реализации в единицах.

Формула предполагала бы, соответственно, следующий вид (избегание, как и в предыдущем случае, проистекало бы не из нее, а из знания, в ней содержащегося):

$$SPraegn(Vis/ContHorr) > Infant(Mal)$$

И это была бы тогда единица, имеющая не акционально-, как перед этим рассмотренная, а предрасположенно-, или предистинативно-предотвращающий смысл, предполагая необходимость определенного рода настроенности, при отсутствии которой, т.е. несоответствующей в субъекте предрасположенности, станут возможными следствия, которые желательно и необходимо предотвратить.

Ограничения в отношении собаки и кошки

Очередная пара предостережений касается более очевидных и ясных ограничений, касающихся домашних животных, встречавшихся также и ранее, хотя и в другой связи, но не любых, а собаки и кошки:

Беременная женщина не должна перешагивать через собаку или пинать ее, иначе у ее ребенка будет болеть спина.

Беременная женщина не должна по неосторожности толкать ногой собаку или кошку, иначе младенец родится покрытым шерстью.

В обоих случаях несоответствующее поведение беременной сказывается не на ней, а не ребенке, с чем уже приходилось ранее сталкиваться. Интерес представляет особенность, наблюдающая себя как в первой, так и во второй единице и обусловливаемая тем, что, если говорится о том, что не должна *перешагивать или пинать*, а затем далее *толкать ногой*, то нежелательное проявление беременной каждый раз предполагает действие, производимое посредством ноги. Еще одно, на что следует обратить внимание, можно увидеть в недостаточно ясном различии между *пинать* и *толкать* все той же ногой, поскольку *пинать*, как физическое проявление, не переносно, и есть, собственно говоря, не что иное как толкать либо ударить ногой (ногами)^{*}. Получается, что одно и то же по внешнему своему характеру действие со стороны беременной может вести к различному характеру следствия в отношении ребенка, тем более, что в первом случае на это указывается с помощью *или* – перешагивать или пинать. Уточнением, возможно существенным, было бы все же намеренность или не намеренность произведенного действия, поскольку второй пример указывает на то, что она не должна этого делать *по неосторожности*. В первом случае ни о чем таком не сообщается.

И, наконец, еще одно – через собаку не следует перешагивать или пинать, а толкать ногой – собаку или кошку, т.е. для кошки перешагивания хотя, возможно, и не исключено, но в силу особенностей ее поведения не предусмотрено, кошка не даст через себя перешагнуть. Но, может, и нет, не это заложено в представляемый смысл – перешагивание (или пинание), предполагая собаку, дает результатом то, что *у ребенка будет болеть спина*, и именно это связывается с собакой, в то время как в отношении кошки такого не наблюдается.

Трудно сказать, не углубляясь подробно и основательно в разбираемый предмет, с учетом мифологических и других представлений, на поверхности не находящихся, чем обусловлено то, что обозначенные перешагивания, пинания собаки, толкания ногой собаки и кошки, предполагают указанные в предостережении последствия для ребенка. Именно данные, а не какие-либо вообще. Несомненно то, что связывается это с ногой¹⁹, в первом случае также с общезвестным действием, предполагающим довольно частое ограничение в повериях и приметах в отношении перешагивания²⁰. Если с покрытием шерстью можно предполагать положение,

^{*} См. объяснение значения в *Словаре русского языка в четырех томах* (МАС). Гл. ред. 2-го изд. А.П. Евгеньева. Москва: Русский язык, 1984, т. III, с. 123 ‘толкать, ударять ногой (ногами)’ для *пинать*.

при котором ребенок, родившись, содержит в себе уже изначально черты, не то, чтобы оборотничества, т.е. животного в человеке, того животного, которое будет в шерсти, обычно волка, но, может быть, и собаки, и кошки, равно как и связанных с тем же способностей к колдовству и ведовству, а ежели ни к тому, ни к другому, то (опуская чисто физиологическое объяснение, связанное с заболеванием гипертрихозом как избыточностью волосяного покрова) полуживотного и потому отталкивающего и пугающего состояния, – если в отношении шерсти такое можно воспринимать как следствие «наведения» со стороны ли самих собак и кошки или, что вероятнее, каких-либо духов, в том числе и домашних, то как объяснить, для собаки, в пинании и перешагивании то, что *у ребенка будет болеть спина?*

Для ответа на этот вопрос, стоит задуматься, в первую очередь, над самым обстоятельством. С чем, но не так себе и не в медицинском понятии, а в традиции связывается представление о том, что болит спина, какими причинами данное положение вызывается? В заговорах, а также в народных лечебниках можно найти указания на то, что следует делать, чтобы избавиться от болей в спине. Имеются также производимые женщинами после жатвы катания по жнивью с приговариваниями, в том числе и от болей в спине²¹. Можно встретить действия с приговорами, для излечения либо предотвращения болей спины, предполагающие обращение с этим к деревьям, обычно к дубу. Необходимо для этого прислониться к стволу спиной и произнести определенную формулу, в какой-то для этого предназначаемый момент. Однако не связывается это с перешагиванием через собаку или пинанием ее, тем более со стороны не того, у кого заболела или болит постоянно спина, а, как получается, его матери, когда та была им беременна. Трудно также найти причину того, что болит спина.

Однако вернемся к оставленному анализу, поскольку, каким бы более или менее вероятным либо только предположительным ни вышел ответ, не в его получении состояла задача. Для нее важным было бы определить, во-первых, то, чем являются и как себя проявляют собака и кошка в отношении предметного мира примет. А во-вторых, что собой представляют та и другая из единиц с точки зрения своего значения (для того же мира примет и содержащихся в них представлений) и какая, в концептуальном смысле, модель через них себя проявляет.

Собака и кошка перед этим уже встречались, в связи с другими домашними животными, впрочем, не перечислявшимися, изменяющими свое отношение к молодой, как только та понесла, с неслучайно существенным уточнением *в особенности кошка и собака, которые стараются полежать на ее постели или быть рядом с ней*. Как наиболее близкие, что естественно, к человеку, отсюда представление о *постели* беременной и пребывании *рядом с ней*. Однако в той единице они себя проявляли, с одной стороны, как осваивающие, признающие молодую, включающие

ее во внутреннее пространство рода и дома-семьи. В данном случае себя обнаруживает нечто иное.

Разбирая поставленный перед этим вопрос в его первой части, для собаки и кошки, необходимо представить, что предполагает их отношение, но не к беременной в данном случае, а к ее ребенку. Получается, что способны они повлиять на него в двух указанных положениях, и оба будут физическими, ведущими к болям (спины) либо звериному изменению телесного вида. Однако то и другое себя объявляет не как таковое и не само по себе, а при условии нарушения должного к ним отношения со стороны беременной. В понятие ‘отношение’ в данном случае не стоит вкладывать морально-этический смысл, но тот, который более связывается с представлением *этоса*, как характера поведения, обусловленного принятыми в данной традиции обычаями, нормами и привычками без приписывания ему нравственного оттенка, однако с приятием определенной позиционности, в отношении одобряемых либо не одобряемых проявлений, главным образом в силу возможных опасностей, обусловленных нарушением, искажением, не принятием того, что как установленное и общепринятое к соблюдению дано всем и каждому.

Из данного представления выходило бы, в первую очередь, то, что собака и кошка (других домашних животных не будем затрагивать) выступают в роли, если не сразу так оградителей, то представителей внутренне обозначенных и ощущаемых, не обязательно осознаваемых при этом, границ условно отмечаемого круга того, что близкое и свое, в витально-физическом отношении. Близкое и свое как в защитном, но все же не только, а скорее, экзистенциальном расположении. Слово *расположение* здесь не случайно, предполагая в определяемом предметном мире своего рода вектор и ориентир. В то же время, с другой своей стороны, с тем, что в первую очередь предполагающей, собака и кошка связываются, как уже ранее отмечалось, с семейно-домашним и родовым человеческим в широком понятии, допускающим, помимо существования и бытия в этом доме, хозяйстве, семье, также и в том числе отношение к жизни и смерти, здоровью, болезням, удаче, успеху и наоборот, к продолжению рода, рождению, росту, возрастному и прочему достижению. Не все из здесь перечисленного может найти свое отражение в текстах рассматриваемых единиц, но, внутренне существуя, оно способно себя объявлять.

И тогда перешагивание или пинание собаки, так же как толкание ногой ее или кошки, поскольку связывается с выталкиванием либо пересечением, преодолением отмечаемого ими в его границах домашне-семейного круга, предполагает, как получается, выход, выбрасывание за его пределы (определяясь также ногой). Выбрасывание, или выталкивание, пересечение его полагает для не родившегося еще человека опасность, как неизбежное следствие, – либо незащищенности тыла (в собаке), и отсюда

боли спины, либо на нем себя отражающую звериность нечеловеческого, откуда то, что *младенец рождается покрытым шерстью*.

Модель, стоящая за тем и другим и в рассматриваемых единицах себя проекцией проявляющая, также должна быть представлена как модель избегания. Не следует делать того и того во избежание неприятных последствий, и, хотя смертью, как это было ранее, нарушение того, что предписано, не грозит, однако следствие из подобного нарушения предполагает весьма нежелательный результат витально-физического характера, отражающийся на здоровье либо не только, а точнее не собственно, а также внешнем виде пока еще не рожденного. Модель имеет акционально-предостерегающий смысл, представляя собой разновидность рассмотренной ранее: $S > E(Act) \geq P_C(ObjS)$. Субъекту предписывается избегание каких-либо действий, ведущих к опасности для связанного с ним объекта. В разбираемом случае таковым объектом выступает ребенок.

В свою очередь, формула той и другой единицы, распространяясь на собаку и кошку как на объекты, получала бы следующий вид:

SPraegn(Transscens/Repuls > Canis/Catt) > Infant(DolDors/TectVell)

Поскольку значение единицы достаточно определенно, будучи привязано непосредственно к производимым над не любыми животными и, собственно говоря, не животными в разбираемом случае, каковыми выступают собака и кошка, не могущие быть замененными чем-то или кем-то другим, важным видится при передаче значения единицы по формуле сохранение всех участвующих и взаимодействующих в нем составляющих.

Вместе с тем получалось бы, что данная единица не то, чтобы несколько отдаленно, но через какие-то скрытые и себя не всегда объявляющие посредствия, связывается с выводимой для сказанного перед этим моделью. Рассуждая последовательно, в концептуальном, для воспринимающего сознания, отношении представить данное положение можно следующим образом. Существует некоторая опасность, возникающая в виде следствия совершения кем-либо каких-либо действий, что представляет наиболее обобщенный, модельный, уровень восприятия. Сознание социума в составе своих представителей имеет это в виду. Далее, опуская возможные переходы и соответствия, связываемые в сознании с устройством всего существующего, мало что дающие для понимания того, о чем речь, обращаемся к кругу семейно-домашнего, в котором имеется представление в отношении тех, кто его составляет. Имеются люди, предметы, животные, каждому из которых отводится в представлениях свое положение, нормы привычного поведения, социальная и домашне-семейная роль, которые, предписываясь достаточно очевидным, общепонятным и принятым образом, не принято в этой связи нарушать. Не принято также, если

не в первую очередь, в силу того, что это может грозить чем-то мало приятным, если не искажающим и деструктивным.

Поскольку за представлениями об устроенности и сложившемся распорядке взаимосвязанных и взаимодействующих в домашне-семейном круге людей-животных-вещей стоит все то, что, составляет, с одной стороны, его неизбежный континуум (содержательный, временной, пространственный, витальный, физический, энергетический), включая в это тех и то, что, в данном круге имеясь и существуя, пребывает в нем или, в него приходя, появляется, в каком-то, возможно определенном, времени. А с другой стороны, в том числе и как следствие, что составляет в нем его необходимый, обеспечивающий нормальное, не искаженное, ожидаемо-желательное существование, баланс. Своего рода гомеостазис и равновесие. Равновесие это может быть нарушено совершением кем-либо чего-то такого, что действует, поражая, нанося ущерб, пересекая границы сложившегося и своей взаимосвязи привычно взаимодействующего положения имеющихся вещей, к которым относятся люди, животные и предметы.

И тогда, возвращаясь к общей модели опасности, которой следует избегать, нарушение внутрисемейного и домашнего распорядка и устроения было бы проекцией этой самой модели, привязываемой к домашне-семейному миру вещей. Затрагивая самые разные вероятные нарушения в этом мире, проективная эта модель получала бы в определяющих данных нарушения единицах свое виртуально-сингматичное выражение. Одной из таких единиц для домашне-семейного круга опасностей, следующих из несоблюдения предписаний гомеостазисного по своему существу распорядка, и выступала бы та, о которой речь в двух взаимосвязанных проявлениях в отношении собаки и кошки. Животные эти имеют свое положение, свою позицию и свою погранично-экзистенциальную роль в домашне-семейном круге, и их толкание ногой, для собаки и кошки, перешагивание или пинание, для собаки, нарушая такую границу-позицию, связывается, как получается, не с толкающей, а с тем, кого и что она носит в себе, отражаясь, тем самым, на родовом продолжении, от пересеченной границы круга переносясь и переходя на потомка.

О запретах предметного действия (на двух примерах)

Две очередные приметы предполагают запреты, связанные с предметами:

Нельзя беременной женщине брать от другой женщины чулочные спицы, иначе больше детей не будет, а роженица будет больна.

Если беременная женщина перешагнет через помело, то роды будут тяжелыми.

Не столько, впрочем, с самими предметами, сколько в первом случае с кем-то другим, а во втором с производимым действием. Чулочные спицы (опять наблюдается связь с ногами, хотя не такая прямая, как в предыдущих и далее следующем случае) нельзя брать не как таковые и не вообще, а от другой женщины. *Брать*, как, видимо, следует понимать, для того, чтобы с ними работать, т.е. вязать чулки и, что также следует предполагать, не кому-нибудь, а скорее, себе. Все это существенным образом уточняет запрет. Что касается помела, для него себя проявляет идея встречавшегося перед тем перешагивания (через собаку), с тем отличием, что это предмет, а не животное существо, хозяйственного предназначения, находящийся в доме или же во дворе, и получаемое следствие связывается не с ребенком, а с роженицей.

В отношении чулочных спиц ничто не мешает предположить вероятность либо сознательного, либо и несознательного воздействия со стороны женского, видимо и скорее всего, не своего, хотя непосредственно об этом не говорится. Другой женщиной может быть соседка, живущая на той же улице, не исключается также, что кто-то и из своих. Можно и стоит ли говорить в данном случае о зависти или скрытом неприязненном отношении, не суть важно. Важно то, что речь идет о потенциально, если не конкурирующем, то совместно действующем женском начале, определяющем себя отношением к беременности и родам. О совместном действии, и с этим способствующем, поддерживающем, благожелательном, в определенных, а также типичных случаях, видимо, далеко не всегда приходится говорить.

Но даже если ничего такого от женщины, которая другая и от которой чулочные спицы берут, не исходит, в них самих, в этих спицах, поскольку они чулочные, а потому предполагают вязание, или связывание, примыкающее к ноге, заключается нечто перекрывающее и препятствующее безболезненному и без неприятных последствий использованию их заряженному, поскольку беременная, другим родовым лицу (ибо это другая женщина, а не всякая, не любая и не какая бы то ни было). Будет ли это следствием заговаривания, легко и часто производимого на острых предметах, или нет, опять же не столь существенно. В поверии ничего об этом не говорится, хотя подобное положение также не исключено. Важным и очевидным остается то, что, во-первых, это спицы, и к этому, во-вторых, чулочные, в-третьих, берет их беременная, в-четвертых, от другой женщины, а в-пятых, как предполагаемое и вероятное следствие, для того, чтобы вязать себе, пользуясь ими, чулки. Из этих пяти компонентов, содержащих в себе отмеченное перед этим развитие, и будет формироваться и складываться определяемый запрет.

Модель, стоящая за всем этим, определяет себя как модель избегания предметно-предотвращающего характера: $S > E(Obj) > Ps$. Важно то, что следует избегать не только предмета, каковыми являются чулочные спицы, а чулочные спицы от другой женщины брать, как атрибутивный либо посессивный объект (если предполагать обладание) получения от другого субъекта, каковым является женщина. И вместе с тем то, что субъект, который берет, также женщина, и к тому же беременная, а берет она их, скорее всего, для того, чтобы использовать по назначению и, скорее всего, для себя, сомнительно, чтобы для кого-то или чего-то другого. Все это будет проявлено в единице, передаваемой по формуле:

$$SPraegn[AssumptObjS(AliaFemin)] > SPraegn[Defect(Infant)Infirm]$$

Модель промежуточного характера, реализующего то, что представлено в обобщенной модели, с приближением к смыслу, проявленному непосредственно в разбираемой единице, и входящая в этой связи в какую-то группу соотносимых между собой по данному основанию единиц, можно описывать как модель избегания, связанного с получением, заимствованием, приобретением в пользование, возможно по собственной просьбе (как еще одна разновидность), чего-либо, каких-то предметов или предмета, кем-либо от кого-то другого, без различия пола и состояния: $S' > E(AssObjS^2) \geq Ps$.

Появившийся новый предмет – чулочные спицы, следует относить к выделенной ранее группе атрибутивов. Не посессивов, хотя и это не исключено, поскольку говорится о том, что не следует брать от другой женщины, принимать, иными словами, из ее рук, не обязательно принадлежащие ей. Во всяком случае это не обозначено. С уточнением в данной группе атрибутивов ‘другого’ – аlienативных атрибутивов, что представляется важным для их характеризующего определения. И тогда в этой группе, видимо, следует предполагать наличие такого рода предметов, которые будут в себе содержать какого-то рода ограничения, если не прямо запрет, в отношении не принадлежащих к кругу аlienативных лиц, в разновидности децессивного* (уклоняющегося) аlienатива.

Второе поверие, связанное с перешагиванием через помело, сущим тяжелые роды, предполагает встречавшееся также и ранее перешагивание. С тем отличием, что, если с собакой это могло представляться как пересечение границы какого-то определенного круга, собакой отмеченного, допуская при этом, в развитии, переход на ребенка, носимого беременной, то

* Лат. **dēcēdo, cessi, cessum, ēre** [de + cedo] ‘уходить, уезжать, отправляться’; ‘удаляться, покидать’; ‘отклоняться’; ‘сторониться, избегать’; ‘уклоняться’.

в отношении помела вряд ли стоило бы о подобном пересечении говорить, и к тому же страдать от этого будет сама беременная, а не ее ребенок.

Перешагивание в данном случае можно рассматривать как вхождение, проникновение от помела того, что оно в негативном аспекте способно в себе содержать, передавая, перенося, но не на любого перешагнувшего, а на беременную. Говорится при этом, что роды будут тяжелыми. Затруднение, тем самым, касалось бы выхода плода, появление человека на свет, затрагивая при этом не столько его самого, сколько рожающую. Получается, что помело своим действием на перешагнувшую замыкает подобный выход, делает его в осуществлении тяжелым, или, иными словами, утяжеляет. Связано это, видимо, с тем, что в нем содержатся вследствие типичного для него применения, сводящегося к выметанию, с одной стороны, и контакту для этого с низом в той его части, которая предполагает нечистое, с другой, содержатся в нем, кумулируясь, непрозрачные, мутные, засоряющие энергии, способные при перешагивании на беременную, передаваясь, переходить. Отсюда и ожидающие ее впоследствии трудности с родами.

Помело в связи с этим, в своей предметности, выступает как то, что, являясь носителем, содержит, включает в себя определенные признаки, способные каким-то образом, тем или другим, воздействовать. В разбираемом случае негативно, поскольку утяжеляя имеющееся у беременной состояние, но не как таковое, а при его разрешающем выходе. В другом каком-либо случае, не обязательно также связываемым с помелом, эта особенность у каких-то предметов будет себя проявлять по-другому.

Получается, что для предметного мира поверий-примет помело выступает тем, что находит свое применение в домашнем хозяйстве (в представляемом аспекте), т.е. не фигурирует как принадлежащее или имеющее предназначаемое отношение к кому-либо, будучи в этой связи не посессивом и не атрибутивом, а узитативом, что вывело и определялось ранее в примерах с отцовской рубашкой, мужскими штанами, шапкой и женским платком. Вместе с тем, будучи узитативом, как в данном случае, ничто не мешает видеть возможность для помела быть принадлежностью либо атрибутом кого-либо (скажем, в сюжетах с летающей ведьмой на помеле, что в повериях может найти свое отражение). Тем самым, отношение к группе, узитативов, атрибутивов, посессивов, чего-то еще, того или иного предмета будет зависеть от его проективной роли, т.е. оно обусловлено и не привязано, хотя типически естественным образом как-то предопределено.

Далее появляется то, что в отношении помела было выведено как наличие в нем каких-то признаков, способных в воздействующем отношении, на субъекта обычно, в каких-то определенных условиях себя проявлять. И это то, что можно характеризовать как его заряженность, обладание

и содержание в себе, – инсертивность. Та, в свою очередь, как достаточно обобщенное свойство, в проекции к отображению в поверию или примете будет получать свое более точное воплощение.

Для разбираемого помела, не как такового, а в привязанности к действию, направленному на него со стороны субъекта, однако не всякого, но беременной женщины, не любого рода вместе с тем действию, а перешагивания, – в этих обстоятельственно определяемых условиях инсертив помела объявляет себя как препятствующий, замыкающий, гравитатив ожидаемого при родах выхода.

Тем самым, последовательность типологического, и парадигматического вместе с тем, представления в отношении помела предполагает, для наиболее общего положения в составе предметного мира примет и поверьй, с типичным местом, позицией, его как предмета, указанную ранее узитативность – как того, что, относясь к хозяйству и дому, используется в них для каких-то определенных работ. Атрибутивность и посессивность, возможные в каких-то условиях, в разбираемом случае, как уже говорилось, не объявляют себя. Узитативность далее, не напрямую связанная, но через характер использования (подметание сора и отношение к низу), через заряженность, содержание признаков в данном предмете, его инсертивность, через приписываемые сознанием особенности ее, – отражается данная узитативность в том, что действует помело по параметру гравитатива, обусловливаясь синтагматически тем, кто и каким именно образом вступает с ним во взаимодействие (беременная, своим перешагиванием, что отразится на том, что роды будут тяжелыми).

Говоря о модели, стоящей за разбираемой с помелом единицей, опять получаем модель избегания, встречавшегося также и ранее предметно-предотвращающего характера, предметность при этом предполагает одновременно и представление о производимом действии (которое следует избегать): $S > Act(Obj) \geq Ps$. Общий смысл модели сводится к представлению о том, что если субъект производит какое-то определенное действие над каким-то определенным предметом либо производимое им действие с этим предметом связано и, тем самым, актантно включает его, то ожидать приходится, также определенной обычно, опасности.

Проективной моделью и данную общую уточняющей будет та, которая связана с представлением о субъекте, каковым выступает беременная, а не любой человек, с предписанием ей избегания каких-либо действий с предметами хозяйственного предназначения (своего рода канон обращения с ними), в ряду которых окажется и помело. И тогда параметры *Act* и *Obj* в модельной формуле будут иметь константно-переменяемый, подставляемый смысл, тот или иной предмет будет предполагать то или иное действие, которого полагается избегать. Не помело, тем самым, составляет опасность, и не чулочные спицы, как в предыдущем случае, а то, чего не

положено над ними или с ними беременной производить. Переменным будет, в зависимости от параметров *Act* и *Obj*, также характер грозящей опасности *Pc*. Формула для разбираемой единицы выглядела бы, исходя из сказанного, следующим образом, читаясь так, как это дано в единице – *Если беременная женщина перешагнет через помело, то роды будут тяжелыми*:

$$SPraegn(TransgressObj) > Part(Grav)$$

Возвращаясь к идеи запретных предметов, видимо, не безразлично также и то, что если чулочные спицы – острый предмет*, и, как таковой, вызывает бездействие, в известном смысле родовую в потомстве смерть, с добавлением к этому болезни самой роженицы, – то помело, помимо его отношения к сору, грязи и низу, также и в своих прутьях, отчасти твердых и жестких, возможно и острых, множественно**.

В этом аспекте рассматриваемое помело можно интерпретировать также как атрибутив, а не только узитатив, домашне-семейного и родового, имеющий отношение к мертвому данного рода и, возможно, его представляющий связками прутьев (как родовое) и причастностью низу и сору (как мертвое). Ср. к этому смысл известного выражения *выносить сор из избы*, т.е. сообщать другим, не своим, о том, что касается дома, семейных дел, близких родственников. С тем же связываются запреты на подметание и вынесение сора при погребении, когда покойник находится в доме, и предостережения в отношении пыли и сора в дни, когда ожидается возможный приход посетителей с того света, родителей, в первую очередь. В том же контексте, как родовое объединение, можно воспринимать и древнеримские фасции, связки прутьев с всаженным внутрь топором, – символ и смысл, заимствованный и использованный итальянским фашизмом²¹, обращавшимся в своей идеологии к корпоративности и древнеримским фасциям в связке своего родового. Перешагивание беременной через помело, таким образом, предполагает пересечение границ. Как это было с перешагиванием через собаку. С тем отличием, что в данном случае речь идет о пересечении границ не своего домашне-семейного и родового, а посюстороннего, от живого к мертвому, что дает

* Достаточно вспомнить об уколе веретена из сказки о спящей красавице, ведущего к смерти, и сюда же алиенативность его (что отмечалось и в разбираемом случае), поскольку все веретёна были истреблены в королевстве, а укололась красавица веретеном, принадлежащим фее, не приглашенной при ее появлении на свет.

** Стоит вспомнить, также известный из сказок, сюжет, не вполне к разбираемому случаю, но в контексте содержащейся силы и неотвратимости, о том, что, когда старик, умирая, наставляет своих сыновей, чтобы держались вместе, показывает он это наглядно на прутьях, которые, вместе собранные, не переломить.

результатом то, что *роды будут тяжелыми*, для беременной, изначально представительнице другого рода, ибо родовое мужнино ей уже не поможет, граница ею пресечена.

Идея, тем самым, с одной стороны, остроты, а с другой, совокупной множественности, равно как и чего-то другого, не только наглядно воспринимаемого, но и соответственным образом интерпретируемого, характеризуя те или иные предметы, преобразует себя в сознании тем, что на основе этого им приписываются определенные свойства, прямо или не прямо затем себя отражающие, в том числе и в повериях и приметах. В них, можно бы было добавить, далеко не в последнюю, если не в первую, очередь.

Об одной модели позиционно-акционального избегания

Следующая единица того же разбираемого круга, содержащего рекомендательные наставления беременной, представляет собой не столько поверье или примету, сколько, скорее всего, поучение, вписывающееся в религиозные положения, без объяснения следствий и предположения предметных либо людских соучастников:

Не следует спать беременной женщине на животе – грех.

Грех – и этим все сказано. Понимать, объяснять и каким-либо образом интерпретировать данное положение вроде бы как и не следует. Допускаемая и естественным образом предполагаемая мысль о том, что это может нанести вред ребенку, не действует, поскольку понятие греха имеет в виду не столько причинение вреда кому-либо или чему-либо (что не исключается, но не это определяющее), сколько то, что его допустивший несет ответ перед высшими силами и своим божеством, заслужив себе кару в зависимости от тяжести им совершенного. Грех можно также исправить и замолить, выпросив у Всевышнего себе прощение. Трудно себе представить, что такое замаливание и исправление что-нибудь в отношении пострадавшего плода дало. Если иметь в виду (что необходимо добавить) чисто физиологическую сторону спанья беременной на животе.

Однако это может иметь и другую сторону, не исключительно физиологическую, предполагая, что беременная, тем самым, перекрывает доступ к ребенку, скажем так, благословляющий, защитный и опекающий, со стороны вышних сил (оставаясь в ключе представлений греха), оборачиваясь во время сна к этим силам спиной и своей тыльной частью. Если это иметь в виду, то в разбираемом наставлении можно усматривать ориентирующую, для беременной, сторону в отношении плода, который

в ней. Грех ее тогда заключался бы в том, что она нарушает своим неправильным действием, в данном случае позой, возможность взаимодействующего, взаимообратного с верхним миром контакта. Как если бы *обратилась* к нему, метафорически, но через прямое расположение, *спиной*, что и могло бы тогда составлять заключенную в слове *грех* идею.

Модель, за этим стоящая, будет также моделью, но не предметного, как в предыдущих случаях, а акционального избегания, в позиционной своей разновидности, предполагая определенную позу при совершении чего-либо, в разбираемом случае спанья.

Возникает при этом вопрос, каким образом следует интерпретировать 'грех', ибо он все же не то же самое, что себя отражавшая перед этим опасность. Если вкладывать в представление о грехе идею, предполагающую смыслом 'делать что-либо неподобное, нарушающее установленный Богом для человека закон, или, напротив, не делать то, что положено делать по тому же закону в каком-либо отношении', то получалось бы, что не опасность стоит за грехом, а нарушение, вызванное ли неприятием установленного для себя, недомыслием ли, страхом либо случайностью. Что приписывать в разбираемом случае означенному спанью, видимо, не суть важно, важно, что речь идет о нарушении установленного. И тогда модель в своем обобщении получает вид $S > Pos(Fals) > Rupt(Stat)$, – субъект, в отношении своего совершения либо несовершения недолжным образом позиционирующий себя, *Pos(Fals)*, (как спанье на животе для беременной, *DormUter* далее в схеме), нарушает установление, *Rupt(Stat)*, будь то от Бога, что можно при этом добавить, будь то от людей, их законов и прав исходящее.

Без объяснения, как уже отмечалось, следствий-причин, единица могла бы передаваться по следующей формуле:

$$SPraegn(DormUter) > Rupt(Stat)$$

О желательности укрывать свое состояние

Две очередные, и последние, касающиеся рассматриваемого круга, или этапа (беременности), единицы в источнике затрагивают идею не действия, не пребывания либо не пребывания где-то, не занимаемой позы во сне, а укрывания, не сообщения о своем состоянии, – избегание, связываемое с возможным причинением вреда для себя, вольным либо не вольным, со стороны окружающих:

Беременная должна как можно дольше скрывать от окружающих свою беременность и срок предстоящего разрешения от бремени, чтобы ее никто не сглазил.

Разрешение от беременности будет тем мучительнее и труднее, чем больше людей будут знать о ней, ибо роженица мучается за каждого человека, который знает о ее родах.

Небезынтересным видится соотношение, при, собственно говоря, со-впадающем предостережении с необходимостью укрывать. В первом случае говорится о сглазе, в то время как во втором объяснение связывается с тем, что роженица будет мучиться за каждого человека, который знает о родах. В отношении самой беременности, как физического состояния, можно отметить вполне объяснимое представление о грозящей опасности, связываемой с потенциальной незащищенностью, своего рода открытостью, слабостью, неспособностью к сопротивлению женщины негативным воздействиям со стороны тех, кто названы *окружающими*. Сомнительно, чтобы это были близкие или родственники, скорее, те посторонние, которые могут быть определены как соседи или знакомые. От них исходить способно то, что связывается с представлением о сглазе.

Затрагивая данное обстоятельство, стоит задаться вопросом, но не в отрыве от разбираемого, а в непосредственной с ним связи. Чем объясняется то, что сглаз, о котором говорится в поверии, актуализируется к тому, что передается словами *Беременная должна как можно дольше скрывать от окружающих свою беременность и срок предстоящего разрешения от бремени?* Во-первых, если она не беременна или все думают, что это так, то сглазить ее, как получается, окружающим не приходит в голову. А можно было бы, независимо от ее состояния. Во-вторых, скрывать она это должна *как можно дольше*. В отношении самого состояния это *как можно дольше* можно понять в том смысле, что неизбежен такой момент, когда это скрывать уже не удастся. Что касается срока *предстоящего разрешения от бремени*, то его можно скрывать до последнего, поскольку о сроке можно спокойно не сообщать.

И тогда из всего этого выходило бы положение, при котором, во-первых, интерес окружающих в отношении предполагаемого сглаза появляется не в отношении женщины как таковой, а ее состояния. Возможно, и ничто не мешало бы нечто подобное допустить, в отношении будущего ребенка, потомства как такового и ее способности его давать. Тем самым, это была бы своего рода зависть, неприязнь, зло, вредоносность (с человеческой точки зрения), направленные или предполагающие, имеющие в виду развитие и продолжение рода в его способности, но не для женщины, а для мужа, его семьи и их рода, поскольку она рожает потомство ему. Исходя из этого в допускаемом сглазе, видимо, следует предположить действие мертвых рода и родовых сил чужого и постороннего, производимое ими через тех, кто был обозначен как *окружающие*. Действие, за которым стоит отбиение, не то, чтобы намеренное, а, скорее, природно-

стихийное, силы беременного состояния и потомства чужого себе, в свою пользу. Усиление своего за счет и посредством чужого.

Что меняет, и это было бы во-вторых, в отношении разбираемого, то, что скрывать свое состояние она будет *как можно дольше*, не говоря про срок разрешения? Видимо, все же что-то меняет. Возможно, рассуждая последовательно и более углубленно, если применительно к сроку ее разрешения сглаз может действовать таким образом, что, в лучшем случае, роды окажутся крайне трудными, а в худшем, и более вероятном, могут закончиться смертью, – ребенок рождается мертвым, роженица умрет, не исключено, что и оба. Отнюдь не редкое положение в прошлом. Применительно же к состоянию самой беременности вполне допустимо, что это *как можно дольше* способно предполагать такое не исключаемое положение, при котором подверженность сглазу наиболее сильной оказывается на начальных этапах беременности, когда существует опасность выкидыша, с развитием же и укреплением плода, скажем так, не только в физическом, но и в экзистенциальном смысле, подверженность сглазу может ослабевать. В противном случае определение *как можно дольше* ни от чего бы не предохраняло и теряло бы смысл.

Выведенное из всего предыдущего, отчасти, могло бы в своем соотношении объяснять и то, что *роженица мучается за каждого человека, который знает о ее родах*. Что значит в этом контексте *знает о ее родах*, почему из-за этого ей приходится мучаться и, наконец, почему о мучениях говорится в довольно странной позиции, на первый взгляд, *за каждого человека*? Получается, оборачивая все это в противоположную сторону, – мучается каждый, кто знает о родах, поскольку роженица мучается при своем разрешении от беременности за него. И если бы он, этот каждый, не знал, то и не мучался бы и ей бы тогда не приходилось при родах мучаться за него.

Если интерпретировать это с опорой на положение о родовом и мертвом чужом, то мучение каждого человека можно понять не как его собственное, а в нем родового чужого (для него *своего*), поскольку «мучается»* это родовое чужое тогда, когда прибывает живое потомство кому-то другому, а не ему, ибо в нем, для него тогда убывает (гомеостазис экзистенциального соотношения между живым и мертвым одного и другого рода). При незнании (а родовое мертвое можно таким образом обмануть) мучения не происходит. И тогда роженице не придется мучаться за тех, кто о ее

* В этой связи можно также предполагать иной, несколько смещенный, смысл у самого слова *мучается*, как ‘мастся’, ‘мечется’, ‘не находит себе места’, ‘терзается’, ‘беспокоится’. Ср. у Даля для *мучить, мучивать*: ‘истязать, томить, изнурять, причинять телесное или духовное страданье’. И в пословице, обобщенно, *Жить, так мучиться (а умереть не хочется)*. (В.И. Даляр: *Толковый словарь живого великорусского языка*. В четырех томах. Москва: Русский язык, т. 2, с. 363).

состоянии не осведомлен. Из чего будет следовать, что ее разрешение предполагает также и *разрешение* в смысле освобождения, снятия мучительных состояний каждого человека, кто о ее родах знал. Ее страдания определяют, видимо, это.

Модель, которая за всем этим стоит, будет так же, как и предыдущие, предполагать избегание, заключаемое в предостережении: субъекту следует избегать делать что-либо, поскольку в противном случае (что передается знаком $\geq$) возможно что-либо нежелательное. Предостережение на этот раз затрагивает не действия, не предметы и не позиции, как это было раньше, а необходимость скрывать, т.е. не сообщать о своем состоянии. Если шире и обобщеннее, поскольку речь о модели, то это было бы избегание информирования кого-либо в отношении чего-либо, предполагающего опасность для сообщающего: $S > EInf_i(S^n) \geq Pcs(S)$.

Представленная таким образом модель становится в общий по уровню ряд с себя ранее обозначившими. В парадигматическом отношении, для общего для них избегания, себя проявляют действия, предметы (и возможные с ними действия как разновидность), позиции по отношению к кому-либо или чему-либо, что также способно иметь свои разновидности, и, наконец, информирование, сообщение кому-то о чем-либо (*кому-то* может предполагать не одно лицо, как это себя проявило в рассмотренном случае).

Семантику обеих представленных единиц можно было бы отобразить в общей формуле, если бы не то обстоятельство, что во второй, с мучениями роженицы при разрешении, не говорится о том, что о своем состоянии сообщает она сама, – *чем больше людей будет знать*, это важно. Независимо от того, как и от кого эти люди об этом узнали. И тогда получается в первом случае:

$$SPraegn(InfS^nPraegn:TempPart) > Pcs^n(SPraegn)$$

Беременная, проявляя себя как субъект, *SPraegn*, сообщая какому-то числу других (окружающих), *InfSⁿ*, о своей беременности и времени предстоящего разрешения, *Praegn:TempPart*, подвергает себя опасности с их стороны, *Pcsⁿ*.

И во втором:

$$S^nPlus(InfSPraegnPart) > Part(PlusLabor)$$

Большее число субъектов, *SⁿPlus*, проинформированных о разрешении от беременности, *InfSPraegnPart*, ведет к тому, что роды, *Part*, окажутся более трудными и мучительными, *PlusLabor*.

Об этапах рассмотренного предшествия

Закончился пятый этапный и тематический круг, связанный с тем, что было названо предшествием появлению человека на свет, выведенным и определившим себя на основе примет и поверий из взятого для предпринятого рассмотрения источника. Последовательность складывавшихся этапов предполагала первоначально зачатие, с соответствующим определением его в отношении вероятности и желательности повлиять на пол будущего потомства. Далее следовала необходимость определения произошедшего состояния, что предполагало бы важность для заинтересованных лиц, в первую очередь, как стоило бы предполагать, со стороны женских представительниц мужнина рода. То, что молодая беременна, а речь, в первую очередь, все же о ней, с одной стороны, означает ее новый статус, а с другой, ее адаптацию в новой семье, со способностью к воспроизведству. И в этом заключался бы как смысл этапа, так и то, что составляет немаловажную составную часть имеющихся для сознания носителей данной традиции представлений.

Третий круг, развивая затронутую ранее, но лишь в зачаточной форме, адаптацию, предполагает, с подключением молодой в связи с произошедшей беременностью к родовому началу и дому, изменение отношения к ней со стороны домашних животных. Проявляемая ими при этом близость становится знаком такого ее подключения, а также, при обоюдности с ее стороны, показателем возможных впоследствии трудностей протекания беременности и ее затем разрешения. Изменение отношения беременной к мужу или родным в сторону особого к ним расположения, отмечая развивающуюся в ней «родовую» чуткость, также способно служить показателем. Ожидаемой с ними разлуки в представленном случае.

Из всего этого, в соединении, следует то, что данный круг и этап иллюстрирует новое эмотивное состояние, достигаемое женщиной в результате беременности, характеризуясь не контролируемой и не осознаваемой с ее стороны «открытостью» на невидимые движения родового состояния и бытия, позволяющие ей не столько улавливать, сколько своим поведением объявлять то, что ожидает ее самой (в отношении беременности и ее разрешения либо предстоящей разлуки с кем-то из близких). Открытость и чуткость, которые, как получается, исходят и следуют не от нее, а от ее состояния, от того, что теперь, пребывая, находится в ней, будучи только физической частью ее, не экзистенциально-бытийной, не витальной и не родовой.

Четвертый круг и этап вновь обращается к необходимости гендерного установления. Важной становится необходимость заранее, как получается, определить, кто родится – мальчик или девочка. В отличие от первого

этапа, зачатия, в данном случае на это нельзя уже повлиять, но можно и следует вывести и определить по известным признакам, кто именно будет. Параметр этот, половая дефинитивность потомка, облекаясь далеко не единичными (возможно, для большей верности) признаками, представляется крайне существенным, исходя из имеющихся представлений, в том числе и иного характера, для предметного мира поверий-примет, вписываясь в контекст не только хозяйственного, но и социального, статусного положения как самой роженицы, так и ее супруга, а также его семьи.

И, наконец, пятый, последний круг из рассмотренных, связывается с регулятивными предписаниями беременной женщине, имеющими защитно-оградительный (для нее, для беременности и для ребенка) и предупредительный смысл. Что, когда и как не следует делать, чего и в каких случаях следует избегать, с тем чтобы не получилось чего-либо нежелательного, утяжеляющего, а также опасного, в том числе и для жизни. Беременность при всем этом выступает как состояние, потенциально открытое, подверженное негативным воздействиям с самых разных сторон. Состояние, которое, в том числе, вызывает, если не направленное желание и стремление потустороннего, чуждого, навредить, то таковую с его стороны способность, – самим своим положением, складывающегося, развивающегося, но не сложившегося, не стабильного и не сформировавшегося пока еще бытия, притягивая всевозможные к себе негативы.

В итоге, беременность, вместе с зачатием, как то, что предшествует по природе вещей появлению человека на свет, выступает на основе проанализированного материала для предметного мира поверий-примет а) в отношении параметра гендерной регуляции как то, на что можно и следует по возможности повлиять (но только на первом этапе), либо как то, что можно заранее установить и что представляло бы смысл для всего последующего; б) в отношении семейно-родовой и домашне-хозяйственной, в том числе и статусной, акцептации молодой в доме мужа и его семье; в) в отношении необходимости предварительного, на самом раннем этапе, определения произошедшего; г) в отношении переживаемой беременной женщиной эмотивно открытого состояния, касающегося, в первую очередь, ее самой; д) в отношении состояния открытости и незащищенности для негативных воздействий со стороны, что требует от беременной определенных форм защитного поведения.

Во всем этом, что вполне объяснимо, с учетом предметного мира поверий-примет, проявляется себя знаковый, регулятивный и знаково-регулятивный характер мировоззренческих представлений, позиций, ориентаций и отношений, особый для каждого тематического проявления. В том числе и того, что можно считать предшествием появлению человека на свет, – понимаемому или не понимаемому в разбираемом предметном мире как

новое экзистенциональное состояние и новое бытие, а следовательно, нечто особенное и специфичное, и, если не так, то как-то по-своему понимаемому. Все это, равно как и что-то себя объявляющее при этом другое, позволит увидеть дальнейшее рассмотрение.

Появление человека на свет и связанные с этим позиции

Роды как предварение появления

Все, что в повериях касается родов как очередного этапа рассматриваемого предшествия появления человека на свет, за исключением небольшого числа единиц из источника, связывается с необходимостью их вызова и облегчения. Из чего получается, что процесс этот неизменно сопровождается трудностями, а в особых случаях и опасностью, в первую очередь, для роженицы, что можно считать существенной составляющей данного круга сложившихся представлений. Производятся определенные действия, иногда повторяющиеся, с использованием разных предметов, в чем принимают участие не только непосредственно заинтересованные, т.е. муж и сама рождающая, но и другие лица.

Первая фаза происходящего действия предполагает необходимость его побуждения. Возможно, не стоит, а может быть даже не следует, ожидать, если это не объявляет себя, естественного развития событий. В каких-то случаях, если не в каждом, их полагается спровоцировать. Связано ли это с предполагаемым облегчением протекания родов либо с самим таким представлением, исходя из мысли, что подобного рода активизация должна быть, поскольку на что-то может влиять, а может, в развитие представления, психологически объяснимого, о том, что скорей бы и чтобы уже оно осуществилось, произошло и закончилось, – трудно сказать. Поверия этот вопрос не затрагивают. Делается то, что положено делать для достижения цели, без объяснения того, в каких случаях и почему. В первой, исходной с позиции развития ожидаемого положения, оказывается следующая единица:

Для вызова потуг муж роженицы ложится у порога, с внутренней стороны, а роженица переступает через него и порог девять раз.

Всегда ли это следует делать или в каких-то особых случаях, не суть важно. Важно то, что потуги положено вызывать, что производится это с помощью мужа, а не иного лица, что используется для этого, с внутренней стороны, порог, что роженица при этом переступает через мужа и через порог, и не просто о девять раз. Тем самым, для того, чтобы вызвать потуги, необходимо участие минимум трех составляющих – двух человек как непосредственно заинтересованных и при этом прямых участников и одного предмета, каковым выступает порог. Участие мужа, состоящее в том, чтобы лечь, по своей форме пассивно, в то время как роженица, напротив, активна, а однотипные действия, ею производимые, девятикратны.

По внешнему виду, и это будет себя наблюдать и в дальнейшем, то, что производится, в первую очередь, самой роженицей, имеет симулятивно-симилятивный характер. Порог, с неслучайным указанием на его внутреннюю сторону, отмечает выход, который следует, спровоцировав, пробудить. К этому добавляется известное представление о пороге как о позиции родового, связанного с предками, защитного и поддерживающего²², к участию которого производимыми действиями прибегают. Муж ложится у порога с внутренней стороны, прибегая к поддержке своего родового, на него полагаясь и на его помошь рассчитывая, зная об этом или не зная, неважно. Его роль пассивна именно в этой связи, но без нее переступания через порог роженицей ни к чему бы не привели, его такое участие необходимо.

Из чего получалось бы также, что потуги, по крайней мере, их стимулирование, а может, и вызывание, связываются исходно в имеющихся представлениях, не обязательно рефлексируемых и осознаваемых, с какими-то действиями своего родового и при его соучастии. Что не удивительно и не случайно, поскольку тот, кто появится, родившись, на свет, будет еще одним родовым представителем.

Не будем нумерологически объяснять число девять, возможно складывающееся из троекратности трех как числа созидания, имеющего существенное значение не только в традиции. Во всяком случае, очень сомнительно, чтобы за этим стояло представление о девяти месяцах, предшествующих рождению, поскольку для разбираемого типа сознания это не актуально.

Единица имеет акционально-приводящий характер, производимые действия предполагают предмет, их осуществление обращается вокруг него, однако без них достижение было бы невозможным, предмет используется, подключается к действиям, которые также и направляются на него, – муж ложится к порогу, роженица переступает через порог и вместе с тем мужа, не только через порог. С точки зрения производимого ими обоими это также неодновременно-одновременная двухфазовость – мужу

сначала положено лечь и как только он будет лежать, после этого, роженица начнет через него и порог переступать. Двойствен также характер агентности: муж – ложится, роженица – переступает. Равно как и объектность, порога и мужа по отношению к действиям роженицы. Получаемая из этого формула имела бы следующий вид:

$$Ag^{Obj}(AccubLim) < AgPraegn(Intr^9Ag^{Obj}+Lim) > Provoc(Part)$$

Модель, которая за этим стоит и в представленной единице себя проявляет, предполагая в акциональной части двухфазовость, двух субъектов-участников, обращенных к объекту в производимых действиях, – определяется как модель достижения цели: $SI(Act1) + S2(Act2) > Obj > Fin$. И это была бы субъектно-субъектная объектно-акциональная, финитная по своему значению, модель.

Две следующих единицы, определяя свое положение в отношении к родам во времени их протекания, затрагивают две неизбежно участвующие в них стороны, касаясь той, что рождает, и того, кто рождается. Для первой, но не в утешение, а в наставление, предполагается исходно религиозное объяснение:

Боли при родах – Божье произволение.

Для второго – необходимость защиты на будущее, с такой же, но на сей раз непосредственной, апелляцией к силам высшего:

Во время родов необходимо засветить лампадку перед иконой, иначе ребенок будет постоянно хворать; про болезненного ребенка часто спрашивают: «Верно, у вас родился младенец без огня?»

Таким образом, с одной стороны, роды связываются с терпением и болями, которые воспринимаются как неизбежность и предначертание свыше. С другой, все с тем же отношением свыше, которое, если не обратиться к нему, к его поддержке и расположению, ребенка здоровьем не обеспечит. Человек, тем самым, еще при рождении, сам, беззащитен и подвержен болезням, физическое, в том числе, его состояние зависит не от него.

Обращаясь к семантике первой из единиц, необходимо отметить то, что предполагаемый как обобщенный субъект (в повериях и приметах, собственно говоря, любой субъект обобщенный), хотя прямо не называемый, выступает объектом переживаемого им физического страдания, и это страдание, определяясь как *Божье произволение*, следует воспринимать как неизбежное и вместе с тем отмечавшее – роженицу и через

него также того, кого ей родить. Появление человека на свет – состояние для обоих болезненное, но его нужно перенести.

Не будем вдаваться в детали различного рода обрядов, определяемых как переходные и инициирующие, общеизвестных и многократно описанных, связанных, в том числе, и с необходимостью задавания и перенесения боли, что составляет основу и в целом ряде случаев повторение ситуации родов с рождением, которому предшествуют умерщвление и смерть. Отметим для разбираемого случая только то, что эти природные, а не намеренно задаваемые боли, исходные и изначальные, а не вызываемые как повторение, приписываются Божьему произволению, т.е. имеют источником постановление и волю Всевышнего. Уже по этой причине их необходимо принять и как освященное и, соответственно, также и освящающее состояние перенести. Внутренне, не объявляясь, но ощущаясь, за этим стоит представление о переходе, для роженицы, на следующую экзистенциально-вitalную и с этим физическую ступень. Выдержав, перенеся эти боли, она возродилась к новому для себя состоянию, став не только матерью, но и, фактически, также другим человеком.

Формула единицы, представляя собой уточнение модели, о которой далее речь, выглядит следующим образом:

$$SPraegnObj(DolorPart) < Divin(Volunt)$$

В таком своем отражении данная единица довольно близко связывается с моделью, которую можно представить в виде $SO > Mal < Fat$, за которой стоит известное представление о том, что человек подвержен действию высших, а также, в развитие, потусторонних, внешних, от него не зависящих, сил, или, прибегая к фаталистической формулировке, *Человек – игрушка к руках судьбы*.

Представленная модель отражает то же, но несколько в ином повороте, определяясь мыслью о том, что некий, всякий, любой субъект, становясь, выступая объектом страданий в какое-то время или момент (не одной только физической боли), страдания эти переживает как то, что исходит от высших сил. С какой-то целью либо как следствие, если не своих собственных предначертаний, то каких-то укрытых законов, сложившихся положений, порядка вещей. Но это было бы уже расширением, сама же модель представлялась бы как модель объектного (для субъекта) фатумного переживания.

Вторая из представленных единиц предполагает определяемую в действиях и участниках довольно сложную ситуацию. Имеется роженица, которая начинает родить, но пока еще не родила, отсюда *Во время родов*, в тексте, впрочем, не отмечаемая. Имеется кто-то, как правило, женского пола и старшая, возможно, при этом и не одна, принимающая участие

в родах или при них находящаяся, которая будет засвечивать перед иконой лампадку. Имеется также ребенок, пока еще не родившийся, который, если лампадку не засветить, *будет постоянно хворать* и про которого, как *про болезненного ребенка часто спрашивают*: «*Верно, у вас родился младенец без огня?*». В связи с чем предполагаются, в будущем, также те, кто спрашивают, и ребенок, который *у вас родился*, но не просто родился, а как *младенец без огня* (весьма показательное для разбираемого случая представление). И имеется также огонь, предполагаясь, исходя из контекста, перед иконой лампадки, но, поскольку так это не спрашивают, то ‘действующий для восприятия как огонь при младенце, когда он рождался’.

Из предметов имеются лампадка и икона, которая, собственно, и не предмет, а точнее посредничающий предмет, то, при помощи чего обращаются к чему-то или к кому-то другому, подобный посланию, словесному обращению, в том числе и молитвенному, или письму. Из чего получалось бы, что имеется также тот или то, что в иконе и за иконой, некая высшая сила потустороннего, не вдаваясь в детали, кто это и какой святой или святая, поскольку, кому икона, не говорится.

Из всего этого складывалось бы представление об агенте, действующем указанным образом (роженица подразумевается) в направлении предмета-посредника к объекту своего обращения через него для того, чтобы предотвратить состояние, при котором *ребенок будет постоянно хворать*. И это было бы первым актом, или фазой, того, что далее развивает себя в том, что *про болезненного ребенка часто спрашивают*, в чем появляется представление о младенце, *у вас родившемся без огня*.

Опуская контекстные обстоятельства, поскольку словами выражено поддающееся верbalному оформлению положение, стоит задаться вопросом, поскольку от этого будет также зависеть и то, рассматривать то, что представлено как две разные формулы, а тем самым и единицы, или же как одну, – стоит задаться вопросом о соотношении первого и второго, лампадки с иконой во время родов и того, что далее (а может, не далее, поскольку вне времени) часто спрашивают. Иными словами, переводя это в общую плоскость, но по одному лишь, поскольку выраженному, показателю, – лампадка перед иконой, точнее свечение в ней, и огонь при младенце – это одно и то же или же нет, а отсутствие огня при младенце, который часто хворает, можно ли считать переносом, преобразованным выражением свечения лампадки перед иконой при родах?

Можно считать, а можно все же и не считать. Будучи связано то и другое, свечение лампадки перед иконой побуждает, вызывает к действию и проявлению дающего жизнь и здоровье огня в родившемся человеке. Иными словами, засвечивание лампадки призвано стимулировать и симулировать (отсюда стимулятивно-символистивный характер

акционально-предотвращающей по своему значению единицы) появление, пробуждение, возникновение огня в том, кто должен родиться, исходящего, посыпаемого от того, к кому, собственно, обращаются, засвечивая лампадку перед иконой.

Получается, что вполне допустимо рассматривать то, что вербально представлено в двух во времени расходящихся обстоятельствах, как единое по своей семантике положение:

*SPraegn(InitPart) < Ag(SuccensLumen > VisSacrum) >
Infant(FlammVit)*

Когда беременная начнет рожать, *SPraegn(InitPart)*, зажигающий свет перед лицом святого, *Ag(SuccensLumen > VisSacrum)*, вызывает следствием появление жизненного огня у младенца *> Infant(FlammVit)*. То же, что про болезненного ребенка спрашивают, складывалось бы из отрицания отраженного в формуле.

Семантика единицы, точнее та семантическая единица, которая за выраженным в поверию вербально стоит, не соотносится прямо и непосредственно с тем, как это с помощью слов оформляется. Будучи концептуальной и связанной с существующими в сознании представлениями, вербально она может передаваться разными способами.

Модель, которая следует из того, что и как это было представлено, была бы более общей формой уже встречавшейся ранее модели достижения цели: *S(Act) > Obj > Fin* – субъект в своем действии, направляемом на объект, достигает тем самым поставленной цели. И это была бы субъектно-акциональная, финитная по объекту, модель.

Действия, связываемые с облегчением процесса

Очередная пара единиц, относящихся к родам, предполагает действия, связанные с необходимостью их облегчения:

Для облегчения родов все девушки семьи, особенно те, которые помогают роженице, должны расплести свои волосы.

Для облегчения родов роженице надо расстегнуть ворот, развязать пояс и все узлы, какие на ней есть, расплести волосы.

Производимые действия имеют симиллятивно-стимулятивный характер, подобный отчасти тому, что предписывалось в отношении девятикратного перешагивания рождающей через порог для вызова потуг. С тем отличием, что в приводимых примерах муж участия не принимает, уча-

ствуют только женские представительницы. И что, видимо, немаловажно, *все девушки семьи*, особенно *те, которые помогают при родах*, и сама роженица. Можно задуматься над тем, почему только девушки, а не замужние женщины. Связано ли это с тем, что расплетание волос не может производиться замужними²³? И какова тогда роль проявления девичества в этом случае? Поскольку волосы связываются с умершими предками, по-тусторонним и родовым²⁴, их расплетание имеет не только симиллятивный, симулятивный, но и апеллятивный характер. В родах принимают участие все представители рода-семьи, в первую очередь, в его женской и, как получается, девичьей части, от которой зависит возможность их облегчить.

Роженица при этом, для стимуляции, развязывает на себе все, что связано, что имеет узлы либо пуговицы и застежки, побуждая, тем самым, таким открыванием свободное прохождение не только эфирных энергий, но и не исключено, что каких-то сил, участвующих невидимым образом в происходящем. Осознанно либо не осознанно это предписываемое ей действие, значения не имеет, важно его над собой произвести. Делается это по времени, как можно предположить, поскольку говорится, что *Для облегчения родов*, до того, как они начались либо в самом начале.

Обе представленных единицы, в их семантическом отношении, можно воспринимать как целостность, не только с точки зрения момента события, но и в направлении к цели. Необходима, как можно судить, кооперирующая, объединяющая совместность со стороны участниц, самой роженицы и девушек, так либо иначе, при ней находящихся, как помощниц или только в доме присутствующих.

Формула, отображающая то, что концептуально стоит за всем этим, сводилась бы к представлению, предполагающему а) необходимость объединения девичьего семейного представительства с роженицей в б) совместном с нею расплетании волос и в) для самой роженицы развязывания и расстегивания на себе того, что этому поддается – ворота, пояса и всевозможных узлов. В таком своем виде производимые действия имеют обрядовый смысл и характер, наводящий на мысль о подготавливающем к чему-то новому переходе. Следует освободиться, развязыванием, расстегиванием и расплетанием, от того, что держит, привязывая, к одному состоянию, с тем чтобы быть открытым, свободным, не связанным прежним, к чему-то другому. Не будем, однако, входить в уточнение данного обстоятельства, поскольку это потребовало бы подробного и основательного рассмотрения, что не входило в задачу, только отметив попутно такую возможность, предполагающую в определенном свете воспринять производимые для облегчения родов действия.

Возвращаясь к формуле, видим предполагаемых агентов, предписываемые действия которых оформлены в модальности долженствования²⁵ с помощью слов *должны, надо*, чем можно и пренебречь при передаче

семантики определяемой единицы. Поскольку, однако, *должны* и *надо*, то, если это *Для облегчения родов* не сделать, получается, что на их протекание в эту сторону нельзя будет повлиять, процесс будет происходить без необходимой для него поддержки и стимуляции, женское родовое, не только видимое, но и невидимое, а точнее, невидимое через обращение видимого к нему, участия принимать не будет.

Помимо предполагаемых агентов с предписываемыми ими действиями, производимыми над собой, видим также то, что касается роженицы, которой *надо расстегнуть ворот, развязать пояс и все узлы*. Можно и следует ли воспринимать эти *ворот, пояс и все узлы* как предметы, подобные тем, с которыми раньше приходилось встречаться? Все это части ее одежды, того, что на ней, а потому их, видимо, следует понимать по-другому. Части одежды встречались и прежде – мужская шапка, женский платок, отцовская рубашка, мужские штаны, но там это были предметы отдельные от человека, вне его, не на нем и как такие предписаным образом также использовались. В разбираемом случае, что крайне важно, роженица расстегивает ворот, развязывает пояс и все узлы на себе, и тогда это не предметы в смысле отдельностей, а ее части, как волосы, руки, ноги и пр., и как такие себя проявляют в производимом над ними действии. Обобщенно их можно представить в контексте развязывания всего, что имеется на себе. Искомая формула получает следующий вид:

$$Ag(VirgFam+SPraegn) > Solut[(Capil+SPraegn(TormCinctNod)] > \\ Lev^*(Part)$$

Модель, стоящая за всем этим, представляет собой разновидность ранее выведенной модели акционального достижения цели, с тем отличием, что объектом производимых действий становится сам субъект, который, как в разбираемом случае, может быть множественным: *S(Act) > Obj(S) > Fin* – субъект в своем действии, направляемом на себя, достигает поставленной цели. И это была бы субъектно-акциональная, финитная по объекту-субъекту, модель.

Действия при неблагополучии протекания

Следующий отмечаемый в развитии этап предполагает действия, связанные с тем, что роды протекают неблагополучно. Определяются такие

* Лат. **II cinctūs, ūs m** [cingo] ‘подпоясывание, опоясывание’; ‘пояс, набедренник’; **nōdus, i m** ‘узел’; ‘петля’; ‘пояс’; **II lēvo, āvi, ātum, āre** [levis II] ‘облегчать’; *peren*. ‘уменьшать, смягчать, ослаблять’; ‘спасать, избавлять’; **II lēvis, e** ‘лёгкий, нетяжёлый’.

роды по представленным в источнике единицам градационно – как *трудные*, как *тяжелые*, *очень тяжелые* и как *крайний и последний случай*, т.е. крайне тяжелые.

В первом случае производятся действия, не совпадающие по своему характеру – предотвращающие (А) и поддерживающие (Б):

- А) *При трудных родах занавешивают окна, чтобы никто не сглазил роженицу.*
- Б) *При трудных родах также зажигают венчальную свечу, с которой роженица стояла под венцом, при этом ни в коем случае нельзя одалживать венчальные свечи – это может только повредить роженице.*

Трудные роды уже себя объявили, поэтому занавешивание окон имеет смыслом стремление к неутяжелению дополнительно и без того нелегкого их протекания, с тем чтобы сглазом кто-нибудь не довел положение до крайности, если не прямо до смерти.

Модель производимого также акциональна и, как предыдущая, это модель достижения цели: $S(Act) > Obj > Fin$ – субъектно-акциональная и финитная по объекту. Некий агентный субъект, в разбираемом случае предполагаемый как множественный, производит действия над объектом (объектами, в данном случае однотипными – окна и то, при посредстве чего их занавешивают), направленные на достижение желаемой цели (во избежание сглаза).

Предполагая подобное избегание, с развитием цели и опорой на цель, модель можно также парадигматически объяснять и как модель встречавшегося ранее избегания, в такой ее разновидности: $S(ActObj) > E > Mal(S^n)$ – агентный субъект (субъекты) производит действия над объектами, направленные на то, чтобы избежать нежелательного (вредоносного) воздействующего влияния со стороны каких-то других неопределенных агентных субъектов $Mal(S^n)$.

Со всем этим будет связываться семантика разбираемой единицы, которую можно представить по формуле:

$$SPraegn(GravPart) < Ag^l(ObvolvFenestr) \geq Ag^2S^n(MalSPraegn)$$

Рождающая в этом случае выступает не только объектом переживаемого ею тяжелого состояния, но и направленных, адресованных ей, совершаемых агентами действий.

То же себя проявляет и в единице, предполагающей зажигание венчальной свечи. Роженица, в разбираемом случае, одновременно и объект состояния, и объект-адресат в отношении данного действия, точнее закладываемой цели его. Свеча, с которой та стояла под венцом при венчании,

выступает в известном смысле выражением и вместе с тем отражением ее жизненных сил и энергии, что находит свое воплощение в повериях и приметах, относящихся к времени совершения обряда. По тому, как говорит она, каким пламенем, долго ли, коротко ли, не погасла ли, не выпала ли из рук, предсказывается ожидаемое будущее. Не догоревшую свечу, получается, можно использовать для облегчения родов, не исключено, что с предположением двух целевых направлений, не важно при этом, осознанно или нет. Как то, что имеет смыслом продуцирование, усиление все тех же витальных энергий, способных на состояние рождающей повлиять. И как вероятное обращение к душам либо духам поддержки, – будут ли это души умерших предков и, тем самым, своего родового либо духовные воплощения каких-то святых, не существенно.

С точки зрения самих производимых действий, как и в предыдущем случае, имеются некоторые агенты, которые также себя проявляют в направленности на рождающую как на объект-адресат с указанной целью. С тем отличием, что предполагаемый вред потенциально исходит не от тех, кто намеренно или не намеренно сглазит, а, опять же намеренно или не намеренно, хотя, скорее, все же второе, через одолживаемые венчальные свечи способен существенным образом навредить. Говоря о том, что это было бы не намеренно, и, видимо, в этом смысл, следовало бы иметь в виду перенос того, что может служить и служит поддержкой другого, в то, что должно было бы выступать в той же роли для своего. А поскольку подобное положение невозможно, получаемый результат окажется противоположным желаемому.

Формулу семантической единицы, определяющей разбираемое проявление, можно представить следующим образом:

$$\begin{aligned} S\text{Praegn}(\text{GravPart}) &< \text{Ag}(\text{Inflam} > \text{CandPronub}^*) \\ &/ \text{CandPronub}(\text{Alien}) > \text{Mal}(\text{S}\text{Praegn}) \end{aligned}$$

Разбираемая единица отражает ту же, что и в предыдущем случае, субъектно-акционально-финитную по объекту модель $S(\text{Act}) > \text{Obj} > \text{Fin}$, а с точки зрения уточняющего неодалживания в отношении используемого объекта – модель избегания в разновидности $S > E(\text{Obj}) \geq \text{Mal}$. Поскольку предотвращение вреда $\geq \text{Mal}$ предполагает необходимостью избегание не действия, а предмета, над которым данное действие не должно и не может происходить. Отсюда отсутствие показателя Act в представляющей модели.

* Лат. **inflammo**, **āvi**, **ātum**, **āre** ‘зажигать’; **candēla**, **ae f** [candeo] ‘свеча’; **II prōnūbus**, **a**, **um** ‘брачный, свадебный’ (flamma, nox); ‘венчальный’.

И тогда, соответственно, смысл зажигания для разбираемой семантической единицы определялся бы как *акционально-поддерживающий* (разновидность побуждающего провоцирования желаемого, в отношении облегчения трудных родов для данного случая), ибо сущностно производимое действие с его распространением на используемый объект, – венчальную свечу зажигают. А смысл избегания одалживания венчальных свечей, с подчеркнутым усилением *ни в коем случае*, будет предметно-предотвращающим. Множественное число при свечах может предполагать как неоднократность одалживания, так и не единичность его источника, что способно создавать дополнительную опасность либо увеличивать ее вероятность.

Тем самым, в том, что предписывается, следует отмечать проявление двух семантических единиц, объединяемых коррелятивно: ‘для облегчения трудных родов необходимо зажечь венчальную свечу (с которой роженица стояла под венцом)’ // ‘венчальные свечи (во избежание причинения вреда роженице) нельзя одалживать’.

На основании сказанного приходим к выводу в отношении венчальных свечей, с которыми стоят под венцом, что будет иметь свое отражение и применительно к чему-то другому (особенность, характерная для целого ряда так называемых освященных предметов). О том, что некий объект, как важная составная часть определяющего экзистенциальное положение человека, обрядового главным образом, действия и в известном смысле непременный участник его, способен иметь, заключая в себе, действующий и отражающий потенциал. В момент совершения обряда либо какого-то освящающего действия, в разбираемом случае венчания, характер его отношения к субъекту имеет значением индикатив, указывая (знаковость проявления) на что-либо важное, экзистенциально важное, для человека. Впоследствии его отношение может иметь характер поддерживающий, предотвращающий, провоцирующий, стимулирующий, что-либо также, возможно, и предвещающий. Предмет подобного рода не посессив, поскольку трудно представить себе отношение субъекта к нему как обладание. Он также и не атрибутив, не предполагая характеристику для себя с точки зрения субъекта. Вместе с тем между ним и субъектом устанавливается в результате каких-то производимых действий определенного рода интегративная связь, которую можно определять как связь подключенной причастности, или интродуктива.

Интродуктивность венчальной свечи в отношении ее способности при зажигании вызывать желаемое облегчение родов связывается с ее назначением, предполагающим вводящую, подключающую к экзистенциально-вitalным проекциям и состояниям невесты в ходе венчания направленность. То, что впоследствии проявляет себя для свечи через достигнутую с невестой, установленную в обряде и освященную связь.

Мотив подобного рода связи предмета с таким «своим» человеком, указующего на его состояние, часто встречается в сказках, отчасти как его заместитель, отчасти как средство-помощник, связь эта нередко имеет также характер связи по крови либо с кровью каким-либо образом связанный. К примеру, сюжет о двух братьях, в котором о смертельной опасности одного из них другой узнает по крови, текущей из дерева²⁶. Сюда же посаженное дерево, оставленный нож, а также, отчасти, куколка-помощница и пр.²⁷

Действия при тяжелом и крайне тяжелом течении

Следующая градационная стадия – тяжелые роды, а далее вслед за этим очень тяжелые и крайний, последний случай:

Для облегчения тяжелых родов во всем доме надо отпереть все замки, ящики, двери, ворота.

При очень тяжелых родах, чтобы помочь роженице разрешиться от бремени, старший в семье мужчина просит священника отпереть в церкви царские врата: тогда и для новорожденного откроются врата материнской утробы.

В крайнем и последнем случае роженицу опоясывают тем поясом, который употребляется священником при церковном облачении, при условии, чтобы этот пояс ни прежде, ни после не употреблялся подобною страдалицею.

В смысловом отношении, с точки зрения симилятивности действия, то, что определяется в представлениях как более сильное проявление, предполагающее своей направленностью облегчение родов, приводимые в тексте рекомендации в первых двух случаях соотносятся с тем, что ранее уже имело место при расплетании волос, расстегивании воротника и развязывании всех возможных узлов. Необходимо открыть, сначала в доме, а впоследствии также и в церкви, то, что закрыто или затворено. Стимулируется, тем самым, через уподобление, но не только, выход – распахиванием, открыванием, разведением, предметно-пространственно-го наполнителя тех емкостей и помещений, которые, как получается, соотносясь для сознания и для данного случая с материнской утробой, способны вследствие этого на происходящее с нею и в ней повлиять. Второй случай прямо указывает на подобное соотношение: если *отпереть в церкви царские врата: тогда и для новорожденного откроются врата материнской утробы*. К этому, видимо, стоит добавить необходимость при всех указанных действиях обеспечение беспрепятственного прохода для продвижения неких энергий, также соотносимых с происходящим

в утробе, симулирующих и стимулирующих аналогичное продвижение к выходу в ней.

С точки зрения ситуативного распределения имеется некий агент, множественный, как следует предполагать для первого случая, который должен будет отпирать те объекты, которые перечислены, не столько в подаваемой последовательности, выглядящей градационно (*замки, ящики, двери, ворота*), что, впрочем, и не исключено, от меньшего к большему, сколько в одновременности (ибо действует предположительно не один). Равным образом, полагая, что перечисленный ряд не закончен, исходя из позиции *все* (*замки, ящики, двери, ворота*) и интерпретируя это как *всё*, следует видеть в указанном необходимость открыть, распахнуть, развести всё то, что в доме может быть подвергнуто данным действиям.

Помимо агента (агентов), манипулирующего с названными объектами, имеется также дом, который в данном аспекте следует понимать не столько как помещение для человеческого в нем пребывания и жилья, сколько как внутренность замкнутой, с одной стороны, в стенах, полах, потолках, в шести своих гранях, и замыкаемой, закрываемой в определенной части своей, отмечающей выход и вход (окна и двери), с другой стороны, пространственно и содержательно воспринимаемой формы, соотносимой в этом своем проявлении с тем, что собой представляет сосуд, уподобляемой ему также и в том отношении, что его из того, что последует, необходимо откупорить, устранив все возможные в нем затыкания, задержки и пробки. Как препятствия и препоны к свободному выходу.

Имеется также субъект, не названная, но подразумеваемая роженица, переживающая состояние тяжелых родов. То, что производится в доме агентом ради нее как для адресата в интенции облегчения ее состояния, имеет, в конечном итоге, цель, в отношении которой определяемое облегчение выступает предпосылающим началом того, что должно в действительности произойти. Облегчение тяжелых родов предполагает не что иное, как благополучное, по возможности, или более-менее благополучное, их разрешение – открывание врат материнской утробы.

Формула разбираемой семантической единицы предполагала бы следующее:

$$SPuerp(GravPart) < Ag(DomApert > ObjClaus^*) > Lev(Gign)$$

* Лат. **puerpēra, ae f** [puer + pario] ‘роженица, родильница’; **puerpērus, a, um** [puergera] ‘родильный’: puergera uxor жена-роженица; puergera verba заклинания для облегчения родов; **āpērio, pērui, pertum, īre** ‘открывать, отворять’: pandere atque a. januam настежь распахнуть ворота; **I claudio, clausi, clausum, ēre** [одного корня с clavis ключ] ‘запирать, замыкать’ (domum; portas); ‘закрывать’.

И это была бы уже встречавшаяся ранее, финитная по своему значению, модель субъектно-акционально-объектного проявления: $S(Act) > Obj > Fin$.

При очень тяжелых родах, что, видимо, также предполагает то положение, когда все предшествующие старания к облегчению не привели, появляются два особо отмеченных субъекта мужского пола – старший в семье мужчина²⁸ и священник, к которому он обращается. Что показательно и не случайно, мужские действователи ранее себя не обнаруживали, к тому же в столь значимом отношении не любого и всякого, но именно старшего в доме, а также священника. Из этого следует весомый, усиливаемый характер того, что от них ожидается. Ожидаемое от них к исполнению действие требует вместе с тем и таких же весомых проекций – пространственных (*в церкви*) и объектных (*царские врата*).

Вряд ли при этом следует предполагать в отношении церкви мысль об имевшем в ней место венчании для роженицы. В параллель к венчальной свече, зажигаемой при трудных родах. Позиционный характер и семантика церкви будут иными. Венчальная свеча непосредственно связана как с обрядом венчания, не используясь ни для чего другого исходно, так и с тем (в данном случае той), кто венчается. В то время как церковь – место не только и в целом не столько венчания, сколько то, в чем открывается, при вхождении и пребывании, собственно, то, чего знаком и проявлением выступают, как в разбираемом случае, царские врата, царства небесного, верхнего, высшего, дающего и раскрывающего.

Из чего получаем формулу:

$$SPuerp(MultGravPart) < Vir(MajorFam) > Sacerd^*(ApertBasil) > \\ Adjut(Gign)$$

Модель, стоящая за данной семантической единицей, предполагая взаимодействие двух субъектов (старшего мужчины в семье и священника), соотносится с той моделью, которая раньше себя уже объявляла, с перешагиванием рождающей через супруга, ложащегося при пороге. И в том и в другом своем проявлении один из субъектов выступает в инициирующей, побуждающей, разрешающей и открывающей роли, а второй – как активно действующий. В обоих случаях также используются объекты, без которых производимое действие невозможно (порог, царские врата), в известном смысле, как открывающее и граничное, также и сходные. Идентичной следует полагать и цель, к которой все это обращено.

* Лат. **sacerdōs, ōtis** *m, f* [sacer посвященный] ‘жрец, жрица’; **summus** *s.* ‘первосвященник’.

Модель, представляя собой разновидность предшествующей, в удвоении субъекта, как субъектно-субъектная акционально-финитная по объекту, будет выглядеть следующим образом: $S^1 > S^2(Act) > Obj > Fin$.

В отношении последней из трех приведенных, *В крайнем и последнем случае*, себя обнаруживает участие объектов, по внешнему виду, точнее по их названию, сходных, но различающихся как по виду использования, так и по существу. Речь о поясе, в прежде рассмотренном случае самой роженицы, который следовало ей для облегчения родов на себе связать. В то время как *поясом, который употребляется священником при церковном облачении*, к тому же еще *при условии, чтобы этот пояс ни прежде, ни после не употреблялся подобною страдалицею*, т.е. действие должно быть единственным и не повторяемым, – этим поясом, на женский к тому же никак не похожий, *роженицу, В крайнем и последнем случае, опоясывают*²⁹. Из чего также следует, не исключено, что не единичный, а множественный, *опоясывающий*, агент:

$$SPuerp(UltimGravPart) < Ag(ComplUnic) > (CinctSacerd)$$

Поскольку текст не содержит в себе указания на предполагаемое разрешение, опоясывают роженицу, возможно, во избежание наихудшего, в предупреждение, предотвращение его, модель, стоящая за описанным действием, будет моделью, скорее всего, субъектно-акционально-объектного избегания: $S(ActObj) > E > Mal$.

Об отмечности момента рождения

И, наконец, еще одна, и последняя, единица, себя обнаруживающая при родах в источнике, будет касаться ребенка, а не роженицы:

Если при рождении ребенка будут разговоры и шум, то этот ребенок будет несчастным.

Счастье либо несчастье, как в данном случае, по внешнему виду связывается с поведением, в первую очередь, взрослых, тех, кто присутствует, участвуя либо не участвуя при рождении. Поскольку сама идея счастья как наделения частью, придавания родившемуся того, что ему надлежит, возможно, что и не при рождении, а раньше, как предназначение, то разговоры и шум можно было бы интерпретировать в двух отношениях. Во-первых, как внешнее проявление того, что часть, или доля, родившегося, не соответствует представлению о благополучии и будучи не достойной

с позиции признания и акцептации, сопровождается определенного рода волнением, вызывающим внутренне не осознаваемую реакцию у присутствующих, проявляемую в не соответствующем и не вполне достойном поведении, применительно к важности происходящего, что и объясняет себя в разговорах и шуме. Иными словами, производимые разговоры и шум выступают знаками уже состоявшегося ненаделения. Во-вторых, разговоры и шум, в свою очередь, могут мешать, не способствовать и, тем самым, препятствовать наделению родившегося счастливой, благополучной, удачной частью, раздражая ли или отпугивая, создавая не ту атмосферу, в которой себя проявляет и чего, соответственно, требует наделение, исходящее от каких-либо потусторонних сил, родового, по-видимому, присутствия.

Как бы ни объяснять происходящее ненаделение счастьем, определяющее себя в неполучении отмеченной благополучием части, важным видится то, что момент появления человека на свет при рождении должен сопровождаться, с тем чтобы счастье его не обошло, тишиной и спокойствием всех присутствующих. Не без значения, в соответствие разбираемому, в подобном контексте, хотя и с другой стороны, стоит вспомнить известное представление, оформленное с помощью слов. Когда в группе собравшихся, близких знакомых и родственников, за столом ли, во время совместной, возможно веселой, беседы, вдруг наступает глухое молчание на какое-то замечаемое время, определяется это фразой *Тихий ангел пролетел*. *Тихий* – и поэтому все замолчали, но это с одной стороны. С другой стороны, *пролетел* тихий ангел тогда, когда все замолчали, потому что он требует, для своего осеняющего крылами и не только крылами пролетания, тишины. В известном смысле то и другое можно рассматривать в одновременности, потустороннее так взаимодействует, невидимо контактируя, с посюсторонним, что одно порождает другое, контакт происходит при импульсивно, не осознаваемо возникающем, смыкании. Должно быть духовное и энергетическое своего рода созвучие, резонанс, совпадение взаимодействующих, находящихся одна на другую волны, полей, прибегая к метафоричности представления, при котором и происходит невидимый, как правило, не обязательно также и чувствуемый контакт, а точнее присутствие потустороннего в чем-то при ком-то в данный момент. Нечто подобное можно усматривать и в приложении к моменту рождения.

Формула семантической единицы предполагает субъектов присутствия, не единичного и не парного, но в каком-то осознаваемом числе. Роженица при этом, видимо, в счет не идет, трудно предположить, чтобы разговоры и шум находили в ней отражение как в участнице. Ребенок, соответственно, выступает объектом того экзистенциального по своему характеру положения, которое определяет себя в том, что он *будет несчастным*.

Стоит задуматься в этой связи также и над вербальной формой ожидающего его в будущем положения. Что, собственно, означает это самое *будет несчастным*? Не говорится о том, что счастье его обойдет, что не ждать ему счастья, что он не будет счастливым, равно как и то, что его ждет несчастье, что будет он несчастливым, но что *будет несчастным*. Иными словами, не о несчастье, а о *несчастности* речь. Несчастным он будет, т.е. жалким, бедняжкой, ни к чему не пригодным, неудачным во всем, вызывающим только сочувствие и сожаление. Состояние и характер, которые, в известном смысле, в немалой степени исходят и от самого человека. Несчастен, в первую очередь, тот, кто, чувствуя себя таковым, вызывает у окружающих такое же о себе представление, усиливаемое тем, что ему ничего не дается, ни в чем нет удачи, не получается у него ничего, за что бы ни взялся. Иными словами, это не что иное, как поражение внутреннего потенциала, поражение способности к проявлению, к тому, что составляет смысл и суть самоценности, самореализации и, вместе с этим, как следствие и как причина, поражение воли. Тот, кто несчастен, будучи ни на что не способен, вызывая жалость, также безволен.

Переводя это в плоскость того, что происходило вокруг при его рождении, *разговоры и шум*, о которых шла речь, будут то ли обозначением и выражением, то ли причиной и побуждающим импульсом, а возможно, одновременно тем и другим, поражения в рождающемся той его части, которая связывается с потенцией, со способностью и вместе с тем волей. Родится безвольное, жалкое, не способное к продуктивной деятельности, человеческое по всем остальным своим признакам, существо, поскольку присутствующее во время его появления на свет окружение не соответствующим образом повело и тем самым себя обозначило.

И, наконец, та формула семантической единицы, о которой уже говорилось, предполагая рассмотренную несчастность, могла бы выглядеть следующим образом:

$$SMult(AssistPart > Serm(Rumor) > Infant(Miser))$$

Представленное в поверии положение можно, отвлекшись от исполнителей, поскольку говорится *будут разговоры и шум*, а не то, что будут разговаривать и шуметь, воспринимая его как бессубъектное, ибо неясно тогда, что это за разговоры и шум и от кого исходят, может быть, и не от людей (в разбираемом предметном мире такое вполне возможно, скажем, в поле, лесу, но также и в доме, когда слышатся разговоры и шум, исходящие не от человека), – если так его представлять, то возможны два следствия. Для формулы и, соответственно, семантической единицы, людских субъектов не предполагающей. И для самого положения – разговоры и шум, исходящие неизвестно откуда и от кого, отмечают указанную

в единице несчастность. Источник происходящего, будучи неизвестен и неопределен, с обоснованным предположением присутствия потустороннего, вызывает дополнительную тревогу и настороженность:

$$QuidAssist(OrigObscur) > SermRumor(Part) > Infant(Miser)$$

Нечто присутствующее, *QuidAssist*, неизвестного, скрытого, происхождения, *OrigObscur*, производя разговоры и шум при рождении, *SermRumor(Part)*, означает (либо вызывает) несчастность ребенка, *Infant(Miser)*.

Модель для первого случая будет предполагать заключенное в единице и формуле избегание – при рождении ребенка разговоров и шума следует избегать. В отношении же самой модели – в каком-то присутствии некоего числа субъектам предписывается не совершать чего-либо во избежание неприятных последствий: $S(MultAssist) > E(Act) \geq Mal$. И это была бы модель субъектно-акционального избегания в еще одной своей разновидности.

Модель для второго случая избегания не предполагает, это модель получаемого в виде знака следствия, – если что-либо происходит в какой-то момент, это знак ожидающего кого-то неблагополучия: $Q(T) > Sign > Mal$. И это была бы тогда модель бессубъектного событияно-сигнификативного малефикаива.

О необходимости скрытого прохождения к рождающей

Имеется еще одна единица, с разбиаемым тематическим кругом связанная. Поскольку действие ее касается не роженицы как таковой, не того, что с ней происходит, не помещения, в котором та пребывает, единицу эту можно рассматривать несколько обособленно от остальных. Еще до начавшихся родов, возможно также, в их самом начале, следует соблюсти предписываемую поверием предосторожность, связанную с повивальной бабкой:

Повитуху к роженице ведут тайком, задворками, чтобы никто не увидел, а если увидят, то роды будут трудные.

Необходимость соблюдения тайны уже встречалось в повериях, предписывающих беременной как можно дольше скрывать беременность и срок предстоящего разрешения, что мотивировалось в двух отношениях – чтобы ее никто не сглазил и чтобы роженице не приходилось мучиться за каждого человека, который знает о ее родах. Имеется ли в виду и в данном случае нечто подобное? О сглазе ли и о знании ли срока

ожидаемого разрешения от бремени, судя по всему, не одним человеком, следует говорить? Иными словами, это была бы такая же ситуация или все же другая?

Не исключая в общем и целом подобного совпадения, внимание следует обратить на различный характер, во-первых, этапов. В рассмотренных ранее случаях в отношении начальной фазы беременности, начальной, поскольку предписывается необходимость ее скрывать, что удобно представить себе не в продвинутой стадии, и в данном случае, при разрешении. И, во-вторых, источников получения укрываемого знания со стороны окружающих. Одно дело беременная скрывать, т.е. либо не говорить, либо стараться сделать свое состояние незаметным. И другое дело, – *Повитуху ... чтобы никто не увидел*. При этом никто никому ничего не говорит, нет также непосредственно наблюдаемых признаков. Сглаз и урок, если будет намеренно или же не намеренно брошен, равно как и знание в отношении беременной и затем роженицы, не будут, привязываясь, обращаться вокруг нее.

Все происходит, переносясь на страдающий от этих знаний и/или глаза объект через увиденную вдруг повитуху. Не столько даже ее самой, сколько то, что ее *к роженице ведут*. И, тем самым, через нее, но не обязательно в ней и с ней, поскольку в результате выводимого заключения, и тогда мысленно, интенциально – раз ведут повитуху, то к роженице, а раз к роженице, то, скорее всего, такой и такой. И через это знание и на основе подобного представления возможно формирование, опять же намеренное или нет, того эмотивно окрашенного внутреннего движения, которое, будучи связано с переживанием исполнения чего-то в ком-то и у кого-то в обход или в отсутствие у себя такого же своего (подноготная ревнования-зависти), получает свое выражение в том, что принято обозначать словом *порча*. Сглаз в данном случае не подходит, потому как нет объекта, на который этот сглаз положить. Движение это, возникнув в ком-то, возможно также, что не единственном, либо, сопровождая ведущих и самой повитуху, в их движении к роженице, вместе с ними, идет. Либо, что также не исключено переносится мысленно, не предполагая подобного сопровождения, на рождающую.

Если же не о порче, а о знании говорить, о том знании, которое обусловливает мучения роженицы при родах за каждого человека, который знает о них, то смысл описанного в целом не изменяется. Знание, появившись, возникнув при виде повитухи, когда ее к роженице ведут, оформляя себя как утяжеление ожидаемых родов, в энергетическом смысле либо сопровождает движение к той, что рождает, либо к ней переносится телепатически. Из чего получается вместе с тем то положение, при котором рождающая, как страдательный во всех указанных отношениях объект, не принимая участия в происходящем, поскольку никому ни

о чем не сообщала сама и на глаза никому не показывалась, переживает свое утяжеляемое дополнительно состояние без ведома и неосознанно. Все это, собираясь и громоздясь, нависает над ней, предназначается ей помимо ее и в обход ее. Переживает она это свое положение как неизбежное следствие не своих нарушений, точнее не соблюдения того, что положено соблюдать.

Скрывание, укрывание, соблюдение тайны, нередко введение в заблуждение, а то и прямой обман, традиционная и естественная форма защиты³⁰, также и в том числе, если не в первую очередь, от действий нечистого потустороннего, от всякого рода негативных, не обязательно материальных либо материализуемых, сил. В связи с чем также то, о чем говорилось с предполагаемыми утяжелением родов и порчей, может иметь источником не человеческое, исходящее не от людей, а от представителей иного мира или миров, родового чужого мертвого либо чего-то другого. Возможно также, при их соучастии и поддержке для недобра пожелавшего человека. Впрочем, важно не это, а то, что имеется нечто, какого бы ни было происхождения, в поверии отнюдь не случайно нет никаких указаний на этот счет, все, что угодно, что может напортить и навредить, и это нечто, развивая данное положение далее, не должно никакой своей стороной и никаким образом, сопровождая и вмешиваясь, в разрешении от бремени у роженицы (применительно к данному случаю) принимать участие. Для чего его следует вводить в заблуждение, не ставить в известность, не дать увидеть, с тем чтобы не могло оно сделать вывод, а тем самым, узнать и понять. Отсюда то, что *Повитуху к роженице ведут тайком, задворками*.

То, что *тайком*, объяснимо, а то, что *задворками*, дополняет указанное в том отношении, которое предполагает не только наличие на не задворках всевидящих глаз, но и чего-то, в контексте сказанного перед этим, другого. То самое нечто, которому надо не дать увидеть, по задворкам, выходит, не обретается. И тогда это нечто, требующее присутствия и наличия людей, пребывающее с ними и между ними, если не в них, связанное с ними непосредственным и сопричаствующим образом, возможно также, и действующее через них.

Итак, повитуху, когда ее ведут к роженице, не положено видеть, невидимой она должна быть, относясь в этой роли своей к изначально, исходно *невидимому*, выступая его представителем. К невидимому, поскольку заднему, скрытому, тыльному, укрываемому и упрятываемому от глаз, относиться будут в этой связи и задворки. Невидимость того и другого – *повитухи*, ведомой *задворками*, создает, обеспечивает, предполагает возможность того, что роды не будут трудные. Не должны быть, во всяком случае, по данной причине.

Формула семантической единицы, за этим стоящей, могла бы выглядеть следующим образом:

$$Ag(DuctSecret > AdjutPart) / Vis(DuctAdjutPart) > Part(Grav)$$

Имеются некоторые агенты, *Ag*, которым вменяется в необходимость сделать так, чтобы проводимое ими, *Duct*, вспоможение при родах, *AdjutPart*, оказалось вне поля постороннего видения, / *Vis*, для чего они это проводят в секрете, *DuctSecret*. Собственно говоря, именно об этом в разбираемом случае речь. Поскольку иначе ставшее явным их проведение, *Vis(DuctAdjutPart)*, станет причиной того, что *роды будут трудные*, *Part(Grav)*.

Единица имеет акционально-предотвращающий смысл, предполагающий действие, имеющее целью предупредить нежелательные последствия, уйти от них, избежать. Модель, соответственно, как модель избегания в более общем виде малефикатива: *S(Act) > E > Mal*, повторяла бы уже перед этим неоднократно встречавшуюся.

Возможные роли предметов участия

Завершая тематический круг и одновременно с этим этап, обусловленный родами, стоит затронуть три встречавшиеся в данном круге и актуальные в нем параметральные обстоятельства. Три материально реализуемые формы, привязываемые по своей роли и наблюдаемому смыслу к тому, что стоит либо не стоит делать, как действовать и поступать. Таковыми формами, в первую очередь, будут предметы, как предметности не то, чтобы неодушевленные (применительно к представлениям, о которых речь, трудно было бы нечто подобное утверждать однозначно), но не способные к самодвижению (определим это как-нибудь так). И это был бы первый ряд.

Второй ряд представляют субъекты, способные, по крайней мере к потенциальному, самодвижению и самостоятельным действиям, в первую и наблюданную в материале очередь, это были бы люди, к каковым, с позиции потенциальности, следует отнести и ребенка, еще не родившегося, но выступающего как мыслимый в категориях субъекта объект.

Третий ряд составляют пространства, точнее пространственности, поскольку сюда относятся локусы как открытого, так и закрытого типа, представляющие собой помещения либо места, в которых можно быть, находиться и пребывать.

Особую, и тогда четвертую, группу, не нашедшую, впрочем, своего отражения при родах, представляют животные, способные к самодвижению и самостоятельным действиям, но как субъекты себя в повериях и приметах рассмотренного родового круга в материале источника не проявившие. Их позиция, а соответственно с нею, значение и роль заключаются в строгой привязанности и непосредственной близости к человеку, будь то знаковой, релятивной и/или регулирующей. В связи с чем об их самодействии и поведенческой самостоятельности говорить приходится как о реляционной, субъектно определяемой и обусловленной.

Определяя обозначенные группы, в предметной, а также животной, части ранее уже затрагивавшиеся, необходимо иметь в виду, что их характеристика будет привязываться к тому положению, которое себя проявило в рассматриваемых единицах. Иными словами, первый из первого ряда порог, у которого с внутренней стороны ложится муж роженицы для вызова у нее потуг, а та через него и порог переступает, – определяться будет в трех указанных ранее отношениях. В том, чем является данный предмет в мире тех представлений, о которых речь. В том, как он в сознании отражается, под каким концептуальным углом. И, наконец, в том как он типически себя проявляет в семантике разбираемых единиц.

Рассуждая последовательно, но не углубляясь в возможные стороны существующих представлений, если порог полагает себя как черта, отмечающая выход и вход, и при этом такая, которая может и будет иметь воздействующий на переходные состояния человека характер, что можно заметить в целом ряде примет и поверий, впрочем, не только их, то, отвлекаясь от его вспомогательности, вне воздействующей поддержки при обращении к нему, отнести его можно было бы к группе лимитативов, предметов, предполагающих идеей границу или черту, которую следует преодолеть, преступить, с тем чтобы осуществить переход от чего-то, в том числе и экзистенциального, одного к чему-то другому. Далее, в отношении имеющихся, сенситивных в основе своей, представлений, порог предстает как та часть и тот элемент закрытого внутреннего пространства защитного пребывания и проживания (дома), которая не только обозначает его границу, но и предполагает способностью, как уже говорилось, поддерживающим, продуцирующим образом влиять на переходные состояния. Влиять в укрепляющем, продвигающем отношении. Что можно определять в категориях промотива.

Обращаясь на третьем шаге характеристики определяемого порога, его роль при родах, поскольку об этом речь, заключаясь в способности, при совершении соответствующих действий над ним (надо знать, что для того, чтобы вызвать потуги, мужу следует лечь у порога, а роженице через них девять раз переступить), – его роль при родах состояла бы в том, что можно видеть как открывание, апертивность.

Следующим предметом была бы лампадка, которую во время родов перед иконой следует засветить, чтобы ребенок впоследствии не хворал. Лампадка является собой предмет, который связан с иконой, а та, в свою очередь, с той духовной силой, лик которой на ней изображен. Зажигая лампадку, обращаются мысленно к этой силе, ища ли поддержки либо напоминая ей о себе, с тем чтобы сила эта человека не оставляла, его поддерживала и ему сопутствовала. Тем самым, ее зажигание, равно как и она сама, предполагает начальную, посыпанную часть совокупной последовательности от лампадки к иконе и в ней к тому, кто на ней изображен. Предоставляя возможность константного и регулярного обращения к высшему, она выступает формой, наряду с другими (молитва, пожертвование), контакта, связи, в широком смысле определяемых как ассоциатив, имеющий своим выражением в отношении поддержки как сустентив. Ее сустентивность (поддержка) для родов при зажигании перед иконой, чтобы не хворал ребенок, заключается в предупреждении нездоровья, т.е. витальной слабости для него, ибо речь о том, что в противном случае он будет болезненным и не просто хворать, а хворать постоянно, в чем можно видеть семантику витального утверждения и укрепления, или аффирматива.

В том же ряду возникает икона, перед которой лампадку необходимо зажечь, и это также был бы ассоциатив сустентива, для мира предметов в поверию, ощущений и представлений о них. Применительно к семантической единице, в которой единственной в отношении цели выступает лампадка, икона, перед которой ее зажигают, будет посредствующей частью предполагаемого в лампадке аффирматива. И это был бы тогда медиатив, в отношении, также и в первую очередь, для сустентива.

Следующим предметно воспринимаемым элементом, встретившимся в поверию разбираемого круга, были окна, которые следует занавешивать при трудных родах, чтобы никто не сглазил роженицу. Как и порог, окна также лимитатив, но в другом, по сравнению с ним, отношении, предоставляя возможность контактного, в обе стороны, взаимодействия с внешним, контактива. В связи с чем, при желательности или необходимости избегания такового контакта, как в случае с предполагаемым сглазом, они, допуская возможность закрытия, задерживания, занавешивания, обладают, тем самым, зависящей от человека способностью подобный контакт прерывать, равно как и после его восстановливать. Открывание и закрывание окон, открывание к внешнему и такое же закрывание, отворачивание от него, поворачивание к нему не видящей и не пропускающей взгляд из внешнего стороной, определялось бы как способность к конверсии, а в разбираемом случае к прерыванию контактности, или закрытию, и наключиву.

О предметах способствования и предотвращения

Следующую группу предметов, проявивших себя в рассмотренных единицах этапа, представляет все то, что роженице следует на себе расстегнуть, развязать, распустить. Это ворот, пояс, узлы (волосы, являясь телесной частью субъекта, к предметам в определяемом понимании относится не будут). Особенность этих трех перечисленных, стоящих к тому же в общем ряду, заключается в том, что они, составляя носимое на себе, в данном случае как элементы одежды, определяются для предметного мира релевантных для поверий-примет представлений, впрочем, не только, как то, что является собственностью и что человеку прямо и непосредственно принадлежит. Признак этот, себя наблюдавший в поверию с отцовской рубашкой (в которую мать заворачивает девочку, отправляясь ее крестить, с тем чтобы родился впоследствии мальчик), характеризовался как **посессив**.

Указанная принадлежность, то, что является собой предмет обладания, важна для поверий с приметами в том отношении, что связь с обладателем определяет наличие свойств, которые позволяют, предполагая их и имея в виду, данным предметом определенным образом манипулировать, используя эти свойства для какой-либо цели. Свойства эти для посессивов непосредственно следуют из их связи со своим обладателем и при использовании будут иметь к нему отношение, как прямое, так и опосредованное (в примере с отцовской рубашкой). В этом смысле, второго круга возможных значений, обусловливающего представлениями о характере наделяемых, приписываемых и присутствующих свойств, предметы, выступающие как объект обладания, можно квалифицировать как **апеллятивы**, т.е. такие, обращаясь, прибегая к которым, можно достичь желаемого положения, в отношении самого обладателя либо того, кто или что с ним находится, возможно в кровной, связи или будет, предполагаясь, в такой связи находиться. Разновидность первого типа апеллятивов, прямого, с наличием на себе, как части одежды (и **хабитив**^{*}), и составляют ворот, пояс, узлы роженицы. Второй тип, не прямого апеллятива, иллюстрирует все та же рубашка, с перенесением, передачей свойств отца на планируемого в будущем сына.

Две обозначенных разновидности предполагают подход к возможной семантизации характеризуемых предметов в тех действиях и проявлениях, которые представляют поверия с приметами. Если отцовская рубашка использовалась для того, чтобы у пары супругов родился впоследствии мальчик (после бывших до этого девочек), и это было бы тем значением,

^{*} Лат. **II īnhābito**, —, —, **āre** [habitus платье, одежда] ‘носить’ (в качестве одежды): *pass.* *inhabitari* служить одеждой.

которое можно определять как побуждение, вызывание, индукцию, индуктив, подобного через подобное и вместе с тем продуцирующее, производив, по свойству в рубашке мужского и порождающего (поскольку рубашка отца), – то ворот, пояс и узлы роженицы будут характеризоваться в описываемом в поверии использовании чем-то другим. Имея возвратный характер (роженица, расстегивая и развязывая их на себе, то, что из этого будет следовать, также обращает к себе), приписываемое им действие не исключает все тот же побуждающий индуктив, который реализует себя не в том, чтобы побудить появление чего-то нового, произвести его и создать (ребенка, который будет мальчик), а в разрешающем, поскольку для облегчения родов, значении. С развязыванием того, что завязано, связано и что без подобного распускания и отпускания, эмиссии, эмиссива, уже имеясь и существуя, выходило бы, происходило и получалось с трудом, если вообще выходило и получалось. Это как выпустить птицу из клетки, открыв перед нею возможность, выйдя наружу, лететь.

Возвращаясь к позиции трудных родов и избегания сглаза при окнах, стоит обратить внимание на не названный в тексте поверия предмет, точнее предметы, с тем чтобы их также определить, – то, чем окна, собственно говоря, занавешивают, чем бы это ни было и как бы ни выглядело, будь то привычные занавески, сомнительно, чтобы шторы для деревенского дома, какая-то ткань, простыня и т.п. Роль всех подобных предметов в том, что, с одной стороны, для предметного мира, они составляют используемую в домашнем хозяйстве наличность узитатива, а с другой, обладая способностью расстилаться, расстираться, собою что-либо прикрывать, накрывать, закрывать, могут характеризоваться в этом своем отношении как отделяющие, укрывающие сегрегативы. Под этим свойством их можно и следует подразумевать определенный спектр различного рода внешне обозначаемого отделения одного состояния от другого (занавески на окнах, когда задернуты или отдернуты, простыня на постели либо ее отсутствие, ширмы, шторы, занавеси и пр. в закрывающем либо открывающем то, что за ними, расположении). В отношении представленного в поверии занавешивания окон от сглаза это их свойство себя проявляло бы как укрывание, прятание с целью защиты и невыявления скрытого – протектива.

Отпираемые при тяжелых родах во всем доме замки, ящики, двери, ворота, выступая как узитативы (замки и ящики) и партитивы (двери, ворота), т.е. части чего-то большего, дома, двора, таким образом мыслимые и представляемые, определяясь в уже встречавшихся ранее свойствах закрытия, и нклюсива (замки), отделяющего сегрегатива (двери, ворота) запирающего, а также скрывающего помещения, содержания в себе, контентива (ящики), – в приведенном поверии действуют, можно бы было сказать, что подобно вороту, поясу и узлам роженицы как

отпускающие, развязывающие эмиссивы. Если бы не то обстоятельство, что не отпускание от себя, не выпускание «птицы из клетки», за ними стоит, а что-то другое. Что можно представить как раскрывание, распахивание – для свободного, облегчаемого прохождения, распадающийся в запирающих его частях (поскольку замки, двери, ворота, состоящие из своих половин, а также ящики с крышками) путь движению, *ресолютив*^{*}.

Касаясь вопроса о дверях с воротами, а также и вместе с тем и чего-то другого, их можно интерпретировать неоднозначно. Ничто не мешает, подобно окнам, рассматривать их и как лимитатив. Объяснением может быть ориентирующий в определение смысла во всех его трех выделяемых составляющих характер использования в поверии-примете. Но не на это хотелось бы обратить внимание, а на существенное для описываемой парадигматики несовпадение того, что выражено с помощью слов как тот или иной предмет, а также субъект-человек, животное, локус пространства и, тем самым, представляет собою форму, лишь передаваемую в слове вербально, и того, что существует, имеется в данной парадигматике, системном и виртуальном устройстве, как для нее характерный и ее определяющий в соотношении с другими, свойственный ей, известным образом грамматически, парадигматический смысл.

Для большей ясности данного положения на примере. Имеется дверь, как предмет и часть дома и часть помещения в доме, передаваемая с помощью слова *дверь*. Формой возможного смысла, о которой шла речь, выступает не слово, а дверь как предмет, точнее возможная совокупность имеющихся о ней представлений. Дверь как предмет, и не только дверь, а все, что угодно, способна быть формой самых различных смыслов, но не так, как в грамматике, скажем, для *написала* – форма многих значений, времени, вида, рода, числа, наклонения, а по-другому. В зависимости от употребления дверь способна быть формой не одновременной для разных значений (что, впрочем, также не исключено, но определяется тем же употреблением), а тех, которые через нее себя проявляют и обнаруживают. Те же значения, о которых речь как об исходно парадигматических для системы предметного мира поверий-примет (но не только), существуют, опять же парадигматически, отдельно от форм своего выражения. Парадигматически – с точки зрения представления об устройстве системы, с тем чтобы ее выявить и описать.

Для сознания, тех, кому свойственны данные представления, это выглядит по-другому. Имеется знание, которое определяет себя в свободно-при-

^{*} Лат. *rēsolvō, solvi, sōlūtum, ēre* ‘развязывать’; ‘распускать’; ‘снимать’; ‘распрягать’ (*equos*); ‘освобождать’: *luctantem animam nexosque artus r.* освободить борющуюся душу от оков тела (*об умирающим*); ‘открывать’; ‘вскрывать’; ‘проламывать’; ‘разгонять, рассеивать’ (*nebulas*); ‘распутывать, разъяснять’.

вязанном, ассоциирующем, скажем так, отношении, как значение к тому, в чем и как оно себя обнаруживает и выражает. Мысль о граничности, открывании с закрыванием, отделении от другого, защитности и т.п. связывается в этом сознании с тем, что может быть дверью, воротами, в ином своем поворотном наборе – с порогом, забором, окном и т.п. Связываясь в сознании одно и другое, в реализациях в виде поверий-примет оно способно актуализировать, акцентируя, одни какие-то признаки, пропуская другие.

Парадигматически, для описания и ясного представления, следует все это разводить. Имеются формы возможных значений, предметы, субъекты, локусы, что-то еще, называемые с помощью общепринятых и себя повторяющих в текстах поверий с приметами слов. И имеются, от них отделяемые, парадигматические значения, способные в употреблениях отобразить себя в них. Такие, как выделяемые граничность, открывание, закрывание, скрывание, отделение, защитность, поддержка, предотвращение, достижение, движение, путь, отпускание, часть чего-либо, используемость и пр. Значения эти могут быть в своих собственных связях и отношениях организованы, вне предметных либо других каких-либо форм своего возможного выражения в текстах поверий-примет. В связях парадигматических по характеру и существу и концептуальных по свойственной им природе, определяемой представлениями о мире, релевантными для поверий-примет.

По внешнему виду предполагаемого воздействия царские врата в церкви, которые старший мужчина в доме просит священника отворить, выглядят мотивационно и интенциально так же, как и двери, ворота, ящики и замки в доме. Все это отпирают и растворяют при трудных и очень тяжелых родах, с тем чтобы для новорожденного открылись врата материнской утробы. Царские врата в церкви ничто не мешает рассматривать как партитив, поскольку, так же как ворота и двери, они представляют собою часть чего-то включающего и, соответственно, большего. Вместе с тем они же и сегрегатив, отделяющий наиболее важную и освященную часть от всего остального. Хотя семантика этого сегрегатива по сравнению с дверьми и воротами будет другой, однако не будем вдаваться в ее уточнение, для разбираемого материала мало существенное. Важно, может, не столько понять, сколько почувствовать это различие. Ибо об этом речь не только при характеристике определяемого предметного мира, но и при сопровождающих те или иные объекты о них представлениях, связываемых с такими их свойствами, которые предполагают воздействующее их проявление или использование в отношении примет и поверий.

Исходя из подобного представления о свойствах, применительно к царским вратам, если ворота и двери отделяют внутреннее своего от внешнего, отчасти также своего, но в меньшей степени, с удалением от него

и с всё большей открытостью (в отношении сегрегатива), то существенным виделся бы вопрос, – на что, собственно, в своих свойствах влияют царские врата в церкви, если их отпирание в церкви священником (отпирание, видимо, все же не означает распахивания) побуждает открытие врат материнской утробы? Возможно, что только этим представления об их свойствах не ограничивается, однако не будем данное обстоятельство уточнять, остановившись на том, что в рассмотренной перед тем единице показано.

В тематическом круге родов были отмечены три семантических группы, связанные со своими предметами и предполагающие воздействие при манипуляции с ними на осуществление и облегчение родового процесса. Таковыми были порог, определенный в этом своем проявлении, для вызова потуг, в отношении апертивности, что предполагало через него перешагивание (с лежавшим мужем при нем); ворот, пояс, узлы и к этому расплетаемые волосы, расстегивание и развязывание которых предполагало то, что было обозначено как эмиссия, отпускание, выпускание из себя. Таковыми были также замки, ящики, двери, ворота в доме, отпираемые при тяжелых родах, что было определено как открывающий прохождение ресолютив. К чему ближе было бы отпирание царских врат – к побуждению в апертивности, выпусканию через эмиссию, раздвиганию открывающегося пути для ресолютива? Или, может быть, к чему-то другому, дальнейшему и последующему?

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, стоило бы обратить внимание на выстраивающуюся в определенный ряд последовательность, отображающую процесс протекания родов. Сначала следует, вызвав потуги, открыть возможность дальнейшего (апертив). Затем произвести из себя эмиссивное отпускание. То и другое, что важно, делает сама роженица, и это роды как таковые, не говорится, что трудные или тяжелые. Далее появляются действия с трудными родами, определяющиеся предохранением от сглаза (занавешивают окна в доме), и это не делает роженица, другие действуют за нее. Тяжелые роды вызывают необходимость отпирания в доме всего, что только возможно (ресолютив), и это также осуществляется не роженицей, а домочадцами. Очень тяжелые требуют усиления, появляются не только мужские посредники (старший мужчина в доме, который просит священника) и с этим не только не принадлежащее дому, а потому, отчасти, и постороннее вроде лицо, но лицо освященное, наделенное в этой связи силой высшего и духовного, – появляется также необходимость выхода за пределы дома с целью осуществления действий не в нем, а в освященном опять же месте, каковым является церковь.

Отмечают себя в этом случае два мотива, точнее три, – выхода за пределы дома и освященности, субъекта и места, священника и его церкви, при подключении (третий мотив) старшего и мужского в доме. То, что бу-

дет производиться в церкви священником с помощью царских врат и над ними должно побудить подобное в материнской утробе. Имеется внутренне ощущаемое и значимое соотношение материнской утробы с церковью, царских врат с тем, что для новорожденного открывается в ней, и, продолжая далее, действующего соответствующим образом священника как медиатора-опосредователя с тем, что, не представляя себя в чем-то ясном и определенном, способствует открыванию врат материнской утробы.

Все это производимое в своем таком виде принципиально отлично от производившихся действий предшествия с порогом, воротом с поясом и узлами, замками, ящиками, дверьми и воротами. Отлично в том отношении, что, выходя за пределы дома и обращаясь к священнику, церкви и царским вратам, оно прибегает к посредничеству высших сил, обращаясь к ним с просьбой о пропульсиирующей по своему существу имитации. И это было бы тем, что можно, определять (отвлекаясь от освященности) как усиливаемое по своему характеру, с использованием дополнительных сил и средств, разверзающее в результате своем раскрытие – диссессив*.

Пояс священника, которым опоясывают рождающую в крайнем и последнем случае, видимо, для того, чтобы та, главным образом, не умерла, о способствовании родам при этом не говорится, необходимо рассматривать в разбираемых отношениях по показателям а) вне такового использования, и тогда возникает вопрос о том, как его объяснить; б) в положении приписываемых ему свойств, которые позволяют его использовать в том, что себя проявляет при родах для в) в крайнем и последнем случае.

Для первого, в отношении (а), пояс священника, не составляя собственности его, поскольку используется в момент литургии, не может рассматриваться как посессив. Свойства пояса не определяются свойствами самого священника (как в примере с отцовской рубашкой), скорее, наоборот, не случайно тот им себя опоясывает при соответствующем облачении. Можно было бы определять его как атрибутив, характеризующий то, что, сопровождая, свойственно сану священника, если бы не то обстоятельство, что при атрибутивности все же, скорее, стоит иметь в виду направленность от носителя к его атрибуту (мужская шапка, женский платок, штаны). Атрибут определяется по своему, скажем так, «хозяину». В случае с поясом такая направленность виделась бы другой. Пояс священника является таковым не потому, что, будучи свойствен священнику, его принадлежность определяет, а потому, что, как священный и освященный предмет, обладая для себя характерными свойствами, освящает, тем самым, священника, когда тот им себя опоясывает при облачении. Подобного рода

* Лат. **discēdo, cessi, cessum, ēre** ‘расходиться, разделяться’; ‘распадаться, делиться’; ‘раскрываться, разверзаться’.

признак, предполагающий наличие, обладание, содержание в каком-то предмете свойств, способных, передаваясь, переходить на что-то другое, в том числе человека, можно определять как то, что исходно свойственно либо в результате чего-то приписано (освящением в случае пояса) и как таковое свойство предмету принадлежит – проприатив.

В отношении (б), позволяющего разбираемый пояс как освященный предмет использовать можно было бы говорить о семантике обращения к высшему, апеллятиве, который в условиях разбираемого случая, предохраняя и защищая, а также, возможно, способствуя, можно рассматривать как поддерживающий сустентив. Если, что стоит добавить, иметь в виду способствование не только родам, но и сохранению жизни рождающей и ребенка, предотвращение, избегание, уход от того, что в тексте определялось как *в крайнем и последнем случае*.

К проприативам относились бы также венчальная свеча, с которой роженица стояла под венцом (последний предмет для этапа родов в материале источника), которую зажигают при трудных родах и которую *ни в коем случае нельзя одалживать*. Нельзя одалживать, в первую очередь, потому, что это проприатив, наделенный силой воздействия в отношении той, которая с ней под венцом стояла и которую нельзя другой никакой заменить. Так же как нельзя заменить пояс священника на какой-то другой. Равно как и, согласно тому, что указывается в поверии, необходимо и возможно его для подобной цели использовать только раз: *при условии, чтобы этот пояс ни прежде, ни после не употреблялся подобною стра-дальцею*.

Собственно говоря, в этом смысл определенности и привязанности проприатива. Не в том, чтобы только раз, что можно рассматривать как частный случай, но в строго оговариваемом предназначении. Свойства такого предмета, передаваемые при использовании, прямо следуют из того, к чему прилагается данный предмет, с чем он связан, как пояс священника, а не какой-то другой, но не кого-то, что важно, ибо это не посессив. Как венчальная свеча, с которой роженица во время венчания стояла. Но при этом свеча эта ей, как ее обладательнице, не принадлежит, из чего и следует предопределенная венчанием данного человека проприативность, а не посессивность и не атрибутивность, поскольку не составляет эта свеча характерный и характеризующий признак субъекта (либо объекта).

Определяя дальнейшие смыслы венчальной свечи, необходимо задуматься над тем, с какой целью ее зажигают при трудных родах. Видимо, для того, чтобы способствовать благополучному разрешению. Но не об открывании, разверзании, выпускании и побуждении в данном случае речь. О благополучном завершении трудных родов с мыслью о сохранении жизни рождающей и ребенка. И это было бы то, что себя наблюдало

при опоясывании поясом священника, с тем отличием, что не о крайнем и последнем случае речь, но о способствовании через обращение в зажигании к силам высшего, – апеллятив сустентива.

О некоторых объектах пространства

Прежде чем перейти, уже не к столь подробному, рассмотрению встретившихся объектов пространства, их было три – дом, церковь, задворки (которыми необходимо вести повитуху), имеет смысл обратить внимание на представляющиеся важными соотношения выделенных для предметов значений некоторого сополагаемого ряда. На данном этапе анализа опустим все то, что в этот предполагаемый ряд не укладывается, с тем чтобы вернуться к более полному представлению впоследствии.

Имеющиеся в рассмотренных единицах предметы, пространственные объекты, субъекты (люди), а также животные*, – четыре данные составляющие видятся как такие, которые, взаимодействуя, соучаствуя в том, что в повериях и приметах описано, находятся в отношениях определенного рода связи. И эта связь, имея парадигматический вид и характер, определяет и выражает себя в синтагматике употреблений, под которыми следует понимать, в первую очередь, направленность их использования для поверий-примет, точнее того, что с их помощью отражается и передается.

Начнем с предметов, которые могут себя проявлять, фигурируя как **партитивы**, т.е. части чего-то большего (двери, окна, ворота, порог, сюда же ворот, пояс, узлы как части одежды у роженицы), как **посессивы**, обозначающие принадлежность своему обладателю (отцовская рубашка из встретившихся), как **проприативы**, обладающие определяющими их свойствами, связываемыми, как правило, с кем-либо, но не следующими из него (венчальная свеча, пояс священника), как **атрибутивы** (мужская шапка, женский платок, штаны), как **ассоциативы**, предполагающие связь чего-то с чем-то через какое-либо посредство (лампадка, икона) и **узитативы**, используемые где-то в чем-то и для чего-то (помело, из того, что встретилось при беременности).

Отвлекаясь от передаваемых словами предметов, поскольку, как уже говорилось, будучи формами, они способны в разных из выявленных значений себя представлять, следует обратить внимание, прежде всего, на отраженный в перечне порядок, передающий характер свойств от ближнего с удалением к дальнему в отношении носителя. Для примера,

* Более подробную роль и смысл их предстоит уточнить на другом материале, поскольку их отражение в повериях, связанных с появлением человека на свет, по используемому источнику получается незначительно.

если видеть встречавшиеся в двух повериях волосы, которые следует расплести, а это могут быть и другие части субъекта, то, представляя в каком-то своем проявлении партитив, они будут ближе к своему носителю, чем, скажем, его рубашка или штаны, не обязательно при этом на нем, которые выступят, опять же в каком-то случае, как посессив, то, что не является частью субъекта, но чем тот непосредственным образом обладает. Проприатив, имеющий не столь непосредственное уже отношение к субъекту, связанный с ним, но не насыщенный, скажем так, в составе для себя характерных свойств их действием от него, окажется еще дальше, чем партитив и затем посессив. Соответственно и три остальных показателя – атрибутивы, ассоциативы, узитативы – будут по отношению к субъекту, в свойствах своих, выступать во всё более отдаляющемся от него положении. Тех свойствах, необходимо добавить, которые себя отражают в предметном мире поверьй-примет.

Из чего получалось бы выстраиваемое в порядок, парадигматическое по своему характеру, соотношение, передаваемое рядом *партитивы – посессивы – проприативы – атрибутивы – ассоциативы – узитативы*. Ряд этот далее выводит на представления об объектах пространства и каким-то, то ли прямым, то ли косвенным образом связывается с субъектами (к этому стоит добавить животных, но о них на примерах тематического круга родов не приходится говорить). В своей, устанавливаемой в порядках и соположениях, совокупности это будет давать представление о фрагменте устройства определяемой виртуальной системы, концептуальной и парадигматической, концептуальной по своему существу, парадигматической по виду устройства, при помощи и посредстве которой, с одной стороны, можно описывать определяемый предметный мир примет и поверьй, в то время, как с другой, воспринимать ее, эту систему, как действующий и релевантный для данного круга представлений человека о мире, им управляющий и его ориентирующий соответственным образом механизм.

Прежде чем пойти дальше в определениях и уточнениях разбираемой понятийно-предметной области (так это следует представлять), с привлечением материала последующих, после родов, кругов, небезразличным видится характеризующее описание, уже в отвлечении от заполняющих форм, передаваемых вербально, того, что было названо партитивами, посессивами, проприативами и т.п. Описание с точки зрения содержащегося в них отношения предмета к носителю, каковым может быть не только субъект, равно как и с позиции взаимного различающего их соположения. Это было бы то, что давало возможность понять, что такое и чем может быть предмет, представляемый как то, другое, третье и остальное в представленной перед этим последовательности.

Итак, партитивами будут такие предметы, которые в своих свойствах, являясь частью чего-то большего, влияют, способны влиять, и это

может быть соответствующим образом также использовано, находя отражение в повериях и приметах, – на то, чего частью они выступают. Из чего получается, что это большее регулируется, испытывает воздействие, при определенных действиях, со стороны своих составных частей. На примере. Расплетаемые роженицей волосы, себя проявляя как партитив, влияют на то, что предполагается для нее – облегчение родов. В то же самое время те же расплетаемые волосы девушек всего дома для облегчения родов, будучи телесной частью своих носительниц, как партитив не действуют, поскольку не на их положение в свойствах своих, определяемых расплетанием, должны повлиять, а на то, что будет происходить с роженицей. И тогда эти волосы действуют как ассоциатив – сила одного, через соотносимость подобия, должна перейти на другое.

Посессивы предполагают вбирание в себя с содержанием в себе, несением и затем передачей чему-то или кому-то другому того, что составляет свойства своего обладателя, какую-то группу свойств, равно как и какое-то определенное. Ярким примером подобного будет неоднократно уже привлекавшаяся для иллюстраций отцовская рубашка. Свойства мужского и продуктивного, отца, должны передаться через заворачивание в нее родившейся девочки тому, кто появится после нее, каковым ожидается мальчик.

Проприативы имеют в виду такие свойства предмета, которые, имея к носителю, в известном смысле условному, отношение, свойства эти свои получают не от него, от чего-то другого (как пояс священника, венчальная свеча, с которой стоят под венцом для примера), и затем эти свойства могут быть переданы, равным образом как тому, к кому они имеют свое отношение, так и, в каких-то особых условиях, и кому-то другому. Тот, к кому данный предмет имеет определенное отношение, будучи связан с ним, не является, собственно говоря, его обладателем, равно как и носителем в нем содержащихся свойств. В этом и заключается смысл проприативности, или «свойственности» как некоей не непосредственности и сдвинутой косвенности. Не случайно в венчальной свече, равно как и в поясе священника, заключается определяющее их положение о том, что венчальные свечи нельзя одалживать у других, поскольку это может лишь навредить, а пояс священника для роженицы может быть использован только единственный раз, *при условии*, как уже отмечалось, чтобы *этот пояс ни прежде, ни после не употреблялся подобною страдалицею*.

Атрибутивы определяют группу предметов, которая предполагает характеризующее их отношение к тем, кто с ними связан по виду, способу и принадлежности, не обязательно реализуемой как обладание, а если и реализуемой, то не это будет существенным. Отношение это используется, регулируясь повериями и приметами, для достижения какой-либо связанной с их принадлежностью, *атрибутивностью*, цели. Как в примерах

с мужской шапкой, женским платком, штанами, используемыми для того, чтобы у супругов родился мальчик или же девочка. В этих случаях не обладание данным предметом определяет воздействующую способность на достижение желаемого, а его характерность – то, что шапка мужская, так же как и штаны, а платок, соответственно, женский.

Ассоциативы, как это следует из обозначения, представляют предметы, которые обусловливают, предполагая, связь опосредованную и, соответственно, опосредующую. Свойства, им приписываемые и представляемые как заключенные в них, способные быть использованными в каких-либо целях, имеют источником нечто либо кого-то, предполагаемых как носитель и/или обладатель, без особого знания, нередко, о возможном характере действия данных свойств, равно как и нечетком представлении о носителе. Через посредующее, медиативное и апеллятивное использование такого предмета цель представляется как поддержка, сопровождение, усиление положительного, нейтрализация негативного, избегание нежелательного (в примерах с лампадкой перед иконой, самой иконой, волосами девушек в доме).

И, наконец, последнее из приведенного ряда, узитативы, – представляют такие предметы, свойства которых исходно определяются их применением, тем, для чего они предназначены и чему служат. Из чего далее следуют и выводятся признаки, переводимые в сферу использования для достижения соответствующей цели. На примере. Замки, узитативное существо которых определяется тем, что с их помощью что-либо запирают и отпирают. Так же как двери, ворота, ящики, которые закрывают и открывают с тем, чтобы за их пределы или в их пределы кому-то войти, что-либо поместить, внести, положить. И тогда, открывая или, напротив, их закрывая, симулируя, имитируя и стимулируя, можно достичь того, что предполагается. На примере с родами – открывание перечисленных узитативных предметов должно послужить облегчению родового процесса, открыванию того, что закрыто в утробе.

Говоря теперь об объектах пространства, бегло и неосновательно коснемся только тех трех, которые себя отразили в рассмотренном тематическом круге. Ими были дом, церковь, задворки, способные быть многозначными и проявлять себя в самых разных связанных с повери-ями и приметами явлениях, событиях и положениях. Рассмотрим лишь то, что нашло свое воплощение в просмотренных единицах, имея в виду необходимость, при большей представленности изучаемого материала, последующего из этого уточнения.

При том, что все, что описано применительно к родам, имеет своим проявлением дом и, соответственно, происходит в доме, возьмем для примера только тот единственный случай, где он с помощью слова упоминается, – *Для облегчения тяжелых родов во всем доме надо отпереть*

все замки, ящики, двери, ворота. Дом выступает вместе силицем, местом, «утробным» местом, в котором все, что в нем есть запертое, следует отпереть.

Для достижения цели (*облегчения тяжелых родов*) важно не то, что дом, не сам он как таковой, а то, что в нем из запираемых предметов находится. Однако и то, что дом, во всем этом не случаен, поскольку в нем, а не где-то, в других каких-то построенных и хозяйственных помещениях и местах, все в них находящееся следует отпереть. Дом в этом случае выступает как все для цели необходимое в себе заключающее и содержащее, охватывающее и включающее. Не надо из него выходить для осуществления предписываемого. Важна при этом его всеохватность – все во всем доме следует отпереть. И тогда, через это все осуществляемое в нем, предполагается достижение поставленной цели.

Из чего получаются признаки контентива, как содержащего, интегратива, как все в себе в совокупности объединяющего, и, как из этого следует, ассоциатива, поскольку его «утробность», через отпирание в нем всему всего, предполагает симиллятивно-стимулятивное воздействие на утробность рождающей. Из чего получается ряд, каким-то образом соотносимый с тем, который был выведен для предметов, однако парадигматически обусловливаемый характер этих соотношений вывести еще предстоит.

Церковь в рассмотренном круге себя проявила подобным образом – *При очень тяжелых родах, чтобы помочь роженице разрешиться от бремени, старший в семье мужчина просит священника отпереть в церкви царские врата: тогда и для новорожденного откроются врата материнской утробы.* Отпирание царских врат, имея целью помочь разрешиться от бремени, уподобляется в своем симулирующем и стимулирующем отношении открыванию врат материнской утробы. И церковь во всем этом, как и перед этим дом, предполагает то, что, включая в себя, содержит, реализуя, тем самым, значение контентива. С той особенностью, что для рождающей это внешнее, в отличие от дома, в церкви она не находится, трудно поэтому говорить о семантике интегратива. И в то же время охватность интегратива не то, чтобы заменяется, но переносится, переходит в нечто иное, что можно представить как положение в универсально охватывающем, предполагающем возможность обращения к высшим силам в надежде получения поддержки от них. Признак, который можно определять как охватывающий и подхватывающий подъем, вынесение на поверхность, наверх, вознесение элатива^{*}, который определяет далее, связываясь с семантикой, как и в случае с домом, ассоциатива,

^{*} Лат. I **effero** (*ecfero*), **extuli**, **elatum**, **efferre** [ex + fero] ‘выносить’; ‘воздвигать’; ‘поднимать’; ‘возвысить’: equus se effert лошадь становится на дыбы.

предполагающего обращение через подобное, в котором содержится разрешающий для другого, воспринимаемого как его подобное, смысл.

Задворки, которыми необходимо вести повитуху к рождающей, с тем чтобы никто не мог ее, эту последнюю, сглазить, фигурируют как то, что в пространственном отношении, связываясь с чем-то другим, составляет его заднюю, тыльную часть. В объединении это давало бы представление о пространственном парцеллируемом аверсиве, который предполагает, в силу своей обратности, не обращенности к переду, положение, позволяющее что-либо или кого-либо прятать от глаз, утаивать, не показывать, укрывать, делая вследствие этого также невидимым. И это было бы в этом случае значением оккультива.

Роли субъектов участия

Субъекты (люди) оказались представленными в значительно большем числе. Прежде чем постараться их описать, имеет смысл их все, последовательно дифференцируя, перечислить. Для большей наглядности покажем их в вертикальном расположении (одинарные ‘кавычки’ отмечают то, что можно видеть как обобщенно-следствующее представление, в разбираемом случае в отношении вероятных субъектов). Порядок отображает соотношения между субъектами, а не последовательность рассмотренных единиц:

- ‘роженица’, выступающая то как агент, то как субъект, в пользу которого что-либо предпринимается, то как объект своих состояний;
- ‘муж’, проявление и роль которого на этапе родов сводились к тому, чтобы, способствуя вызову у роженицы потуг, лежь у порога с внутренней стороны для того, чтобы та могла через него и порог девять раз переступить;
- ‘ребенок, который будет постоянно хворать’ (если не засветить во время родов перед иконой лампадку, т.е. еще не родившийся); он же как ‘болезненный ребенок’, т.е. родившийся, про которого часто спрашивают «Верно, у вас родился младенец без огня?»; и тогда, соответственно, тот, о котором имеется представление ‘младенец без огня’;
- ‘те, кто про такого ребенка как о младенце без огня часто спрашивают’;
- ‘те, кто зажигают перед иконой лампадку во время родов’, чтобы ребенок потом не хворал;
- ‘те, кто занавешивают окна при трудных родах’, чтобы никто не сглазил роженицу;

- ‘те, кто отирают во всем доме все замки, ящики, двери, ворота’ для облегчения тяжелых родов;
- ‘те, кто опоясывают роженицу тем поясом, который употребляется священником при церковном облачении’ в крайнем и последнем случае;
- ‘те, кто при трудных родах зажигают венчальную свечу, с которой роженица стояла под венцом’;
- ‘те, кто при рождении ребенка производят разговоры и шум’;
- ‘ребенок, который поэтому будет несчастным’;
- ‘все девушки всей семьи’, ‘особенно те, которые помогают роженице’, которые должны расплести волосы для облегчения родов;
- ‘те, кто может сглазить роженицу’;
- ‘старший в семье мужчина, который просит священника отпереть в церкви царские врата’, чтобы помочь роженице разрешиться от бремени;
- ‘священник, которого старший в семье мужчина просит отпереть в церкви царские врата’, ‘священник, поясом которого опоясывают роженицу’ в крайнем и последнем случае;
- ‘новорожденный, для которого должны открыться врата материнской утробы’;
- ‘повитуха, которую к роженице ведут тайком, задворками, чтобы никто не увидел’;
- ‘те, кто ведут повитуху к роженице тайком, задворками, чтобы никто не увидел’;
- ‘те, кто, если увидят, как к роженице ведут повитуху’, станут причиной того, что роды будут трудные.

Центральной и основной фигурой, вокруг которой все происходит и разворачивается, как следует из положения родового этапа в цикле рождения, является роженица. Ее позиция определяется, в первую очередь, тем, что она выступает как та, которая, действуя или не действуя в направлении собственной пользы, оказывается в положении той, кто переживает, страдает, не имея возможности сама ничего для себя разрешить.

Отвлекаясь от родов и от самой рождающей, переводя это в плоскость парадигматического обобщающего представления, это была бы позиция субъекта-страдателя (пациента), переживающего потенциально опасное для себя положение, не зависящее от него, имеющее свое развитие и возможное завершение, из которого следует выйти, желательно благополучно, на которое можно и следует в меру сил повлиять, но результат и следствие из такого воздействия не обязательно позитивны. Позиция такого субъекта-страдателя, – это может быть человек, попавший в беду, оказавшийся в тяжелом и сложном для себя положении, тот, кому грозит опасность, а возможно, и смерть, тяжелобольной, умирающий и т.п., – позиция такого страдателя предполагает и допускает вероятные

к благополучному разрешению действия. Как с его стороны, заключающиеся во вспоможении и способствовании, так и со стороны других, посредников и помощников. В первом случае он действует как агент побуждения, импульсатор, благополучного ускорения и разрешения, акцелератива беатификатива. Во втором – как его адресативный объект. То и другое находит свое отражение для рождающей в разбираемом круге.

Муж, способствующий вызову у роженицы потуг, но не сам, не своими действиями, а используемый ею для этой цели (тем, что она переступает через него, лежащего у порога, девять раз), занимает позицию споспешествующего сопроводителя, секундатора*. Не действуя самостоятельно и активно, а потому не агент, он выступает, наравне с порогом, не только и не столько субъектом, при наличии волевого участия, ложась у порога с внутренней стороны и поддаваясь переступанию, сколько одушевленным средством осуществления поставленной цели, ее посредником, медиатором.

Ребенок, который будет, родившись, постоянно хворать, с одной стороны, в этой части своей, определяется как страдающий пациентор. Однако такой, состояние и положение которого, с другой стороны, имеет не временный, а постоянно себя повторяющий, перманентный, характер (в отличие от темпорального с родами). Что может, но не обязательно будет, предполагать возможность выхода из данного положения, со скрытой надеждой на выздоровление (для определения семантики пациентора). Поверием, впрочем, это не предусмотрено.

Такой пациентор, обобщая и отвлекаясь от того, что это ребенок, который родится и будет постоянно хворать, характеризуясь не ситуативным, как с родами, страждущим состоянием, может предполагать не определенное временем как позитивное, так и негативное для себя разрешение. Признак, определяемый как детерминатив, финитный для положения с родами и инфинитный для постоянно хворающего. Пациентор выступает в роли объекта по отношению к тому или иному, для него характерному, детерминативу, финитному либо инфинитному, беатификатива либо малефикатива.

Тот же ребенок, определяемый как болезненный, про которого часто спрашивают «Верно, у вас родился младенец без огня?», характеризуясь отчасти в том же ключе, вместе с тем акцентируется в положении отсутствия в нем либо слабости и недостаточности необходимой витальной силы. В этом отличие определений *который будет постоянно хворать*, с одной стороны, с упором на частотную регулятивность, из чего следовал

* Лат. **I secundo, āvi, —, āre** [secundus] ‘способствовать, благоприятствовать, спомоществовать, помогать’: secundante vento при попутном ветре.

признак перманентности нездорового его состояния, от *болезненный, про которого часто спрашивают* в отношении отсутствия в нем огня во время рождения, с другой. И тогда то, что он *пациентор*, определяет именно такое его положение, уточняя в сторону физической слабости, т.е. *информатива*, с дополнительным расширением данного признака к представлению об угасании, подавляемости в *опрессиве*. Такой ребенок, как и любой, впрочем, не только болезненный, человек, без огня и ослабленной или подавленной в нем витальной силы, слабый, хворый, постоянно недомогающий, и есть, с точки зрения характеризуемой концептуальной системы, в парадигматическом отношении для нее, *пациентор опрессивного* (в основе своей) *информатива*, страдающий, страждущий в силу подавленности, пригашенности в нем витальной силы-огня.

Тот же ребенок, болезненный и постоянно хворающий, но как младенец, родившийся без огня, под которым (огнем) имелось в виду то, что при его появлении на свет не засветили перед иконой лампадки, не произвели, иными словами, в соответствующий момент, для такого ребенка существенный и критический, необходимых ритуальных действий, – будет определяться не столько в сторону перечисленных ослаблений, что было бы следствием, сколько в сторону, поскольку на этом акцент и в этом причина, недостачи, нехватки, отсутствия для него поддерживающего апеллятивного обеспечения. Подобного рода субъект, ребенок лишь иллюстрирует данное положение, исходно оказывается обойденным, не наделенным тем, что от высших сил могло бы при необходимых действиях быть. И предстает как лишенный поддержки в силу отсутствия высшего над ним покровительства, выступая при таком повороте не как пациентор, а как *претеритор* (тот, кого миновало, обошло что-то важное, кому по этой причине было недодано, не дано) *супрематив-фатива*^{*}.

Те же, кто про такого ребенка как о младенце без огня часто спрашивают, могли бы определяться, в парадигматическом, обобщающем, отношении, как заинтересованно-соучаствующее в своих представителях окружение. Все те, кто, живя, находясь и присутствуя в жизни кого-либо как субъекта, им подобного, их часть составляющего, представляющего для них объект наблюдения, характеризующих выводов, определяющих о нем представлений и обобщений. Как община, его включающая, это был бы в своей совокупности, *цивилизат-куративный обсерватор* (или *обсервативный куратор*, в зависимости от акцента – на наблюдении или воспитывающем, опекающем в своей основе, слежении).

^{*} Лат. *sūprēmus, a, um* [superl. к *superus*] ‘высший, высочайший, всевышний’; ‘верхний’: *supremi montes* вершины гор; *fāveo, fāvi, fautum, ēre* ‘благоприятствовать, благоволить, покровительствовать, содействовать, поддерживать, быть благосклонным, спопечествовать’: *fauentibus diis* с помощью богов; *ventis fauentibus* с попутными ветрами.

Далее действуют в представленном ранее перечне все те, кто так или иначе, в зависимости от этапа и трудности, помогают при родах. Не обращаясь к цели производимых действий, заключающихся в зажигании перед иконой лампадки, чтобы ребенок потом не хворал, занавешивании окон при трудных родах от сглаза, отпирании во всем доме всего, опоясывании роженицы поясом священника, зажигании венчальной свечи при тяжелых и трудных родах, – все это в обобщении можно интерпретировать как предотвращающую поддержку, облегчающее вспоможение, имеющие направленностью обеспечение беатификатива и избегание малефикатива не для себя, а для кого-то другого. Субъекты, действующие подобным образом, проявляют себя активно, выступая в роли агентов сопровождающего комитета-адьютивного куратива, с последующим, в зависимости от вида производимого вспоможения, уточнением возможных значений. К этой же группе следует отнести и девушек всей семьи, особенно тех, которые помогают роженице, расплетающих волосы для облегчения родов.

Те, кто при рождении ребенка производят разговоры и шум, могут восприниматься, при обобщающем отвлечении, как создающие, вызывающие, присутствующим своим поведением, препятствия и помехи. Это мешающее их присутствие, ведущее к искажению благоприятного вида и формы происходящего, может определяться в признаках ассистирующего обститутивного детриментива*, а сами они, соответственно, в этом ключе как детрименторы.

Ребенок, который по этой причине будет несчастным, определялся бы как подверженный искажению, препятствующему, обститутивному, деформативу, или страдающий вследствие этого инфортунатор (разновидность пациентора).

Те, кто может сглазить роженицу, выступая как вольные либо невольные (что также не исключено) побудители порчи, действуют, соответственно, как импульсаторы корруптива.

Старший в семье мужчина, который просит священника отпереть в церкви царские врата, равно как и сам священник, оба важны не с точки зрения предполагаемых к осуществлению действий, подобных тем, которые были описаны как вспоможение, важны они именно, первый, как старший мужчина в семье, и второй, как священник, т.е. по своему статусу и положению. От этих статуса и положения зависит, и ими в то же самое время и обусловливается, то, что дается как цель – помочь роженице разрешиться от бремени. То же будет относиться и к поясу для священника. Статус и положение, о которых речь, предполагают для первого стар-

* Лат. **dētrīmentum, i n** [detēro] ‘убыль, ущерб, убыток, потеря’; ‘уменьшение’; ‘несчастье, поражение’; **dētēro, trīvi, trītum, ēre** ‘стирать’: vestis usu detrita поношенное платье; ‘ослаблять, понижать’; ‘уменьшать, умалять’; ‘ухудшать, портить’.

шинство мужского в каком-то общинно-семейном круге, маскулинный его принципат (без дальнейшего уточнения значений) и священство, *sacrum personae*, для второго.

Новорожденный, для которого должны открыться врата материнской утробы, фигурирует как переживающий переходное для себя состояние – пациентор экзистенционального трансгрессива. Пациентор в силу того, что переход этот потенциально опасен и может закончиться не обязательно благополучно.

Повитуха, которую к роженице ведут тайком, задворками, чтобы никто не увидел, важна в данном случае не столько как повитуха, сколько как та, которая может стать медиатором переносимого с нею вреда, отсюда необходимость ее укрывания, как объекта обращенного от лишних глаз обсерватив-аверсатива, предполагающего вынесение за пределы визуального наблюдения для других. Выступая как та, которую не положено видеть никому постороннему, она фигурирует в роли объекта латентного диссимилитива.

Те, кто ведут повитуху к роженице тайком, задворками, чтобы никто не увидел, соответственно, действуют как агенты обсервативного аверсатива и укрывающие латент-диссимиляторы.

Те, кто, если увидят, как к роженице ведут повитуху, и поэтому станут причиной того, что роды будут трудные, в этой роли своей выступают, подобно охарактеризованным ранее, вольным либо невольным, потенциальным, поскольку *если увидят*, побудителям порчи, т.е. как импульсаторы корруптива.

Как показывает характерный для разбираемого этапа материал, что, впрочем, будет находить свое отражение в повериях и приметах в целом, то, что касается проанализированных субъектов, представляет их в двух основных отношениях, подразделяемых далее на свои составляющие. Первую часть составляют те, кто предполагается как включенный более или менее непосредственным образом в происходящее либо мыслится как таковой. Вторую, соответственно, те, кто, не будучи непосредственно подключен либо желаясь, чтобы таким подключенным не был, способны влиять, в соответствии с представлениями, на происходящее, как правило, не на пользу, если не прямо, намеренно или нет, во вред и искажение.

Эти первые, в свою очередь, разделяются на проживающих (либо с мыслию о проживании) то или иное экзистенциональное состояние и тех, кто, его на себе не испытывая, сопровождает в различных его смыслах и положениях. Проживающие либо те, кого это ожидает и кому предстоит, предполагают подразделение в отношении переживания, испытывания на себе в тот или иной определенный момент без изменения в его результате своего экзистенционального состояния – переживающие, или пациенторы. И в отношении, также предполагающем переживание

и прохождение какого-то сенсуально означенного пути, но предполагающее изменение, смену, пермутацию, экзистенционального своего состояния в его результате. К первым из этих соотносимых двух относилась бы на просмотренном материале роженица. Ко вторым – тот, кто рождается, появляясь на свет, новорожденный, ожидаемый ребенок.

Говоря о проживающих, т.е. равным образом для тех и других, важным видится уточнение понятия экзистенционального состояния, под которым исходно следует понимать не столько то, в чем человек находится и что его окружает, сколько то, что он при этом, переживая, испытывает. Применительно к изучаемому материалу переживаемые экзистенциональные состояния предполагают в какой-то период времени, с одной стороны, возможность сенситивного неблагополучия, потенциально грозящую жизни опасность, витальное ослабление и, в различной степени, недостаточную физическую способность. Либо то (и это с другой стороны), что меняет существенным образом жизненное положение на какое-то новое и принципиально иное. В эти периоды времени, согласно имеющимся представлениям, отраженным не только в повериях и приметах, человек оказывается открытым, подверженным причинению вреда, менее защищенным и в связи с этим требующим не только особого к себе отношения, но и предотвращающих, защищающих от возможной опасности предохранительных действий и средств, предполагающих вероятность участия со стороны своего, обычно ближайшего, окружения.

К состояниям подобного рода, для первой проекции, следует относить такие события, как болезни, тяжелые главным образом, умирание, роды для роженицы, участие в каких-то опасных мероприятиях, военных действиях, долгих и трудных выездах, вылазках, попадание в плен и т.п. Вторая проекция, соответственно, предполагает, прежде всего, рождение с появлением на свет, с противоположностью в выходе, оставлении этого света в смерти, а также нечто похожее на «переезд» в широко понимаемом экзистенциональном смысле, к чему относится заключение брака, в первую очередь, выход замуж, оставление места своего проживания с переходом к другому (строительство нового дома) либо потерей его в силу таких обстоятельств, как наводнение, пожар, разрушение в силу каких-то причин (землетрясение для российского ареала не будет типично), выселение либо, что, впрочем, материал поверий с приметами не отражает, но можно найти в текстах заговоров, тюремное заключение и далее, уже не по фольклорным текстам, но в существующих представлениях – каторга и острог, *мертвый дом*, по определению Достоевского, с дальнейшим, по выходе, поселением где-то в далекой Сибири.

Помимо тех, кто переживает, обычно страдая при этом, и тех, кто проживает определенный период как экзистенциональную смену, первую часть из двух выделенных составляют сопровождающие тех и других,

сопровождение которых может предполагать более или менее активное вспоможение либо пассивное, ассистирующее, присутствие, нахождение, но не просто при данном событии в данный момент, а с каким-то, в том числе и просто сочувствующим либо фиксирующим, но подключенным, участием. Первые были бы вспомогателями, вторые, соответственно, ассистирующими.

Ко вторым относились бы (из материала), на простом и наглядном в противопоставлении примере, *все девушки семьи*, в то время как к первым особенно те, которые помогают роженице. Те и другие как сопровождающие и участвующие, поскольку для облегчения родов как первые, так и вторые (но эти особенно), должны расплести свои волосы. К ассистирующим, поскольку присутствующим и участвующим, но не в положительном в данном случае отношении, следует относить и тех, кто во время рождения ребенка производит разговоры и шум, отчего тот будет несчастным. В связи с чем в ассистирующей группе следует выделять, с одной стороны, тех, кто своим соучаствующим присутствием представляет поддержку – сустенторов*. А с другой, напротив, намеренно или нет, вызывает помехи – импедиторов**.

Соответственно те, кто засвечивает лампадку перед иконой (*иначе ребенок будет постоянно хворать*), будут выступать вспомогателями не в отношении роженицы, а в отношении ребенка, в его переходе, его пермутации. Те, кто отпирает для облегчения тяжелых родов все замки, ящики, двери, ворота, зажигает венчальную свечу, будут вспомогателями для роженицы. Священник, когда отпирает в церкви царские врата, действует как вспомогатель и в отношении пациентора (рождающей), и в отношении пермутатора (новорожденного, чтобы тот появился на свет). Вспоможение при пермутации может предполагать и то, что делается в крайнем и последнем случае, во избежание смерти, когда роженицу опоясывают тем поясом, который употребляется священником при церковном облачении.

В группе сопровождающих, тяготеющих к вспомогателям, но проявляющих своим участием все же особый тип, следует выделить то, что производится мужем, для вызова потуг ложащимся у порога с внутренней стороны, а также старшим в семье мужчиной, который просит

* Лат. **sustento**, **āvi**, **ātum**, **āre** [*intens. к sustineo*] ‘поддерживать, подпирать’: *navis sustentatur* судно держится на поверхности; ‘подкреплять, оказывать поддержку’: *litteris sustentor et recreor* научные занятия меня поддерживают и подкрепляют; ‘поддерживать, оберегать’; ‘сохранять’.

** Лат. **impēdīto**, **—**, **—**, **āre** [*intens. к impedio*] ‘мешать, препятствовать’; **impēdīo**, **īvi** (*ii*), **ītum**, **īre** [*pes нога*] ‘спутывать, впутывать, запутывать’: *i. se in plagas* запутаться в сетях (попасться в сети); *i. causam* запутать дело; ‘мешать, препятствовать’; ‘делать не-проходимым, преграждать, загораживать’: *i. aliquem ab aliqua re* препятствовать кому-л. в чём-л. (удерживать кого-л. отчего-либо); ‘опутывать, обматывать’.

священника отпереть в церкви царские врата. Оба эти участника, своим подключением и приписанной ролью, содействуют, не действуя сами. Для достижения желаемого сама роженица переступает через лежащего мужа девять раз, а отпирает в церкви царские врата священник по просьбе старшего мужчины в семье. Роль того и другого поэтому может быть определена как посредничество, тем самым, оба они не собственно вспомогатели, а медиаторы.

К медиаторам будут относиться и те, кто ведет к роженице повитуху. Медиаторами по отношению к роженице через повитуху как вспомогателя. То же, что они должны это делать *тайком, задворками, чтобы никто не увидел*, предполагает другую их роль. Подобную той, которая определяет занавешивающих *при трудных родах окна, чтобы никто не сглазил роженицу*. Роль эта, заключающаяся в предотвращающем избегании, отведении нежелательного (абдукции^{*}), следует относить к разновидности не медиации, а вспоможения (ауксилиации^{**}), но особого типа и своей, соответственно, разновидности в нем.

Помимо проживающих то или иное экзистенциональное свое состояние, а также тех, кто, сопровождая этих переживающих, участвует в нем либо только присутствует, в материале рассмотренного этапа определила себя еще одна группа потенциальных субъектов. Тех, кто *про болезненного ребенка часто спрашивают* («Верно, у вас родился младенец без огня?»); тех, от кого при трудных родах занавешивают окна, потому что могут сглазить; тех, от кого нельзя одалживать венчальные свечи и, наконец, тех, от кого *Повитуху к роженице ведут тайком, задворками, чтобы не увидели*, потому что, *если увидят, то роды будут трудные*.

Объединяет их всех то, что по отношению к происходящему с кем-либо экзистенциальному процессу это в нем не участвующие посторонние, при его осуществлении не присутствующие, находящиеся вне форм, обстоятельств и условий его непосредственного протекания, – **экстэрнарные**. Далее они подразделяются на тех, кто, интересуясь, спрашивает (заинтересованные, кураторы); на тех, кто не интересуется, но может что-то дать, от кого можно что-то получить (используемые эксперты); на тех, кто может вольным либо невольным образом причинить либо способствовать неблагополучию, равно как и наоборот (влияющие, аффекторы). Среди этих последних, соответственно, можно выделить действующих положительно **белификаторов** и причиняющих вред, намеренно или не намеренно, **малефикаторов**.

* Лат. **abdūco, dūxi, dūctum, ēre** ‘отводить, уводить’; ‘отклонять, отвлекать’, ‘избавлять’; ‘отводить в сторону, отворачивать’.

** Лат. **auxīlior, ātus sum, āri depon.** ‘подавать помошь, помогать’; *pass.* ‘получать помошь, быть поддерживаемым’.

Общее впечатление от действующих и не действующих субъектов (характер их действия будет лежать за пределами схемы) выводилось бы, исходя из представленного на анализе материала этапа, следующим образом:

Проживающие экзистенциального состояния:

- те, кто переживает его без перехода к новому состоянию для себя;
- те, кто переживает его с переходом к новому состоянию.

Сопровождающие тех, кто переживает экзистенциальное состояние:

- как помогающие при нем;
- как споспешствующие;
- как посредники;
- как ассирирующие, или присутствующие;
- как поддерживающие своим присутствием;
- как мешающие, вызывающие помехи, возможно порчу и искажения.

Не участвующие в переживаемом состоянии посторонние:

- представители социально-заинтересованного окружения;
- те, от кого можно что-либо получить, к кому обращаются с чем-либо;
- те, кто способен намеренно либо не намеренно влиять;
- в положительном;
- в отрицательном отношении.

Как можно было заметить из описания (не будем давать его в приведенном перечне полностью, с тем чтобы не усложнять), в различных условиях возможны дальнейшие уточнения субъектов участия и не участия, отображающих то, что типично не только для родового круга, но и других поверьй-примет. В соотношении с выведенными и описанными ранее предметами, а также пространственными объектами, с подключением представителей животного мира, с учетом материала, не ограничивающего одним тематическим кругом, можно было бы получить достаточно ясное представление о виртуальном характере и механизмах того устройства, которое лежит в основе ментальной действительности примет и поверьй. От чего возможен прямой переход к представлениям, характерным для определяемой понятийно-предметной области, как не то, чтобы специфической, но для себя, скажем так, характерной, сферы сознания, регулируемой в своих проявлениях тем, что, с одной стороны, собой представляет отобранный и выделенный предметно-акциональный набор, а с другой, такой состав и набор в нем свойственной организации, который пронизан во всех своих составляющих особым образом определяемым отношением. Тем отношением, которое, будучи концептуально по своему существу и вместе с тем эмотивно заряжено, следует воспринимать как ориентирующую мировоззренческую позицию, за которой стоит и в которую входит мысль о том, чем является мир применительно к человеку, и при этом без обратного обращения к тому, чем является человек в этом мире.

Концептуологическая особенность круга поверий-примет заключается, что естественно и не случайно, поскольку следует из самой их специфики, в односторонне устроенном обращении к миру как к тому, что воздействует, способно воздействовать на человека в желательном либо нежелательном, что будет чаще, ключе. Отчего будет следовать и прямо следует необходимость такого участия в нем человека, такого обратного, а точнее оборачивающего, воздействия, которое предполагает возможность изменение негативного, если не в позитив, то его отведение илинейтрализацию. Из чего получается, что мир проживания и пребывания в нем требует постоянной настороженности, наблюдения, слежения, внимательности, с тем чтобы, вовремя и предписанным знанием способом реагируя, соответствующим образом себя проявив, повести. Тем самым, как следствие, это мир напряжено-заряженного подключения и участия, а не спокойного созерцания, стороннего наблюдения и беззаботного пребывания в нем.

Рождение как результат себя разрешившего состояния

О знаковых сопровождениях рождений (на двух примерах)

Роды, если заканчиваются более или менее благополучным появлением ребенка на свет, предполагают дальнейшим развитием поверия и приметы очередного круга, каковым выступает само рождение, а также все то, что его сопровождает и из этого далее следует. Прежде чем перейти к рассмотрению положений, связанных с появлением нового человека, с тем, что принято называть прибавлением в семье, и из этого следующих, организующих его будущее и его самого, предполагаемых либо прямо предписываемых манипуляций, в желательном либо предсказывающем, распознающем последствия, отношении, – обратимся к двум единицам, стоящим в своем обобщении несколько в стороне и содержащим в себе мотив типично приметного предсказания:

Если все девочки рождаются, то в этот год войны не будет.

Рождение двойни предзнаменует дому счастье.

При том, что обе приведенные единицы заряжены положительно, различают их как отнесенность к источнику, так и параметр предсказуемого времени. *Девочки*, которые *рождаются* и которых следует понимать с определением *всё*, а не *все*, есть явление, событийное по своему характеру, поскольку так происходит, так делается и человек не способен на это ни перед этим, ни тем более в осуществляемый момент повлиять. Родятся они, эти девочки, что обусловливается контекстом, не в одном каком-либо доме и не в одной семье, а в какой-то себя осознающей как целое пространственно-социальной общности, в какой-то деревне, по связанным между собой деревням. В свою очередь, *рождение двойни* будет иметь отношение, также в основе своей обобщающее, к данному *дому*, в котором это, также событие, произошло.

Появление девочек на протяжении какого-то наблюдаемого времени, воспринимаемого как целостность в происходящей последовательности, и это будет время интегративно-лимитативное, с одной стороны, ограниченное пределами, в которых оно себя представляет как целостность, и итеративное, как повторяющееся в происходящем в его отмечаемой последовательности, с другой, – подобное появление девочек, рождающихся у ряда представителей данной общности, воспринимаемого множественным (социохранотопно-континуумный мультиплекс), связывается с тем, что не просто *войны не будет*, а в *этот год*.

Некая ограниченная в своем составе и признаках событийность данного времени является знаком другой событийности, релевантной в своем временном пределе. Ограничена, скорее, в смысле определения для себя. Сколько должно быть таких родившихся девочек, не говорится не потому, что не важно, а потому что должно почувствоваться, стать воспринятым как повторяемый факт. И это ограничение, проявляясь в неопределенном-множественных параметрах времени, социума и числа, переходит на ограничение того, что предсказывается, также во времени, характеризуемом как *в этот год*. Предсказывается как событийность через отсутствие: *войны не будет*, а значит, будет покой и мир, и потому не имеется оснований представителям данного социума по этому поводу волноваться и переживать. Во всяком случае, *в этот год*.

Рождение двойни, которое предзнаменует дому счастье, также предполагая в своем источнике событийность, исходом, следствием определяет на этот раз не событийное по своему характеру состояние, а то, что, называясь *счастьем*, можно представить как длительное, временными рамками не ограниченное благополучие, беззаботное, не обремененное трудностями и неприятностями положение всей семьи. Определить это можно было бы, обозначив не как событийность, а как кондициальность, или то, что влияет и обуславливает состояние, позицию, какие-то положения, переживания человека и т.п. в виде жизненных обстоятельств, которые могут быть как способствующими и позитивными, так и на-против, препятствующими, утрудняющими, мешающими, искажающими и деструктивными.

Тем самым, рождение детей одного какого-то пола, в разбираемом случае девочек (о мальчиках не говорится), как событие, отмечаемое в наблюдаемом периоде времени, касающееся представителей определенного социального круга, воспринимаемого как некая целостность, становится знаком другого события, прямого и непосредственного отношения к данному социальному кругу уже не имеющего, но ограниченного периодом времени *в этот год*.

В связи со сказанным имеет смысл обратить внимание на еще одну, представляющуюся важной, особенность. Что может стоять за тем, что

рождаются девочки и войны в этот год не будет, – рождение ли девочек вызывает подобное положение или наоборот, то, что войны в этот год не будет, побуждает к рождению девочек? Видимо, исходя из того, что предполагается понимать как причину и следствие, скорее, будет это второе. Не побуждаемое предполагаемой войной спокойное состояние способствует появлению представительниц женского пола на свет (опуская при этом, но и не опуская стандартное различие воинственности, характеризуемой мужское начало, и стремления к миру, типичного для начала женского). Силы, стоящие за регулирующим воздействием на появление детей, в том числе и с учетом полового различия, что отмечалось ранее, в повериях и приметах круга зачатия, то ли чувствуют, то ли действуют таким образом, что при отсутствии ожидаемой войны способствуют появлению девочек.

Данная вербально выраженная единица, равно как и приведенная следом вторая, будучи тем, что допустимо воспринимать как примету, содержащую в себе соответствующий знак, следует определять как **знако-предвещаящую**. С той особенностью, которая предполагает не одноразовое, как с рождением двойни, событие, а многократное, повторяющееся и континуальное. Из чего получается представление о том, что не один знак, а череда друг за другом следующих, уподобляемых, событийных по своему характеру, знаков приобретает свой объясняющий смысл, становясь и, тем самым, воспринимаясь как целостный и единый знак.

Модель, которая за этим стоит и данное положение отражает, следует относить к группе **инвенциональных**^{*}, – событие в его повторяющей кратности предвещает событие, точнее событийное состояние, определяемое пределом времени: $I(n+1) > I(\text{Stat}) < T$.

Модель для двойни, также будучи инвенциональной, кратности не предполагает, обозначая также не ограниченное по времени **кондициональное экзистенциальное положение**, обусловленную в каком-либо отношении экзистенциальность: $I > \text{Cond}(Exist)$.

Остается выяснить еще один важный в парадигматическом смысле вопрос. Что представляют собой стоящие за тем и другим семантические единицы, т.е. такие концептуальные по своему характеру объединения, которые, будучи целостны, передают, отражают, содержат в себе то, что свойственно для сознания носителей данной ментальности, предполагая их ценностную ориентированность в том, что их окружает, определяя для них позицию, место, роли и пр. в их экзистенции. Иными словами, их существование и функционирование в соответствующим образом воспринимаемой действительности. Рассуждая последовательно, то, что всё

* Лат. **invēnīo, vēni, ventum, īre** ‘находить’; ‘натыкаться’: i. aliquem domī застать кого-л. дома; ‘добывать, обретать, получать’.

рождаются девочки, хорошо, потому что войны не будет, равно как и следует радоваться рождению двойни в доме, несущей счастье, – однако что из этого будет следовать и что за этим будет стоять?

Подойдем к поставленному вопросу для начала чисто арифметически. ‘Некая одинаковость может в себе содержать не случайное указание на что-то важное и определяющее’. И это было бы первой и более общей по своему значению семантической единице, стоящей за тем и другим. ‘Пол родившегося человека имеет большое значение для представителей данного рода и социума’. Данное представление касалось бы первой из единиц, в то время как вторая характеризовалась бы тем, что ‘сразу двое родившихся у супружеской пары в данной семье – явление не слишком частое’.

Из чего будут следовать далее определяющие характеристики в отношении первого: ‘рождение девочки, как правило, менее желательно по целому ряду причин’ (что отмечалось на этапах зачатия и беременности), но, если вокруг и у многих рождаются только девочки, то это явление следует, соотнося с обобщающей семантической единице, иначе интерпретируя, воспринимать, переводя его в область, затрагивающую всю социально-пространственную в отношении к определенному времени совокупность.

Получается ‘важно то, что случается, происходит, себя повторяя у многих вокруг’. И это была бы еще одна семантическая единица, которая, накладываясь на то, что действительно происходит, предполагает в соединении с представлением о том, что ‘девочки не воинственны, воинственны мальчики’, дает результатом указанное предсказание: коль скоро рождаются девочки, войны не следует ожидать.

В результате подходим к выводу о том, что сказанное в разбираемой примете не есть семантическая единица сама по себе, оно представляет объединение нескольких семантических единиц (говоря обо всем этом чисто логически, из чего будет следовать парадигматика разбираемого строя). Тех единиц, которые были в показанном перечислении обозначены. Такое, необходимо добавить, их объединение, из которого получается следствие: войны не будет, потому что рождаются девочки, не у одного, а у многих, а девочки, в отличие от мальчиков, не воинственны. В этом ряду то, что войны не будет, и то, что рождаются девочки, не у одного, а у многих, – события, связываемые в своей интерпретирующей их характеристике выведенными семантическими единицами, которые для сознания, исходно, существуют в виртуальной системе вне этих событий и до них, составляя организованные наборы имеющихся в данном сознании представлений.

Соответственно, вторая примета, с двойней, помимо имеющегося представления о близнецах (не входя в его мифологическую основу³¹) как о том, что может быть трудно, поскольку сразу двое, а не один, со-

держит в себе вместе с тем идею удвоения, парности, из которой следует представление о прочности как достаточности и полноте: пара рук, левая и правая, пара глаз, ушей, супружеская пара, стоять на обеих ногах, ум хорошо, а два лучше, две головы не одна и т.п. А потому, если двое, и сразу, то хорошо, а не плохо, потому как целое, равновесное, полное и достаточное. В связи с чем также прибыль, поскольку удвоенное прибавление и *счастье*, как оделяемая, придаваемая, ниспосылаемая дому *часть*, его укрепляемая *участь*, *участием* сверху и снизу, слева и справа, с обеих сторон.

Манипулятивные действия в отношении будущего

Перейдем, однако, к дальнейшему рассмотрению, этапа, уже не предшествующего появлению человека на свет, а его непосредственно отображающему. Предопределяющее значение в отношении характера, предпочтений, умений, способностей, а также и видов на будущее, как показывает материал из источника, имеет отрезаемая во время рождения пуповина. Три представляемых единицы касаются именно этого. Первые две предполагают дифференцирующее и вместе с тем регулирующее, в ролевом, социально принятом, отношении, мужского и женского представителя. Третья, уже без предполагаемого различия полов, соотносит производимые действия с предопределением будущего. При этом, если первые две в своих действиях и результатах характеризуются принимающей роды (каковой является повитуха), то для третьей возможное следствие, откладываясь по времени, будет зависеть от самого рожденного. Выглядит все это следующим образом:

Пуповину мальчика повитуха обыкновенно отрезает или на дубовой плахе, чтобы он был крепок, или на подложенным топорище, чтобы впоследствии хорошо владел топором, или на книге, чтобы был грамотным.

Пуповину девочке отрезают на ольховой плахе или на каких-либо предметах, связанных с женскими работами, чтобы впоследствии девочка была «охоча до них».

Пуповину ребенка заматывают нитками и сохраняют в таком виде до 7–8-летнего возраста ребенка; когда ребенок достигнет указанного возраста, то ему дают распутать нитки, присохшие к пуповине: если он распутает нитки, то будет счастлив, в противном случае его ожидает несчастье.

Не случайным видится отмечавшее себя и ранее, следующее из традиции, несимметричное положение ребенка мужского пола по отношению к ребенку пола женского. Следует это из самого представления, по внешнему виду оформляемого вербально, а по существу в характерном не безразличном отличии. Если в первом случае, *Пуповину мальчика повитуха обыкновенно отрезает*, четко отображает себя субъектность производителя действия (*повитуха*), равно как посессивность самой пуповины, которая мальчику принадлежит, на что указывает родительный падеж при соответствующем слове – *Пуповину мальчика*, то во втором то же действие выглядит по-другому. Субъектность неопределенна, передаваясь при соответствующем глаголе 3-м лицом множественного числа и принадлежность заменена адресатностью дательного падежа – *Пуповину девочке отрезают*.

В первом случае имеется также подчеркивающее обычай *обыкновенно*, отсутствующее в своем безразличии во втором, при дифференцирующем выраженнем, также направленном, выборе с прорисованно обозначенной целью, передаваемых посредством вводящего или – или на дубовой плахе, чтобы он был крепок, или на подложенном топорище, чтобы впоследствии хорошо владел топором, или на книге, чтобы был грамотным. Получается, что каким и кем будет, к чему будет пригоден и в чем проявят свои способности мальчик, имеет значение. В отношении девочки ничего этого нет – на ольховой плахе или на каких-либо предметах, без особого указания, на каких, с общим заключающим выводом – чтобы впоследствии девочка была «охота до них», без какой-либо дифференциации.

Роль мужского начала, тем самым, должна быть исходно в своей направленности определена, важно, кем родившийся будет и кто из него потом вырастет, что можно объяснять охватывающим, обращенным к внешнему, обеспечивающим и предохраняющим его положением в отношении своего, семейного и родового. Женская роль не дифференцирована не потому, что менее значима, а потому, что, будучи внутренней, ориентируемой к центру, обращенной в своем к своему, не представляется ясной и определенной в своем различии.

Опустим себя обнаружившее и не случайное противопоставление дуба ольхе³² при плахе, немаловажное, но уводящее в сторону, обратившись к тем признакам, которые для первого случая прямо и непосредственно обозначены. Не только не безразлично, каким будет в будущем мальчик, но, как получается, может быть он либо крепким, либо станет владеть хорошо топором, либо окажется грамотным, но не всем этим одновременно. Крепость не предполагает орудующего, скажем так, если шире, умения (при владении топором), равно как то и другое грамотности.

Себя проявившие в этом случае признаки, касающиеся физических свойств, умелости и владения грамотой, различаемые по трем основаниям в смысле витальности, способностей и интеллекта, признаки эти, как

получается, а) приписываются изначально мужскому; б) подвергаются регуляции, вследствие чего в) заказываясь, родительским и социальным участием, могут свидетельствовать либо о предпочтениях родового-семейного, либо о восполнением таким образом недостаче. Из чего будет следовать регулятивно-преферентивная и вместе с тем компенсаторная функция (неважно, сознательно или интуитивно) – мужского родившегося по отношению к своему родовому. Позиция, которую следует определить как существенную для родового мужского начала в эзистенциональном его проявлении.

Привязанность родившейся девочки, а точнее, если исходно, ее ролевое привязывание к предметам (не случайно *предметам*) и женским работам, определяясь и регулируясь тем, что обозначено на словах положением *чтобы впоследствии девочка была «охоча до них»*, представляет иную картину. Будучи позицией предметно себя выражающих и с предметами связанных женских работ, не различаясь, как это было обусловлено рождением мальчика, в параметральном и следующем из этого функциональном своем проявлении, положение нового женского с его появлением и приходом на свет можно представить как себя продолжающее пополнение, прибавление к тому, что имеется. Еще одна женская, по своему характеру и направлению, работная сила, которую, с тем, чтобы она к этим работам не только пригодна, но и охотна была, необходимо лишь соответствующим образом при рождении девочки зарядить и направить.

Подчеркнутая не случайно «охочесть» важна при этом для женского, для мужского чего-то такого не предполагается. И это еще одно представляемое немаловажным отличие. Мужское есть и должно быть прочно, стабильно, статично и неподвижно, в том, что его ту или иную черту, по исходному выбору, составляет, в крепости ли, в умениях и способностях, в знаниях ли, предполагающих грамотность. Женское, не будучи таковым, как начало подвижное, нестабильное и в своих проявлениях непостоянное, должно быть направлено и организовано в нем самом изнутри. С тем, чтобы то, что будет им по необходимости делаться, следовало, не отклоняясь, из него самого, сопровождаясь его *охочестью*, будучи мотивировано собственным выбором и желанием.

В этой охочести кроется еще один важный, в том числе и по отношению к мужскому, смысл, себя проявляющий в последующих повериях и приметах, впрочем, не только в них. Женское, по отношению к своему, в первую очередь, мужскому проявляет себя как побуждающее, провоцирующее и инициирующее, подталкивающее и, в каких-то случаях, также энергетизирующее, сообщающее движение и понуждающее, нередко не осознаваемым образом, свое мужское что-либо осуществить. И это было бы еще одним различием, функциональным в основе своей, одного от другого при вероятном для них обоих взаимодействии.

Вопрос, который может возникнуть до того, как получится вывести соответствующую приведенным единицам модель (или ей соответствующие модели, если окажется не одна), определив также их, единиц, семантику, заключается в представлении о пуповине. Известно значение, переносное (говоря о соответствующем слове), определяющее неразрывную, но при этом желаемую обрыванием, связь кого-то либо чего-то с чем-то, что является его поддерживающим, обеспечивающим жизненное благополучие, силы, способности и т.п. источником. *Пуповина* в этом значении отмечает обусловленную зависимость и несамостоятельность, волевую, деятельностную и экзистенциальную несамоустроенность.

В разбираемом случае не об этом речь. Пуповина здесь выступает не тем, что связывается с состоянием плода, с родившей, а также и вместе с тем с рождением, появлением на свет. В приводимых примерах это предмет, а точнее позиция, проецирующие отношение к будущему. Однако не в смысле связи с ним, а в смысле того, что обеспечивает, предполагая, перенесение, профилирование, скажем так, желаемое и направляемое в необходимое русло, обусловливающее и формирующее в отношении будущего требуемый и закладываемый поток. Но не всего, чего только угодно, а только того, что можно реализовать в единении с чем-то другим – дубовой, ольховой плахой, топорищем, книгой, какими-то женскими по своей природе предметами. Обеспечивая этот поток, в одном каком-либо выбранном проявлении, пуповина способна это производить в направлении, определяемом данным предметом и в сочетании с ним.

Если представить все это как движение и поток, то сами эти движение и поток формируются пуповиной либо обеспечиваются ею, в то время как их значение, чем они выступают, к чему ведут, зависят уже от предмета. Получается, что, при таком своем развороте, пуповина может быть определена как ‘предварительно обусловливаемый выбираемым предметом квалитативный по отношению к субъекту (рожденному) трансгрессив’, реализуясь в этом своем значении через посредство действия того, кто как агент над ней его совершает (повитуха либо кто-то другой):

$$\text{PrimConst}(\text{ObjElect}) > \text{Ag}(\text{Abrupt}) > \text{Transgress}(\text{QualSubj})$$

В этой трансгрессии, способности, сохраняя, передавать, заключается еще одна ее функция, идентифицирующая и вместе с тем устанавливающая. С предопределением кондиционально определяемого экзистенциального будущего, в предметном соединении (с нитками) и на сей раз. Об этом третья из приведенных ранее единиц.

Действие, производимое над пуповиной в этом последнем случае, предполагает нечто большее, чем то, что требуется при рождении по причине чисто физиологической, поскольку ее не только перед тем отре-

зают, но и далее сохраняют, заматывая нитками до 7-8-летнего возраста ребенка. И это будет, с одной стороны, такое оперативно-манипулятивное действие, которое предполагает отодвигание, откладывание во времени, *сохранение* (на 7-8 лет) для определения того, что ею то ли передается, то ли с ее помощью верифицируется. С другой своей стороны, это действие, которое также имеет в виду то, что выражено словами *заматывают нитками*.

Чтó, собственно, это заматывание может обозначать, если впоследствии ребенку *дают распутать нитки, присохшие к пуповине?* Из чего далее следует, *будет ли он счастлив или его ожидает несчастье*. Случайно ли это несоотношение, поскольку *его ожидает несчастье* можно и одноразово, не постоянно и длительно воспринимать?

Нитками вяжется пуповина, сама по себе по внешнему и не только по внешнему виду способная пониматься как толстая нить, которая связывает в утробе плод с материнским телом, его питающим, и которая, как получается, связывает рожденного человека с его будущим (на примере двух предыдущих поверьй), с назначением и судьбой в смысле счастья либо несчастья. Характер используемых предметов, при этом участвующих, для первых двух единиц и этой последней принципиально различен.

Наглядно это можно себе представлять таким образом, что, если при отрезании с установлением желаемых качеств рожденному, точнее их ему придаванием, осуществляется это при помощи производимого над пуповиной действия *на* предмете (дубовой, ольховой плахе, топорище, книге и пр.), от которого качество передается, переходя сначала на пуповину, а затем не рожденного через нее, – то при заматывании нитками происходит нечто совсем иное. Заматываемая таким образом пуповина преобразуется в своего рода «пакет», «похоронку», в которой содержится нечто, что даст себя в будущем в том либо ином и противоположном своем отношении разрешить. Собственно говоря, то, что над ней производится, имеет характером ее обездвиживание с запиранием, замыканием в ней на 7–8 лет того, что себя разрешает в последующем.

Нитки, которыми пуповину заматывают, не играют такой же роли, какую играют плаха, топорище, книга и пр., они в себе ничего не содержат для разрешаемого будущего. Вместе с тем роль их двойственна – обездвижить, замкнуть пуповину в том, что она способна в себе содержать, и затем, *когда ребенок достигнет указанного возраста*, при им распутывании их, к пуповине присохших, не случайно *присохших*, применительно к смыслу происходящего, дать возможность, по внешнему виду установить, а по существу разрешить, его положение в отношении счастья либо несчастья.

И тогда *если он распутает нитки*, то, с одной стороны, и опять-таки внешне, проявит свои умения и способности, и поэтому будет счастлив,

в то время как внутренне, а может, и по существу, через распутывание *присошедшего* нитками к пуповине, выпустит это присошедшее, развязет, раскроет и из пуповины своей устранит. Счастье, тем самым, себя обретает, реализуясь, в освобождении пуповины, в освобождении ее и того, что в ней, от сдерживающего, замотанно-связывающего и к ней присошедшего (на 7–8 лет), в избавлении в ней от него. Развязыванием пуповины, тем самым, осуществляется выпускание, высвобождение того, что сдерживало, связанным нитками, счастье-судьбу.

В то же самое время и при этом с другой стороны, *в противном случае*, т.е. если он не распутает нитки и *его ожидает несчастье*, – о чем это свидетельствует и о чем говорит? О том ли, что он не способен, не проявив соответствующих умений и не показав себя должным образом как владеющий «нитями пуповины» своей жизни-судьбы? Или не только об этом? Можно предположить, ничто не мешает этому, что присошедшие к пуповине нитки присохли так (опять крайне важно всё то же *присохшее*), что они не даются распутать. Подобное действие оказывается не реализуемым. Ничто не мешает также предположить допустимость одновременно того и другого, – ребенок и не способен, поскольку не слишком умел, и к тому же нитки присохли так, что их ему не удается распутать. В любом из этих случаев, в первую очередь, следует говорить о получившемся результате, о том, что *его ожидает несчастье*.

Если задуматься над этим последним, выраженным такими словами, интерпретировать данное положение, как уже отмечалось, можно в двух отношениях. Как несчастье в смысле отсутствия счастья, в противоположность мысли о *будет счастлив*, не будет счастлив, говоря по-другому. Тем самым, с опорой на соотносимый контекст. Вместе с тем, если видеть сказанное как выраженное именно так не случайно, и, возможно, что это было бы более достоверным, во всяком случае нечто подобное не исключено, характеризующее определение *его ожидает несчастье* предполагало бы то, что в какое-то предполагаемое, поскольку *ожидаемое*, время с ним что-то весьма неприятное произойдет. То, что вписывается в представление о *несчастье*. Произойдет не только и не столько по его неумелости в распутывании нитей у пуповины своей судьбы, а потому, что эти нити присохли и распустить себя, высвободив счастье своей пуповины, уже не дают. То, что нитки присохли, само по себе несчастье, однако при этом, с одной стороны, и как знак. С другой же, и на сей раз это не знак, несчастье, которое ожидает ребенка, нитки к его пуповине, иссушив, присушило, ибо несчастье сушит, лишает жизненной силы и влаги. Несчастье прежде всего сухота, иссушение и сушь.

То, о чем говорится в разбираемом поверию с нитками и пуповиной, содержит в себе представление о двух взаимосвязанных, обратно направленных и во времени разведенных действиях, смысл которых, как уже говори-

лось, состоит в проверке, с одной стороны, и установлении, определении, дефинитиве, с другой. Пуповину заматывают и сохраняют для того, чтобы дать ребенку потом распутать нитки, с тем, чтобы установить (а в случае удачи также, возможно, придать, сообщить), что его в будущем ожидает.

Данная единица, тем самым, имеет акционально-идентифицирующий, характер. Намеренно осуществляется нечто, нечто определенное делается, что имеет целью не достижение желаемого, как это обычно свойственно представляемым в повериях действиям, а определение, распознание в отношении будущего, но только в двух возможных проекциях – как экзистенционального беатификатива либо как событийного, что скорее всего, малефикатива по отношению к субъекту.

То, что именно делается и что в результате этого ожидается как позитив либо негатив, будет иметь отношение к семантической единице, которая за этим стоит. Передать ее можно в такой уточняемой последовательности: ‘чтобы узнать, что ожидает кого-то в будущем, следует что-то сделать, что будет на это указывать и что можно будет, соответствующим образом интерпретировав, прочитать’ (обычные для магических операций разрешения, которые могут иметь как производимую в данный момент, так и отодвинутую по времени разновидность) $>$ ‘чтобы узнать, что ожидает ребенка в будущем, следует (при его рождении) что-то сделать, что будет на это указывать либо, приписывая, предполагать’ (под это определение подходят все три приведенные единицы с возможным к ним добавлением каких-то других) $>$ ‘чтобы узнать, будет ли счастлив ребенок (как появившийся на свет человек) либо его ожидает несчастье, необходимо еще при рождении замотать его пуповину нитками и, отложив ее в таком виде на 7–8 лет, дать ему после распутать, если распутает, будет счастлив, в противном случае его ожидает несчастье’.

Из чего получалось бы, что не только нитки и пуповина важны для такого определения, но и сам момент появления человека на свет, его рождение. Здесь и сейчас, при этом событии, следует рекомендуемое сделать, чтобы потом, через 7–8 лет, узнать. Момент рождения, следовательно, актуален и в дефинитивном, определяющем отношении, предполагающем в будущем счастье либо несчастье того, кто рожден.

В основе первого и второго из трех приведенных случаев лежит модель акционально-предметного адресатного получения знания: $Ag(ActObj) > Cogn(Subj)$. Некий агент, производя какие-то действия над каким-то предметом, узнает что-либо для субъекта как адресата получаемого знания.

В свою очередь, третье (с нитками) представляет собой определяемую единицу, в которой не столько важно, кто именно как агент, производит действие, который поэтому может и не указываться, сколько, над чем, с помощью чего, в какой подразумеваемый период времени, на какой

срок отодвигаемого откладывания и что именно будет производиться субъектом через этот отложенный срок над отложенным в соответствующем виде предметом. В результате чего, в зависимости от удачности либо неудачности действия, им производимого, и будет получено знание в отношении касающегося субъекта (экзистенциального) позитива либо (событийного) негатива.

$$Ag(ActObj^l+Obj^2)T^l > Conserv(Obj^l+Obj^2)T^2 > S(ActObj^l+Obj^2)T^2 > \\ Beat/Mal(S)$$

Подставляя в этой общей формуле (для определяемой семантической единицы) значения из разбираемого примера, получаем то, что в нем нашло свое отражение: *Ag* – те, кто заматывают пуповину нитками, а потом ее сохраняют 7–8 лет, с тем, чтобы дать распутать ребенку; *Act* – заматывание пуповины нитками; *Obj^l* – пуповина; *Obj²* – нитки; *T^l* – момент рождения и отделения родившегося от его пуповины; *Conserv* – сохранение (пуповины с нитками); *T²* – 7–8 лет; *S(ActObj^l+Obj²)T²* – ребенок, распутывающий пуповину от ниток по достижении им 7–8 лет; *Beat/Mal(S)* – беатификатив либо малефикатив (счастье либо несчастье) для ребенка в зависимости от достигнутого им результата.

Тем самым, как в отношении модели, так и стоящих далее за ней семантических единиц, исходя из парадигматики и отталкиваясь от нее, следует говорить о наличии постоянных и переменных в том и другом. Постоянные представляют обобщенные и типичные знания, касающиеся чего-то подобного и при этом разного и не одного. Переменные, подставляясь в места постоянных, дают отражение, воплощение общего и типичного знания в чем-то проявленном и конкретном, в том, что можно увидеть в передаваемых вербально формах анализируемых единиц.

О рожденных в «сорочке» и «шапочке»

Очередная группа поверий с приметами, относясь к тому же моменту рождения, что и рассмотренные перед тем с пуповиной, будет предлагать означения, затрагивающие внешне проявленные особенности его появления на свет, – в чем он родился, в так называемой сорочке или в шапочке³³. Общеизвестное выражение, ставшее фразеологическим, обозначая особый характер сопровождающей появление на свет отмеченности со стороны невидимого потустороннего, находит свое отражение в таких единицах источника:

Если ребенок родился «в сорочке», то счастье и всяческие благополучия не покидают его всю жизнь; счастье и благополучие также простираются и на всю его семью, даже если «сорочка» не сохранится, но лучше ее сохранять.

Ребенок, родившийся «в сорочке», будет счастливым. Но, чтобы счастье не отвернулось от него, необходимо ту «сорочку» беречь, нося ее на кресте (натальном) вместе с пуповиной.

Если ребенок рождается «в шапочке», то это также предвещает различные благополучия ему, но только в том случае, если эту «шапочку» снять и положить под пах новорожденному, где она скоро и срастется с телом его.

Сорочка и шапочка, с одной стороны, выступают знаками ожидаемого в будущем благополучия, с другой, такой непосредственной связи с родившимся, которая воспринимается как своеобразная его часть, но при этом такая, которую лучше либо иметь при себе, либо где-то хранить, т.е. часть отделяемая и в известном смысле самостоятельная, не такая, каковыми являются части тела. Определяя характер подобного рода стоящей за сорочкой и шапочкой принадлежности «своему» человеку, скорее, следует говорить о ней в терминах отнесенности.

Важным при этом видится следующий ряд обстоятельств. Если, согласно первой единице из приведенных, *счастье и всяческие благополучия не покидают его всю жизнь, и вместе с тем переходят на всю его семью, даже если «сорочка» не сохранится, но лучше ее сохранять*, то вторая по внешнему виду противоречит данному положению. Предписывается *ту «сорочку» беречь, нося ее на кресте (натальном) вместе с пуповиной.*

Итак, в первом случае то, что определяется как сорочка, выступает как неизменный знак неотступного благополучия на протяжении всей жизни родившегося. Как знак и как форма такого счастливого в своей неизбывности существования, и для него самого, и для всех его близких. Неотступность данного положения связывается, но не непременно, с ее сохранением. То, что облекает полностью либо частично тело родившегося при его появлении на свет, «облекает», фактически, благостно все его вместе с близкими существование, выступая, опять же фактически, оболочкой, облекающей формой распределяющейся над ними счастливого состояния и всяческого добра.

Не воспринимая данное положение как принадлежность, телу рожденного это не принадлежит и его части не составляет, то, что обозначено было как отнесенность, можно интерпретировать как физическим образом себя обнаруживающее проявление благорасположения со стороны управляющих миром и людскими существованиями сил, не входя в уточнение их видового характера. Тем самым, с одной стороны, в сорочке, а также и в шапочке, можно усматривать их невидимое присутствие, а точнее, с ними связующий и к ним направляющий «след». А с другой, этот

«след», имея характер протянутого во времени и представителях осенения (на всю жизнь родившегося и на всю его семью), допускает возможность несохранения, т.е. не требует физического выражения раз установленной связи и соотношения для себя. Вместе с тем говорить о контакте с высшим потусторонним в данном случае не приходится, воспринимая полученное через сорочку и шапочку для человека как дар, как отмеченность и получение. Так случилось по каким-то не определенным причинам, что при рождении человек получил, благополучие и счастье на всю свою жизнь для себя и своих близких, ему это было дано, в сорочке и шапочке лишь себя обнаружив. Поэтому хорошо, но при этом не обязательно ее сохранять.

Вместе с этим, касаясь того представления, которое отражает себя во фразе *даже если «сорочка» не сохранится, но лучше ее сохранять*, стоит задуматься над тем, что значит в данном случае *лучше*. По внешнему виду это можно воспринимать как ‘вернее’, ‘надежнее’, ‘неотвратимее’. Сохранение гарантирует то, что – и вот тут возникает вопрос, – то, что она в себе содержит, с собой передает, несет? Ибо, если она только знак, то, как знак себя проявив однажды и при рождении обозначив, привязанности в дальнейшем к своему содержанию при себе не требовала. Эта привязанность тогда не была бы необходимой, а в определенном смысле была бы даже излишней.

Получается, это не просто знак и не только знак, а материализуемое выражение связи с тем, что передаваемое ею благополучие родившемуся дало. Связь существует также и без сохранения своего материального выражения, но сохранение *лучше*, поскольку может рассматриваться как напоминание, имеющее обойдный характер, от человека к тому, кто дает, и от него к человеку. Не присутствие, которого нет в сохраняемой сорочке, а как то, что, согласно традиционным действиям и представлениям, уподобить можно завязыванию для памяти узелков.

Чтобы помнить, не обязательно обращение к ним, память возможна без них. То, что они собой представляют и о чем должны напоминать, известно только тому, кто их для себя завязал, никому другому без объяснения, т.е. «памятность», заключенная в них, имеет индивидуальный характер. И при этом она, эта «памятность» существует вне их, в голове и сознании завязавшего, с обращенностью, что необходимо добавить, на то, что следует помнить, что, являясь объектом напоминания, опять же вне их.

Узелок, получается, есть не что иное, как материальное означение концептуального, по своему характеру, мостика, связи между объектом памяти и ее субъектом, который (мостик) существует и без него. Предположим, однако, если не сохранится такой узелок, что возможно тогда? Не исключено, что связь субъекта с объектом памяти, не нарушившись, продолжая существовать, может не получить своего выражения, не будет реализована в необходимое время, и, следовательно, не актуализирует себя.

Такой же характер «напоминающей», меморативной, связи себя обнаруживает и в определяемой сорочке, в связи с чем, относя ее как предмет к группе ассоциативов, подобно венчальной свече, поясу священника, лампадке перед иконой, ее позицию в этой группе следует видеть отличной от них. Обращение к этим предметам во время родов, предполагая установление связи с высшим потусторонним на данный, требующий поддержки с его стороны, момент, для сорочки и шапочки будет не ревантно. То и другое хранится (если хранится), шапочка также особым образом, через срастание с телом родившегося, не предполагая подобного обращения к высшему. Как «похоронка», подобная пуповине, но только в этой связи. И тогда это будет ассоциатив, поскольку связывающий одно и другое через посредство, но ассоциатив, предполагающий не актуализируемую связь в какой-то, критический скажем, момент, но связь неизменную и постоянную, в данном предмете себя проявляющую как ее форма, а не существо.

Это был бы ассоциатив не такой, к которому прибегают как к традиционному, предоставляющему возможность актуализируемых обращения и связи (с высшим либо чем-то другим). Это был бы ассоциатив формативный, через наглядную материальную форму дающий возможность, увидев, понять, но не то, что он содержит в себе и собой передает (ассоциативы не характеризуются данной способностью), а то, знаком связи чего он себя представляет. По этой причине те ассоциативы, которые традиктивны, предполагать будут участвующее, подключающее, «зажигающее» к ним обращение. Те же, которые формативны, этого не только не требуют, но и не предполагают, выступая, являясь лишь формой обнаружения, а тем самым, и напоминания о чем-то *таком*, о том, что за ними стоит, но ими не передается и их содержания не составляет.

Прежде чем обратиться к определению моделей и тех семантических, концептуальных по своему характеру, единиц, которые стоят за представленным в разбираемых повериях и в них себя проявляют, небезразличным видится установление того, что, скрываясь за внешне не содержащими в себе ничего дополнительного глаголами, может, при более пристальном взгляде на них, что-то не то, чтобы случайное, приоткрыть. В первом приведенном поверию, *Если ребенок родился «в сорочке», то счастье и всяческие благополучия не покидают его всю жизнь; счастье и благополучие также прощираются и на всю его семью*. Во втором – чтобы *счастье не отвернулось от него, необходимо ту «сорочку» беречь*. В третьем, с шапочкой, которую надо *снять и положить под пах новорожденному, где она скоро и срастется с телом его*.

Можно, конечно же, первые два случая интерпретировать в отношении привычной метафоризации, ничего, кроме образности, в сказанном не усмотрев. Но можно все это понимать и в ином отношении, как характерную

для мифологического и не только мифологического восприятия персонификацию, пусть и стертую, для счастья (и всяческих благополучий), которые *не покидают* всю жизнь и чтобы счастье *не отвернулось*. То, что счастье и благополучие также *простираются* на всю семью, равно как и *беречь* при сорочке, не говоря уже о *срастется*, будут представлять собой нечто иное.

В отношении персонификации, счастье, а точнее то, что, и еще более точно, кто его представляет, не покидание и не отворачивание предполагают присутствующее и неотступное сопровождение при субъекте с сорочкой некоей духовной силы, которая, не случайно во втором случае *простираясь*, бдит. Счастье может покинуть, оставив, уйдя от того, при ком оно, не счастье опять же, а тот или та, кто его, привнося, дает. И может также и отвернуться, если сорочку, не нося на себе, не сберечь.

Та духовная сила, которая себя проявляет своим постоянным присутствием в счастье и благополучии при родившемся, действует при посредстве сорочки (может, только в начале действует, оставаясь также потом). И она же, поскольку счастьем и благополучием, в отношении в том числе и всей семьи, *простирается*, ассоциируется, тем самым, с сорочкой, которая также, собственно говоря, «простирается» на родившемся, поскольку его облекает, имея вместе с тем, и это уже не ассоциирование, а прямое обозначение, способность, распростираясь, собой покрывать. Тем самым, это сила (трудно иначе как-то ее, обозначив, назвать), а точнее некое поле покрова, покрывающее благостным простирающимся «оболочением» собой своего подопечного, того и тех, над кем она простирается.

Говоря о *беречь* (нося на кресте) и *срастется* (с телом его), в этом первом себя обнаруживает необходимость не просто где-то и в чем-то хранить, а постоянно иметь при себе. Ср. выражение, не случайное в разбираемом контексте, *беречь как зеницу ока*, – с одной стороны, как важную часть, поскольку со зрением связанную, часть самого себя, а с другой, поскольку со зрением связанную, то позволяющую не только и не просто видеть, но обладать способностью связываемого, в том числе и с духовным видением, восприятия (глаза души, зеркало души, как отражение, выражение духовной сущности человека). *Беречь*, нося на кресте (вместе с пуповиной), тем самым, есть выражение скрытого смысла не только защиты от высшего, но и способности, следующей от себя, духовного проявления и с этим контакта, поддерживаемого дополнительно, как было раньше показано, связующей пуповиной.

В то же самое время шапочка, которая *предвещает различные благополучия* (не счастье, а потому, в первую очередь, благополучия материальные, пусть и связываемые с удачами и успехом), составляя на сей раз не столько духовную, сколько телесную часть человека, *срастется*, став не отделимой и интегральной поэтому формой его витального со-

стояния, отмеченной формой его бытия, от других его отличающей. Как бы в новом теле своем он теперь находился, более полном и прочном, понимая под телом не только физическое, но и экзистенциальное его для него положение.

Говоря о модели и поэтому отвлекаясь от составляющих приведенные случаи переменных, можно увидеть то, что, если кому-то что-то определенное придается, приходит к нему, нисходит «сверху», в какой-то важный момент, то следует ожидать себе чего-то усиливающего, распространяющегося, к лучшему либо к худшему исходное либо возможное положение меняющего. Поскольку в примерах таким моментом было рождение, появление на свет, то, видимо, не просто важный момент, а такой (в уточнение, быть может, модели), который связывается с переходом, изменением экзистенциального состояния. Будь то рождение, заключение брака, неожиданное выздоровление после момента грозившего умирания, а с этим, возможно, и смерть. Распростиранение, о котором упоминалось, может касаться не только данного человека (субъекта), но и с ним близко связанных, в первую очередь, видимо, кровно, поскольку *на всю его семью*. И это была бы тогда разновидность определяемой модели.

Модель, о которой речь, имела бы отношение ко всем трем повериям с сорочкой и шапочкой, представляясь как $S(Transgr) < DonatObj(Supr) > Ampl(MutExist)$ – субъект в своем переходе (трансгрессиве), одариваемый чем-либо сверху (донатив-объект супратива), амплифицируется к экзистенциальному мутативу (усиливается, «распространяясь» и «расширяясь», в сторону затрагивающего его существование изменения).

Продвигаясь далее в уточнении, получаем определение важной для разбираемых представлений семантической единицы: ‘если что-то материально выраженное и необычное, себя объявив, сопровождает субъекта в момент экзистенциального его перехода, то это знак и форма чего-то, что будет иметь значение для него в последующем’. Уточняясь далее, данное положение получает реализуемый в качестве предписания вид, определяя модель не столько знания (которая за этим стоит), сколько модель, на сей раз, поведения: ‘если это что-то воспринимается (на основе знания и опыта) как содержащее в себе позитив, то его следует сохранять и беречь’ или, наоборот, ‘если оно несет негатив либо негативом заряжено, от него необходимо каким-либо (предписанным для данного случая) образом как можно скорее избавиться’. И, соответственно, на третьем шаге, в отношении сорочки и шапочки, получается то, что нашло свое выражение в трех приведенных примерах, с объяснениями и уточнениями всего того, о чем была перед этим речь.

О знаковой переходности состояния рожденного

Переходя к еще одной, связанной с моментом рождения, единице, но не предсказывающего счастье и благополучие в будущем, а предстрекающего и предписывающего в сторону накладываемого ограничения и запрета характера, необходимо задуматься, в первую очередь, что за этим может стоять:

В тот день, когда родится ребенок, нельзя подавать нищему, иначе будет несчастье.

О нищенке упоминалось ранее, при рассмотрении поверия, связанного с подаванием ей ребенка, находящегося при смерти, в окно, с целью проверки, жилец он или же не жилец. Если она примет его, помолится и посадит к избе, будет жив, так в том поверию говорилось.

Рассуждая последовательно и прибегая, отчасти, к известному в отношении нищих и нищенства³⁴ материалу, в том, что они собой представляют, что содержат в себе и несут, следует видеть близость к внешнему потустороннему, обращенному от живого и жизни к мертвому, смерти. О чем, впрочем, уже говорилось. Подавание нищему, определяемое словом *милостыня*, за которой стоит представление о том, что тот, кому ее подают, помолится за подавшего. И тогда *милость в милостыне* фактически есть не то, что, как принято полагать, представляет собой проявление человеческой жалости и сочувствия к ближнему в нищем, как ничего не имеющем, это милость, которой нищий, молясь, возможность дает снизойти на подавшего от того, к кому тот моление свое обращает. В этом можно и следует видеть взаимообмен: подавание нищему инициирует его проявление как посредника в просьбе, молении за подавшего, которому через милостыню для нищего *его милостыня* от представителя высших сил возвращается и как *их милостыня* к нему от них, тем самым, нисходит.

В этом всем важно еще одно обстоятельство. Нищий, в своем состоянии нищенства, как отсутствии, неимении, необладании, отношении к тому, что *ничь и ничто*, в экзистенциальном своем проявлении пограничен, обращен от живого к потустороннему, представитель, в известном смысле, мертвого (но при этом живого) в живом, живого, живущего мертвого в живом как живом (от тавтологии здесь не уйти). И тогда, как такое пограничное, маргинальное, естество, он противоречит в подобной сущности идее момента рождения. Не то, чтобы противоречит, но потенциально опасен, представляет угрозу для происходящего экзистенциального перехода, от небытия к бытию, от потустороннего к посюстороннему (но не от смерти к жизни, что следует подчеркнуть).

Представляет угрозу в том отношении, что, если ему в этот день подать, то с этой подачей, откroясь к потустороннему, придет через милостыню не милость во искупление, а то, что только на свет появившись, себя не оформив и не укрепив, будучи также открыто потустороннему, получит усиленный от потустороннего перевес.

Собственно говоря, речь бы шла в этом случае о нарушении равновесия между этим и тем, срединным, земным, и верхним, небесным, а также, возможно, нижним, в отношении которых нищий, в его не относящемся ни к чему из этого положении, поскольку *нищ*, занимает позицию уравновешиваемых весов (прибегая к метафорическому растолкованию), точнее того, что находится посередине, между их чашами, колеблясь то в ту, то в другую сторону.

Подаваемая ему милостыня, перевешивая чашу земного для него положения, с возвращением от обратного и порождает то, что выражено с помощью слов *иначе будет несчастье*. *Несчастье*, с *частью* в своем содержании, будет иметь в этом случае отношение к экзистенциальному, переходному для рожденного, состоянию, угрожая, тем самым и главным образом, его, а как следствие, не только его, здесь, в этом мире, существованию и существу. Несчастье, тем самым, для данного случая можно и следовало бы понимать как приходящее через «милостыню» состояние между жизнью и смертью, близкое к смерти, и, если не смерть, то болезнь на таком пограничье.

Стоящая за всем этим модель будет предполагать значением все тот же перед этим затронутый переход: в положении трансгрессива субъекта возможны агентами совершаемые действия, ведущие к малефикативному деструктиву – $S(Transgr) < Act(Ag) > Destr(Mal)$. Вид и характер этих предписываемых к избеганию действий определяется знаниями и опытом, о чем уже говорилось. Для разбираемого случая, если не знания как таковые, то не мотивируемых знаниями, но опирающийся на предположения и предчувствия запрет в отношении нищих и нищенства, с ассоциируемым восприятием их в связи с несчастьями, слабостью, незащищенностью, бедами, горестями, а также папертью, молениями за души умерших, за грехи, с кладбищами и, вследствие всего этого, смертью. Что составляло бы в таком своем сочетании неизбежно не светлую сторону человеческой жизни и бытия, не согласуясь по этим причинам с моментом рождения.

Все это, вместе с тем, не следует, интерпретируя указанным образом, воспринимать как подмену традиционного представления с приближением к современному, но как дополняющее, а точнее налагающееся на представление о пограничности нищего состояния ощущение и внутреннее чутье, усложняющее в известном смысле первоначально исходное.

Момент рождения оказывается важным и определяющим в еще одном отношении, нашедшим свое отражение в такой единице:

Если христианская бабка, принимая иноверное дитя, по привычке перекрестит его после омовения, то ребенок, когда вырастет, непременно будет христианином.

Невольное по виду действие со стороны повитухи (христианской бабки) по отношению к родившемуся, но, как отмечено, не в любой момент, а после омовения, соотносимый, тем самым, с обрядом крещения, предполагающим погружение в купель, становится, но не знаком, а, как получается, средством, инициирующим некий внутренне происходящий в рожденном процесс, который себя обнаруживает в последующей реализации: *ребенок, когда вырастет, непременно будет христианином.*

Можно бы поставить остающийся без ответа вопрос, касается ли подобное положение случаев с не христианскими бабками, с вероятным для ребенка принятием другого какого-то исповедования? Без ответа, поскольку трудно представить себе ситуацию, с учетом российских условий, чтобы нечто подобное было реально и к тому же в повериях было отражено. Вопрос поэтому важный лишь в том отношении, которое дает возможность увидеть, что именно за этим стоит. То ли что речь идет таким дополнительным образом также и о распространении христианства на нехристианские меньшинства, и тогда подкрепляемый идеологически. То ли что дело все в том, что в какой-то определенный момент, обусловленный общим процессуальным и темпоральным движением рождения с появлением человека на свет, в производимом и имитируемом, внешне подобном действии можно увидеть соотношение с чем-то другим, касающимся рожденного и определяющим его сущностный вид и характер. Не исключая первого, возможно, тем самым, усиливающего, скорее, с точки зрения позиции времени и того, что в повериях следует видеть и им приписать, проявлять себя будет указанное второе.

Из чего получается (возвращаясь к тому, что было отмечено), что определенным образом действующий, но не случайный, а имеющий не-посредственное отношение к происходящему и его оформляющий своим соответствующим участием агент, в разбираемом случае бабка, обладает способностью в столь же определенный момент, существенный, важный и обозначенный, производя, опять-таки не случайное, а определенное, действие соотносимого и имитирующего характера, стимулировать через подобие нечто, что в последующем, возможно при этом, что отдалено (*когда вырастет*), с тем, над кем это производилось, произойдет. Не исключая при этом, что по его собственной воле, инициативе и как собственное, им самим осуществляемое, действие. Иными словами, закладываемый в таком своем проявлении код, незаметный и неизвестный для того, над кем нечто подобное было когда-то произведено, себя впоследствии обнаружит,

подействует, дав о себе таким образом знать. Как-то так еще можно было бы все это объяснить, не то, чтобы с другой стороны, а по-иному.

То, что было описано, представляет собой модель, соотносимую с рядом возможных подобных случаев: $Ag(Educt^*)T^l > Act^l(S) > S(Act^{2/l})T^2$. В ее основе лежит представление о том, что некое осуществляющее действие порождает другое действие (*действие > действие*), с разновидностью, предполагающей а) различие производящего и того, над кем оно производится, как агента и, соответственно, как субъекта, выступающего в роли объекта; б) расхождение во времени, возможно при этом значительное; в) субъектную смену – выступавший в роли объекта становится, может стать, агентом производимого действия; г) вероятную уподобленность, сходство первоначального действия и действия, производимого в будущем.

Такую модель и, тем самым, соотносимую с ней, передающую единицу, обнаруживающую себя вербально в поверии, следует относить к разряду *акционально-(ре)продуцирующих*, т.е. таких, в которых некое действие, имеющее агента, побуждает процесс, приводящий к (ре)производству, воспроизведению, чего-то другого, также предполагающего при реализации, в чем-то, возможно, уподобляемое первому действие.

В отличие от поверия с бабкой следующая единица будет собой представлять модель определяющего, *заково-девинитивного*, типа:

Если у матери молока много, то дитя будет живо.

В данном случае не говорится о том (что можно было бы исходя из имеющихся жизненных представлений предполагать), что ребенок будет крепким, здоровым, с его кормлением не будет проблем. Говорится о том, что *дитя будет живо*. Опуская немаловажную для российской деревни в прошлом повседневность с высокой смертностью новорожденных, посмотрим на это с позиции разбираемого моделирования. Имеется нечто, что служит объясняющим подтверждением и свидетельством чего-то другого. Применительно к тому, о чем речь, поскольку в данном случае это поверие, а не просто обычное житейское знание (не исключаемое, но для поверий в целом не релевантное), показателем выживания младенца выступает не то, что раз у матери молока много, то и дитя проживет, поскольку будет накормлено, а наоборот. Обилие материнского молока становится таким показателем.

Иными словами, первоначально возникшая где-то и в чем-то (невидимо потустороннем, не будем задумываться над источником, тем более,

* Лат. **II** *ēdūco, duxi, ductum, ēre* ‘выводить’; ‘привлекать, вызывать’; ‘выступить, двинуться’; ‘отводить’; ‘извлекать’; ‘вынимать’; ‘выстраивать, развёртывать’; ‘воздвигать’; ‘возводить’.

что поверие этого не предполагает) позиция жизненности рожденного, того, что он выживет и не умрет, реализует, себя обнаруживая, поскольку побуждая и вызывая, то, что у его *матери молока много*. В итоге, как следствие, это ее состояние в отношении количества молока есть не что иное, как знак где-то и в чем-то себя совершившего кого-то или чего-то скрытого, реализующего себя в положении, при котором *дитя будет живо*. Знак, позволяющий данное положение как состоявшееся в отношении будущего определить.

В разбираемом случае не действие, а состояние, наблюдаемое и обнаруживаемое условие бытования чего-то или кого-то, следует воспринимать как знак экзистенционального положения чего-то или кого-то другого, собственно говоря уже предрешенного и состоявшегося (*состояние¹ < положение²*): $Cond(Obj^1) < Stat(Exist)Obj^2$.

Проекция к полу того, кто появится следом (на одном примере)

Подобным образом знаково-деконитивной будет модель (как разновидность предшествующей), лежащая в основе следующей приметы и себя в ней проявившая:

Если у новорожденной девочки большие волос на темечке, то следующее за ней дитя обязательно будет мальчиком.

Важным, как не раз было отмечено, является в соответствии с представлениями, находящими свое отражение в повериях и приметах, важным является то, чтобы, по крайней мере, после девочки в семье появился мальчик, его появление хотелось и следовало бы ожидать. Отсюда намерение и соответствующая актуализация, как осуществления определенных действий для достижения данного результата (рассматривавшийся в самом начале работы пример с отцовской рубашкой, в которую мать заворачивает новорожденную, отправляясь в церковь ее крестить), так и высматривания, обнаружения соответствующих знаков-примет. Это первое, на что следует обратить внимание.

Вторым, соответственно, будет сам наблюдаемый, высматриваемый побуждаемой интенцией знак – *у новорожденной девочки большие волос на темечке*. Можно бы было добавить, *должно быть* большие волос на темечке, *хорошо, чтобы было* большие волос.

Вопрос, который в данной связи возникает, может предполагать чисто физическое и отчасти также и субъективное положение. Что значит *большие волос на темечке* и когда их будет на темечке больше? По сравнению с чем, если ребенок чаще рождается без волос, а если они имеются, то,

что довольно редко, покрывают всю голову либо, что чаще, находятся в ее тыльной части? Из чего получается, что явление это довольно редкое и к тому же не вполне объективное, интерпретируемое как желательно представляемое, с субъективной модальностью оптатива. Вместе с тем, как бы там ни было, это знак, определяющий, с одной стороны, имеющееся в отношении будущего для родителей и семьи положение, а с другой своей стороны, направляющий, что также немаловажно, родительские намерение, ориентированность и подготовленность, подкрепляя имеющееся в них желание, к тому, чтобы *следующее за ней дитя* было *мальчиком*. Отчасти, что не случайно и важно с точки зрения представлений, за повериями стоящих и их формирующих, интенционально-ориентирующая направленность в отношении своих носителей составляет их характеризующую концептуальную доминанту, что также необходимо при определении свойственной им парадигматики, учитывать.

Несколько субъективно, но не без оснований, наличие большего количества волос, с одной стороны, и того, с другой, что на темечке, можно было бы интерпретировать в отношении ожидаемого следующим мальчика, прибегая к восприятию мужского как волосатого, с большим обилием, по сравнению с женским, волос (опуская существенные при этом подробности и физиологические, в том числе также, детали) и темечка как верхней части у головы, в которой располагается не окостеневший у новорожденных, открытый так называемый родничок. То и другое, открытость в некоторой, но значительной, части и отношение к верхнему, внутренне может предполагать возможность «прочитывания» по основанию волосатости того, что последует в своей наступающей смене. Раз появилась, родившись, девочка, но на своем темечке с большим числом волос, то это признак того, что следующей не будет девочка, волосатость темечка предполагает своеобразную форму-след (и отсюда *следующее за ней дитя*, данное слово, видимо, не случайно) мужского физиологически выражаемого генеративного состояния.

Модель, представленная для предыдущей приметы, с молоком у матери (приметы, поскольку содержит видимо наблюдаемый знак), определившая себя в отношении состояния одного применительно к экзистенциальному положению с ним связанного другого, в разбираемом случае, как ее разновидность, если в левой части также будет иметь состояние одного, то для правой не об экзистенциальном положении другого, с ним также отчасти связанного, следует говорить, а о сменяющем по важному (и желаемому, можно бы было добавить) показателю, также по существу своему состоянию, имеющему, в отличие от первого, сущностно целостный вид. То, что у новорожденной девочки больше волос на темечке, есть наблюдаемое, но частичное и изменяющееся с течением времени состояние как предвещающий знак наступления состояния последующего, физиологически

себя выражающего, во времени не изменяемого и постоянного (*состояние¹* > *состояние²*): темпоральное состояние одного является знаком статального состояния чего-то другого, передаваясь в формуле: *CondTemp(Obj^j)* > *CondStat(Obj^j)*.

Время рождения как предсказание

Следующая довольно большая по количеству группа приметных поверий также касается дефинитивных установлений. На сей раз того, что ожидает рожденного в будущем или каким он в своих проявлениях и признаках станет. Предсказания определяются временем его появления на свет. Время становится предопределяющим и вместе с этим характеризующим знаком. Из чего получается, что та или иная характеристика родившегося для него изначальна, закладываясь, независимо ни от кого из живущих, но зависимо от того или тех, которые регулируют для него его положение.

Подразделение по времени в единицах источника предполагает позицию в отношении суток, в отношении сезонных периодов года, в отношении фазы месяца (только одной, начальной), такой же начальной для первого дня солнечного календаря и одного церковного праздника (Спаса).

То, что касается суток, себя отразило в двух положениях – а) между полночью и полднем и б) ночью. Если под ночью понимать период от захода солнца до восхода, то вторая половина дня, как получается, не обозначена. К данному рассуждению следовало бы добавить то, что не случайно, видимо, не говорится об утре, рассвете, дне как таковом и вечере. Имеется время между полночью и полднем и ночь:

Если ребенок родился в промежуток между полночью и полднем, то он быстро начнет ходить, говорить и вообще будет «задачлив» в течение всей своей жизни.

Если ребенок родился ночью, то, состарившись, ночью и умрет.

Времена года, при том, что выглядят более дифференцированно, внешне подразделяются на три значимых периода, при которых лето объединено с весной, а зима и осень, хотя и даются отдельно, передают нечто близкое:

Если ребенок родился летом или весной, то это сулит ему веселую жизнь, если зимой – холодность к людям, если осенью – суровый нрав.

Применительно к фазам месяца отмечается новолуние и начальное, первое, число каждого месяца, для солнечного календаря:

Если ребенок родился в новолуние, то будет живуч и долголетен.

Если ребенок родился первого числа (любого месяца), то он будет долго жить.

И, наконец, последнее – Спас:

Если ребенок родился на Спаса, то будет религиозен и будет иметь наклонность к монашеству, хождению по святым местам, храмам Божиим.

Можно предположить, что выбранные и представленные в источнике единицы не имеют исчерпывающего характера. В народной традиции, возможно, имеются, не лежащие на поверхности, представления и для других временных периодов, уточняющих смысл и характер родившегося в тех или иных отношениях. Однако, поскольку не в исчерпывающей полноте состояла поставленная задача, что было бы трудно аналитическим образом охватить, а в представлении возможных подходов к системно-парадигматическому описанию того, что имеется как очевидное и не требует дополнительных разысканий, материал (что уже отмечалось) изначально был ограничен одним источником, в котором, с одной стороны, интересовавшие нас единицы подобраны и сгруппированы в тематическом отношении, наглядном и обозримом для описания, а с другой, представляя собой собрание достаточного, с точки зрения репрезентативности, числа единиц из целого ряда источников и собраний, дают возможность увидеть, в первую очередь, то, что представляется более или менее явным, распространенным и вместе с этим определяющим.

В том же объясняющем и уточняющем смысл производимого в данной работе ключе следует понимать и отсутствие обращения к имеющим распространение вариантам вербально передаваемых единиц, что предполагает, во-первых, иную задачу, а во-вторых, хотя и вводило бы определенные, в том числе и концептуальные, уточнения, давая возможность взглянуть на предмет объемно и с разных сторон, не изменяя рассматриваемых и выводимых основ, значительно уводило бы в сторону.

Оттолкнувшись от сказанного и имея его в виду, допуская не то, чтобы неполноту, но, скорее, известную фрагментарность (что неизбежно) описываемого, посмотрим на представленный в отношении времени материал с позиции того, что он содержит в себе и что позволяет увидеть и вывести. Направляющая оговорка в данном случае представляется важной, поскольку то, что увидится и может быть выведено, следует воспринимать как возможное наряду также с чем-то другим, не названным и не обозначенным.

Обратим для начала внимание на то (учитывая указанную фрагментарность и неполноту), какие признаки у родившегося себя отмечают в связи со временем его появления на свет. Промежуток между полночью и полднем, определяя его «быстроту» и «задачливость», предполагает то, что можно считать умениями и способностями. В свою очередь, ночь в отношении его свойств не свидетельствует, отмечая лишь симметричность такого же времени умирания. Времена года дифференцируются. Лето с весной определяют в будущем особенности жизненного его положения (*сулит ему веселую жизнь*), зима и осень – личный характер и доминирующее, отстраненно-тяжелое, отношение к другим (*холодность к людям и суровый нрав*). Новолунье связано с тем, что можно определить как витальность, в живучести и долголетии, и то же касается первого числа (любого месяца). И, наконец, последнее, Спас касается духовно-религиозной его обращенности.

Признаки, как получается, разные и не соотносимые между собой.

Посмотрим на это с позиции существа. Важно ли и в каком отношении важно то, что *ребенок быстро начнет ходить и будет «задачлив» в течение всей своей жизни*, или *то, что, состарившись, ночью умрет*, равно как и будет иметь *веселую жизнь*, также как все остальное? Что узнается о нем присутствующими при его появлении на свет в каждом из этих случаев, тем более, что узнается что-то одно и не узнается чего-то другого? Можно ли считать это его предопределением, в каком отношении и в какой мере, если считать?

В этом ряду можно заметить еще одно, на первый взгляд не заметное, но не безразличное обстоятельство. Если то, что ребенок рождается между полночью и полднем, ночью, в новолунье, первого числа или на Спаса, можно воспринимать как не предвидимую случайность, то лето с весной, зима или осень уже таковыми не будут. Зная примерные сроки его появления на свет, подобное положение, скорее всего, известно заранее, а тогда и признаки, к этому относимые, неожиданности составить не могут.

Из подобного противопоставления – неожиданное случайное, объявляющее себя в данный момент, и предполагающееся, более или менее обусловленное заранее, – выявляется то, что за этим может стоять. Умения и способности, а также ночное время будущей смерти, витальность и обращенность к высшему даются ему при рождении, определяясь, точнее сопровождаясь, а еще более точно, показываясь и объявляясь, в зависимости от того, когда ему полагалось, прия на свет, появится. По выбору либо по знанию тех и того, кто время такого его прихода определяет.

Получается, что данные его признаки можно и следует представлять как такие, которые устанавливаются, но скрыто, себя объявляя лишь в данный момент. В то время как ожидающая его веселая жизнь, холодность к людям, а также суровый нрав, предполагаясь заранее, во-первых,

не будут скрытыми, а во-вторых, могут также предполагать не только действие определяющих сил (если и поучаствовавших в этом, то при зачатии), но и периодом времени предполагающиеся условия, себя проявляющие в виде, в том числе и жизненного, тепла, для лета с весной, зимнего холода или осенней угрюмости.

Данное обстоятельство позволяет поставить еще один концептуально немаловажный вопрос, несколько образно, но не без укрытого, в том числе и парадигмального, смысла. Весенне-летний по природе своей человек, а также зимний, осенний, как по природе, так и по характеру и, продолжая входить в то, что представлено, далее, — тот, что между полночью и полднем, т.е. первой суточной половины, и с этим ночной человек, новолуинный, начала месяца, его первого дня и затем Спаса, — что за всем этим стоит, как рожденного представляет? Связывается ли это только и исключительно с тем, что нашло свое отражение в выбранных единицах, или можно было бы шире и глубже взглянуть, увидев в указанном в них лишь поверхность, отдельные признаки, явное отражение чего-то более полного и основательного, но не объявляющего себя, по крайней мере вербально?

Подобного рода взгляд и подход, как следует заключить, не противоречит тому представлению, которое, имея приметный характер, полагается в явном и виденном по каким-то признакам, скрывающим более основательное за всем этим существо. Родившийся между полночью и полднем, равно как и перечисленные в приметах и не перечисленные, но возможные к своему проявлению другие временные периоды, объявляются в том, что можно, увидев, заметить (*быстро начнет ходить, говорить, будет «задачлив»* и пр.), но что на деле есть лишь отражение, точнее пропступание на поверхность, чего-то большего, того, чем и каким является по своему существу в такое свое ему определенное время родившийся человек. Возможно, и это было бы более вероятно, его та или иная исходно заряженность и обусловленность предопределется не временем появления на свет, а напротив, время его появления становится выбранным и предопределенным чем-то другим.

Собственно говоря, это был бы такой взгляд на родившегося человека, впрочем, не только на человека, который, при наличии в нем того, что принято определять как его душу, душевный, духовный склад, психологию, психику и пр., предполагает признаки внутреннего его естества, что это внутреннее в нем его естество имеет предопределляемый, закладываемый и, если не формируемый, то выбираемый чем-то или кем-то характер. Чем-то или кем-то как скрыто-невидимым. Родившийся, если ранее где-то и в чем-то существовал (не хотелось бы в данном случае давать представление о его возрождении и реинкарнации, поскольку не в этом дело и не об этом речь), то имел предварительно то, с чем приходит на этот

свет, приходит таким, каким есть. А если не так, то получает при своем предваряющем появление на свет оформлении то, каким он приходит.

Из всего этого следует (опуская мировоззренческую и материалом не подтверждаемую составляющую) важное следствие, сводимое в своем результате к тому, что все перечисленное в отношении того времени, когда кто родился, т.е. признаки характеристики для способностей, долголетия, ночи для умирания, веселости жизни и пр., можно рассматривать как даваемое остальным проявление более полного существа. То, что может быть выражено, будучи названо и обозначено.

Скажем, если «задачливость» в течение всей своей жизни, иными словами, способность умело и ловко себя находить в любой ситуации, быть быстрым, гибким, в любом сложном деле не теряющимся, можно интерпретировать как достаточно полную сущность данного человека, определяющую его психологию и характер, иными словами, его как такого, а не другого какого-то человека, в своей целостности, то что тогда, в том же идя направлении, может стоять, для примера, за положением, связанным с тем, что родившийся ночью, состарившись, ночью также умрет? За тем, что для такого «ночного» по своему существу человека ночь отмечает его начало и вместе с этим поэтому не случайный конец, отмечая фазы не просто значимого, а обнимающего, в себя включающего его существования, в первую очередь витально, экзистенциально и для него самого?

Чтобы ответить на этот вопрос, видимо, следовало бы погрузиться в скрытое за всем этим представление о ночи, с ее противоположением дню, но не только. В том ее проявлении, которое связано с человеческим существом. Не будем, однако, этого делать, в силу того, что это требует подкрепляемых разносторонними положениями определений, что не входило в задачу и уводило бы в сторону. Отметим лишь то, что упомянутая ночная фазовость ночью рожденного определяет не только жизненное его состояние, то, что связано с ночью, концептуально и тематически, что характеризует ее, скажем, лунное, а не солнечное в своей проективности обоснование и тяготение, – не только то, но и многое в нем другое, если не все. Такой «ночной» в своей жизненности как витальности человек обладает признаками и свойствами, следующими в нем из ‘ночи’, но не как времени суток, а как формы существования мира, его и в нем проявления и бытия.

Из чего получается, что это позиция экзистенциональная, квалифицирующая рожденного в парадигматическом, скажем так, смысле, по отношению ко всему иному и прочему, что будет, по общему с ним основанию, чем-то другим. Все остальное из перечисленного тогда можно и следует понимать аналогичным парадигматическим, как характеризующим и вписывающим в некое общее, образом. Будь то веселость жизни, холодность

к людям, суровый нрав, живучесть и долголетие, духовно-религиозная предрасположенность либо что-то другое.

В приведенных приметах, относимых ко времени (*Если ребенок родился тогда-то*), тем самым, можно усматривать проявление определенного кода, который дает себя обнаружить и прочитать. С точки зрения внешней формы даваемого знака – когда кто родился, в какое время, *между полночью и полднем, ночью, летом или весной, зимой, осенью* и т.п. И с точки зрения внутренней его формы – то, что дается как следствие: *быстро начнет ходить, говорить; состарившись, ночью и умрет*; будет иметь *веселую жизнь; будет живуч и долголетен*. Внешняя форма дает основание предполагать то, что себя объявляет в той форме, которая была названа внутренней³⁵ не случайно, ибо через чувствуемую мотивацию, не оформленную для осознания полностью, поскольку это с трудом поддается такой операции, внутренне ведет к основанию, хотя скорее, возможности, получить впечатление, ощутить (без концептуальных последствий, однако, и вывода), каков сей родившийся человек, что он собой представляет. Иными словами, то, что составляет скрытое за подаваемым знаком содержание, в его внешней и внутренней (как выводимой из внешней) форме.

Обращаясь теперь к представлению о модели, стоящей за приведенными единицами, с определением ее проективной семантики и представляя анализируемые единицы как *знаково-дефинитивные*, на основании видимого и наблюдаемого характеризующие, необходимо задуматься над вопросом, что означает для разбираемых случаев позиция времени появления человека на свет. Предыдущие, также *знаково-дефинитивные*, единицы, определялись в их отношении к одариванию, с сорочкой и шапочкой, статальному состоянию, с волосами на темечке у новорожденной, в отношении ожидаемого следом мальчика, экзистенциальному положению родившегося, который будет жить, поскольку у его матери молока много.

Время рождения предполагает что-то другое. Покажем различие на примере, дающем увидеть подобие к разбираемому. Скажем, если приходят гости и все они по сезону одеты по-летнему, а один из них почему-то в том, чего нет на других, предположим, что в теплой шапке или отороченной мехом блузке. Внешний вид этот как-то характеризует его, выделяя на фоне других. Тем ли, что лето ему представляется недостаточно теплым, и потому ему требуется дополнительно утепляющее «обеспечение». Тем ли, что он не может расстаться с любимым своим убором. Тем ли, что он себя лучше чувствует, будучи так утеплен. И так далее. Важно то, что его такой выделяющий при приходе вид соответствующим образом его же характеризует, не по выбору, приведенному в представлении, а в зависимости от того, что для него за этим стоит.

Другой пример, подобный не шапочке и сорочке и волосам на темечке, а тому, что у матери много молока. Снова приходят гости, все живут

как живут, зарабатывая сами себе на свое пропитание, а один из них ни работать, ни зарабатывать сам для себя не должен, поскольку родители у него настолько богаты и по отношению к нему так щедры, что работать не позволяют, всем его обеспечивают и содержат его. Будет ли это знаком его не только особого по отношению к другим экзистенциального положения, но и витального самочувствия, не говоря обо всем остальном? Трудно было бы сомневаться, что будет.

И, наконец, последний пример, приближающий к разбираемым в отношении времени. Гости пришли, кто днем, кто несколько ближе к вечеру, в разное, но при этом не отдаленное время от того, что было назначено. А один из них пришел ночью, когда все собравшиеся начали расходиться. Будет ли это его каким-то образом характеризовать? Если, что стоит добавить, это его черта постоянная, он всегда приходит во время, отличное от других. Понятно, что будет, и в каком-то, для данного человека, определяемом положении. Не важно при этом, как, важно то, что время прихода, отличающее его от прихода всех остальных, может интерпретироваться как знак его собственной характеристики. Знак того, каким он, на деле сам для себя, выступает и предстает, вне зависимости и связи, ни с другими людьми, приходящими в свое время, каждый в свое, но при этом не выделяющееся, ни, тем более, с проводимыми мероприятиями во времени их протекания.

Нечто подобное можно усматривать и в отношении разбираемых случаев. Время рождения, появления на свет, как темпоральное состояние для события, становится знаком приписываемых, предначертанных человеку свойств, которые, как было показано, могут быть свойствами его внутренней характеристики, его определенной, ориентированной, заряженности, проявляемой (и здесь себя обнаруживают варьирующиеся разновидности общей модели) в том, как он способен действовать и в жизни себя проявлять, в какое время суток ему умереть. Но при этом не только. Какую жизнь будет вести, как относиться к людям и что своим характером представлять. Долго ли будет жить и обратится ли духом к высшим, не материальным, ценностям.

И это была бы, как общая, модель, определяющаяся как ‘темпорально характеризуемое *состояние > свойства*’, которые далее могут себя обнаруживать, в зависимости от вида темпорально характеризуемого состояния, как свойства способностей (потенциальные), как свойства витальные, экзистенциальные, эмотивные, трансцендентные и др.: *CondTemp(STransgr) > Propr(S) / > Propr(SPot) / Propr(SVit) / Propr(SExist) / Propr(SEmot) / Propr(STranscend)*.

Касающиеся новорожденного предписания и их следствия

Последующие единицы, представляющие собой предписания, подобные предлагавшимся с пуповиной, дают представления о действиях с новорожденным или новорожденной, способных повлиять на то, какими они станут в будущем, должны по желанию производящего стать. Объявляют при этом себя предпочтения, имеющие отношение к сложившимся воображениям о различии полов. Каким должна быть, когда вырастет, девочка, с тем чтобы восприниматься желательным образом. Каким, также желательным, образом видится в будущем мальчик. В этом случае, как и в предыдущих, рассмотренных ранее, для женского пола выбор выходит не только меньшим, но и не определяющим его представительниц с активной какой-либо стороны:

Новорожденную надо купать в белом белье, чтобы она была бела и нежна.

В то время как девочка должна быть бела и нежна, тем самым, быть привлекательна, представляя собой воплощение того, что женственно, что воспринимается и приписывается как определяющее и важное для него, – белое, значит, светлое, чистое и независимое, свободное от удручающих, делающих темным и черным трудов, нежное означает слабое и вместе с тем не только заботливое, но и требующее внимания и тепла для себя, – мальчику полагается быть отважным. В первую очередь, в воинствующем, но также и в жизненном смысле. Он должен уметь бороться и достигать, не боясь участия не только в военных мероприятиях, но и неприятелей, недоброжелательства, а также возможных препятствий и трудностей. Не столько, может быть, не боясь, сколько обладая намерением и способностью дать отпор либо, что также не исключено, самому проявлять наступательную решимость и силу:

Чтобы мальчик был смелый, надо тотчас после рождения дать ему шагу в руку.

Не случайно и то, что обнаруживающее себя в этом противоположении отличие желаемого в отношении женского и в отношении мужского, проявляется себя в стимулирующем воздействии принципиально различным образом. Если новорожденную, чтобы она была бела и нежна, надо купать, т.е. производимое над нею действие не предполагает какого-либо участия с ее стороны, то смелость мальчика побуждается тем, что *надо тотчас после рождения дать ему шагу в руку*. Коль скоро дать, то

предполагается, что эту шпагу он будет в руке держать. И это уже с его стороны соучастие.

Не случайным, видимо, будет и то, что действия над новорожденной имеют неоднократный и повторяющийся, возможно также, и неизменно длительный, континуативный, характер. Надо купать не единожды, а какое-то время, скорее всего, всякий раз. Только в белом белье, получается, надо купать, ибо другое какое-то может воспрепятствовать осуществлению желаемого. В то время как кратность и постоянство производимого над новорожденной в отношении мальчика заменяется представлением о том, что *дать ему шпагу в руку надо тотчас после рождения. Тотчас, после рождения*, и, как из этого получается, один только раз.

Последовательно и постепенно приписываемая, создаваемая в процессе купания, формируемая свойственность быть белой и нежной для новорожденной, ее бело-нежного для себя и других бытия, контрастирует с одномоментностью производимого сразу же в отношении мальчика, не ожидая и не оттягивая, связываясь непременно и непосредственно с подчеркиваемым словом *тотчас* моментом рождения. Как только рождается, тут же, сразу же с его появлением на свет.

Быть белой и нежной, следовательно, относится к тем категориям, атрибутивным по смыслу и существу, которые не даются единым движением, импульсом или толчком, которые моментом не определяются, которые укладываются, приобретаясь во времени, при повторении, без пропуска и замен. Нельзя стать белой и нежной сразу и вдруг, это следствие продолжающихся, себя развивающих и неуклонных воздействий, при которых немаловажную, если не формирующую и создающую, роль играют купание и белье, которое должно быть поэтому белое.

То и другое предполагают вбирающее в себя и вместе с тем от себя отдающее облекание и погружение, белое от белья, передаваясь как такое свойство воде, обращается далее от нее через то же белье к купаемой новорожденной. Характер осуществляемого можно представить как нечто похожее на рисование или лепку, – последовательными и подобными, если не идентичными, по виду движениями, мазок за мазком, создается и лепится приступающий постепенно образ, становящийся более ясным и видимым всякий осуществляемый раз.

Производимые над субъектом, выступающим в роли объекта и адресата, действия с помощью используемых для этого предметных (белое белье) и вещественных (вода, в которой купают) средств, вода в этом случае также среда и стихия, как носитель придающих жизненность и проникающих свойств, определяют себя как кратно-континуальный форматив, а сами действия будут иметь продуцирующий, поскольку создающий и придающий, а не вызывающий и побуждающий, смысл и характер. Представленная таким образом единица должна быть описана

как акционально-продуцирующая и к этой группе себе подобных единиц отнесена.

Модель, которая за нею стоит, предполагая через производимые действия приобретение соответствующих свойств (*действия > свойства*), будет моделью акционально-атрибутивного достижения: $Act(Obj) > S > Attr(S)$. Действия (или действие, обобщенно, поскольку модель), осуществляемые с помощью определенных предметов, направленные на субъекта (возможно, в пользу, но и не обязательно в пользу, его), имеют следствием, как целью и как результатом, приобретение субъектом каких-либо свойств.

То, что действия эти могут или будут иметь повторяющийся, длительно-неизменный, т.е. итеративный, характер, необходимо рассматривать как уточнение исходной модели в какой-то ее разновидности. Но тогда и приобретаемые либо придаваемые свойства могут восприниматься и себя представлять в определенных случаях как длительно-постоянные и неотторжимые, статичные и стабильные, характеризующие достаточно очевидным и позиционным образом, т.е. таким, которое, составляя приобретенную как имеющуюся свойственную неизменность лица, определяют его отличающим на фоне других и при сравнении с ними видом и способом: $ActIter(Obj) > S > AttrStat(S)$.

Свойства эти, поскольку *статальные*, *Stat*, выступают одновременно и показателями его позиции, в том числе также и ролевой, по отношению к другим, и тем, что можно и следует воспринимать как его, витально-экзистенциальное, в существующем мире, и поэтому им проживаемое, также в себе, для себя, *положение*.

То, что представлено в рассматриваемом предписании в отношении новорожденной с ее купанием в белом белье, для семантической единицы, которая будет за этим стоять, получит вид, уточняемый для статального отражения модели. Выражено это может быть, исходя из того, что речь идет о единице сознания, таким приблизительным образом: ‘с тем чтобы родившееся дитя (уже не важно, что девочка) в будущем обладало какими-то желаемыми свойствами, необходимо неоднократно производить над ним определенные действия, с помощью определенных предметов и других вспомогательных средств, зная при этом, что и как надо делать’.

В широком смысле, если так это воспринимать, данная концептуальная единица, относясь не столько к моменту, сколько к фазе рождения человека, его прихода и появления на свет, будет иметь образующий, «лепящий», формирующий характер. Как по отношению к нему, так и к его ближайшему и не только ближайшему окружению. Родившийся может быть или таким, или каким-то другим, но имеются свойства, которые можно ему придавать.

Смотря же на все это не столь обобщенно и широко, но в контексте поверий-примет с учетом особенностей разбираемого предметного мира,

те свойства, о которых шла речь, будут иметь, с одной стороны, привязанный к данному миру, типичным для него предпочтениям и положениям, характер, а с другой, не случайно и значимо, определяться действиями не отвлеченными и неоднозначными в результате своем (как скажем, обучение с передачей умений и знаний), а конкретными и понятными – *купать в белом белье (чтобы она была бела и нежна), дать в руку шпагу (чтобы мальчик был смелый)* и пр.

Помимо того, что, как было указано, присвоение желаемых свойств для мальчика имеет не длительный, а одноразовый и относящийся непосредственно к моменту после рождения вид, *тотчас* после него, из чего будет следовать, что, пропустив сей момент, подобное действие осуществить не удастся, – помимо этого приданье мальчику смелости, ибо об этом в рассматриваемой единице речь, реализует себя не в «погружении» в среду, не через воду с белым бельем, а в «снаряжении». Давая ему в руку шпагу, тем самым, по смыслу, вооружают его, новорожденный приобретает вид воителя, держащего оружие. Так это выглядело бы с одной стороны. С другой, получаемая смелость передается также и через сам ему данный в руку предмет, через шпагу. Предмет этот выступает носителем, и н с е р т и в о м, содержащим в себе то, что требуется через посредство его передать, но не в любое время и не любому субъекту, а в соответственным образом допускающий это момент, так же как по отношению к соответствующему лицу – *тотчас* после рождения новорожденному мальчику, как в разбираемом случае. Должно быть, тем самым, существенное для предопределения свойства стечание всех составляющих обстоятельств, по времени, по событию, по предмету и по субъекту.

Стоящая за всем этим модель, предполагающая через производимые действия приобретение, точнее приданье, соответствующих свойств (*действия > свойства*), что может служить ее уточнением, а тем самым, и представлять разновидность, поскольку предполагает агента, производящего действия в пользу другого лица, – будет ранее выведенной моделью *акционально-атрибутивного достижения*. В агентной своей разновидности, касающейся также и предыдущего случая: $Ag > Act(Obj) > S > Attr(S)$ – агент, производящий определенные действия при посредстве определенных предметов в пользу (либо не в пользу, что также возможно) субъекта, придает ему в результате какие-то, также определенные, свойства.

То, что действия эти, точнее действие, поскольку одно, один раз, имеет не итеративный, т.е. себя повторяющий, а единичный характер, к тому же к моменту привязанный, равно как и признак (смелость), отличающий от позиционности и статальности нежности-белизны в отношении свойства внутренней, а не внешней характеристики, свойства, определяющего особенности поведения, не вида и положения на фоне других и в сравнении с ними, делает этот признак *проприативным*.

Модель, соответственно, в такой своей разновидности будет выглядеть, представляя собой $Ag > Act(Obj)T > S > AttrPropr(S)$ – агент производит определенное действие при посредстве определенных предметов в определенный также момент, предполагая направленность по отношению к субъекту (в пользу либо не в пользу его), и достигает, тем самым, приобретение субъектом, опять же определенного, проприативного свойства (либо свойств).

Такой же характер с проявлением той же модели будет иметь еще одна единица источника, относящаяся к фазе после рождения:

Новорожденному перед вторым купанием нужно дать в ручки книгу или лоскуток печатного листа и перо, чтобы ребенок впоследствии был грамотным и умным.

В данном случае пол ребенка специально не оговаривается, мужской род при слове *новорожденный* пола не предполагает. Вместе с тем, с учетом имеющихся в традиционном сознании представлений, быть грамотным и умным (об этом было и в случае с пуповиной, перерезаемой на книге) полагалось, скорее, мальчику. В отношении девочки трудно было бы что-то подобное вообразить. Впрочем, не это в данном случае важно. Важно, что так же, как и в предыдущем случае, производимое при посредстве, предполагающих на сей раз выбор, предметов действие имеет как одноразовый, так и отнесенный к моменту характер. И так же имеет в виду вручение, но не в одну руку, а в (обе) ручки.

Приобретаемое в результате свойство, ‘быть грамотным и умным’, в отличие от смелости, хотя и можно представить как проприативное, выступает следствием получаемого постепенно знания, вырабатываемого развития, работы, опыта, навыков и усвоения. Возможно, что не случайно реализует все это себя не *тотчас после рождения*, как предыдущим образом, а *перед вторым купанием*, не перед первым. Что-то должно закрепиться в ребенке, войти в него, оказаться и быть, не только после рождения, но и после купания, бывшего первым, с тем чтобы характеризующие его *впоследствии* грамотность и ум могли в нем найти свое воплощение.

Модель акционально-атрибутивного проприативного достижения будет также моделью агентной, как и в предшествующем случае, с привязанностью к моменту: $Ag > Act(Obj)T > S > AttrPropr(S)$, с тем же, что и перед этим показанным, описанием.

Единица сознания, концептуальная семантическая единица, за этим стоящая, может быть представлена следующим образом: ‘с тем чтобы новорожденный в будущем обладал желаемым свойством, предполагающим приобретение знания и/или умения, необходимо после рождения, в определенное время, с помощью соответствующих предметов его к этому приобщить’.

Единица для признака смелости не будет от данной существенным образом отличаться. Смелость, равно как и что-то другое подобное, если покажется, сообщается новорожденному точно таким же путем. С отличием, как было отмечено, в выборе времени, используемых предметов, равно как и вида проприативности, который можно представить как *аккумулятивный* для грамотности и ума, приобретаемый, складывающийся постепенно, вследствие откладывающегося, себя формирующего при этом, накапливания. И как *реактивный*, в отношении смелости, имея в виду как поступательную (и наступательную) активность субъекта, так и характер, особенности свойственного ему реагирования на какие-то стимулы, что составляет его поведение, определяя типичную для него, поведенческую, его доминанту. В отличие от доминанты умелости, сциентивности, аккумулятивных грамотности и ума.

Концептуальная семантическая единица, стоящая за тем и другим, совпадая во всех своих составляющих, будет предполагать варианность, что можно выразить, повторив приведенное, в виде следующего определения: ‘с тем чтобы новорожденный в будущем обладал желаемым свойством умения либо характера, необходимо после рождения, в определенное (для каждого вида свойства) время, с помощью соответствующих (для каждого вида) предметов к этому его приобщить’.

О знаковости новорожденного, заключаемой в нем самом

Еще одна единица, имеющая отношение к фазе после рождения, отличается от трех предыдущих. Это единица уже встречавшегося ранее *знаково-деконсертивного* типа, т.е. такая, в которой содержится представление о чем-либо как получаемое и выводимое знание на основе преподносимого либо распознаваемого указания. По внешним, себя проявляющим признакам приобретается характеризующее в отношении чего-либо или кого-либо положение, которое может быть связано с наблюдаемым, но может также свидетельствовать и о чем-то другом. Представляемая единица относится к первой такой разновидности, – в наблюдаемом объекте содержится выводимое по какому-то основанию знание о нем:

Если новорожденный ребенок зажимает кулак, то он будет скупой.

Получаемое знание относится к будущему. При том, что пол не указывается, имеющиеся в традиционном сознании представления признак ску-

пости, в силу характера существующих (существовавших?) хозяйственных отношений с доминацией в этой роли мужского, дают основания говорить о том, что *новорожденный ребенок* – мальчик. В отношении модели, а возможно, и семантической единицы, это может быть не существенно, а если существенно, то в каких-то случаях будет предполагать вариации и разновидности.

Прежде чем перейти к рассмотрению содержащихся в данном примере характеристик, имеет смысл обратить внимание на то, что признак ‘скупой’ подобен по своему проприативному и реактивному основанию признаку ‘смелый’. Это такая же, поступательно, но не наступательная, как в случае смелости, а скорее, защитно-оборонительная и уклоняющаяся, избегающая, характеристика. Смелый не боится и, может быть, ищет, а если не ищет, то не отклоняется и не уходит от столкновения с кем-либо или с чем-либо на своем пути. Скупой, напротив, старается, не подвергать себя испытаниям, крепко держится своего, не позволяет и не дает собой управлять в отношении того, что имеется и чем обладает, ограничивая себя по возможности в чем бы то ни было, реагируя на просьбы и покушения на его достаток и собственность со стороны других неприязнью, твердостью, избеганием, в крайних случаях агрессивностью.

Характеризуя данную единицу далее, имеет смысл задуматься над тем, что означает объявляемый вид новорожденного, заключающийся в зажимании им кулака. Происходит это, как следует предполагать, в какие-то моменты, хотя, может быть, и постоянно, не для того, чтобы окружающие узнали о его подобного рода наклонностях, которые, как скупость, проявят себя впоследствии, когда будет к тому способность, т.е. когда он вырастет и станет в хозяйственном отношении более или менее самостоятельным. Из чего будут следовать два положения. В отношении происходящего и в отношении будущего, того, что наступит, когда он начнет проявлять свою скупость, поскольку сомнительно, чтобы это имело значение для него как ребенка. А если бы и имело, то не составляло бы особенных сложностей для окружающих. Не так уж важно, особенно в условиях российской деревни и в прошлом, что там и как там складывается между детьми, в то время как в отношении взрослых трудно бы было себе представить малоприятные проявления его скупости.

В приложении к происходящему необходимо заметить, что подобные его предпочтения, связанные с психологическими мотивами и характером, который еще не сложился, но который, по существу, уже есть, – все это трудно было бы предполагать как даваемое о нем знание для окружения со стороны участвовавших в акте рождения сил. Участвовавших в акте рождения, но не только, поскольку также и формировавших его или, по крайней мере, что было бы более основательным, имевших к формированию определенное отношение. Получалось бы, что влияние их на данный

процесс не предполагает проекций характера и психологии у рождающегося человека. Таким он рождается, потому как таким он исходно есть. Для предметного мира поверий-примет психология и черты характера, видимо, воспринимаются как исходная, а не придаваемая чем-то и кем-то данность, в этом смысле он предстает как наделенное собственной волей и самодействующее существо.

Иное дело, и в этом месте следует остановиться, когда какие-то свойства ему придаются, как это было видно, в момент рождения или в какой-то период после него. С купанием новорожденной, чтобы была бела и нежна, даванием в руку шпаги для смелости или книги и пр., чтобы был умным и грамотным. К этому необходимо добавить и манипулятивные операции с пуповиной. В начальной фазе появления человека на свет, получается, можно в каком-то указанном отношении повлиять на желаемые свойства, сообщая их ему при посредстве определенного рода воздействий.

Однако имеются свойства иной разновидности, с которыми он появился на свет. Из тех, что ранее встретились, распознавать их предполагалось в зависимости от времени: между полднем и полночью – будет быстр и «задачлив», зимой – будет холoden, осенью – станет суров, на Спаса – религиозен. К этой же группе, как получается, следует относить и его в будущем скопость, себя отмечающую, вместе с тем, не ко времени, а к тому, как выглядит, более или менее повторяющимся и распознаваемым образом – зажимая кулак.

Придаются желаемые признаки, субъективно желаемого, оптативного свойства, объявляют себя такие, которые не то, чтобы желательны или нет, поскольку не в этом дело, но которые в модальностном отношении не субъективны, а потому и не поддаются воздействию, их не формируют и не создают, таким человек рождается.

Рассуждая далее в отношении объявляемой скопости и предполагая ее отнесение к будущему, как актуальное для окружения и для него самого, стоит поставить вопрос о том, почему это важно отметить уже сейчас, а не когда-то после. Равно как и то, почему важно, то, что он будет скопой. Не в смысле того, что другое не важно, а с точки зрения самой этой скопости. Оба указанные аспекта следует воспринимать применительно к разбираемому предметному миру, имея в виду представление о его ориентирующих для сознания и вместе с тем ориентируемых особенностях. С позиций того же сознания.

Не углубляясь в данный предмет, сам по себе показательный и интересный, однако требующий основательности и самостоятельного для себя изучения, поэтому лишь обозначив его, обратим внимание, исходя из своей задачи, на то, что имеются свойства (в родившемся человеке, но, с позиции характеризуемого сознания, важно не это, а то, что данные свойства имеются), которые, видимые уже сейчас, при рождении либо

сразу же после него, необходимо знать, понимать и учитывать. Поскольку, и это была бы вторая их сторона, эти свойства могут иметь значение как для родившегося, в аккумулятивно-проприативной проекции, так и, что не менее, если не более важно, для всех остальных, родового, семейного окружения и в целом данного социума.

И это была бы группа их реактивно-проприативной проекции, дающая основание знать, что от этого человека в последующем ожидать, как себя с ним вести, на что и к чему он будет способен.

Свойства родившегося, обеих своих разновидностей, в этом случае и при таком повороте, будут служить контактно-входными, включающими, параметральными преобразователями его, с одной стороны, социализирующей в своем окружении адаптации, а с другой, показателями его социальной пригодности. Важно исходно знать, что это за человек, в какой-то из составляющих, с тем, чтобы не только иметь о нем представление, а, возможно, также и полагать что-то значимое через него.

Продвигаясь в представленных рассуждениях еще далее, с парадигматической точки зрения, впрочем, не только, также и с определяющей сущность рассматриваемого предмета в каком-то его отношении, – продвигаясь во всем этом, можно увидеть существование, точнее наличие, свойств, не то, чтобы от человека отдельных, но пребывающих где-то в нем и не в нем. В нем и не в нем потому, что, с ними то ли рождаясь, то ли в процессе и акте придания получая, он их приобретает как нечто, исходно либо не исходно даваемое. Поскольку их можно вследствие этого получить, а также и дать, сообщить, придать, они существуют в данном предметном мире как приложимые к человеку «внеположенности» (как-то так это можно было бы определить). Возможно, что ничего не значимые вне его, но, характеризуя его в каком-либо отношении, не составляющие как такового его естества.

Относя все сказанное к разбираемому положению о скучости, то, что *новорожденный ребенок зажимает кулак*, следовало бы характеризовать и рассматривать как существующую в нем, исходную в отношении данного свойства, данность, которая, «присутствуя» в нем, и зажимает его кулак. Не он это делает, она это делает, пребывая в нем и составляя его таким образом характеризуемую сущность, которая проективно будет влиять на него для других родовую, семейную и социальную адаптацию, на релятивный характер взаимодействия с ним. Как-то так это можно интерпретировать и понимать, исходя из предмета и стоящей задачи.

Модель, которая за данной приметой стоит, предполагала бы установление того, как понимать, переводя в обобщение, то, что видится, объявляя, тем самым, себя, в зажимании кулака, характеризуя на основании этого далее (применительно к скучости) свойство. Будучи отчасти похожей на выведенную ранее модель для примет с моментом отмеченного

рождения, определявшимся как ‘ temporально характеризуемое состояние’ (между полночью и полднем, ночью, летом, весной и т.п.), данная предполагает нечто принципиально иное.

Зажимание кулака не соотносится, хотя и является себя как предмет наблюдения, с тем, в какое время приходит на свет человек. С одной стороны, это параметр его внешнего вида, точнее того, что этот вид представляет, а с другой, это, собственно, свойство, но не его самого в том смысле, что определяющее его как человека, это свойство телесного его «языка», языка его тела (прибегая к образной, но и не только образной, поскольку принятой в научной литературе, характеристики), поскольку так он часто или постоянно делает и так, себя, проявляя телесно, ведет. Свойство телесного языка обнаруживает, становится знаком и обозначает свойство, которое будет присуще ему, хотя в этом *будет* следует видеть и полагать то, что в нем уже есть: ‘*свойство (телесно-физическое) > свойство (характера)*’ – *CondPhys(S) > Propr(S)*.

Ту семантическую единицу, которая реализует представленную модель, можно, интерпретируя, понимать в отношении связи того, как выглядит и что «над собой и с собой делает» человек, какие привычные для себя жесты, движения, позы и положения производит и принимает, с тем, что он собой представляет, каким, в отношении, в первую очередь, окружающих как человек предстает.

Обобщенно это можно определить как то, что ‘физическая сторона вида и поведения человека служит средством возможного определения его характеризующих и для него характерных внутренних свойств’. Человек, тем самым, становится знаком себя самого. Применительно к разбираемой примете, в уточнение стоящей за ней семантической единицы, следует говорить о том, что ‘некоторые значимые признаки и черты внешнего вида и поведения новорожденного служат способности распознавания его внутренних (в будущем) свойств’. Из чего будет следовать необходимость, во-первых, знания таковых соответствий, а во-вторых, такая же необходимость наблюдения и определения того, как он выглядит и как обычно себя ведет.

О концептуальных проекциях в отношении рожденных вне брака

В разбираемом источнике имеются еще три единицы, относящиеся к фазе после рождения и находящиеся по сравнению с предыдущими несколько в стороне. Речь в них идет о детях, рожденных вне брака, что составляет особенности в отношении их социализируемого восприятия,

поскольку не действенна роль привычного родового с предположением отца и, тем самым, его наследника и продолжателя, равно как и не вполне ясен семейный и не только семейный статус такого рожденного.

Все предыдущие случаи, бывшие объектом предшествующего рассмотрения, предполагали, как правило, по умолчанию, но со всей очевидностью необходимую в отношении родившегося общепонятную в адаптированном смысле и понимании родовую и социальную полноту.

Опуская моменты мировоззренческого предубеждения, обусловленные сложностями не только социального и родового, но и хозяйственного характера (бездомщина, лишний рот), на основании трех единиц, отраженных в источнике, без углубления в предмет с привлечением другого материала, можно отметить исходно два естественно следующих, а потому не случайных и бытовых, обстоятельства. Первое связывается с ролью женского соучастия, без отнесения к мужскому и учета его. Второе обращается к представлению о крестных родителях, никак не затрагивая вопроса о членах семьи. Не входя, как уже говорилось, в более основательное рассмотрение предмета, представим себе (что, впрочем, не противоречит действительному положению дел), что подобные обстоятельства в своих вероятных проекциях в отношении внебрачных детей доминантны.

То, что касается женского положения и участия, находит свое отражение в такой единице:

Среди незаконнорожденных детей девочек больше, чем мальчиков, так как перед соитием больше влечения к совокуплению имеет женская половина; хотя она и боится забеременеть, но во время совокупления женская половина более разжигается к соитию и не может уже себя удержать, а в которой половине больше влечения, в того и ребенок непременно родится.

Присутствуют два мотива, внешне не вполне взаимосвязываемых, но объясняющих, не только одно и другое, первое через второе, а второе как следующее из социального опыта и в связи с этим мировоззренческое, но и таких, которые то, что представлено, определенным концептуальным образом располагают и устанавливают. Обратимся к их рассмотрению, прежде чем данную единицу, не совсем обычную при сравнении с другими, в характерной для нее семантике и соотносимой с этим модели как-то определить.

В первую очередь, на себя обращает внимание то, что дети, вне брака рожденные, рассматриваются в их отношении к полу и в этой связи, если не переходить к дальнейшему объяснению, стоит вспомнить актуализированную для традиционного сознания, а тем самым, и предметного мира поверьй-примет, позицию предпочтения мужского по сравнению

с женским. Рождение мальчика, по известным причинам родового и с этим семейного, а также хозяйственного, характера, более предпочтительно, чем рождение девочки, на что не только указывал ряд единиц, рассмотренных ранее, но и содержались в них соответствующие регулятивные указания, что следует сделать, чтобы у супругов был мальчик, исходно, а затем также и после девочек.

В процитированной единице содержится, как общеизвестное, знание о том, что *Среди незаконнорожденных детей девочек больше, чем мальчиков*. Тем самым, в развитие данного представления, предполагается (не входя в приводимое далее объяснение), что внебрачное увеличение рода-семьи (ничто не мешает подобное допустить) в большинстве своих случаев мало что для данного рода-семьи дает, поскольку девочки не могут служить опорой и лишь добавляют различного рода проблем. С позиции рода-семьи, тем самым, такое явление и затруднительно, и, что само собой разумеется, не желательно. Сложно, если вообще возможно, рассчитывать на укрепление и развитие семейного положения в подобном случае, поскольку чаще рождается девочка, а не мальчик.

Следующее, также немаловажное положение, с точки зрения экзистенционально-житейского опыта и существующих представлений, обращается вокруг мысли о том, что поскольку *перед соитием большие влечения к совокуплению имеет женская половина*, то и, из этого далее следует, женская половина, а не мужская, инициирует появление такого ребенка на свет. Не входя в уточнение данного положения, поскольку не в социально-концептуальном контексте себя отражает стоящая перед нами задача, получается, что не только в инициирующем провоцировании процесса и акта зачатия, но и в предрасположенности к тому, кто родится, девочка или мальчик, состояла бы женская роль. Объясняется это в том, что, хотя *она и боится забеременеть, но во время совокупления женская половина более разжигается к соитию и не может уже себя удержать*, с тем, что следует далее, – *а в которой половине большие влечения, в того и ребенок непременно родится*.

С одной стороны, *боится*, что понятно, поскольку это не одобряется и не ожидается, а с другой, и *более разжигается, и не может уже себя удержать*. Страх, в том числе и социального и семейного неприятия, с появлением неизбежных и многих трудностей, усложняющих жизнь, в женском поле, оказывается менее сильным и подавляется, отходит на второй план перед тем, что в нем, в соответствующий момент, *разжигается и не может уже себя удержать*. Получается, что появление внебрачных детей есть следствие импульсивной, неуправляемой, поскольку неудержанной, стихийности женской, по определению, половины, а не, как казалось бы, ищущей и себе находящей удовлетворение в женском мужской. Следствие поддающегося и ведомого женским мужского, своим

разжиганием его направляющего и тем, что *не может сдерживаться, неотвратимо втягивающего в себя.*

Переводя последнее положение в более широкое основание, с тем, что *в которой половине большие влечения, в того и ребенок непременно рождается*, и отвлекаясь от того, что в разбираемом случае говорится о детях незаконнорожденных, видимо, можно, вместе со всем этим, предположить, что, поскольку пол ребенка, определяясь моментом соития, зависит от пола того из родителей, в ком *большие влечения*, получаем, в итоге, не только довольно явное указание направляемого выбора в отношении гендеря для потомства, но и следующее из этого концептуально-мировоззренческое представление, характеризующее определяемый тип сознания.

Пол рожденного человека, коль скоро зависит от той родительской половины, в которой *большие влечения* при моменте соития, то и, тем самым, свидетельствует, также и в свою очередь, и о самой половине, соответствующим образом определяя и характеризуя ее. Если рождаются девочки у супружеской, скажем, пары, развивая подобную мысль, то, с известным допущением, хотя и не прямо, однако ничто не мешает предполагать, что мужская половина не испытывала в моменты соития большего, по сравнению с женской, влечения. Равно как и наоборот.

Вместе с тем обобщение подобного рода, вполне возможно, что и не имеет такого в себе расширения, поскольку, коль скоро в рассматриваемой единице указывается, что *перед соитием большие влечения к совокуплению имеет женская половина* (понимать это можно как общее положение, не относимое исключительно к появлению внебрачных детей), далее, отнюдь не случайно и весьма показательно говорится о том, что *хотя она и боится забеременеть, но во время совокупления более разжигается к соитию и не может уже себя удержать.*

И понимать это можно также в том отношении, что *разжигается и не может себя удержать* едва ли не главным образом потому, что *боится*. Страх забеременеть, подавляемый, казалось бы, а точнее преодолеваемый, *разжиганием* и неспособностью *себя удержать*, на деле то и другое только усиливает. Что не находит своего воплощения при брачном соединении супругов. В подобном случае, традиционно, и на исследуемом материале это также находит свое подтверждение, определяющим будет желание, руководимое необходимостью, забеременеть, а не страх. И коль скоро необходимостью, то желание будет восприниматься не как влечение, но как следствие из общественной роли, супруги и будущей матери, и потому обязанность, в первую и руководящую очередь, предполагающая ответственность перед семьей и родом супруга, а следовательно, и перед собой.

Из чего получалось бы, в отношении стоящего за всем этим сознания, а с этим далее разбираемого предметного мира, мировоззрения и концептуально организуемой парадигматики, определяемой в свойственных

ей моделях и следующих из них семантических единиц, равно как и их собой оформляющих, – получалось бы, что в то время как появление на свет внебрачных детей есть результат непреодолимого в женском начале (как половине) влечения к соитию и при этом страха вне супружеских отношений родить, то рождение брачно-семейное предполагает следующую из супружеской роли необходимость и такую же ролевую ответственность женского перед мужским в его и ее, тем самым, позиции к своему родовому семейному.

В случае с незаконнорожденными это физическая, эмоциональная и эмотивная, женская по своему источнику, стихийность. В случае с рожденными в браке – необходимое гендерное и социализированное развитие, расширение и продолжение. Две принципиально различные, концептуально определяемые, характеризующие мировоззрение, тип сознания и способ мышления, доминанты. А также, тем самым, разбираемый предметный мир поверья с приметами.

Касаясь вопроса определения модели и связываемой с ней семантической единицы, возможно, что не одной, применительно к разбираемому слушаю, необходимо установить, что, собственно, рассматриваемое поверье собой представляет, в каком отношении его следует воспринимать. Это не знаково-дефинитивная, как это было ранее, и не акционально-предписывающая в том либо ином отношении единица, поскольку нет в ней каких-либо распознавательных проявлений, свидетельствующих о том, что может произойти, чего следует ожидать, при наблюдении чего-либо, равно как и предлагаемых действий к какому-то достижению, имеющему направленность и необходимую цель. То, что дается, обращается вокруг сложившегося в результате определенного опыта социального знания: то-то и то-то происходя, имеет под собой такую-то объяснительную основу.

Имеется, следовательно, определяющий, дефинитивный аспект, с одной стороны, точнее с другой, поскольку второй, а не первой. И имеется то, что собой представляет объект объяснения, то, что было бы первой тогда стороной. Этой первой является то, что, неважно, действительно или нет, определяет себя в положении *Среди незаконнорожденных детей девочек больше, чем мальчиков*, выступая следствием сложившегося, обобщающего по природе своей, наблюдения.

Впрочем, не столько действительного, по существу своему, наблюдения и даже не столько привычного знания на основе определенного опыта, как допустимо было бы предполагать, сколько, можно было бы говорить, прибегая к сложившимся современным формулам, что стереотипа, как устоявшегося, обобщающего и прилагаемого к разным случаям представления, от привычного знания мало чем отличающегося, разве что скрытой, а нередко и явной, регулятивной интенцией. Такую скрытую и регулятивную по своей природе интенцию можно увидеть и в приве-

денном примере, на что обращалось внимание с указанием предпочтения мальчиков девочкам. Посмотрим, однако, на все это еще с одной стороны.

Напомним похожую в первой части своей, рассмотренную ранее, следующую единицу: *Если все девочки рождаются, то в этот год войны не будет*. То, что рождаются все более или только девочки, есть явление, или событие, если как целостность происходящее понимать. Явление, представляющее собой объект обобщающих наблюдений. Так сложилось, так получается, так происходит, что объявляется то-то и то-то, и только оно, или оно в первую очередь и главным образом. Опять же неважно, действительно или нет, поскольку видится и наблюдается именно это и предстает как объект подобного рода. Явление это определяет себя как знак, даваемый либо только интерпретируемый, в указанном отношении, из чего получается, что данная единица – знаково-предвмещающая, объявляющая, раскрывающего характера.

То же, что *Среди незаконнорожденных детей девочек больше, чем мальчиков*, также, такого же типа, явление: так получается, так происходит и так, себя наблюдая и проявляя, ведет. Однако это не знак чего-то возможного в будущем, а следствие, объясняемый результат чего-то, что происходит таким, а не другим каким-либо образом, что имеет свой вид и причину такого же регулярного свойства.

Явление, событие, как называемый и наблюдаемый объект, получает свое объяснение. Однако за всем этим нечто стоит. Стоит представление о правиле, нормативе, и это правило, будучи проявлением, следствием другого правила-норматива, содержит в себе не настораживающее и не предупреждающее, еще менее не одобряющее, а скорее, ознакомительное и устанавливающее порядки социализированного бытования объяснение. Единицу подобного вида, нельзя сказать, чтобы частого в материале поверьй-примет, в связи со сказанным, можно было бы определять как нормативно-регулятивную.

Под тем и другим стоит видеть не случайную двойственность, следующую из особенностей определяемого предметного мира, предлагающих не только позицию представлений о том, что имеется и существует, но и его системоценностную оценочность и характеристику, скрытую или нет, с позиции желаемого и положительного либо напротив.

Либо, что также существенно, в отношении определенного понимания всего того, что касается человека и его бытия, за которым, как за пониманием, стоит не одно только вероятное и дающее знание объяснение, но и, опять же скрытый либо явный, регулятивный характер. Так существует, так есть, нечто имеет такое-то и такое-то место во всем, и это данность, с одной стороны, и в то же время с другой, не просто такая вот познаваемая данность, а данность, которую надо иметь в виду и из которой что-то немаловажное может и будет следовать. Данность, которая, составляя

правило и норматив, действует регулятивно на сознание представителей данного социума. Регулятивно в двух отношениях – определяя их регулятивно-типичные, обобщенно-общие знания обо всем и регулируя, на основе этого, их существование и, в каких-то определяющих случаях, также и поведение. Разбираемая единица будет именно таковой, содержащей в себе представление о норме как правиле и нормативе как регулятиве в двух указанных отношениях.

Модель, отражающая и заключающая в себе в обобщении сказанное, можно описывать с помощью формулы *EventIter* < *CondNorm* – некое себя повторяющее в своих определенных особенностях событие, *EventIter*, и поэтому воспринимаемое как явление, представляется следствием его побуждающих обстоятельств-причин, положений нормативного вида, *CondNorm*.

Определяемое опытом знание о том, что имеются, существуют внебрачные дети, *явление*¹, характеризуется тем обстоятельством, что среди них девочек больше, чем мальчиков, *явление*². Значимо это или не значимо, не указывается, но подразумевается, как такое, которое менее предпочтительно, чем если бы было наоборот, равно как и определяется данное обстоятельство как сложившееся и бытующее в данной среде представление, а не как достоверное знание, что в общем и целом не важно.

Далее следует еще одно, также не достоверное знание, а сложившееся и бытующее в данной среде представление, о том, что представительницам женского пола свойственно большее влечение (*перед соитием к сокуплению*), *явление-положение*³, которое, поддерживаясь внебрачными обстоятельствами и следующим из этого страхом беременности, усиливается и приводит к тому, что *женская половина более разжигается к соитию и не может уже себя удержать*. Из чего следует *положение*⁴. Соединяясь с *явлением-положением*³, *положение*⁴ объясняет *явление*², исходя из еще одного представления о том, что пол ребенка определяется половиной, в которой больше влечения во время соития – кондициональное нормативное *положение*⁵.

Описанное можно представить в схеме, в которой каждый из составляющих ее компонентов выступает социально ориентированным, концептуальным и эмпирическим, определением цепочки взаимосвязываемых бытовых положений, как объявляемого себя внешне (*явление*¹, *явление*²), так и не объявляемого, скрытого и эмотивного, психологического, характера, два из которых имеют обобщенно-непривязанный к происходящему вид (*явление-положение*³ и *положение*⁵), а одно (*положение*⁴) обстоятельством происходящего обусловленный (внебрачное соединение).

Схема взаимосвязи, как конструкция заключенного смысла, выглядела бы следующим образом: $(E1 > E2) < (EP3 < P4) < P5$.

Ставя вопрос о единицах смысла, включенных в то, что представлено, их следовало бы соотносить, на первом уровне обобщения, с положением

о том, что ‘имеются некоторые явления социально себя объявляющего и общественно воспринимаемого характера, которые объясняют себя в таком, а не в другом своем виде по основаниям внутренне свойственной человеку природы’. Последующий по уровню переход будет давать представление о том, что ‘помимо брачных, общественно адаптируемых, существуют внебрачные связи между представителями противоположного пола’, ‘чего следствием могут быть внебрачные дети’. На том же уровне представления и как отражение первого имеются представления о том, что ‘пол ребенка зависит от того из родителей, в ком больше влечения при соединении’ и что ‘представительницы женского пола испытывают, как правило, больше влечения к соединению’. Еще один, следующий, уровень (трудно было бы говорить, что третий, поскольку это не системное отображение, а вероятный его фрагмент) будет составлен из представления о том, что ‘в момент внебрачного соединения женская половина боится беременности’ и ‘это становится тем обстоятельством, которое ее дополнительно разжигает к соитию так, что не может она себя удержать’.

То, что, как было указано в приводимом примере, *Среди незаконнорожденных детей девочек больше, чем мальчиков*, к смысловым единицам, подобно представленным, не следует относить. Это интерпретируемое под определенным углом, характеризуемое как общественное, явление, которое не обязательно может или должно быть объяснено, но которое объясняется с помощью перечисленных смысловых единиц, и то, что оно объясняется, необходимо рассматривать как следствие имеющейся в данном социуме регуляции, ориентированной к нормативу существующего положения вещей.

К ряду подобных явлений общественного характера, нормативно-регулятивного, но не всегда объясняемого, можно было относить, для примера, такие известные положения, не обязательно связанные с народной традицией: *Люди бывают подлы* (и поэтому следует быть готовым и по возможности их избегать – в качестве нормативного регулятива, но без объяснения); *Существуют женщины, которые не выходят замуж*; *Мужчины бывают неуправляемы и грубы, и при этом не только в своей семье*; *К старикам не всегда относятся с должным почтением*; *Вырастая и набираясь опыта, человек обычно умнеет*; *Выйдя замуж, женщина перестает следить за собой, а мужчина, женившись, быстро толстеет и набирает вес* и т.п.

Продолжением развития положений о незаконнорожденных детях служит следующая единица источника:

Считается, что такой ребенок не только получает сам счастья с избытком, но и дарит таковое своим крестным родителям, которые, отправляясь в церковь, должны только пожелать себе благополучия, подоткнув

под пояс тот или иной предмет, который выступает как бы символом желаемого блага.

Имеются два типа субъектов – единичный, ребенок, и парный, крестные его родители. Как первый, так и вторые становятся адресативными по своему характеру объектами получения *счастья*. При этом первый с избытком и без указанного источника, а вторые как то, чем он их одаривает, что им *дарит* (не имея сам такового намерения, как то, что, распространяясь, исходит на них от него, представляя собой крайне важное следствие). Это последнее, однако, будет возможно при соблюдении ими определенных условий: а) *отправляясь в церковь* (а не в любое другое время); б) достаточно было бы (поскольку должны только) *пожелать себе благополучия* (важно, что *пожелать*) и в) при посредстве аппликативного и заряженного, проводящего счастье, предмета, прихватываемого с собой и не где попало и как-нибудь, а *подоткнув под пояс*. Не сообщается, что это за предмет, говорится только, что *тот или иной и который выступает как бы символом желаемого блага*.

В этом *как бы* и *благе*, определяемом словом *желаемого*, содержится мысль субъективного представления. О благе, желаемом для себя, о том, что хотелось бы получить. Перед желающим себе блага выбор, поскольку получит он то, что себе пожелает, а не благо и счастье вообще. В свою очередь, через *как бы*, присоединяемого к слову *символ*, определяется смысл блага, симулирующим и интенциональным носителем которого становится, также выбранный субъективно, предмет.

Получение блага, по желанию и выбору, для каждого своего и при этом какого-то одного, разрешимым становится, для парно характеризуемого как *крестные родители* субъекта, вследствие открывающейся для них, в указанный определенно момент, возможности, предоставляемой им незаконнорожденным ребенком, а точнее, тем, что, распространяясь на них, и только на них, действует в этом случае через него. С тем чтобы блага этого не упустить, в первую очередь, не упустить им следует сам тот единственно возможный, как открывающийся перед ними, момент, равно как и, также единственным образом действуя, не просто так, а через прихватываемый с собою, *подоткнув под пояс*, предмет, становящийся *символом* намечаемого им при таком получении, как *желаемого, блага*.

Из всего сказанного следует (опуская все остальное возможное) разворачивающаяся в своих составляющих, приложимая к происходящему, ситуация. Имеются действующие как агенты парные ролевые субъекты, *крестные родители* незаконнорожденного, они же адресаты-объекты предполагаемого получения, для каждого своего, которые в строго указанный в отношении намечаемого продвижения момент, *отправляясь в церковь* такого ребенка крестить, с тем чтобы получение блага для них

состоялось (достижение в будущем и поэтому отдаленной во времени цели), должны иметь соответствующим образом ориентированную, ими самими, интенцию, что будет достаточным, состоящую *только* в том, чтобы *пожелать себе благополучия*, которая реализует себя при посредстве предмета под поясом (аппликативное место расположения, в котором важен пояс), символизирующего для них то, что они себе пожелают.

В виде формулы и несколько обобщенно, без учета обусловленной синтагматическими параметрами конкретности, все это можно представить следующим образом:

$$AgPar(ActObj)T < BeatObj(Opt) < InstrAppl(SymbOpt) > Ag^1Ag^2$$

Формула предполагает в своем составе присутствие как непременных и обязательных признаков, выводящих ее на более высокий уровень обобщения, равно как и не то, чтобы переменных, но подставляемых и уточняющих. К этим последним относится то, что агент будет парным, *Par*, что необходим для получения блага какой-то объект, *Obj* (ребенок в разбираемом случае), с этим благом связанный, возможно также, что при этом требуется какое-то действие, *Act*, что предполагается определенное время для осуществления данного действия, *T*, и, наконец, то, что символизирующий благо предмет должен быть апплицируемым, *Appl*.

В таком более общем виде, подводящим все это к представлению о модели, формула выглядела бы как $Ag(Act) < Beat(Opt) < Instr(SymbOpt)$. Либо, без предполагаемого действия: $Subj < Beat(Opt) < Instr(SymbOpt)$.

И в том и в другом из представленных случаев следовало бы говорить о модели оптативно-инструментального беатификатива, предполагающего получение желаемого блага через посредство каких-либо символическим образом связанных с этим благом предметов.

Те параметры, или признаки, которые подставляются и уточняют (о них говорилось как о парном, объектном, акциональном, темпоральном и апплицируемом), следует понимать в двух возможных для них отношениях, парадигматическом и синтагматическом по своему проявлению и существу. В отношении парадигматическом они, на основе модели (оптативно-инструментального беатификатива для разбираемого случая) и исходя из нее, на последующем уровне уточнения отображают то, что можно представить как концептуальную единицу, семантическую для системы. В отношении синтагматики – возможную реализацию таковой единицы в приближенных к ситуативным условиям.

Как концептуальная, для сознания, и семантическая, для парадигматики, подобная единица выглядела бы, определяясь как то, что ‘в какой-то момент возможно получить себе желаемое благо (зная, что и как для этого надо сделать), действуя в направлении и в пользу (человеческого) объекта,

от которого это исходит, при использовании связанных символически с этим благом средств'. То же самое, но без акциональной агентности и, тем самым, объектности и поэтому более обобщенно: 'в какой-то момент возможно получить себе желаемое благо при использовании связанных символически с этим благом средств'. Момент будет важен, поскольку, что достаточно очевидно, не в любое время и не всегда желаемое можно себе получить.

То, что было представлено в первой и более полной формуле, с подключением признаков агентной парности и инструментального аппликатива, приближало бы к синтагматическому и, тем самым, ситуативному, определению модели агентного и семантической единицы объектного далее инструментального беатификатива, для которого оптативно-инструментальный, предполагая субъектность, будет его разновидностью.

Первая и начальная часть того, что вербально выражено, – *Считается, что такой ребенок не только получает сам счастья с избытком, но и дарит таковое своим крестным родителям*, представляет, в известном смысле, собственную концептуальную семантическую единицу и с этим модель. В связи с чем необходимо иметь в виду нечто похожее на связь субординации в синтаксисе, при которой нечто одно ведет за собой другое, которое, в обратную сторону, из этого первого следует по схеме $A > B$.

С одной стороны, *такой ребенок*, по определению, получает сам счастья с избытком, а с другой, судя по тому, что с избытком, во всяком случае не без этого, дарит таковое своим крестным родителям. Хотя на деле, как получается, не как *таковое*, но в отношении предоставляемой возможности получения благополучия, которое они должны себе пожелать, при указанных и рассмотренных перед этим условиях. Благо это для них, тем самым, впрочем, об этом уже говорилось, имеет направленно-выборочный и обусловленный, *эксцепциональный*^{*}, характер. Но не о них теперь речь.

Прежде чем перейти к рассмотрению модели, стоящей за этой начальной частью, и далее следующей из нее семантической единицы, стоит задуматься над рядом таких вопросов. Как понимать то, что выражено определяющим все дальнейшее словом *Считается*? Что означает для незаконнорожденного получение счастья, что это за счастье, как его можно воспринимать? Почему это счастье с избытком, откуда избыток, с чем связан, и он ли или не он позволяет ему дарить таковое своим крестным родителям, и почему только им?

* Лат. **exceptio, ūnis f** [excipio] 'исключение, изъятие, ограничение'; юр. 'особое условие, оговорка'; **excipio, cēpi, septum, ēre** [ex + capio] 'вынимать, извлекать'; 'исключать'; 'предусматривать, определять, постановлять': in foederibus exceptum est (ne) в договорах предусмотрено (чтобы не); lex excipit (ut) закон гласит (что).

Идя по порядку и не углубляясь в предмет, который следует видеть как требующий собственной разработки и, тем самым, самостоятельный, лишь намечая возможные повороты, первое, то, что *Считается*, можно было бы воспринимать в отношении не то, чтобы поддерживаемым известным житейский опытом, традиционным поэтому, представлением, а, в контексте такого ребенка и счастья с избытком его, определенной мировоззренческой позиционной константой (как-то так это видится допустимым обозначить).

Раскроем смысл сказанного. Имеются дети, которые внутренне отмечаются как *такие* (*такой ребенок*). Дело не в том или не столько в том, что они называются обиходно как *незаконнорожденные*, *такие* они потому, что не такие, как прочие (без тавтологии здесь не обойтись). Приходят на этот свет и появляются в нем, опять же *таким* вот путем, для них только свойственным и им характерным.

Не вдаваясь в детали и обстоятельства *такого* как не обычного или не так, чтобы обычного и «общественного», общественно принятого и акцептированного, к тому же и ожидаемого при этом, пути, можно бы было сказать, что их появление, не будучи ожидаемо, планируемо и запрашиваемо, возникает стихийно-самостоятельно и само по себе, без поддержки и позиционного направления со стороны семейной, общественной и родовой. А коль так, то, как получается и из этого будет естественным образом следовать, – при поддержке и позиционного направления (поскольку ничто не является себя и не происходит без смысла) со стороны чего-то принципиально и природно иного. Того, что не исходит от человеков, общественных их установлений, порядков, позиций и норм. И коль скоро не от человеков, то тогда от того, что стоит за всем сущим и существующим, поскольку, по известной, хотя и религиозной, максиме, *ни один волос не упадет без Его ведома*^{*}, а переводя это в разбираемую мировоззренческую парадигму: ничто не является себя просто так, но за всем, что является себя, а тем более в отношении рождения человека, стоит какая-то неземная и нечеловеческая по своему происхождению сила. По своему не только происхождению, но и природе своей.

Следовательно, явив и себя объявив как *такая* в *таком* вот ребенке, она и поддерживает его появление, а поддерживая, сообщает, передает ему нечто *такое* естественным образом от себя. Это *нечто такое* и обращается получаемым им ‘счастьем в избытке’. ‘В избытке’ по двум допустимым причинам – как от себя такой силы, а поэтому не то, чтобы щедро и не скупясь, но не по человеческим представлениям и меркам и вследствие этого много, и как, в отсутствие у него второй родительской стороны и с нею семейной и родовой (от какого рода и от чьего родового

* От Луки, 21:16.

ему причитается что-либо без отца?), компенсируя, не ради него самого, но, в условиях уравновешивающего все гомеостазиса, по его таковому закону, давая то, что и другим причитается, при их появлении на свет, часть и долю их в этой жизни, но давая, хотя и в мысль равновесия, однако опять же в избытке, поскольку не по человеческой мерке, с тем чтобы заполнить, а точнее восполнить, его родовой и семейный ущерб.

Из всего этого далее следует все остальное из заданных перед этим вопросов. С определением того, как можно в указанном отношении понимать то, что *Считается*, полагая за этим не мнение разных лиц и не сложившуюся традицию представлений, а мировоззренческую и концептуальную парадигму. То, что *счастье*, но только как доля и *часть*, а потому и не обязательно благо, полагаются и прилагаются при рождении каждому, у такого ребенка, как *счастье*, и к тому же в *избытке*, следует из все той же мировоззренческой парадигмы в отношении за него предстоящих сил. Из чего далее следует в том же ключе представление о *крестных родителях* для него. Поскольку, с одной стороны, нет у него, в их полном составе, других родителей, равно как и родового семейного мужа-отца, а с другой, то, что *крестных*, – поскольку важно их отношение к крещению через причастность и приобщение к миру высших, стоящих за этим, сил.

Объяснив все это подобным образом, можно теперь перейти к представлению о модели, стоящей за первой, начальной, частью, и о семантической единице, связанной с ней (либо о единицах, с ней связанных). Начнем с последнего, что можно выразить, исходя из ранее сказанного, такими примерно словами (опуская другое при этом возможное): ‘имеются дети не такие, как все, появляющиеся на свет не таким, как другие, а потому не вполне привычным путем и/или образом’, ‘такие не вполне обычные дети обладают, могут обладать и не вполне обычными свойствами’, ‘такие их свойства могут иметь значением счастье, и к тому же в избытке для них’, ‘имея такое счастье в избытке, они обладают способностью, исходящей от них, давать его, сообщая другим (но не просто так и не кому попало)’. И далее уже один только шаг к тому, что представлено в разбираемом поверию: ‘такие дети способны одаривать благом крестных своих родителей, если те, отправляясь в церковь и пр.’

Модель, стоящая за всем этим, все это включающая и далее отражаемая в представленных как семантические (концептуальные) единицы, исходным смыслом имеет известное, мифологическое в основе своей, положение о части и доле для каждого, о том, что ‘получаемое при рождении субъектом (доля, недоля, счастье, несчастье и пр.) может ему доставаться в избытке, способном переходить на тех, кто с ним связан, при каких-то условиях’. И это была бы модель натального получения (приобретения, придавания, аддитива), в более общей и производной от

нее разновидности: $S(Nat) < Addit(Fortun) // S(Nat) < Addit(FortunMult) > Report(FortunProxim)$.

Более общее положение, предполагая получение как таковое, в уточняемом виде содержит в себе представление, а также может в других каких-то случаях содержать, об избытке либо, наоборот, обделенности, о характере доли-недоли, о силе, способности что-то давать, на кого-то переходить, кого-то при этом одаривать либо, напротив, от него отбирать*. Все это может предполагать как намеренный, исходящий от самого субъекта, осознаваемый и им освоенный для себя характер, так и не намеренный, связанный с ним, но исходящий не от него, во всяком случае не им управляемый. Данные представления в их совокупности, с учетом при них возможных других, необходимо определять и рассматривать как свойственные для соответствующей ментальности и отображающей ее парадигмы, генеративной и перцептивной по своему существу, связанной с продуцированием и восприятием знаний и следующих из них положений.

И, наконец, еще одна, последняя, единица источника, связанная с вне-брачным ребенком:

Если в крестные к такому ребенку приглашена незамужняя девушка, то она выйдет замуж, как только ее крестник начнет ходить.

Интересно, что нет параллельного представления о неженатом парне, во всяком случае используемый источник чего-то подобного не содержит. Объяснить подобное обстоятельство, можно, по крайней мере отчасти, в ряду перед этим сказанного, представлением о наделении долей, частью, благом, судьбой³⁶, а поскольку в избытке, то имеющем, применительно к женскому, как ведущее и определяющее, отношение к замужеству. В то время как женитьба, со стороны мужского, не ставится ему в параллель. Представления эти не симметричны, что находит свое отражение и в языке – *выйти замуж*, иными словами *за мужа, быть замужем*, т.е. *за мужем*, отсюда *За мужем как за (каменной) стеной, завалюсь за него, не боюсь ничего и замужество, мужнее состояние для женщины, замужняя*. В то время как *жениться, разг. и прост. обабиться, а также бабиться*

* Ср. в связи с этим известный по легендам и сказкам сюжет о младенце, родившемся, впрочем, обычно в семье, иногда как выпрашиваемый, реже найденыш, который быстро растет и при этом все вокруг поглощает, ведет себя необычно, капризничает, постоянно кричит. Этакий неуправляемый пожиратель, деструктор и нечеловек, представитель по-тустороннего, подсунутый людям, от которого через какое-то время всеми возможными средствами стремятся избавиться, что очень трудно и нелегко. Иногда это определяется как воплощенное Лихо, Недоля, Беда, нечистый, лесное чудовище, а иногда и как нечто никак непонятное. И это был бы также *такой* ребенок, но как бы с темной, обратной, не человеческой стороны.

в значении ‘неотступно быть при жене’, *взять себе (кого) в жены*, стар. *пояти, поять как принять* и связанное с этим *понять*. Женитьба, как женское состояние, в первую очередь и главным образом, отмечает не столько долю, часть и судьбу, хотя это также, поскольку *суженый* и параллельно *суженая*, назначенная кому, сколько общественный статус и более полное, совершенное положение мужчины. Со всем этим связаны большие и весомые акценты замужества, по сравнению с мужским для женитьбы, что находит свое отражение в самых разных текстах фольклорной и не только фольклорной традиции. Данная тема, впрочем, неисчерпаема, и мы коснулись ее лишь в рассматриваемой связи.

Говоря об этой рассматриваемой связи и идя по порядку, первое, на что стоило бы обратить внимание, это на то, что стоит за вводящей все дальнейшее фразой – *Если в крестные к такому ребенку приглашена незамужняя девушка*. Имеется кто-то, возможно, что не один, кто незамужнюю девушку в крестные пригласил, не исключено, что с намеренной целью обеспечить ей в самом ближайшем будущем выход замуж.

Из чего получается, приглашение, как таковое, призывное по своему характеру, действие, имеет двойную направленность, в двойном характере и смысле которой через первое заключается задуманная к реализации цель второй. Приглашают крестить, это первое, чтобы вышла замуж – второе. Намеренно это делается или нет, и тогда о задуманной цели говорить не приходится, с точки зрения имеющихся о том и другом представлений, а тем самым, и производимого таким образом приглашающими участниками происходящего, не существенно. Так есть и так будет, поскольку такова природа за этим стоящих вещей и что выражается не уточняющим положением *Если приглашена*. *Если* – одно лишь условие предстоящего, ничего другого и более.

Итак, имеются действователи, или агенты, по отношению к призывающему, предлагающему и призывающему, приглашению, агенты адвокативного пропозитива. Пропозитива, поскольку того, что предлагает, предоставляя, возможность для незамужней девушки выйти замуж в результате и вследствие, также ей предлагаемой, функции становления крестной к такому ребенку. Указанный пропозитив, распространяясь на девушку как на объект, на этом себя исчерпывает. То, что приглашенная девушка роль, ей назначенную, исполнит (если исполнит), опущено, как само собой разумеющееся, поскольку, если она по каким-то причинам реально ее не исполнит, то и не о чем далее говорить. Предлагаемое предложение ей, в том числе и в отношении замужества, окажется не действительным.

Сам обряд крещения, подразумеваемый, но не означенный, предлагающий, помимо других участников, активно действующих и пассивно присутствующих, дает основания приглашенную в крестные девушку

определять как соучаствующего в обряде свидетельствующего субъекта-сигнатора*, с ребенком, которого крестят, в роли объекта действия, производимого при ее таком сопричастном участии. Обряд опущен, но без предполагаемого представления о нем, все остальное, как уже говорилось, теряло бы смысл.

Следующим по времени, однако уже не действием, а событием, точнее действиями, воспринимаемыми в последовательности своих осуществлений как событийное положение в отношении ребенка, становится то, что он, *ее крестник, начнет ходить*. Сообщается также при этом *как только* он начнет это делать, *она выйдет замуж*. Тем самым, одно не только непосредственно связывается с другим, но представляется в одновременности. То, что выйдет замуж, происходит тогда же, когда ее крестник начнет ходить, не иначе.

Выход замуж, равно как и то, что ребенок начинает ходить, представляясь как событийные положения для той и другого, вместе с тем отмечают собой переход для обоих к новому их экзистенциальному состоянию – замужнему в отношении женского и ходячему (как все люди), а не ползающему, как до этого, для ребенка. Оба они в этом случае определяют себя как субъекты, в пользу которых произошедшее изменение их состояния через достигнутое событийное положение состоялось.

Тем самым, в итоге, приглашение незамужней девушки *в крестные к такому ребенку*, с предположением перед этим указанных промежуточных, ведет к изменению в будущем ее экзистенционального состояния с переходом к замужеству в строго отмеченный событийно момент (*как только ее крестник начнет ходить*):

$$Ag(AdvocPropos) > Obj/Subj(SignActS) > Subj(MutExist)T < T(SEvent)$$

То, что показано в формуле, представляется следующим образом: ‘некоторые агенты (некоторые, поскольку не обозначенные, возможен при этом и единичный агент) адвокативного пропозитива, *Ag(AdvocPropos)*, направленного на объект как субъект сигнавивного акта в отношении *S*, *Obj/Subj(SignActS)*, предполагают следствием либо, не предполагая, ведут к изменению экзистенционального состояния для того же субъекта в момент, *Subj(MutExist)T*, определяемый как событийный для *S*, *T(SEvent)*’.

Выраженное указанным образом, в некоторых частях своих уточненное, с учетом примера, т.е. в своей синтагматике, представляет собой семантическую (концептуальную) единицу, реализующую стоящую за нею модель. Модель, в ее обобщении, можно описывать как отражающую

* Не она, естественно, крестит, но обряд не будет действительным без нее.

формирование, посредством осуществления каких-то действий, одного какого-то действия, деятельностью, активностью со стороны агентных своих исполнителей с их направленностью на кого-то, изменение его положения, состояния. В разновидности, дополняя и расширяя, с приближением к тому, что рассмотрено, применительно к такому того (этого кого-то) соучастию в чем-либо (партитиву), которое в последующем будет связываться по времени с изменением его положения (состояния). И это была бы модель формируемого субъектного мутатива, передаваясь по формуле, в обобщении: $Act > S > S(Mut)$. И в приближающем уточнении: $Act > S(Part) > S(Mut) < T(SPart)$.

Позиции и регуляции после рождения

Предопределляемые следствия производимых действий

Переходя в завершение к последнему тематическому этапу, связанному с появлением человека на свет, видится допустимым и вместе с тем показательным, обобщая, показать остающийся материал типологически, в распределении по группам и вместе с тем в парадигматическом повороте. Объектом подобного рассмотрения не будут отдельные приметные единицы, а, скорее, их совокупность, в том обобщающем виде, который для охарактеризованного описания могут они составлять.

Первое подразделение, на которое следует обратить внимание в связи со сказанным, будет касаться позиции левой части, каковую можно определить как предписывающую. Ребенок уже родился, имеется как новорожденный, и поэтому все имеющее к данному положению отношение затрагивает, в том или ином своем виде, его. Производимое либо предполагаемое, предлагаемое или, напротив, отображаемое как то, чего не следует делать, а следует избегать, затрагивает его состояние и положение, того, что способно прямо либо не прямо на него повлиять. Иными словами, то, что желательно или нежелательно, и при этом, что также необходимо учитывать, если не в первую очередь и не главным образом, то, что желательно либо нежелательно применительно к взрослым, родителям, матери, опекунам, ближайшему окружению, т.е. семье.

В этом первом подразделении можно выделить такие предполагаемые группы:

1. Предупреждение в отношении действия, которое не следует совершать во избежание грозящих от этого неприятностей, как содержащийся в них, часто прямым и не скрываемым образом, поддержанный опытом, можно бы было добавить, запрет – *Interdictum*.
2. Сообщение в отношении действия, которое будет условием, преподносимым обычно как неизбежное, чего-то другого в последующем, как явления, события, того, что наступит и произойдет, как его стимулирующее, по существу, вызывание. То, что содержится в этом случае

в правой части, можно было бы обозначить как предопределение – *Praedestinatio*.

3. Положение, содержащее в себе представление о том, что было бы лучшим и почему и что поэтому следует либо, напротив, не следует сделать для достижения желаемого. Обозначить это можно как предписание в отношении предлагаемого проявления – *Edictum*.
4. Разновидностью предписания будет определение, при котором что-то имеет место, имело ранее место как нежелательное, и для того, чтобы избежать его либо его повторения, следует соблюсти предлагаемые условия, сделать что-либо, каким-либо определенным образом поступить. Определить это можно как предотвращение – *Amolitio*. Отдельный ряд представляют группы, в которых содержится представление не о том, что следует сделать либо не сделать и как поступить, а то, что определялось ранее как явление или событие. То, что произошло независимо от человека и заключает в себе какое-то положение, которое можно прочитывать как сообщение, предупреждение, даваемый либо не даваемый, но получаемый знак, воспринимаясь как знак. Или не знак, поскольку знаковость, более или менее, непосредственным, хотя и ассоциативным, образом связывает некую форму с ее содержанием, но что можно, увидев и восприняв, отнести и определить его в отношении к чему-то другому, как в будущем, так и в настоящем. В этом ряду можно выделить такие его разновидности:
5. То, что имеет либо имело место как наблюдаемое и себя таким образом объявившее, произошло, состоялось в сложившемся и статичном, не изменяющем далее виде, будучи в этом и никаком возможном другом своем проявлении закреплено. И это было бы утверждение – *Confirmatio*, понимая под этим не то, что как таковое утверждаемое положение исходит от человека, а как то, что утверждает, утвердило себя в реальной действительности, будучи фактом.
6. То, что себя объявляет в каком-то виде в данный как наблюдаемый и воспринимаемый момент, то, что имеет к нему отношение. Не будучи неизменным с течением времени, оно обладает способностью к обращению, переходу во что-то другое. Обозначим это как наблюдение – *Notatio*.

Прежде чем перейти для наглядности к иллюстрациям представленного распределения, обратимся к дифференцирующему рассмотрению правой, интерпретирующей левую, части, с тем чтобы на примерах на следующем шаге увидеть возможный характер соотношения того и другого, предписывающего левого и его объясняющего или показывающего правого. Распределение в этом случае видится следующим:

1. То, что станется, произойдет, происходит, как явление, состояние, будь то желательное либо нежелательное, в какой-то период времени,

на какой-то момент. Охарактеризовать это можно как темпоральное положение – *Positio*.

2. То, чего следует ожидать как состояние более или менее постоянное, длительное либо необратимое – неотвратимость либо континуальное положение, *Jugitus*.
3. То, что является собой как событие, произшедшее, стечением ли обстоятельств, следствием ли природы определенных вещей, – *Eventus*.
4. То, что станет, становится, будет, произойдет как неизбежность, касающаяся установления каких-то порядков, видов, форм, отношений, – *Dispositio*.
5. То, чего можно достичь, установить, совершить при каких-то условиях, определяя это как осуществление – *Expletio*.

На основе представленного можно вывести типичные для разбираемого материала соотношения, определяющиеся как парадигматико-сintагматические модели. Синтагматические – поскольку себя воплощают в конструкциях выражаемых с помощью слов построений. Парадигматико – поскольку исходно присутствуют, существуя в сознании своих носителей, не задумывающихся над природой их такового устройства, реализуясь далее по соответствующим образцам, с точки зрения образования и производства (генеративный аспект), и по таким же своим образцам, характеризуемым типологически, воспринимаются и распознаются в реализуемых видах и формах.

То, что будет показано на материале последнего и заключительного этапа, касающегося появления человека на свет, есть все основания относить и к другим единицам, определяемым как поверия и приметы. В связи с чем, с одной стороны, представляемое следует воспринимать как затрагивающее соотношения левой и правой частей обобщение, а с другой, демонстрацию самого материала этапа, из которой далее будет следовать определение значений, характерных, в первую очередь, если не единственным образом, для него, – в отношении родившегося ребенка, малых детей и того, что с ним и с ними непосредственно связано.

Первая по порядку парадигматико-сintагматическая модель, без учета количества представляемых в ней единиц, поскольку при обращении к небольшому фрагменту характеризуемого материала, то или иное число единиц ни о чем не свидетельствует, порядок будет чисто формальным, – первая такая модель, выражаясь с помощью цифр как 1 – 1, будет иметь соотношением формулу *Interdict – Posit* (запрет – положение).

1 – 1. *Interdict – Posit* (запрет – положение)

1 > 1. Несоблюдение запрета ведет к нежелательному положению вещей:

Пеленки не следует вешать на колыбель, в противном случае сон ребенка сделается беспокойным.

1 – 2. *Interdict – Jugit* (запрет – состояние)

1 > 2. Несоблюдение запрета ведет к нежелательному состоянию:

– по отношению к предмету, с ним непосредственно связанному –

Нельзя качать пустую колыбель – ребенок не будет жить или будет плохо спать.

– по отношению к нему самому –

– совершая что-либо с ним или над ним –

Нельзя решето или сито надевать на голову ребенка, иначе он перестанет расти.

Если целовать ребенка в пятку, то он долго не будет ходить.

Если вечером поднимать ребенка выше головы, то он начнет страдать бессонницей.

Ребенку как можно дольше нельзя показывать зеркало, чтобы он не был пуглив.

Нельзя говорить ребенку: «Пошел (пошла) ты к черту» – черт может услышать и забрать ребенка к себе.

1 – (2/5). *Interdict – (Jugit/Explet)* (запрет – состояние / осуществление)

Ребенка до года нельзя стричь, а после этого стричь только раз в год в Великий четверг (на Страстной неделе). Поскольку в приведенном случае не говорится о том, что может стать результатом, допустимо предположить нежелательность как в отношении состояния (2), так и в отношении осуществления (5).

– позволяя ему какие-либо проявления или действия –

Нельзя становиться ребенку на стол – расти не будет.

Маленькому ребенку нельзя давать целоваться, иначе он не скоро начнет говорить.

1 – 4. *Interdict – Disposit* (запрет – установление)

1 < 4. Необходимость соблюдения запрета следует из сложившихся представлений:

Как бы ни были неблагоприятны детские игры для взрослых, какие бы дурные предзнаменования в себе ни заключали, взрослые ни в коем случае не должны прерывать их и тем более прогонять детей с места их игры, разрушать их сооружения, – это тяжкий грех.

1 – 5. *Interdict – Explet* (запрет – осуществление)

1 < 5. Необходимость соблюдения запрета обусловлена нежелательным следствием в отношении того, что с ним произойдет:

Ребенка до шести недель нельзя никому показывать, то есть раскрывать и выносить, чтобы не сглазили.

В предупреждение детской бессонницы нельзя оставлять до захода солнца вывешенное на улице для просушки детское белье.

Чтобы не приключилась у ребенка сухотка (болезненная худоба), нельзя после захода солнца выносить на двор детскую купель (воду, в которой ребенка купали).

2 – 2. *Praedest – Jugit* (предопределение – состояние)

2 > 2. Совершаемые действия, как осознанные, так и неосознанные, ведут к нежелательному состоянию:

– действия в отношении ребенка –

Если кто перешагнет через ребенка, играющего или ползающего на полу, то ребенок будет плохо расти.

– действия в отношении предметов, с ним связанных –

Если ребенку до года шить рубашки из новой ткани, то впоследствии он будет быстро снашиваться одеждой, а если шить из каких-либо старых обносок, то носить одежду будет, подолгу не снашивая.

2 – 3. *Praedest – Event* (предопределение – событие)

2 > 3. Совершаемые действия ведут к повторению (удвоению) уже состоявшегося:

Пустую колыбель качать – у матери может родиться еще один ребенок.

Если качать зыбку кому-нибудь двоим, то еще один ребенок родится.

Та женщина, которая будет мести в комнате одновременно двумя вениками или будет пить чай из двух стаканов, непременно родит близнецов. Данное представление не относится непосредственным образом к материалу рассматриваемого этапа (новорожденный ребенок, малые дети), его помещение связано с положением об удвоении.

2 – 4. *Praedest – Disposit* (предопределение – установление)

2 > 4. Что-либо совершенное закладывает неизбежность дальнейшего:

Наступить кому-нибудь на ногу – быть ему кумом.

3 – 2. *Edict – Jugit* (предписание – состояние)

3 < 2. Необходимость предписываемого вызвана нежелательным в будущем следствием в отношении объекта:

Крестный отец или крестная мать непременно должны купить своему крестнику или крестнице материал на рубашку, а также крест, причем кума покупает рубашку, а кум – крестик и платит за крещение; если же крестный отец или крестная мать не купят крестнику или крестнице на рубашку и пр., то последние, когда умрут, окажутся на том свете голыми и будут страдать ознойкой (лихорадкой).

3 – 4. *Edict – Disposit* (предписание – установление)

3 < 4. Предписание связывается с нежелательным следствием для субъекта-участника:

Парень или девушка, в первый раз становящиеся крестным или крестной, выбирают ребенка: юноша – девочку, девушка – мальчика. Другой выбор может повлиять на будущую жизнь: девушка рискует не выйти замуж, парень – жениться.

Первого кума или куму обязательно выбирают холостого или девушку и моложе себя, иначе девушке грозит выйти замуж за вдовца, а парню – жениться на вдове и иметь мужа или жену старше себя.

3 – 5. *Edict – Explet* (предписание – осуществление)

3 > 5. Предписание предполагает достижение желаемого:

– посредством правильно осуществленного выбора –

Самым лучшим охранительным средством для ребенка служит приглашение в кумовья брата и сестры, родных между собой, особенно если они близнецы.

При рождении ребенка, чтобы он жил, кумом и кумой выбирают тех, у кого много крестников в живых.

– посредством осуществления необходимых действий –

Чтобы ребенок скорее заговорил, нужно помыть ложки и дать ему попить этой воды.

Чтобы ребенок раньше начал ходить, следует провести его по полу во время утрени Святой Пасхи.

Перед тем, как положить маленького ребенка спать (в какое бы ни было время суток: днем, вечером или ночью), его обязательно нужно обмыть, чтобы никакие уроки (сглазы) не пристали.

4 – 5. *Amolit – Explet* (предотвращение – осуществление)

4 < 5. Предписание следует из сложившихся обстоятельств, которые предполагается в будущем избежать:

– посредством правильно осуществленного выбора –

Если дети не живут, следует в кумовья взять первого встречного; по другим поверьям, в кумовья надо взять родных брата и сестру.

– посредством осуществления необходимых действий –

Если ребенок долго не ходит, то нужно у него над головой разломить слитух (два слитшихся в печи хлеба).

Если ребенок болеет, то его сорочку надо повесить на дерево; дерево усохнет, а дитя выздоровеет.

5 – 2. *Confirm – Jugit* (утверждение – состояние)

5 > 2. То, что произошло, дает возможность представить себе состояние в будущем:

– в отношении ребенка –

Если ребенок родился ночью, он будет счастлив и богат.

– в отношении тех, кто с ним связан –

Рождение близнецов, или двойни, приносит семье счастье.

5 > 2. То, что имеет место с кем-либо в отношении настоящего, влияет на его состояние в будущем:

Кто не любит чужих детей, тот никогда не вырастит своих собственных, у такого человека все дети будут умирать в раннем возрасте.

5 – 3. *Confirm – Event* (утверждение – событие)

5 > 3. Данное положение вещей становится знаком происходящего в будущем:

Если ребенок наперед станет говорить «папа», а также если младенец родился с косичкой, то вслед за ним родится сын.

Если ребенок наперед станет говорить «мама», то вслед за ним родится дочь.

Если у родившегося ребенка скоро начинают прорезаться зубки, то это служит верным признаком того, что мать скоро снова забеременеет.

Если у женщины родится двойня и оба ребенка будут одного пола (два мальчика или две девочки), то это верный признак того, что роженица еще принесет двойню, если же родившаяся двойня разных полов, то роженица больше не родит двойни.

5 – 4. *Confirm – Disposit* (утверждение – установление)

5 > 4. Произошедшее в настоящем порождает непременное следствие в будущем:

Если первый ребенок – мальчик, значит, муж будет уважать жену.

6 – 1. *Notat – Posit* (наблюдение – положение)

6 < 1. Наблюданное положение есть следствием чего-то невидимого:

Если ребенок смеется во сне – это значит, что его «ангелы тешат».

6 > 1. То, что непосредственно воспринимается, содержит в себе не случайный и обусловленный смысл:

Если ребенок обеими руками хватается за свою ногу и притягивает ее к рту своему, то это значит, что он просит у Бога себе товарища (чтобы мать родила).

6 – 2. *Notat – Jugit* (наблюдение – состояние)

6 > 2. Наблюданное положение (положения) следует воспринимать как указание в отношении будущего:

Дети – Божьи ангелы, вестники воли Божьей в отношении взрослых, которые за свои грехи не заслуживают прямого непосредственного откровения, поэтому по играм детей можно определить различные благополучия и несчастья, которые могут произойти в общественном, семейном и хозяйственном быту.

Если дети по преимуществу играют в куличи, делая их из глины или грязи, то наступающее лето будет плодородным.

6 – 3. *Notat – Event* (наблюдение – событие)

6 > 3. Наблюданное положение следует воспринимать как указание в отношении того, что в недалеком будущем произойдет:

Если дети, играя, закрываются платком, быть свадьбе.

Если маленькие дети кричат без меры – к ненастью.

Если дети играют с песком и мелкими камушками, то это пророчит по-средственный урожай, тогда как игра с речными гольшами, и в особенности кремнями, предвещает голод.

Если дети, играя, сажают тонкие короткие с заостренными кончиками палки в грязь и тут же их вынимают, то быть дождю.

Если вечером дети заигрываются долго во дворе или в избе, то на другой день, смотря по времени года, нужно ожидать дождя или снега.

Как нетрудно заметить, далеко не все возможные модельные построения нашли свое отражение в представленном в качестве иллюстрации материале этапа, касающегося родившегося ребенка и далее, следствием, малых детей. Поскольку, с одной стороны, объектом произведенного распределения были поверия и приметы небольшой тематической группы, как фрагмента большего целого, каких-либо ограничительных выводов в отношении выведенных моделей применительно ко всему остальному делать не видится оснований. В свою очередь, с другой стороны, их набор и затем наполнение, для самой тематической группы (этапа), могут давать материал для выводов типологического характера при последующем вероятном сравнении со всем остальным. В связи с тем, что это была бы и обстоятельная, и самостоятельная задача, требующая обращения к разбиравшимся единицам в их большей представленности, если не полноте, оставим ее как проекцию в отношении допустимого будущего.

Аспектуальные основания появившегося на свет бытия

Подходя к завершению и оставаясь при этом в пределах этапа, небезразличным для обобщающего в конце представления видится более или менее явное выведение того, что именно в повериях и приметах затрагивает родившегося и новорожденного, тем самым, ребенка, равно как и далее малых детей. Позволит это увидеть, с одной стороны, как специфику материала поверий-примет в отношении «детской», так и вывести положения, связанные с данным этапом, соотнеся их с тем, что касалось бы всего предыдущего, предполагающего появление человека на свет, в этапах рождения, родов, беременности и зачатия (обращаясь к этому в обратном порядке, от родившегося к тому состоянию, через его опосредования, которое будет исходным).

В связи со сказанным, прежде чем обобщить, представим все предлагаемое к описанию в отраженной перед этим последовательности (на основании материала источника), от начальной конструкции 1 – 1 к завершающей общий перечень 6 – 3.

В отношении ребенка, а также малых детей, себя проявляет следующее:

- то, что касается сна – *беспокойный сон* (который может сделаться таким вследствие каких-либо действий; без указания в дальнейшем обосновывающих причин, отраженных в том, что было представлено в материале), *будет плохо спать, начнет страдать бессонницей, смеется во сне* (его «ангелы тешат»);
- то, что касается жизни – *не будет жить, черт может забрать к себе* (как разновидность не жизни здесь, в этом мире, с переходом в другой), *чтобы жил* (правильный выбор крестных), *дети не живут*;
- то, что касается развития-роста – *перестанет расти, долго не будет ходить, расти не будет, не скоро начнет говорить, будет плохо расти, чтобы скорее заговорил, чтобы раньше начал ходить, долго не ходит*³⁷;
- то, что касается его собственных свойств как черт характера либо привычек – *чтобы не был пуглив, будет быстро снашивать одежду, подолгу будет не снашивать*;
- то, что касается игр (малых детей) – могут быть *неблагоприятны* для взрослых и *дурные предзнаменования* в себе содержать, можно определить по ним *благополучия и несчастья, играют в куличи из глины или грязи, во время игры закрываются платком, кричат без меры, играют с песком и мелкими камушками, с речными голышами и кремнями, сажают тонкие короткие с заостренными кончиками палки в грязь и тут же их вынимают, вечером заигрываются долго во дворе или в избе*;
- то, что касается широко понимаемой порчи и сглаза – могут *сглазить либо испортить, чтобы никакие уроки (сглазы) не пристали*;
- то, что касается физического состояния и заболеваний – *чтобы не прключилась сухотка (болезненная худоба), (если) болеет*;
- то, что касается положения после смерти – *окажутся на том свете голыми и будут страдать ознойкой (лихорадкой)*;
- то, что касается доли-судьбы – *будет счастлив и богат*;
- то, что касается следующего за этим ребенка – *вслед за ним родится сын, вслед за ним родится дочь*.

В отношении матери:

- возможность появления еще одного ребенка на свет либо двух сразу – *может родиться еще один ребенок, еще один ребенок родится, может родиться двойня, мать скоро снова забеременеет, роженица еще принесет двойню, роженица большие не родит двойни, просит себе товарища (чтобы мать родила)*;

В отношении предполагаемых крестных родителей:

- неизбежность стать крестным в паре с кем-либо – *быть (кому) кумом*;
- необходимость верного выбора ими крестника (ребенка противоположного пола) – в противном случае *девушка рискует не выйти замуж, парень – жениться*;
- необходимость верного выбора первых крестных родителей – *иначе девушке грозит выйти замуж за вдовца, а парню – жениться на вдове и иметь мужа или жену старше себя*.

В отношении всей семьи:

- рождение двойни – *приносит семье счастье*.

В отношении того, кто не любит (чужих) детей:

- невозможность иметь детей – *никогда не вырастит своих собственных, дети будут умирать в раннем возрасте*.

В отношении родителей:

- рождение ребенка мужского пола ведет к тому, что *муж будет уважать жену*.

Как нетрудно заметить, то, что нашло свое отражение в рассмотренном материале, предполагает выборочное и далеко не полное отношение к предметному миру родившегося ребенка, а тем более малых детей. Не углубляясь в данный вопрос и не стремясь его объяснить, соответствующим образом обозначив, поскольку не в этом состояла задача, ничто не мешает предположить, что сам этот выбор имеет значение и не случаен. Акцентируется, выделяясь как важное, что-то одно, в то время как что-то другое, не менее, может быть, важное, не отмечается. И это служит свидетельством самого положения определяемых вещей. Исходя из такого, а не иного какого-то выбора, можно к существенным обобщениям и с ними выводам подходить.

На простом и наглядном примере, последнем в ряду. Если для того, чтобы муж уважал жену, надо, чтобы первым ребенком родился мальчик, то из этого следуют два обстоятельства. Во-первых, существенность мужского пола для первородного, не случайная и обусловленная. И то, во-вторых, что определяется как *уважение* мужа к жене, за которым стоит ее, в отношении всей его семьи, положение. Не то, чтобы зависимое и подчиненное, но так же, как и существенность пола для первородного, обусловленное, а потому и не само собой разумеющееся. Уважение, а точнее признание, несомнительность своего положения, женщине следует заслужить, чему гарантией может служить мужской пол первородного.

Обратимся теперь к тому, что содержат в себе, в отношении новорожденного и малых далее следом детей, те признаки, которые нашли отражение в рассмотренном материале, с тем чтобы получить на этой основе какие-то выводы для соответствующего этапа. Для такого определения последовательность предстоит изменить.

В отношении новорожденного, на основе материала, важными видятся, в первую очередь, три ведущих для него основания: сон – жизнь – развитие-рост, с дополнением к этому физического состояния – порчи-сглаза – будущих свойств и далее счастья как доли-судьбы – положения после смерти – следующего за этим другого ребенка (детей). Представим данное положение в таком парадигматическом по своему характеру и значению отражении:

Сон	Жизнь	Развитие
Здоровье	Неподверженность	Свойства
Счастье	После смерти	Последующие

Левая часть таблицы представляет то, что обеспечивает центральную, как осевую, ведущую и в себе заключающую ядро, в том числе и ядро родового-семейного. Правая, соответственно, предполагает проекцию к поступательности, как развитию, неостановке и переходу к дальнейшему, это будущее и одновременно с этим гарантируемая защита и смысл настоящего. По вертикали также можно увидеть немаловажные соотношения, как того, для каждой части, что предполагает одно другое и с этим третье. Для того, чтобы, увидев, вывести, что оно все в отношении каждого компонента к каждому предполагает, представим себе, что такое, собственно, сон, здоровье, счастье, жизнь, непорча и пр. как парадигматические параметры, что за этим концептуально может стоять.

Для решения поставленного вопроса обратимся к двум, а точнее к трем, представлениям. Тому, что находит свое отражение в материале в отношении сна, здоровья, счастья, жизни и пр. для новорожденного. Тому, что и как можно, несколько отвлекаясь от непосредственно отраженного и потому в обобщении, в отношении того же сна, здоровья, счастья, жизни и пр., для новорожденного извлекать, с учетом возможных и допустимых для этого представлений. И тому, что и как одно к другому и третьему по вертикали и горизонтали себя соотносит.

Исходя из этого первого, чем является сон, если он характеризуется в отношении нежелательности как могущий быть *беспокойный*, как то, что ребенок *будет плохо спать* или *начнет страдать бессонницей*, с одной стороны, или что он *смеется во сне*, поскольку *его «ангелы тешат»*, с другой? Из чего прямо следует, что сон должен быть полноценным, т.е. спокойным и непрерывным, как во время своего протекания, так и в своих повторениях, с одной стороны, открывая возможность доставляющего радость контакта с высшим духовным, с другой.

В чем можно усматривать, переходя ко второму в его обобщении, по крайней мере, три стороны – полноценный сон а) обеспечивает восстановление сил подрастающего ребенка; б) не беспокоит взрослых, позволяя им при ребенке более или менее организованно существовать, что может

иметь благотворное следствие также и для него; в) предполагает возможность поддерживающего и оживляющего контакта с силами своей духовной (и не только духовной) поддержки и, соответственно, развития.

Сон, тем самым, при таком повороте допустимо рассматривать в его отношении к параметру поддержания (*сустентива*), *Sustent*, имея под этим в виду то, что можно было бы метафорически уподобить способности, обеспечивающей возможность находиться, держась, на плаву. Точнее, если бы это было реально себя разрешающим, всем своим телом и существом на воде, на ее поверхности. Опять же, если образно и метафорически, с уподоблением водной поверхности граничному положению между тем, что здесь, в этом мире и в этой жизни, и тем, что не здесь, в том мире, в той жизни, на том свете и там, где существует все остальное, дающее и отбирающее, счастье, здоровье, существование, жизнь, не только дающее, но и помогающее, поддерживающее (в мысль поддержания) и обеспечивающее.

В отношении так понимаемого поддержания, *сустентива*, сон будет иметь отношение (и это было бы третьим) к тому, что по вертикали предполагает своим параметром обозначенное ниже в Здоровье, а по горизонтали вправо – в том, что Жизнь.

Переходя к ней, т.е. тому, что в Жизни, по горизонтали, как к параметру осевому, вокруг которого все обращается и без которого все остальное теряет свой смысл, и исходя из того, что жизнь себя отражает в представленном материале в двух положениях – как то, чтобы ребенок жил и, сюда же, не будет жить, а также дети не живут, и как то, что черт может забрать к себе, – получаем вывод о реализуемом ‘здесь и сейчас’ стативе (*Stat*), или с т о я н и и .

Под этими ‘здесь и сейчас’ следует понимать наличествующее присутствие данной экзистенциональности как человеческой сущности в этом мире, в мире людей, живущих живых, среди них, вместе с ними и с ними. А это присутствие, совместное с ними существование-бытие, как с т о я н и е в данном времени и пространстве, объявляя себя в том отношении, которое предполагает позицию твердого и равновесного расположения, установления. Метафорически-образно – своими ногами на этой земле (для ребенка впоследствии, но с неизбежностью, если будет жить). Стояние, которое имеет обратную сторону, скрыто-невидимого, того, что, если образно, то «под ногами», где черт, способный забрать к себе.

Левое верхнее, обозначившее себя в материале как Сон, а парадигматически как поддержание, таковым выступает, в первую очередь, по отношению к жизненному и в этой жизни стоянию. Центральное осевое было бы невозможно без левого, его поддерживающего и обеспечивающего.

В правой части Развитие-рост – крайне важный аспект для ребенка при его подрастании и воспитании, что нашло свое отражение в материале поверьй. Важно, чтобы начал ходить, чтобы заговорил, чтобы рос. Каждый

такой поворот можно рассматривать как парадигматический параметр. Однако опустим данное рассмотрение, что заняло бы немало места при рассуждениях, потребовав к тому же своих соответствий и для других проявлений. Определяемое Развитие-рост в отношении стоящей задачи видится, не только в парадигматическом смысле, но не об этом речь, как то, что, с одной своей стороны, является следствием и потому продолжением, а с другой стороны, показателем и нормативом для Жизни-стояния.

Коль скоро ребенок вовремя, а может, и раньше, что выглядит как желательное, начинает ходить, говорить, правильно развиваясь, растет, – есть все основания видеть и полагать, что его Жизнь-стояние не должны вызывать беспокойства и из этого также (что немаловажно для разбираемого сознания) подозрений в отношении его человеческой, а не другой какой-то природы*.

Тем самым, первый параметр правой части таблицы, можно рассматривать, исходя из принятого тройственного определения (опираясь на материал, обобщая и соотнося с соседствующими, равно как и с остальными в данном фрагменте), с учетом указанных проявлений роста, хождения и говорения, как такой, который в себе содержит и проецирует а) то, что родившийся, прежде всего, человек, а не что-то другое (данное представление можно рассматривать как подразумеваемое, хотя и укрытое, знание), и б) то, что, развиваясь нормально, он может восприниматься как неущербное, не представляющее опасений в физическом и не только в физическом отношении, повторим, человеческое, существо, полноценный представитель, что из этого следует, данного социума, а также рода-семьи.

Смысл параметра определялся бы в этом случае как принятие и признание, а точнее *вхождение* (ингрессив, *Ingress*), адаптивно-апробативное по своему характеру, двунаправленное по смыслу и существу, предполагающее включение, исходящее от него и принимающее, вбирающее, его в себя как полноценного своего представителя со стороны родового, семейного и социального коллектива. В представление о вхождении, ингрессии, необходимо также закладывать положение о поступательной, себя развивающей постепенности, с этапами последующего также в дальнейшем развития-роста, необходимыми и возможными при условии столь важных первых шагов, объявляющихся в том, что растет, и растет хорошо, в том, что вовремя или раньше заговорит, равно как и в том, что, также вовремя или раньше, начинает ходить.

* Мотивы не только сказок, о чем, впрочем, уже говорилось, когда родившийся не ребенок, а подмененное потустороннее существо, что отражается в его необычном развитии-росте, а также питании и говорении. Либо очень быстро растет, достигая необыкновенных размеров, либо, напротив, перестает расти или вообще не растет, оставаясь по росту таким же и только меняя со временем облик. Однако не будем входить в эту требующую более пристального и основательного определения тему.

Левым вторым и в этом левом центральным, поскольку важным в смысле определения благополучного и обеспечивающего едва ли не все остальное существования, было бы то, что, представляясь для краткости как Здоровье и не отражаясь подробно и множественно в материале, может, в силу неполной своей очевидности в отношении новорожденного (важно, что выжил и жив, и при этом растет, а насколько физически крепок и насколько здоров, не вполне и не сразу понятно), – представляясь для краткости как Здоровье, параметр этот необходимо, в рассматриваемом с трех позиций ключе, соответствующим образом интерпретировать.

В материале нашло свое отражение только два не особенно связываемых по внешнему виду мотива, поскольку второй был бы слишком широк, касающихся необходимо-достаточного, скажем так, в отношении новорожденного, физического его состояния. А именно, то *чтобы не приключилась сухотка (болезненная худоба) и Если ребенок болеет*. Второе мало что говорит, свидетельствуя, во-первых, о том, что характер болезни может быть разный, равно как и, во-вторых, о том, что неважно, какой, любой, в том числе и, как правило, неизвестный. Не всегда в деревенских крестьянских условиях удавалось, да и стремились, определить, чем болеет ребенок и почему, главное, чтобы не болел. В связи с этим обратим внимание на то, что первое.

Сухотка, или болезненная худоба, не только заметна, бросаясь в глаза, а будучи очевидна, не требует себе объяснений (с учетом все тех же крестьянских условий), что за этим стоит и результатом чего выступает. Для представлений того сознания, о котором речь, важна она сама по себе, как самостоятельный и в известном смысле также и самодостаточный показатель. Того, что что-то, сидящее (а может, и кто-то сидящий) в физическом теле, во внутренности, обычно в утробе, сжирает, ребенка, для разбираемого случая, того, в ком сидит и находится, изнутри. А если и не сжирает, то, поглощая пищу его за него, питается им, его жизнью и соками, не давая ему, развиваясь, рости.

Означенная сухотка, или болезненная худоба (равно как и какая-то также болезнь, возможно при этом, не всякая), из чего получалось бы, есть свидетельство а) инородного, скажем так, замещающего собой своего хозяина в его теле присутствия и б) такого присутствия, которое вместе с тем есть свидетельство физической, но не недостаточности, а открытости и незамкнутости, при которых, с одной стороны, что-то другое как инородное может войти, а с другой стороны, свое природно-физическое, витальное, свойственное и необходимое, из телесного и не только телесного существа вытекает, существа того, кто подвержен подобному состоянию.

Понимая и представляя сказанное в указанном перед этим тройственном объясняющем парадигмальном ключе, связывая данный параметр с тем, что есть Сон, что стоит за ним как поддерживающий, по вертикали,

физическое положение (Здоровья) *сустентив*, равно как и с тем, что при не-порче-несглазе было определено в позиции Неподверженности, со стороны того и тех, кто наводит порчу и сглаз, иными словами, извне, – связывая все это с тем параметром, о котором речь (Здоровье), также можно было бы говорить о той же самой по своему существу неподверженности. Но не той, которая замкнута в отношении исходящего внешнего, а находящейся, сидящей, как свойство, внутри. Определить это можно было бы как некую цельность и целостность*, ненарушенность (интегратив, *Integr*), в себе самой содержащую прочную оболочку, не позволяющую, с одной стороны, ничему, в физическом, в первую очередь, смысле, выходя, вытекать, равно как и, с другой своей стороны, не допускающую и не предлагающую возможность съедающего витальность присутствия в себе ино-родного, также как и вторгающегося внутрь его вхождения. За всем этим стоит тот мировоззренческим образом определяемый взгляд, который связан с традиционным народным сознанием, воспринимающий так не только недомогания и болезни различного рода, но и все остальное, имеющее отношение к живому и полному, полноценному, состоянию человека.

Осевым и к тому же центральным по отношению ко всем остальным параметром получилось то, что, будучи названо как Неподверженность с представлением, если не о закрытости для порчи и сглаза, вредоносному, поражающему действию со стороны, что трудно было бы предположить для обычного человека, то о желательной всякий раз ненарушенности той обеспечивающей цельности-целостности (параметр левого положения), которая действует применительно к Жизни, Развитию, Здоровью, Счастью и вместе с этим ко всему остальному. Не будь в человеке такого свойства, точнее будь оно в нем нарушено и поражено, действиями внешнего зла и вреда, не может себя проявлять все то, что с ним связано, что дает ему счастье, здоровье и жизнь, что полагает в нем нормальность существования, желательным, а тем самым, и развивающимся образом, переходящим от одного к другому. Иными словами, это та часть и та в нем составляющая, которая держит в нем все, что *его*, как центр и ось, вокруг которой все обращается и из которой также все и исходит.

Объяснить и представить определяемый таким образом признак можно было бы как *ненарушенность* (не ненарушенность, в этом важное и определяющее отличие), *невредимость* живого, витального и экзистенционального в нем и его положения и состояния – иллибатив, *Illibat*. Витального – в смысле жизни физического и животного существования.

---

* Не случайно это связывается с такими словами, как *целитель*, *целительство*, *исцелять* от *целый* и с этим *целостный*, *цельный*, в достаточно общем, чтобы не сказать, что широком, понимании, не только физического здоровья, поскольку делающего человека человеком в полном смысле этих значений.

Экзистенциального – в смысле всего остального, предполагая в этом благополучие, в том числе и семейное, а также, при благоприятствующем уложении, счастье, успех, удачу. И если не все это как не всегда возможную оптимальность, то, по крайней мере, не то, что противоположно, будучи нормативно, более или менее спокойно и к окружению приспособлено. Впрочем, то либо другое значение – оптимума или нейтрального среднего для человека, будет зависеть не от указанной ненарушимости в нем, а от чего-то принципиально иного. Ненарушимость есть лишь условие недопущения, точнее было бы говорить недопустимости, недопущенности, поскольку важен фиксируемый на каждом возможном этапе момент, привходящего, в виде поражающей порчи нарушения, зла и вреда.

Правый центральный параметр, названный Свойства, не слишком подробно и не так, чтобы основательно, представленный в материале – *чтобы не был пуглив (о ребенке), будет быстро снашивать одежду либо, напротив, подолгу не снашивать*, требует в этой связи дополнительных рассуждений. Прежде чем подойти к какому-то заключению, опираясь на то, что было определено как второе и третье, в обобщение и в соотнесение с другими параметрами в таблице, видится небезразличным задуматься над тем, что за сказанным в приведенных повериях может стоять, как это сказанное, воспринимая в концептуальном контексте сознания, можно интерпретировать. Почему, иными словами и несколько с другой стороны, важно, чтобы ребенок *не был пуглив*, и данное положение имеет свое отношение, как это представлено, к зеркалу. О какой пугливости, а точнее непугливости как желательном свойстве в этом случае речь? Так же как представляется важным то, чтобы одежду свою он подолгу не снашивал. Возможно ли то и другое при этом каким-либо образом связывать, имея в виду какую-то показательную характеристику, которая предполагает проекцией то, что названо, равно как и то, что не названо, следя вместе с тем из нее?

Представленную и предполагаемую как свойство необходимо-желательное для человека, в новорожденном в его последующей жизни, непугливость можно рассматривать как признак, имеющий отношение к тому, что, будучи в нем его внутренним, себя проявляет во внешнем. В том, как он обычно себя ведет при столкновении с чем-либо, что может, способно такую реакцию в нем вызывать. Пугливость, иными словами, такое свойство, которое, делая его преувеличенно предусмотрительным и осторожным, не способствует стремлению в нем к преодолению трудностей, равно как и лишает его умения и возможности отважным и эффективным образом чему-то или кому-то противостоять, превращая его в постоянно тревожное, обеспокоенное и, в конечном итоге, безвольное существо, не способное своих проблем разрешать.

Вместе с тем эта пугливость, будучи не случайно связана с зеркалом, имеет двойную природу. От себя для себя самого (как свое отражение)

и от того, что, отражаясь в зеркале, находится рядом и, возможно также, за зеркалом, будучи внешним отображаемым и тем внешним, которое прямо так сразу не отражается, но способно, если не быть отраженным, то в нем присутствовать. Как нечто потустороннее и не от мира сего, что может увидеть ребенок в силу своего положения между этим миром и тем и что не дано в обычных условиях видеть взрослому человеку.

Получается, что та пугливость, о которой в разбираемом случае речь, есть не что иное, как неспособность и неготовность, в итоге, его человеческого в нем существующее и отражаемое зеркалом непугливым образом (приходится повторить) для себя принимать. Несспособность и неготовность, ставшие следствием им увиденного, едва появившись на свет, в детском, младенческом, слабом, несовершенном еще, состоянии, не адаптированном полностью к человеческому. Из чего получалось бы закрепление в нем его такого неполноценного, детски пугливого в отношении его же как взрослого, отношения к существованию, к тому, с чем приходится сталкиваться и что его окружает.

Что касается признака, стоящего за представлением о быстро сшиваемой либо, напротив, подолгу не сшиваемой им на себе одежды, как характеризующем свойстве, его, привязывая к тому, чем это в тексте поверия обусловлено, с шитьем рубашек до года *из новой ткани* либо, напротив, *из каких-либо старых обносок*, – минутя лежащее на поверхности представление о практичности, собранности и умении сохранять свое на себе у подобного человека, данный признак можно рассматривать как своего рода стабильность. Не в том дело, однако, чтобы воспринимать его широко, а в том, чтобы с понятием, относимом к тому, что *из новой ткани* либо, не просто, а *из каких-либо старых обносок*. Стабильность эта, тем самым, также свидетельствует об умении приспосабливать, применяя, все то, что возможно и существует как *старое* и как то, что *какое-либо* (для других и многих) и, следовательно, какое попало для них, ненужное, обветшалое и, поскольку *обноски*, то хлам, – свидетельствует эта стабильность в нем об умении видеть во всем его позитивно-полезную и практическую, как неизменную, ценность и целостность, не отвергая того, что, по общим понятиям и меркам, ничего такого из себя не представляет, поскольку не нужно и себя изжilo.

Переходя к обобщению и стремясь найти тот объединяющий, от внутреннего к внешнему и от внешнего к внутреннему, в том, что было показано, контрпункт, с не эксплицированным подключением к нему всего остального, представлять его можно, в отношении желательных Свойств человека, как способность, умение в *д е н и я* – респектив, *Respect*. Видения точного, верного, не пугливого и практически-стабильного, правильно ориентированного, – того, что вне, и того, что внутри, того, что себя объявляет, равно как и того, что не объявляет, но содержит, имеет

в себе существенный, важный, способный быть примененным, смысл. Собственно говоря, это тот признак, который, связываясь в человеке с правильной ориентацией, как в этом мире, так равно и в том, вписывает его наиболее полным, оптимальным и эффективным образом в существующее. В то, что его ожидает и что в жизни ему предстоит.

Обращаясь к третьему, и последнему, ряду по горизонтали в таблице, в позициях левого Счастья, того, что было названо После смерти для осевого, и правого как Последующие, существенным видится, после того, что было перед этим рассмотрено, указать на характер вертикального соотношения горизонтальных рядов.

Первый, верхний, ряд образует своего рода внешнее, то, что себя объявляет и наблюдает в том, как живет и что производит при этом собой человек (в разбираемом случае ребенок). Второй ряд, соответственно, будет внутренним, то, что невидимо, а точнее то, что невидимое за представляющееся видимым и в своей такой видимости стоит, обозначенное как Здоровье, Неподверженность, Свойства, в том для них концептуальном ключе, который был перед этим представлен. И, наконец, третий, нижний, ряд, можно видеть как не то, чтобы невидимое и не всегда или не только как потустороннее, но, скорее, как непосюстороннее. То, что вообще, а тем самым, не здесь, не сейчас, но, возможно, всегда и везде. Хотя все это не имеет такого к себе отношения, поскольку это не то, что вневременно или вечно, а если вневременное и вечное, то привязанное к экзистенциальному *своему в своем* для него человеке (ребенке), как *его Счастье, его положение После смерти, а за ним его* также Последующие, т.е. те, кто приходит после него, вслед за ним, у его же родителей, как представители, члены, той же семьи, того же рода и социума.

Счастье не определялось в рассмотренном материале в каком-либо отношении, точнее определялось, в связи с материальным достатком – *будет счастлив и богат (Если ребенок родился ночью)*. Не случайным, хотя не единственным показателем, видится это *ночью*, к тому положению непосюстороннего, о котором упоминалось. Не вдаваясь в подробности известного представления о счастье, как о доли и части, привязываемым также к богатству (какого счастья можно ожидать в нищете?), то, о чем речь применительно к участи, следует видеть не столько в одаривающем, сколько в поддерживающем воздействии, обеспечивающем безбедное существование на первом, как достаточном, уровне и зажиточное, полное, в богатстве, на уровне более высоком. Воздействии со стороны того, что за этим, себя таким образом проявляя, стоит. Не будем входить также и в это определение, поскольку для стоящей задачи важно не то, как и что в этом мире действует, оделяя либо не оделяя рождающегося, а каким семантическим признаком можно было бы охарактеризовать широко понимаемое счастье, имеющее отношение к богатству, с одной стороны, к здоровью как

интегративной цельности-целостности, с другой, и к положению После смерти, с еще одной, не менее важной, но не проявляемой.

Спускаясь в определяемом представлении по вертикали, если Сон соотносился с параметром поддержания, *сустентива*, удержания в этой жизни и в этом мире (как на воде), Здоровье – с интегративной цельностью-целостностью, то чем будет Счастье в этом ряду? С каким параметром соотносить и в каком смысловом отношении его можно представить? Иными словами, что стоит за движением от верхнего к нижнему положению, с учетом того, что было сказано применительно к внешнему, определяемому, видимому, наблюдаемому во внешнем, к внутреннему как непосредственно не наблюдаемому и тому, что, будучи не от мира сего, себя отражает последствием в мире сём?

Отталкиваясь от этого последнего указания, искомый признак можно увидеть, определив, как направленное от интегральности второго ряда и к ней от того, что находится в третьем ряду, положение скрытого основания, смысл которого непросто словами определить. Что обтекаемо и недостаточно точно обращалось бы вокруг представления места-присутствия, места-наличия и бытия для данной в рождающемся и родившемся человеческой экзистенциальности.

Объяснить это можно как нечто похожее на своеобразную нишу, заполняемую форму-сосуд, раскрываемую (если образно) створками раковину, которые представляют для данного человека, входящего в этот мир, то, что для него обеспечивает таковую возможность. С одной стороны, это форма существования для него, относящаяся к тому, что не посюстороннее, а с другой, та же форма, но в продолжающем себя отражении, подобно лучу, в том, что относится к миру этому, как проекция ожидающего его в этом мире бытийного пребывания.

То, что обозначается счастьем и сюда же долей, как наделением при рождении, переводя в контекст разбираемого, можно видеть как выделяемый и отделяемый от всего остального для данного человека его собственный сектор, экзистенциональный пучок того, что ему, с одной стороны, прилагается, а с другой, также и при этом в первую очередь, то, что ему «пространственно» в силу наличия полагается, поскольку в противном случае ему не досталось бы места на этой земле (понимая все это переносно и метафорически).

Из чего получалось бы, что речь идет об экзистенциональном наделе для данного человека (ассигнативе, *Assignat*), понимая под этим и то, что ему, отводясь, изначально дано в *удел*, с чем приходит он в этот мир, наделенный, равно как и то, что ему дается, приделяется и уделяется, также как отводимое, им занимаемое вследствие этого «место», локализация его существования-бытия.

И тогда положение После смерти, определяемое в материале с позиции не случайной в ключе разбираемого необходимости не оказаться *на том свете голыми и не страдать* при этом также *ознобой (лихорадкой)*, что должно обеспечиваться крестными, покупающими *материал на рубашку и крест*, – опуская немаловажные показатели того и другого, что уводило бы в сторону от стоящей задачи, определить это положение можно было бы как недостаточное, а точнее не поддерживаемое, оделение телесного (в материале рубашки) и эмотивно-духовного, связывающего с тем, что не посюстороннее (в крестике), родившегося со стороны того, что это и в этом мире, к тому, что в том. Со стороны того, что в этом мире, поскольку, в крестных родителях, людьми. К тому, что в том, поскольку в *крестных, иными словами, тех, кто, принимая участие в обряде крещения, приобщает новорожденного к земному миру через его отнесение к верхнему и неземному, смыкая, стыкуя в нем для него посюстороннее с не посюсторонним*. Если не будет он, этот родившийся, крестными оделен рубашкой, как оболочкой для тела, и крестом, как обеспечивающим ему защиту не только телесную, то и окажется он на том свете голым и будет его, лихорадя, трясти.

Признак, имеющий отношение к положению После смерти в разбираемом ряду, можно представить, тем самым, как необходимую, обеспечивающую на том свете не пораженное состояние, обряженную, покрытую³⁸, не столько в физическом, сколько в метафизическом, понимании, облаченность (может, точнее было бы говорить, облекаемость, веститив, *Vestit*), формируемую, создаваемую для него его крестными при крещении посредством покупаемых ими рубашечного материала с крестом. Как предметов, что следовало бы добавить, обладающих, наделяемых свойствами, в определенный для подобной возможности ритуальный момент и со стороны соответствующих агентов-участников, себя проявлять в указанном отношении (о чем говорилось неоднократно на примере других единиц).

Если левую вертикаль, особенно в нижней части ее, понимать как пространственный своего рода аспект, а осевую центральную как витально-телесный (то и другое в метафизическом смысле), то правую следует видеть как аспект развивающегося движения, порождения и продолжения, – генеративный и временной (опять же в метафизическом представлении). Тогда те, кто Последующие, применительно к родившемуся, а также рождению как явлению и событию, в отношении родителей данного человека, но не только его, в материале с определением, кто родится, дочь или сын, т.е. какого следует ожидать продолжения, – с учетом Свойств, стоящих сверху по вертикали в их видах и (респективе), можно представить в искомой парадигмальности как то, что родившегося полагает звеном, или квантом, общей эзистенциональной энергии, до которого и перед которым что-то такое же было и есть и после которого

что-то такое же наступит и будет. Стоящий за всем этим признак можно определить как подтверждающий и вместе с тем открывающий, обновляемый, с ним и в нем, экзистенциональный, точнее было бы говорить экзистенциональностный, генератив, *Gener*.

В заключение сказанного, применительно к родившемуся, в этой последней части, предполагающей и отражающей для него этап, наступающий после рождения с появлением ребенка на свет, описанную перед тем девятиместную схему можно, с учетом показанных положений, отразить в такой ее призначной форме:

Поддержание	Стояние	Вхождение
сустентив	статив	ингрессив
<i>Sustent</i>	<i>Stat</i>	<i>Ingress</i>
Цельность	Невредимость	Видение
интегратив	иллибатив	респектив
<i>Integr</i>	<i>Illibat</i>	<i>Respect</i>
Надел-удел	Облаченность	Порождение
ассигнатив	веститив	генератив
<i>Assignat</i>	<i>Vestit</i>	<i>Gener</i>

Представленную схему, имеющую парадигматический смысл, в отношении характерного для примет и поверий сознания, можно рассматривать как обобщающую и как заключительную. С точки зрения рассмотренных этапов рождения с появлением человека на свет. Последовательность, открывавшаяся зачатием, с допускаемой при этом возможностью выбора, а точнее влияния, на пол, или гендер, ребенка, что представляется важным для сознания, о котором речь, и разрешимым при определенных, предметами, действователями, совершаемым актом и моментом, услови-ях, – эта последовательность, от выбираемого намеренно гендера, как исходной точки, далее переходит к тому, что было показано, но что далеко не в достаточной мере отражено. Если иметь в виду стоящее за всем этим сознание как способ видения и мышления, предполагающего такое отношение к миру, которое, допуская возможность обусловленно-ограниченного воздействия на него, вместе с тем полагает такой же, разве что менее обусловленный, характер воздействия и с его стороны. Не будем, однако, входить в размышления по данному поводу, лишь обозначив его как существенный показатель того материала, который был объектом анализа.

Не менее существенным показателем материала является то, что на первый взгляд выглядит как обрывочность (по отношению к некоему концептуальному и вместе с тем парадигмальному целому). Что-то одно означается и в желательном либо предупреждающем как нежелатель-

ность отношении находит свое отражение, в то время как что-то другое и, казалось бы, многое нет. Вместе с тем из этих обрывков, осколков, пропадающих на поверхность проекций, складывается в своей постепенности, может быть даже, не представление, хотя также оно, сколько общее ощущение, если не целого, то того, что составляет его акцентируемую, выясняемую в своих составляющих, аранжировку. Тех своих составляющих, которые видятся как существенные и определяющие, с позиций концептуального целого, о котором речь, в отношении его представляющих смыслов.

О подобного рода отдельных проекциях можно было бы с достаточной очевидностью говорить на примере того материала, который, будучи приведен и показан для этапа рождения, не нашел своего отражения в рассуждениях к представленной схеме. Речь о позициях, названных ‘в отношении матери (родившегося ребенка)’, ‘в отношении предполагаемых крестных родителей’, ‘в отношении семьи’, ‘в отношении того, кто не любит (чужих) детей’ и ‘в отношении родителей (мужа, жены друг для друга)’. Рассмотрение этих проекций могло бы добавить какие-то аспектуальные положения к сказанному, однако, связываясь в большей мере с теми, кто обозначен и в меньшей степени с самим родившимся, подобного рода материал потребовал бы дополнительных объясняющих экстраполяций, что, усложняя задачу, мало что вносило бы по своему существу.

Представленное в рассмотренных переходных этапах общее продвижение, видясь (приходится повторить) от начальной возможности выбираемого гендеря при зачатии через установление и подтверждение, отчасти его же, как факта, себя объявившего при беременности, с необходимостью для беременной защиты плода и с ним себя, с избеганием для обоих вреда, с дальнейшей необходимостью благополучного разрешения и указанием совместно производимых действий, которые будут тому способствовать, с определением того, что нашло свое отражение в последующем с установлением желаемых и ожидаемых свойств у рожденного, опуская все далее выведенное и ранее сказанное, – за этим всем, равно как и не бывшим предметом предложенного рассмотрения многим другим, стоит, что само собой разумеется, не просто концепция человека, но такая его концепция, которая предполагает создание, формирование и, если точнее, то формирующее появление его.

Будучи по своему истоку, в этапах и результате, генеративной, концепция эта видит и предполагает в нем необходимый к созданию либо наличию в нем набор (подходя к вопросу с парадигматической точки зрения) позиций и признаков, обращающихся, в конечном итоге, вокруг того, что, представляясь существенным (в социально-концептуальном, семейном и родовом отношениях), выглядит а) как его предпочтительный пол, в позиции от мужского как более ожидаемого к женскому как

допустимому – преферентный маскулинатив; б) как то, что, родившись, должно себя сохранить во времени, отведенно-положенном для проживания – витально-экзистенциональностный пердуратив; в) как то, что, родившись, должно обрести себя в отношении какой-либо формы призначно-деятельностного своего проявления – атрибутивно-акциональностный проспектив; г) как то, что желательно, чтобы было не обделено, а лучше, если одарено и всем обеспечено, прочно и твердо стоящее на своих ногах – кондициональностный фундатив; д) и, наконец, обобщая и завершая, как то, что, представляя собой ни конец, ни начало, являет себя как развитие, продолжение, за которым и из которого, далее, следует, не прерываясь, другое, такое же, как оно, – генеративностный итератив.

Выведенные пять оснований, предполагающих свои отражения в проекциях уровней, форм, композиций, структур, соотносятся в смысловом отношении как с тем, что было представлено для этапов предшествующих, так и, в первую очередь, с тем, что было выявлено и показано в самом конце, в отношении новорожденного, в девяти позициях обозначенной ранее схемы. То и другое можно рассматривать как обобщающее и вместе с этим включающее, вбирающее в себя все последующее из него завершение, но не как две части и половины единого, а как то, что, проникая во все остальное, пронизывает его собой, в самых разных проявлениях и случаях, для разных парадигматических и синтагматических проективных условий.

Литература и примечания

¹ Литература, касающаяся различных сторон проблематики текста, невероятно обширна. Текст изучается в разных дисциплинах и с самых разных сторон. По-разному и неоднозначно поэтому видится также проблема определения текста, будучи связана не только с исследовательскими, но и с мировоззренческими позициями и представлениями авторов. Среди необъятного количества научных работ по данной теме назовем лишь некоторые, наиболее известные и показательные (из чего также, отчасти, можно сделать вывод об аспектах и динамике лингвистического, в первую очередь, интереса к тексту): С.И. Гиндин: *Связный текст: формальное определение и элементы типологии*. Москва: АН СССР. Ин-т рус. яз., 1971; *Синтаксис текста: Сборник статей*. Москва: Наука, 1979; В.В. Одинцов: *Стилистика текста*. Москва: Наука, 1980; И.Р. Гальперин: *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва: Наука, 1981; А.И. Новиков: *Семантика текста и ее формализация*. Москва: Наука, 1983; Е.А. Реферовская: *Коммуникативная структура текста*. Ленинград: Наука, 1989; Ю.М. Лотман: *Семиотика культуры и понятие текста*. [В:] Ю.М. Лотман: *Избранные статьи*. Т. 1. Таллинн 1992, с. 129–132; С.И. Гиндин: *Первые полстолетия лингвистики текста: историко-научные и методологические уроки*. [В:] *Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы конференции*. Москва: МГУ, 1995, т. 1, с. 125–126; Ю.С. Степанов: *Междуд «системой» и «текстом»: выражения «фактов»*. [В:] *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность*. Москва: Институт русского языка РАН, 1995, с. 111–119; М.Я. Дымарский: *Является ли текст языковым знаком?* [В:] *Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака*. Новосибирск: НГПУ, 1996, с. 168–179; Е.В. Скворецкая: *Языковая организация текста*. Новосибирск 2002; *Структура текста и семантика языковых единиц*. Сборник научных трудов. Отв. ред. Н.Г. Бабенко. Калининград: Калининградский государственный университет, 2003; Н.А. Кузьмина: *Интертекстуальный тезаурус языковой личности и методы его изучения*. [В:] *Интерпретатор и текст. Проблемы ограничений в интерпретационной деятельности*. Пятые филологические чтения. Новосибирск 2004, с. 41–57; *Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики*. Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. Москва: Смысл, 2004; *Картины русского мира: аксиология в языке и тексте*. Томск: Изд. Томск. ун-та, 2005; *Структура текста и семантика языковых единиц*. Сборник научных трудов. Выпуск 3. Отв. ред. Н.Г. Бабенко. Калининград: Российский государственный университет им. Иммануила Канта, 2005; *Структура текста и семантика языковых единиц*. Сборник научных трудов. Выпуск 4. Отв. ред. Н.Г. Бабенко. Калининград: Российский государственный университет им. Иммануила Канта, 2007; Т.Е. Литвиненко: *Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста*. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2008; Н.С. Болотнова: *Текст как явление культуры*

и его лингвокультурологические коды. [В:] *Русская речевая культура и текст: Материалы VI Международной научной конференции 25–27 марта 2010 года*. Томск 2010, с. 65–71; *Русская речевая культура и текст. Материалы VIII Международной научной конференции (17–18 апреля 2014 г.)*. Томск 2014; Н.А. Кузьмина: *Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации*. Москва: URSS, 2018.

Представление о тексте как объекте лингвистического изучения и филологического образования можно получить на основании следующих учебных пособий: Л.М. Лосева: *Как строится текст*. Москва: Просвещение, 1980; О.И. Москальская: *Грамматика текста*. Москва: Высшая школа, 1980; З.Я. Тураева: *Лингвистика текста*. Москва: Просвещение, 1986; В.А. Кухаренко: *Интерпретация текста*. Учебное пособие для пед. институтов. Москва: Просвещение, 1988; О.Л. Каменская: *Текст и коммуникация*. Москва: Высшая школа, 1990; Н.С. Валгина: *Теория текста*. Учебное пособие. Москва: Логос, 2003; Ю.А. Левицкий: *Лингвистика текста*. Учебное пособие для вузов по специальности «Филология». Москва: Высшая школа, 2006; Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Л.М. Комиссарова, Н.В. Панченко, А.А. Чувакин: *Теория текста*. Учебное пособие. Москва: Флинта, Наука, 2010; Т.Ф. Плеханова: *Дискурс-анализ текста*. Пособие для студентов вузов. Минск: ТетраСистема, 2011; Н.С. Болотнова: *Филологический анализ текста*. Учебное пособие. 5-е изд. Москва: Флинта, 2016; В.Е. Чернявская: *Лингвистика текста. Лингвистика дискурса*. Учебное пособие. 4-е изд. Москва: Флинта, 2016.

Сжатое и четкое представление о тексте в аспекте его не только лингвистического понимания, с указанием на основные источники, можно найти в работе: В.Е. Хализев: *Теория литературы*. Москва: Высшая школа, 1999 (Глава III, раздел 4. Текст, с. 155–160: § 1. Текст как понятие филологии; § 2. Текст как понятие семиотики и культурологии; § 1 Текст в постмодернистских концепциях). Как отмечает автор со ссылкой на Ю.М. Лотмана, „Термин «текст» (от лат. *textus* – ткань, сплетение, соединение) широко используется в лингвистике, литературоведении, эстетике, семиотике, культурологии, а также философии. Это, отметил Ю.М. Лотман, «бессспорно, один из самых употребимых терминов в науках гуманитарного цикла. Развитие науки в разные моменты выбрасывает на поверхность такие слова; лавинообразный рост их частотности в научных текстах сопровождается утратой необходимой однозначности. Они не столько терминологически точно обозначают научное понятие, сколько сигнализируют об актуальности проблемы, указывают на область, в которой рождаются новые научные идеи» (Ю.М. Лотман: *Избранные статьи...*, т. 1, с. 148). За словом «текст» стоит несколько разных, хотя и взаимосвязанных значений”, <https://www.rulit.me/books/teoriya-literatury-read-6298-1.html> (дата обращения: 25.12.2020).

Что касается разбираемого нами предмета и изучаемого материала применительно к тексту, достаточным видится отнесение к такому диссертационному исследованию, где можно также найти соответствующую литературу вопроса: Т.С. Садова: *Народная примета как текст и проблемы лингвистики фольклорного текста*. Диссертация д-ра филол. наук. Санкт-Петербург 2004, 373 с. В главе 2. „Грамматика приметы” вопросами текстовой организации того же материала (падежи, число, глагольные формы, синтаксические особенности) занимаются В.К. Харченко, Е.Е. Тонкова: *Лингвистика народной приметы*. Белгород: Изд-во ОАО «Белгородская областная типография», 2008, с. 44–63.

² Подобное концептуальное восприятие мира приписывается Ж. Деррида, хотя, если, несколько расширяя и подходя к проблеме с позиций, может быть, исторических, а может быть, историософских, взгляд на имеющуюся действительность, но не как текст, а, скорее, как книгу, не то, чтобы написанную, но как книгу самосущую и в реальности лишь отражаемую, увидеть можно как в древнееврейской религиозной традиции, так и в древ-

неиндийских философских системах (так называемые Хроники Акаши). Положение это связывается с восприятием существующего как вечно имеющегося и где-то написанного, давно, а то и всегда, при котором то, что в какое-то время, себя обнаруживая, проживается, есть лишь проекция части, фрагмента этой животной книги. То же самое, разве что в несколько ином повороте, но концептуально подобное, можно увидеть и в представлении о „Голубиной книге”, собрании восточнославянских народных духовных стихов, упавшей, ниспосланной с неба и содержавшей ответы на основополагающие вопросы существования и бытия. Не будем, однако, входить в эту тему, требующую, прежде всего, философского определения, лишь отметив сказанное как важное, в ключевом отношении, положение. Отличие между тем, что понимать как книгу, а что как текст, не представлялось бы в данном случае сущностным.

Что касается взглядов упомянутого философа, также не входя в разъяснения и толкования отстоящих от нашей темы проблем, ограничимся следующей цитатой из работы, специально этому посвященной, со ссылками на источники: „Ж. Деррида считает текстом сложноорганизованное многосмысловое гетерогенное образование, возникающее «в развертывании и во взаимодействии разнородных семиотических пространств и структур» как «практика означивания в чистом становлении» [2, с. 228] и способное генерировать новые смыслы. Для Деррида не существует ничего вне текста”.

„Философ отказывается от интерпретации текста как сугубо лингвистического феномена («в смысле устной или письменной речи»), распространяет понятие текста и на внеязыковые семиотические объекты, на весь мир, рассматриваемый в категории текста и, таким образом, «текстуализируемый». «Каждая реальность является текстовой по своей структуре, поскольку воспринимается, переживается как система различий в смысле постоянных отсылок к чему-то другому» [3, с. 374]. В интервью с О.Б. Вайнштейн Деррида сказал: «Для меня текст безграничен. Это абсолютная тотальность. «Нет ничего вне текста»: это означает, что текст – не просто речевой акт. Допустим, этот стол для меня – текст. То, как я воспринимаю этот стол – долингвистическое восприятие, – тоже само по себе для меня текст» [4, с. 74]. (И.Н. Пономаренко: *Постмодернизм и гипертекст*. „Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение”, 2005, № 7, с. 99. По сноскам в данной работе: 2. Т.Х. Керимов: *Интертекстуальность*. [В:] *Современный философский словарь*. Москва–Бишкек–Екатеринбург, 1996; 3. Т.Х. Керимов: *Постмодернизм*. [В:] *Современный философский словарь*...; 4. *Интервью с Жаком Деррида*. [В:] „Arbor Mundi / Мировое дерево”, 1992. Вып. 1.) См. также показательную в разбираемом контексте работу: Т.М. Николаева: *Текст. Как путь и как многомерное пространство*. [В:] *Концепт движения в языке и культуре*. Отв. ред. Т.А. Агапкина. Москва: Индрик, 1996, с. 336–352.

Обращаясь, однако, вокруг этой темы в ее отношении к предмету предлагаемого рассмотрения, стоит напомнить о важном для его понимания треугольнике, составленном из взаимосвязываемых позиций Действительность – Сознание – Текст (может скорее, Высказывание или какая-то законченная и определяемая Вербальная форма, которая соответствует в своем выражении тому, что в первом и во втором). Сознание отображает то, что в Действительности, и выражает ее и себя в том, что далее Текст (не входя в дальнейшие уточнения). И тогда передаваемое в виде вербальной формы в повериях с приметами следует понимать как интерпретируемое Сознанием, с одной стороны, отображение Действительности, а с другой и в то же самое время, как ее самоё, но такую, которая носит в себе отпечаток Сознания. Это та Действительность, которая, будучи, несомненно, реальной, реальность свою представляет в отношении так ее понимающего, воспринимающего и ориентированного в ней Человека. Из чего получается, что при изучении выбранных для предлагаемого анализа в соответствующем ключе поверий

с приметами, к ним можно и следует подходить как к тому, что содержит в себе мир Действительности, отраженный и интерпретируемый Сознанием (что было бы в препозиции, своего рода в скобках) и выраженный для своего обнаружения при посредстве вербальных форм. Объектом подобного изучения, следовательно, становится то, что составляет Действительность, с подразумеваемым добавлением к этому, как Образ, отображеный и созданный Сознанием живущего в ней Человека.

³ В качестве иллюстрации данного положения, можно бы было сказать, что мифологического в основе своей, но не это важно для разбираемого предмета, важно само отношение к внешнему, приведем известные из народной традиции представления, нашедшие свое выражение в заговорах. При болях в пояснице, радикулите, страдающий подходит к овину, нередко ночью, чтобы никто не видел, трется о него и говорит: „— Овин, ты, овин, *возьми мой утин*, а не возьмешь утина, сожгу тебя, овина”. Для детей: „Если молочный зуб выпадал, то его кидали в печку и говорили: «Мышка, мышка, на тебе молочный, а дай костяной»”; „Если ребенок падал, говорили: У сороки боли, у вороны боли, у нашего Сашуна – камешком зарости”.

От зубной боли: „Иду я ни улицею, ни дорогою, а по пустым переулкам, по оврагам, по каналам. Навстречу мне заяц. Заяц, ты заяц: где твои зубы? Отдай мне свои, *возьми мои*. Иду я ни путем, ни дорогою, а темным лесом, сырым бором. Навстречу мне серый волк. Волк, ты серый волк: где твои зубы? *Вот тебе мои зубы, отдай мне свои*. Иду я ни землею, ни водою, а чистым полем, цветным лугом. Навстречу мне старая баба. Старая ты баба: где твои зубы? *Возьми ты волчьи зубы, отдай мне свои выпадые*. Заговариваю я зубы крепко-накрепко у раба такого-то, по сей день, по сей час, на век веком!”

Заговор на осиновый сучок от зубной боли: „*Взять маленький осиновый сучок и трижды прочесть над ним*: «На море на Кияне, на большом острове на Буйне стоят три высокия дерева, а как первое то дерево Петрий, а второе то дерево Хитрий, а третие дерево Кипарис; под ними лежит заяц; ты, зубная боль, к тому зайцу переселись»”. (Русские заговоры и заклинания. <http://www.philol.msu.ru/~folk/old/sci%26pub/rzztext.htm>, дата обращения: 27.12.2020).

При составлении *Указателя сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян*. (Москва: Наследие, 1997) В.Л. Кляус в качестве формул, отмеченных позицией В1., приводит, наряду с другими, такие соотношения В1. ДАЮТ. ЗАБИРАЮТ ОДНО – ДАЮТ ДРУГОЕ. ВЫНИМАЮТ У ОДНОГО – ВКЛАДЫВАЮТ ДРУГОМУ. ОТНОСЯТ ОДНО – ПРИНОСЯТ ДРУГОЕ. Иллюстрацией служат следующие ситуации (со ссылками на источники, с. 236 и след.): Заря берет у ребенка *заговариваемого* болезни. У *заг* девица, у *зари* молодец. *Молодец *зари* берет болезни, уносит на болота и др. Дуб берет у ребенка *заг* болезни. У *заг* сын, у *дуба* дочь. *Дочь дуба берет болезни. *Заг* дает огню крик с ребенком, а ребенку сон. Рядом с ребенком огонь. Он к ночи скандалит. *Заг* дает ему с ребенком крик, а ребенку сон. Птицы берут болезнь, отдают здоровье и др. *Куры берут бессонницу и дают сон. Дерево дает прямоту, забирает кривоту. Растет верба на горбу, падает на него. Горб исправляется, верба искривляется (*от искривления позвоночника*).

См. также литературу о заговорах. Назовем лишь некоторые, основополагающие, и представляющие интерес работы: Н.В. Крущевский: *Заговоры, как вид русской народной поэзии*. [1876] [В:] Н.В. Крущевский: *Избранные статьи и работы по языкоznанию. РАН. Отделение литературы и языка. Комиссия по истории филол. наук. Сост. Ф.М. Березин. Москва: Наследие, 1998, с. 25–47* („*Варшавские университетские известия*”, 1876, № 3, с. 3–69); Н.Ф. Познанский: *Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул*. Ст., примеч., сост. списка источников Ф.С. Капицы. Москва: Индрик, 1995, с. V–XVI, 1–327. Репринт изд.

1917 г.; Е.Н. Елеонская: *Сказка, заговор и колдовство в России*. Москва: Индрик, 1994; Т.А. Агапкина: *Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира*. Москва: Индрик, 2010; Ф.Ф. Болонев: *О народной медицине и заговорах русского населения Забайкалья*. [В:] *Генезис и эволюция этнических культур Сибири*. Новосибирск 1986, с. 114–129; Н.И. Коновалова: *Лечебные заговоры как суггестивный текст*. [В:] „Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена”, 2004, с. 67–75; Т.В. Топорова: *Язык и стиль древнегерманских заговоров*. Москва: Эдиториал УРСС, 1996; *Заговорные тексты в структурном и сравнительном освещении*. Москва: Пробел, 2000, 2011.

Иллюстрацией разбираемого положения может служить также общеизвестная заговорная жнивная формула, помещенная у Даля в форме *Жнивка, жнивка! отдан мою силку, на пестъ, на мъшокъ, на колотило, на мотовило, на кривое веретено!* говорить жницы, катаясь, послѣ жатвы, по жниву. (В.И. Даъль: *Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах*. Том первый, Москва: Русский язык, 2000, с. 528). Формула эта имеет свои варианты. Т.А. Агапкина объясняет заложенную в ней в дожинальном обряде идею возвращения силы следующим образом: „После изготовления «бороды» [пучок последних несжатых колосьев, оставляемых в поле] или последнего снопа жницы катались или кувыркались по оставленным на поле колосьям или же рядом с ними. В жатвенном катании по земле была акцентирована передача силы от земли к человеку. Кувыркаясь по полю, женщины произносили заговорные формулы. Основной их мотив: «Нива (жнивка), отдан мою силу», дополняемый указанием на различные виды работ, которые предстояло выполнить женщинам осенью и зимой и для которых эта сила была необходима. Среди них чаще всего назывались толока, молотьба, толчение зерна, дранье перьев у домашней птицы, прядение: «Овсяная жнивка, подай мою силу на пест и мелень, на кривое веретено да еще на молотило – пашню молотить».” (Т.А. Агапкина: *Катать(ся)*. [В:] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. В пяти томах. Т. 2, Д–К (Крошки), Москва: Международные отношения, 1999, с. 479). См. также специально этому посвященную работу: А.А. Иванова: *Жнивка, жнивка, отдан мою силку*. [В:] „Русская словесность”, 1995, № 5, с. 3–5.

Показательно и не случайно то, что обряд этот производился женщинами, что они при этом катались или кувыркались, что по оставленным на поле колосьям или рядом с ними, а также и то, что возвращение силы им от земли, точнее от нивы, предполагало действия, связываемые с толчением, колочением, молочением, драньем, прядением, дерганьем и пр., на это подобным. Все это вместе взятое составляет картину определенного типа «силового» взаимодействия между землей и человеком, в женском его, в данном случае, проявлении. Отметив это как важную и показательную особенность, не будем ее развивать, что потребовало бы своего самостоятельного исследования.

⁴ Впрочем, это не единственное возможное место положения умершего. Согласно данным, помещенным в *Славянских древностях*, „До положения в гроб тело лежало на лавке (в.-слав., з.-слав.), на кровати, на столе, на одре (серб., укр.), иногда в сенях или кладовой (ногами к выходу)”. (т. 4, 2009, с. 113). Вместе с тем известно поверье, согласно которому нельзя класть на стол подушку или одеяло, в противном случае в доме кто-то умрет.

⁵ Поскольку роль стола многозначна и многогранна, его отношение к хозяину дома следует видеть в таком же неоднозначном и многостороннем ключе. Не занимаясь данным вопросом, отметим лишь некоторые работы, затрагивающие проблематику традиционных представлений о столе, хотя и не связанных прямо с хозяином: А.Б. Мороз: *Стол в северорусских поверьях и обрядах*. [В:] „Традиционная культура”, 2002, № 2, с. 41–47; А.О. Слудняков: *Стол и красный угол в интерьере крестьянской избы Северо-Запада России и Верхнего Поволжья*. [В:] „Этнографическое обозрение”, 2006, № 5, с. 86–100;

А.К. Байбурин: *Жилище в обрядах и представлениях восточных славян*. 2-е изд. Москва: Языки славянской культуры, 2005, с. 180–186; Р.М. Габе: *Интерьер крестьянского жилища*. [В:] „Архитектурное наследие”, 1955, № 5, с. 81–100; К.К. Логинов: *Интерьер крестьянской избы в обрядности и верованиях заонежан*. [В:] Заонежский сборник: Заонежье. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992, с. 98–117; Л.В. Трифонова: *Традиционный интерьер заонежского жилища и связанный с ним бытовой уклад*. [В:] Заонежский сборник..., с. 85–97; Н.А. Лавонен: *Стол в верованиях карелов*. Петрозаводск: Периодика, 2000; А.Б. Пермиловская: *Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века)*. Архангельск: Правда Севера, 2005, с. 216–223.

⁶ Согласно *Русской грамматике* долженствовательное наклонение определяется как наклонение синтаксическое, определяемое в формах со значениями обязательности, вынужденности, предписанности осуществления чего-л. „Образование этой формы возможно у предложений, сообщающих о деятельности, действиях, об отношении к кому-чemu-н., о ситуации обладания, владения чем-н. Такие предложения сообщают о том, что может кем-то требоваться, считаться должным, обязательным … Форма долженств. накл. в контексте очень часто несет в себе оттенок значения внутренне отвергаемой предписанности: осуждения, нежелательности, недовольства по поводу того, что должно, что кем-то требуется или вынуждается извне”. (*Русская грамматика*. Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. Изд. 2-е, исправленное. Москва: Русский язык, 1990, с. 476–477). Сказанное вполне подходит к семантике предписаний, находящих свое отражение в разбираемых поверилиях и приметах.

⁷ Ср. замечание А.В. Гуры по данному поводу: „чаще всего к безбрачным относятся с презрением, осуждением или сожалением … Холостого не считают полноценным человеком: «холостой – полчеловека» – у русских (Даль 4:559), «не е човек» [не человек] – у болгар … Безбрачие может восприниматься и как смерть. … Безбрачие и смерть часто выступают в одних и тех же контекстах в девичьих гаданиях: утонувший венок или умолкшая во время произнесения заклички кукушка предвещает или безбрачие, или смерть … Традиционное воззрение на брак как обязательный для всех проявляется и в том, что в случае смерти безбрачного он должен вступить в брак символически”. А причины безбрачия „связываются главным образом с порчей и с нарушением запретов, ритуальных правил”. Там же, в приводимых определениях, можно найти отражение представлений о неисполнении засидевшейся в девах своих полагаемых ей, переспевших и перезревших, функций. (А.В. Гура: *Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика*. Москва: Индрик, 2011, с. 33, 34, 35).

⁸ Катанию на осле засидевшейся в девах, по-видимому, можно приписывать не только продуцирующую, но и, возможно, с одной стороны, уничтожительную, а с другой, предлагающую ее в качестве залежавшегося товара черту. Связывается это с обычаями, в частности отмечаемыми А.В. Гурой. Определяя это животное в отношении приписываемых ему в народной традиции признаков похоти и плодовитости, автор приводит такие свидетельства: „О. (magar), увиденный во сне, слуит девушке ухажера (укр.). В некоторых районах Болгарии «нечестную» невесту после брачной ночи сажали на О. и с позором возили по селу. … Обычай сажать на О. женщину, совершившую прелюбодеяние (или совокупление с О.) и заставлять объезжать на нем весь город известен со времен античности”. (А.В. Гура: *Осел. [В:] Славянские древности...*, т. 3, 2004, с. 565).

В свою очередь, в отношении катания, правда, не на осле, тот же автор отмечает обычаи, связанные с предлаганием не пользующейся спросом невесты, при котором обычно отец, реже брат, возил ее по деревне (в центральной и южной России, Белоруссии, на Украине). „В Тамбовской губ. брат вез сестру в санках к дому кандидата в женихи и, стукнув в ворота, кричал: «Не надо вам надобу? Постела!» – «Надо!» – отвечали. Ворота

открывались, санки передавали родителям, и невеста оставалась у жениха”. „В Рязанской губ. засидевшихся в девках невест возили на салазках по селу, крича: «Колдоба, колдоба! Кому нужна колдоба?»”. „Отец переспелой или согрешившей девушки – *нáдолбы* – возил ее в санях по селу, выкрикивая: «Эй, *нáдолба!* *нáдолба!* Кому надо *нáдолбу?*»” Не случайно, говоря об отмеченном ранее уничтожении, производимое действие касалось как переспелой, так и согрешившей девушки, приравнивая одно и другое. „В Смоленской губ. отец возил дочку, покрытую веретнем или дергой, по деревням, оповещая о своем «товаре» криком: «По *надалбни*, по *надалбни!*»” „Сведения о подобном способе сватовства (*нáдолбьем возить*) имеются и в северном Белозерье (Новгородская губ.): засидевшуюся девку (*нáдолбье*) родители возили по деревням, где есть женихи, с оповещением: «Приворачивайте к моему двору!»” „В Белоруссии отец возил и предлагал дочку, крича: «Каму надаба нада?» (Витебская губ.), «Паспялуха! Паспялуха!» (Гродненская губ. …)”. „На Украине засижу *дівку* … возили по селу в корыте или санях с криком: «Поспела, поспела!»” (А.В. Гура: *Брак и свадьба...*, с. 38, 39).

О семантике действия в ритуале и о его, вместе с тем, не ведущей роли С.М. Толстая замечает следующее: „Действие является логическим и структурным ядром ритуала, подобно тому, как в языке логическим стержнем высказывания (предложения) является предикат (глагол). Однако семантической доминантой ритуала часто оказывается не его акциональный компонент, а другие, логически подчиненные ему элементы, его «актанты» – субъект, объект, адресат, инструмент – и «сиркостантны» – локативные, темпоральные, модальные и др. компоненты действия. Само же действие нередко лишено «независимой магической силы» (П.Г. Богатырев), семантически пусто и играет роль, аналогичную связке в предложении, обеспечивая лишь «предикацию» персональных, предметных и прочих символов, их включение в ритуал”. (С.М. Толстая: *Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале*. [В:] Концепт движения..., с. 89).

Применяя сказанное в отношении разбираемого предмета с катанием на осле, хотя это и не вполне ритуал (впрочем, не будем вдаваться в данном случае в уточнение), но все же действие, характерное для традиционной культуры, можно бы было сказать, что, будучи несомненным структурным ядром и выполняя при этом необходимую функцию, аналогичную связке, катание имеет строго привязываемый к своим актантам смысл, роль которых, каждого, т.е. осла, катаемой девушки и, возможно, того, кто водит осла, обращается вокруг все того же катания, а его смысл и цель состоят в том, что указано – обеспечить предполагаемое счастье, которое должно улыбнуться. Счастье – девушке, но посредством катания ее на осле, не иначе.

⁹ Как отмечает Л.Н. Виноградова, нищие, а также ряженые (окрутники, кудесники, шуликоны, колядники, полазники и т.д.) выступают теми ритуально значимыми персонажами, при посредстве которых можно связаться с миром умерших: „по-видимому, можно разделить мнение ряда специалистов о том, что есть основания (в том числе и языковые свидетельства) предполагать, что нищие воспринимались как заместители умерших, а щедрое их одаривание – как отголосок поминальных жертвоприношений”. (Л.Н. Виноградова: *Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян*. Москва: Наука, 1982, с. 146).

Согласно этимологии, приводимой М. Фасмером, „Праслав. *n̄ist̄o- родственно др.-инд. n̄ist̄yas «чужой, нездешний», n̄iḥ «наружу»”. (М. Фасмер: *Этимологический словарь русского языка*. В четырех томах. Москва: Прогресс, 1987, Т. III, с. 77). П.Я. Черных, в свою очередь, замечая, что этимология слова *нищий* считается спорной, приводит в качестве вероятной связанные с общеславянским корнем *n̄izъ (низ), определяя его к „др.-рус. и ст.-слав. **низити** – «унижать», «уничижать», «смириять», др.-рус. **низота** – «низкое положение» (в обществе), **низы́кий** – «незначительный», «ничтожный» (Срезневский, II,

447–449)". (П.Я. Черных: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. В двух томах. 3-е изд., стереотип. Москва: Русский язык, 1999, т. I, с. 574). Само же *низ* объясняет, при индоевропейском корне *ni- : *nei- [-z- – суф. на о.-с. почве, как в *без*] в связи с др.-в.-нем. *nidar* (совр. нем. *nieder*) – «низкий», осет. предложной приставкой *ни-* (ну-), обозначающей движение сверху вниз, арм. *пi-* : *п-*, авест. *ni-*, *pu-* (напр., в *ni-gam* – «ходить», «спускаться»); др.-инд. *ni^o* – «низ». (Там же, с. 572).

Какую бы этимологию не признавать за действительную, а в разбираемом случае не в этом дело и суть, не случайными видятся появляющиеся у этимологов представления о приведенных связях. Как в отношении чужести и нездешности с положением к тому, что наружу, так и в отношении к низу и направлению вниз, со схождением и спусканием, при которых низ не только возможно, но и вполне допустимо соотносить, исходя из имевшихся представлений у древних, не с одним лишь низом в социальном его понимании. Ничто не мешает видеть в этом также и низ в отношении нижнего мира. Того, что внизу, куда надо сходить и спускаться, предполагая движение сверху вниз. В мировоззренческом и концептуальном своем положении, с учетом сознания и ощущения, с опорой на приведенные представления о соотношениях с миром умерших, то, что *нищее, нищъ и ништь, нищета*, со всем этим может быть, по разным своим основаниям, связано. Не напрямую, но в общем каком-то составе в себе это содержать.

¹⁰ В литературе предмета в последнее время сложилась тенденция дифференцировать эти понятия. Поверия определяются, главным образом и в первую очередь, как то, в чем содержатся представления, прямо не связываемые с наблюдаемым внешним, встречающимся, видимым и происходящим. Тексты эти обычно имеют предписывающий, предлагающий к совершению либо избеганию чего-либо характер. Приметы, чаще всего привязываясь к погодным, хотя не только, явлениям, отмечают сложившиеся знания как следствия наблюдений по тому либо иному поводу. Подробнее и основательнее, а также с различных сторон, представление об указанном различии можно получить, в частности, из таких источников: В.К. Харченко, Е.Е. Тонкова: *Лингвистика народной приметы...*, с. 12; Е.Е. Завьялова: *Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации*. [В:] „Проблемы филологии, культурологии и искусствознания”, 2013, № 2, с. 188; Г.И. Берестнев, Л.Б. Бойко: *Лингвистические критерии разграничения примет и предписаний народной магии*. „Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта”. Серия: Филология, педагогика, психология, 2019, № 2, с. 31–40; О.Б. Христофорова: *К вопросу о структуре приметы*. [В:] *Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика*. <http://www.ruthenia.ru/folklore/hristroforova2.htm> (дата обращения: 30.12.2019); Е.Г. Павлова: *Опыт классификации народных примет*. [В:] *Паремиологические исследования*. Сост. Г.Л. Пермяков. Москва: Наука, 1984, с. 296–299 и др.

¹¹ Не вдаваясь в детали обросшей многочисленными работами темы о правом и левом в отношении к мужскому и женскому, приведем показательную в отношении данной связи схему И.С. Коня из его книги *Мужчина в меняющемся мире* (Москва: Время, 2009). Там же можно найти и отсылки к литературе вопроса.

Свойства, ассоциирующиеся с латеральным символизмом

Правое	Левое
Мужчина, самец	Женщина, самка
Старшее, высшее	Младшее, низшее
Хорошее	Плохое
Нравственное	Безнравственное,

Предусмотрительное	Непредусмотрительное
Сильное, важное	Слабое, не важное
День, свет, солнце	Ночь, тьма, луна
Сверху, впереди	Снизу, сзади
Поселение, дом	Лес, чаща
Домашнее, вареное	Дикое, сырое
Земледелец	Охотник
Жизнь, здоровье, богатство	Смерть, болезнь, бедность
Восток	Запад
Юг	Север

И.С. Кон: *Мужское и/или женское начало*. <https://psyfactor.org/lib/male-female.htm> (дата обращения: 28.12.2020).

См. также о правом и левом, в том числе в связи с противопоставлением мужского и женского, такие известные работы: Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров: *Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов*. Москва: Наука, 1974 (Гл. 10. О типологии систем двоичных классификационных признаков); Вяч.Вс. Иванов: *Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем*. Москва: Советское радио, 1978, с. 9–83; Н.И. Толстой: *О природе бинарных противопоставлений типа правый – левый, мужской женский*. [В:] *Языки культуры и проблемы переводимости*. Отв. ред. Б.А. Успенский. Москва: Наука, 1987, с. 169–183; Н.И. Толстой: *Бинарные противопоставления типа правый – левый, мужской – женский*. [В:] Н.И. Толстой: *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. Москва: Индрик, 1995, с. 151–166.

¹² В народной культуре моча, как человека, так и ряда животных, определяется как защитное средство (апотропей, оберег, средство охранительной магии, в том числе и от сглаза, с целью отпугивания, отвращения, отгона, отведения), как лечебное средство в народной медицине, предполагающее самые разные манипуляции с ней, включая мочеиспускание при определенных условиях, как средство для наведения порчи, а также и в отношении различных способов лечения от ее недержания.

Представление об этом можно получить, помимо многочисленной в последнее время популярной и популярно-научной литературы, также и энциклопедического характера, по вопросам так называемой народной магии (Н.И. Степанова: *Большая энциклопедия практической магии*. Книга 1. Москва: РИПОЛ Классик, 2018, с. 247, к примеру), в таких научных работах и научных собраниях: *Этнографическое обозрение*. Этнографический отдел Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. Москва, 1914, кн. 3–4, с. 171; А.Ф. Журавлев: *Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки*. Москва: Индрик, 1994, с. 75–76; М.Д. Торэн: *Русская народная медицина и психотерапия*. Санкт-Петербург: Литера, 1996, с. 115, 412, 414, 416–417; *Мифологические рассказы и легенды Русского Севера*. Сост. О.А. Черепанова. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996, с. 94; Б.Н. Проценко: *Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Духовная культура донских казаков*. Ростов-на-Дону 1998, с. 126–127; Е.Е. Левкиевская: *Славянский оберег. Семантика и структура*. Москва: Индрик, 2002, с. 120–124, 176, 253. Достаточно ясную и обстоятельную картину предмета можно составить на основе словарной статьи того же автора в *Славянских древностях* (Моча, т. 3, 2004, с. 309–311), хотя о дефинитивной функции при определении беременности в связи с разбираемой приметой в ней не говорится.

Небезынтересным может показаться определение мочи в несколько ином ключе, представленное в *Словаре русской ментальности*, как желтой жидкости, выделяемой „живыми существами (в том числе человеком – втайне), как воплощение вредоносной субстанции и вони. М. вызывает брезгливость и представляется нечистотой; может принести вред не только окружающим, но и самому субъекту (*моча в голову кинулась ‘о странном или неожиданном действии’; обмочиться*), причем вызванное ею состояние может быть длительным (*моча в котелке ‘несообразительный человек’*)”. [Подчеркнуто мною – П.Ч., шрифтовые выделения источника сняты] (В.В. Колесова, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов: *Словарь русской ментальности*. В двух томах. Т. 1 (А–О), Санкт-Петербург: Златоуст, 2014, с. 460).

¹³ Применительно к разбираемому предмету подобный, укрытый, вид долженствования, а скорее, должного положения вещей не вполне согласуется с тем, что как долженствовательное наклонение определяют в грамматике. Собственно говоря, это «долженствование» не в грамматическом, а, скажем так, ситуативно-концептуологическом смысле. Исходно закладывается понимание и представление, что именно так должно быть, а не по-другому. Процитируем для большей ясности то, что предлагает грамматика, с тем чтобы, с учетом предмета, к этому отнести:

„Значением формы **долженств.** накл. является обязательность, вынужденность, предписанность осуществления чего-н.” Если и говорить об осуществлении чего-н., то в отношении себя проявившего как необходимое и должное состояние, может быть, как обязательное, поскольку требуемое и на женщину по ее роли и положению налагаемое.

„Содержание таких предложений – это сообщение о том, что может кем-то требоваться, считатьсяенным, обязательным, причем тот, кто требует или считает что-то **должным**, всегда известен или мыслится (часто обобщенно): он назван или непосредственно присутствует в речи (говорящий)”. Применительно к разбираемому проявлению можно оценивать содержащееся в приведенной единице сообщение как такое, в котором скрыто присутствует то, что требуется, считаясь **должным** и **обязательным**, хотя нет того, кто так требует или считает, в том числе и обобщенно, ибо это необходимое по ролевой ситуации положение вещей.

„Этот «требующий субъект» обычно является также и субъектом оценивающим: форма **долженств.** накл. в контексте очень часто несет в себе оттенок значения осуждения, нежелательности, недовольства по поводу того, что должно, что кем-то требуется или вынуждается извне”. В явном и обозначенном виде ничего подобного нет. Нет ни требующего субъекта, ни оттенков значения осуждения, нежелательности, недовольства и пр. Вместе с тем требуется и, можно сказать, вынуждается, как конкретно, так и обобщенно, то состояние, о котором речь. Однако все это препозитивно и следует из представления как само собой разумеющееся. На женщину, молодуху, в первую очередь, поскольку ее необходимо иметь в виду, оказывается, по обычай и традиции, соответствующее давление. Она должна и вынуждена, ей предписывается, необходимо-желательное беременное состояние.

То, что определяется далее (за исключением представления о форме и с отнесением к подразумеваемой, пропозитивной, семантике), вполне подходит к разбираемому положению вещей: „Однако в значении самой формы оттенок внутренне отвергаемой предписанности не содержится: он лишь накладывается на значение **долженствования** в контексте, и этим создается основное семантическое деление внутри формы **долженств.** накл.: это может быть либо **долженствование**, вынужденное единичной ситуацией, либо **долженствование**, диктуемое обычаем, тем, что принято, полагается вообще. Внутри каждой из этих групп можно установить те или иные оттенки, с большей или меньшей определенностью выявляемые в консультации”. (*Русская грамматика*. Т. 2. Синтаксис. Москва: Наука, 1980, с. 116–117, автор цитируемого § 1948 Н.Ю. Шведова).

Допустимо и вероятно как долженствование, вынужденное единичной, но как обобщенно-привычной и повторяемой, ситуации, так и, что само собой разумеется, долженствование, диктуемое обычаем, тем, что принято и как полагается. Если рассматривать шире и применять все это и к другим единицам, сказанное в отношении групп и оттенков в зависимости от ситуации также вполне приложимо к предмету. Следовать будет из этого важное для понимания представление об устройстве исследуемой концептуальной системы (предметного мира поверий-примет) в отношении для нее характерных модальных особенностей.

¹⁴ Из тех значений, которые приписываются в *Русской грамматике* субъективной модальности, наиболее соответствующим будет не выраженное, но подразумеваемое и предполагаемое как желательно-требуемое, значение наличия желаемого результата, при исключении чего-то другого.

Ср.: „Субъективно-модальные значения чрезвычайно разнообразны. Их самая общая, первичная группировка основывается на противопоставлении значений оценочно-характеризующих и собственно оценочных. К оценочно-характеризующим значениям относятся значения, совмещающие в себе выражение субъективного отношения к сообщаемому с такой его характеристикой, которая может считаться несубъективной, вытекающей из самого факта, события, из его качеств, свойств, из характера его протекания во времени или из его связей и отношений с другими фактами или событиями. Со стороны своих свойств, качеств сообщаемое может характеризоваться по полноте или неполноте выявления (значения интенсивности, полноты, высокой степени проявления или, напротив, слабости, неполноты выявления), по возможности, но невыявленности осуществления, по наличию или отсутствию ожидаемого результата; по единственности или неединственности, исключительности, преимущественности или неисключительности, непрерывимущественности; по обычности или необычности, соответствуя или несоответствуя требуемому, желаемому, ожидаемому; по своевременности или несвоевременности, целесообразности или нецелесообразности; по подготовленности или неподготовленности; по своей сложности или простоте, осложненности или неосложненности чем-л.”; „во всех подобных случаях обнаруживаются сложные объективно-субъективные значения, соединяющие в себе характеристику сообщаемого, отвлекаемую от него самого (т. е., с позиций говорящего, определяемую извне), и выражение отношения к этой характеристике: характеристика сообщаемого по его собственным признакам оказывается неотделимой от субъективного к ним отношения. Вследствие этого объективность самих этих идущих извне признаков предстает в свете субъективного их осмысления и оказывается сочлененной с этим осмыслением”. (*Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис...*, с. 216, автор § 2191 Н.Ю. Шведова).

¹⁵ Исследователи, занимавшиеся приметами в собственном смысле их понимания, впрочем, не только ими, нередко это позиции диссертационные и сопоставительные, не обходили подобный вопрос, в первую очередь, в применении к предсказывающей (погоду) как близкой к природе способности у животных. Не развивая данного положения и никак к нему не относясь, поскольку все это не входило в задачу, требуя вместе с тем обстоятельности, назовем лишь некоторые работы, имеющие к этому как прямое, так и несколько косвенное отношение: А. Войнич, Э. Херцег: *Одна ласточка весны не делает...: Как животные и растения реагируют на изменение погоды*. Перев. с венг. М.С. Полинской, Е.А. Хелимского. Москва: Мир, 1985; И.Ф. Заянчковский: *Животные, приметы и предрассудки*. Москва: Знание, 1991; М.А. Кулькова: *Язык и природа: лингвистика немецких и русских народных примет*. Казань: Школа, 2006; К.Р. Вагнер: *Семантика и синтаксис русских народных примет с компонентом «зооним» (в зеркале английских примет)*. Дис. канд. филол. наук, Казань 2008; Н.Н. Иванова: *Структурно-*

семантические особенности и лингвокультурологический потенциал приметы. Дис. канд. филол. наук, Псков 2005; М.А. Кулькова: *Семантика и прагматика немецких и русских народных примет. Лингвокультурологический подход*. Дис. канд. филол. наук, Казань, 2005; Ц.Ц. Огдона: *Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира*. Дис. канд. филол. наук, Иркутск 2000; О.А. Рыжкина: *Системное исследование зооморфизмов в русском языке (в сопоставлении с английским)*. Дис. канд. филол. наук, Москва 1980; Н.Н. Фаттахова: *Народные приметы в русском и татарском языках. Семантико-синтаксические отношения*. Казань: Школа, 2004; Н.Н. Фаттахова: *Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках. Сопоставительный аспект*. Казань: Школа, 2002; А.А. Чемерчева: *Народная метеорология: поверья, обряды и терминология. Этнолингвистический аспект*. Дис. канд. филол. наук, Тамбов 2006.

¹⁶ В отношении дома в представлениях народной культуры, однако не применительно к месту и положению в нем, а также в хозяйстве, домашних животных, помимо названных в сноске 5, стоит упомянуть три таких известных работы Т.В. Цивьян: «*Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок)*». [В:] „*Труды по знаковым системам 10*”, Тарту: ТГУ, 1978, с. 65—85; *Архетипический образ дома в народном сознании*. [В:] „*Живая старина*”, 2000, № 2 (26), с. 2—4; *Окно — глаз (к антропоморфизации дома)*. [В:] „*Традиционная культура*”, 2011, № 2, с. 19—24.

¹⁷ Представление о человеке, в смысле мужчины и женщины, как половине некогда бывшего целого (либо создаваемого как таковое), а потом разделенного, архетипично, встречаясь во многих этиологических мифах. Находит это свое отражение и в языке: *моя (его, чья) половина* (о супруге). Холостой, о чем, впрочем, упоминалось, у Даля (см. сноsku 7) не человек, а *полчеловека*.

Показательна в отношении сказанного также такая, приводимая Г.И. Кабаковой в словарной статье *Холостой* („Славянские древности”..., т. 5, 2012, с. 455) записанная в Галиции легенда („Живая старина”, 1897, № 1, с. 110): „*Ева в наказание за грехопадение после смерти несет ежедневно столько яиц, сколько умирает людей. Господь разрезает их пополам: из одной половины рождается девочка, из другой — мальчик*”. На первом месте упоминается девочка, что, видимо, не случайно, мужское вторично в отношении своей половинности. „*Две половинки должны найти друг друга, чтобы создать семью*”. Ср. известное представление *найти свою половину* в этой связи. „*Но если одна половина пропадет, то из другой получается X. (или старая дева)*”. В этом случае сначала идет холостой, а потом *или старая дева*, т.е. мужское безбрачное состояние выглядит более некомфортным и нежелательным по сравнению с таким же женским с точки зрения народной культуры. Обращает на себя также внимание то, что одна половина, как сказано, *пропадет*. Что может стоять за таким пропаданием? Можно ли это воспринимать как неслучайность? А если как неслучайность, то предназначение, предопределение, перст Божий, поскольку Господь разрезает? Ответ на такой вопрос, если можно его найти сохранившимся, потребовал бы обращения к соответствующему материалу.

Интересно, что делятся пополам не что-либо, а именно яйца, которые Ева несет ежедневно (своего рода мать-курица), как первооснова животного состояния рождающегося, а также и то, вместе с тем, что число их соответствует количеству умерших в этот день. Получается, что после смерти человек обретает утрачиваемую при рождении целостность. С одной стороны. А с другой, производится, в результате этого, оборот: рожденное некогда возвращается в состояние до своего рождения в виде вновь появляющегося в его место то ли другого, то ли того же яйца. В легенде, впрочем, об этом не сообщается.

¹⁸ Полный вид у Даля этой пословицы *Дочь, чужое сокровище. Холь да корми, учи да стереги, да въ люди отдай*. К этому также: *Сынь в домъ глядить, дочь изъ дому. Сынь*

глядить въ домъ, а дочь глядить вонъ. (В.И. Да́ль: *Толковый словарь...*, т. 1, с. 487). Сын – домашний гость, а дочь в люди пойдет. Сын на сени не посадит, а дочь с сеней не ссадит (т.е. сын не обездомит, сын не презрит). Сына корми – себе пригодится; дочь корми – людям снадобится. Материна дочь – отцова падчерица (т.е. мать любит, так отец не любит). Дочерьми красуются, сыновьями в почете живут. На старость печальник, на покон души поминщик (т.е. сын). Добрый сын всему свету завидище. (*Пословицы русского народа*. Сборник В. Даля в двух томах. Москва: Художественная литература, 1984. Дети – родины. Т. 1, с. 299).

¹⁹ Не вдаваясь в подробности и уточнения с привлечением разнообразного материала, что предполагает необходимость углубления и отдельного разыскания, а это никак не входило в задачу, обратимся для краткости и большей ясности к свидетельствам неоднократно цитировавшегося словаря *Славянские древности*, в котором то, что касается, в данном случае, ноги представлено в переработанной и осмысленной форме. Определяется данный предмет как „одна из наиболее мифологизированных частей тела”, символизирующая „движение (хождение) и путь” и получающая „мифологическое осмысление в силу своей причастности к материально-телесному низу человека и хтонической сфере; как пограничная часть тела наделяется функцией медиатора”. (*Нога. [В:] Славянские древности...*, т. 3, 2004, с. 422, авторы статьи Т.А. Агапкина и Л.Н. Виноградова).

Близость ног к земле обуславливает для человека опасность, связанную с возможностью проникания болезней. Равно как и изгнание недугов (в землю, в камень), в обратную, как получается, сторону, производится через ноги. „Вместе с тем для самой земли контакт с «нечистым» человеком через его Н. также мог иметь негативные последствия. По чеш. и морав. поверьям беременная не должна была ступать по пашне голой Н., иначе все посеянное сгорит под ее стопой”. (Там же, с. 423). В связи с этим «нечистое», т.е. беременное состояние женщины, как получается, открывает возможность через посредство ног передачу ребенку чего-либо, в том числе и с хтоническим низом связанного.

То, что касается волосатости, а также пинания, толкания ногой, перешагивания, видимо, можно определять в том смысле, что а) через ноги некий, в разбираемом случае нежелательный, признак способен в человека и, следовательно, через беременную в ее ребенка войти; б) имея отношение к низу, земле и хтонической сфере, признак этот будет иметь не вполне «человеческий» вид, – „Как непомерно длинные, короткие, кривые, толстые, тонкие, волосатые или заросшие шерстью изображаются в демонологических рассказах Н. знахарей, ведьм и других «знающих» людей” (с. 426); в) собаки и кошки, будучи животными, связанными с потусторонним и низом, способны, в случае их пинания ногами беременной, перешагивания ей через них (для собак), через эти самые ноги ребенку некую нездоровую либо внешнего вида ущербность передавать. Проявляется эта ущербность, согласно рассматриваемым поверьям, в том, что у ребенка будет болеть спина, а также в том, что он родится покрытым шерстью. Но почему именно в этих двух отношениях, а не в каких-то других, найти ответа без обстоятельного изучения вопроса возможным не представляется.

²⁰ Перешагивание, или переступание, в *Славянских древностях* определяется как „действие, символизирующее преодоление границы и переход в иное состояние субъекта. ... Эффект усиления результата достигается при осуществлении действия на пороге, перекрестке, меже и других пограничных локусах ... Ряд запретов и предписаний при переступании связан с семантикой ног”. (*Переступать. [В:] Славянские древности...*, т. 4, 2009, с. 13, автор статьи А.А. Плотникова).

В отношении перешагивания беременной „через кошку [в разбираемом поверьи толкать ногой, ее и собаку], чтобы у новорожденного не было шерсти на теле” (Там же, с. 15), на основании приводимых в словарной статье соответствий, вывод усматривается в со-

держащейся для людей и скота опасности переступания „через вредоносные предметы” в силу, как получалось бы, симилитивности перехода с подобное на подобное. К этому, видимо, необходимо добавить немаловажные для данного случая представления о собаке и кошке, связываемые не только и не исключительно с тем, что имело бы отношение к их шерсти. Однако это весьма значительный по своему объему вопрос в предполагаемых поисках вероятных связей, чтобы ответить на него более или менее кратко и однозначно.

²¹ Не случайными видятся следующие, в семантическом отношении значимые, отношения: лат. *fascis, is* 1) связка, пучок, вязанка; 2) *преим. pl.* фасции, пучки прутьев с топором (*securis*) в середине (знаки достоинства римск. *магистратов*, *носимые шествовавшими впереди ликторами*); 3) *перен.* консульство, консультская власть: *dare alicui fasces* облечь кого-л. консультской властью; *summittere* (*demittere*) *alicui fasces* склонить перед кем-л. фасции (*форма отдачи чести*); *fasces* согретье захватить консультскую власть; *fasces versi* опрокинутые фасции (*в знак траура на похоронах консула*); 4) высший государственный пост, верховная власть, *преим.* консулат.

И в том же ряду: *fascio, avi, atum, are* обязывать, обматывать; *fascino, avi, atum, are* околдовывать, зачаровывать, завораживать: *fascinantes* чародеи || сглазить (*nescio quis oculus mihi fascinat agnos*); *fascinum, i* n. 1) околдовывание, наговор; 2) фаллический амулет, *тж. membrum virile*. Околдовывание, очаровывание – в связи с обвязыванием, обматыванием, связыванием в связку, пучок – и, тем самым, внутренне, с представлением о власти, обладании тем, над кем это произведено.

²² О пороге, в том числе и в разбираемом контексте, написано очень много, назовем лишь некоторые работы: А.Н. Афанасьев: *Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов*. Москва: Тип. Грачева и Комп., 1865–1869, т. 1–3. Репринт, Москва: Индрик, 1994, т. 1, с. 455, т. 2, с. 84, 114–115, 540–541; Д.К. Зеленин: *Восточнославянская этнография*. Перев. с нем. К.Д. Цивиной, Москва: Наука, 1991, с. 316–317, 320; К. Moszyński: *Kultura ludowa Słowian*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1967. Т. 2: *Kultura duchowa*, cz. 1, с. 581–582; *Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычай, легендарные сказания о лицах и местах*. Собрал в Витебской Белоруссии Н.Я. Никифоровский. Витебск: Губернская Типо-Литография, 1897, с. 38, 52, 187–188; А.К. Байбурин: *Жилище в обрядах...*, с. 107, 136–140; А.Ф. Журавлев: *Домашний скот...*, с. 39, 124, 183, 188; В.И. Коваль: *Мифологические верования восточных славян. Пособие по курсу «Славянская мифология»*. Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2016, с. 186–188. См. также несколько в другом повороте и популярно: Е.Г. Богданович: *Пороги как запреты и ограничения. Психологический смысл*. <https://psy.su/feed/7243/> (дата обращения: 21.12.2020).

²³ О заплетании и расплетении волос, а также различных манипуляциях в связи с их защитной, в первую очередь, функцией см. такие работы: Б.Л. Богаевский: *Колосья волос*. [В:] „Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук”. Т. 17, 1912, кн. 3, с. 97–109; Н.И. Гаген-Торн: *Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах восточной Европы*. [В:] „Советская этнография”, 1933, № 5–6, с. 76–88; Д.К. Зеленин: *Восточнославянская этнография...*, с. 71, 96, 256, 266, 277–278, 286, 325, 351; Н.Ф. Познанский: *Заговоры...*, с. 132, 231; Т.А. Бернштам: *Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX века (половозрастный аспект традиционной культуры)*. Ленинград: Наука, 1988, с. 82; Г. Бондаренко: *Дід лисий, баба голомоза. Символіка та семантика волосся в традиційних уявленнях українців*. [В:] *Тіло в текстах культур*. Київ: Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М.Т. Рильського НАН України, 2003, с. 55–62; О. Грицюк, І. Ігнатенко: *Символіка*

жіночого волосся в традиційних віруваннях та обрядах українців. [В:] „Етнічна історія народів Європи”. Вип. 44, 2009, с. 23–29.

²⁴ Для иллюстрации и без анализа достаточно привести лишь некоторые поверья из используемого источника: После рождения ребенка роженица не должна расчесывать и заплетать своих волос в течение девяти дней, чтобы выздоровление наступило быстрее. Если у новорожденного много волос на голове, то он будет богатым и счастливым; детей по возможности нужно стричь как можно реже, обыкновенно девочки вообще не стригутся, а у мальчиков волосы только подравниваются, но не раньше, чем ребенок начнет ходить. У кого руки, ноги и грудь обросли густыми волосами, тому жить богато. Если у девушки на шее растет много волос, то она выйдет замуж в большую семью. Остригая волосы, следует хранить их в особом месте, так как на том свете о каждом волоске потребуют отчета. Выпавшие или остриженные волосы не следует оставлять где попало: если они очутятся в гнезде мыши или птицы, то у бывшего владельца волос начнутся головные боли и перхоть, по крайней мере на время пребывания в гнезде выводков. Не следует расчесываться непосредственно на землю: у такого человека станут ползать по лицу вши когда он умрет. Нельзя расчесывать волосы после заката и до восхода солнца. Когда во время причесывания у женщины останется не-прибранный в косы прядь волос, тогда нужно ожидать нечаянной дороги или ей лично или кому-нибудь из близких родных, причем по большему или меньшему количеству волос можно определить, дальняя или близкая дорога предстоит; при этом прядь волос с правой стороны указывает на дорогу к чужим людям, а прядь волос с левой стороны и у затылка – на дорогу к близким и родным. Нельзя обрезать косы, которые домовой ночью запел, не то захвораешь. Замужней женщине грешно заплетать волосы в одну косу, следует непременно заплетать их в две косы. (В.А. Кульматов, Т.В. Кульматова: *Русские народные приметы и поверья*. Москва: АСТ, 1999, с. 23. Подчеркнуто мною – П.Ч.).

²⁵ О модальности долженствования см. сноски 13, 14.

²⁶ Ср. мотив в словацкой народной сказке *Заколдованный лес* в таком вербальном оформлении: „— Братец, — говорит старший младшему, — здесь мы должны с тобой расстаться. Ты ступай по той дороге, а я пойду по этой. Вырежем на этой липе свои имена и воткнем в ствол ножи! Кто первый назад вернется, пускай нож вытащит, коли кровь потечет, значит брат живой, а коли вода, значит — помер. („Словацкие сказки из собрания Павла Добшинского в обработке Марии Дюричковой”. Перевод В. Петровой. Младе Лета, 1988. <http://www.rodon.org/other/sns2.htm#a28>, дата обращения: 22.12.2020).

²⁷ См. в Указателе к *Народным русским сказкам* А.Н. Афанасьева следующие мотивы с кровью: „— течет из различных предметов (рукавицы, полотенца, платка, ножа), оставленных героем, когда он в опасности 135, 136, 137, 155, 288, 289. — оставленная героем в стакане, в тазу и пр., чернеет 138, 156. Из земли, орошенной кровью убитого, вырастает сад, цветы 209, 339”. (*Народные русские сказки* А.Н. Афанасьева в трех томах. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957, т. 3, с. 542. Номера указывают на тексты сказок).

²⁸ Как отмечает С.М. Толстая, „...символика действия как целого (как «акционального высказывания») может определяться свойствами и культурными (символическими) значениями любого из компонентов, и в зависимости от того, какой из них имеет доминирующее значение в конкретной ритуальной (коммуникативной) ситуации, она приобретает «персональный», «инструментальный», «локативный» или «тимпоральный» акцент”.

И продолжает далее, говоря о ‘первом-мужском’, хотя не в значении ‘старшего в доме мужчины’, как в разбираемом случае, однако мифологический и ритуальный смысл ‘мужского-первого’ в определенном смысле можно видеть подобным: „Например, символический приход полазника – первого посетителя дома на Рождество – определя-

ется прежде всего культурно значимыми свойствами этого лица: «первый», «мужской» (символ благополучия и мужского потомства) или «женский» (символ плодородия), в то время как семантика самого действия – прихода в дом выражена значительно слабее». Аналогичного рода персональный акцент, по определению С.М. Толстой (отмечаемый и в разбираемом случае), имеют и другие ритуальные действия. (С.М. Толстая: *Акциональный код...*, с. 91).

²⁹ В словаре *Славянские древности* опоясывание определяется как „окружение, обматывание или обвязывание (людей, предметов, пространства) поясом, полотенцем, полотном, пряжей, сетью, веревкой, ниткой, цепью, соломой, ветками и др. с целью создания магического **круга** в охранительной, лечебной и хозяйственной магии“. „В магических целях опоясывали прежде всего лиц, находящихся в «переходном» состоянии, – беременную женщину, роженицу, ребенка, невесту, новобрачных, больных и др. О. чужим поясом применялось в охранительных и продуцирующих ритуалах“. „Особая магическая сила приписывалась поясу священника – им опоясывались бесплодные женщины, чтобы иметь детей (серб.); в случае трудных родов белорусы брали шнур, которым ксендз или священник подвязывался во время службы … то же делали украинцы Покутья“. (*Опоясывание. [В:] Славянские древности...*, т. 3, 2004, с. 552, авторы статьи Е.Е. Левкиевская, С.М. Толстая).

³⁰ Е.Г. Кагаров в статье *Состав и происхождение свадебной обрядности* („Сборник музея антропологии и этнографии“. Вып. 8. Ленинград, 1929, с. 153) в группе предохранительных, или профилактических, действий, имеющих целью оградить (жениха и невесту) от влияния злых сил, выделяет следующие разновидности: „Предохранительные меры … против враждебных сил, особенно опасных, по народному верованию, в такие важные моменты, как рождение, наступление зрелости, свадьба, болезнь, смерть распадаются на четыре группы: 1) отвращающие, или апотропейские, 2) обманывающие, или экзапатетические, 3) скрывающие, или криптические и 4) избегающие, или апофективные. … экзапатетические акты … сводятся к попыткам ввести в заблуждение, обмануть демонов, скрыть от них истинный смысл происходящего“.

Е.Е. Левкиевская в своей работе *Славянский оберег...* в отношении обмана как средства защиты приводит следующие свидетельства: „В ряде случаев считалось, что носителя опасности можно обмануть, «подсунув» ему вместо человека какой-либо предмет. Чтобы предохранить новорожденного ребенка от гибели, вместо него в колыбель кладут запеленутый молот, «да би несрећа ударила в њега» [чтобы несчастье ударило по нему] [Милојевић-Радовић 1958, с. 252]“ (с. 135).

Желание обмануть опасность в отношении детей связывалось, в частности, „с ложным отчуждением ребенка, якобы продажей или передачей его другому лицу. Если в семье часто умирали дети, чтобы предотвратить смерть новорожденного, совершался обряд «купли-продажи» ребенка, при котором ребенка «продавали» за символическую плату, передавая его через окно крестному, случайному прохожему или нищему (рус., полес., карпат., ю.-слав.); у кашубов, чтобы предотвратить смерть родившегося ребенка, сразу после рождения его несли в дом к соседям и там передавали через окно на двор, а внося в свой дом, также передавали через окно [Biegeleisen 1927, с. 213]“. (с. 175–176). В данном месте уместно вспомнить рассмотренное в начале работы поверье с передачей ребенка при смерти нищенке через окно, что также может допускать как важный смысл «желание обмануть опасность».

„Обмануть опасность сделав охраняемый объект для нее неузнаваемым, старались и в том случае, когда в семье «не держатся» дети. Чтобы предохранить от смерти родившегося ребенка, нужно «обмануть» смерть и окружающих, объявив его не тем, кем он является на самом деле. К примеру говорили следующее: «Чуј пуче и народе! Ради

вучица вука, свему свијету на знање, а ѡетету на здравље!» [Слушай люди и народ! Родила волчица волка всему свету на знание, а ребенку на здоровье!] (серб. Грбље [Вукова 1934, с. 35–36])». (с. 185–186). В других случаях скрывали пол ребенка – если родился мальчик, говорили, что будет девочка [Ђорђевић 1938, с. 11]. Ср. смоленский обычай в случае отела коровы или появления приплода у другого скота первый раз, войдя в хлев, произносить три раза: «Это не теленок, а волчонок» [Журавлев 1994, с. 37]». (с. 186). В обоих случаях представляется не случайной оборотническая и, тем самым, обманно-защитная функция волка (оборотня-вурдалака).

³¹ Литература о близнецах в мифологии, о так называемых близнеческих мифах, встречающихся у разных народов, обширна. Назовем лишь некоторые работы: Л.Я. Штернберг: *Античный культ близнецов при свете этнографии*. [В:] „Сборник Музея Антропологии и Этнографии”, т. III, Петроград 1916, с. 133–189; Л.А. Абрамян: *Об идее двойничества по некоторым этнографическим и фольклорным данным*. [В:] „Историко-филологический журнал”, 1977, № 2, с. 177–190; Л.А. Абрамян: *Человек и его двойник (к вопросу об истоках близнеческого культа)*. [В:] *Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры*. Сб. научных трудов, Москва: Академия наук СССР, Институт истории СССР, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1977, с. 59–71; Вяч.Вс. Иванов: *Близнецы*. [В:] Вяч.Вс. Иванов: *Чет и нечет...*, с. 84–108; Вяч.Вс. Иванов: *Близнеческий культ и двойчная символическая классификация в Африке*. [В:] Вяч.Вс. Иванов: *Избранные труды по семиотике и истории культуры*. Т. 5: Мифология и фольклор. Москва: Знак, 2009, с. 11–48; Вяч.Вс. Иванов: *Дуальные структуры в антропологии*. Курс лекций. Москва: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2010; В. Тэрнер: *Парадоксы близнечества в ритуале ндембу*. [В:] В. Тэрнер: *Символ и ритуал*. Москва: Наука, 1983, с. 136–167; S. Lagercrantz: *Über willkommene und unwillkommene Zwillinge in Afrika*. [In:] „Etnografiska studier”, 1941, № 12/13, с. 5–292; D. Ward: *The Divine Twin: An Indo-European Myth in Germanic Traditions*. Berkeley–Los Angeles, 1968; S. O’Brien: *Dioscuric Elements in Celtic and Germanic Mythology*. [In:] „The Journal of Indo-European Studies”, 10 (1982), с. 117–136; M. Shapiro: *Neglected Evidence of Dioscurism (Divine Twinning) in the Old Slavic Pantheon*. [In:] „The Journal of Indo-European Studies”, 10 (1982), с. 137–166. А также подробные энциклопедические описания: Вяч.Вс. Иванов: *Близнеческие мифы*. [В:] *Мифы народов мира*. В 2-х т. Гл. ред. С.А. Токарев. 2-е изд. Москва: Советская энциклопедия, 1987, т. 1: А–К, с. 174–176; Н.И. Толстой: *Близнецы*. [В:] „Славянские древности”..., т. 1: А (Август) – Г (Гусь), 1995, с. 191–193.

³² Ограничимся выборочными сведениями, представленными в *Славянских древностях*: „ДУБ (Quercus L.) – в традиционной культуре славян самое почитаемое дерево, связанное с богом-громовержцем и символизирующее силу, крепость и мужское начало ... в приметах и запретах Д. сопоставляется с хозяином дома ... в слав. заговорах назделялся именем собственным (рус. Дуб *Карколист*, *Дорофей*, *Мавританский* и др.) ... магические действия против бесплодия совершаются обычно под плодовыми деревьями, но иногда и около Д.” (т. 2, 1999, с. 141–142).

„Дуб (как и дерево вообще) моделировал рост и рождение ребенка. Жизнь ребенка ставилась в зависимость от жизненной силы и развития Д. ... Иногда Д. сажал и сам ребенок, ср.: «Як посадить хлопец коло хаты дуба, мињшого за себе, да перерасте дуб хлопца – здоровы будет тэй хлопец. Як посаде ён дуба, а дуб не расте – заболее хлопец» (ПА, брест.). Показательно, что сажает хлопец. [ПА – Полесский архив] „Соотношение Д. и смерти обнаруживается в полес. поверье о том, что, когда растущий у дома Д. станет настолько толстым, что из него можно будет сделать крест, тогда умрет хозяин дома”. „В верованиях, практической магии и фольклоре Д. последовательно выступает как мужской символ. Воду после купания новорожденного мальчика выливают под дуб;

объясняя мальчику, откуда он появился, говорят: «Ты на дубочку сидел» (ПА, гомел.)” (т. 2, 1999, с. 144, автор статьи Т.А. Агапкина).

В отношении ольхи такой непосредственной связи с женским началом не обнаруживается, отмечается, правда, как немаловажный, ее красноватый цвет, что связывается в различных сказаниях и легендах с кровью, с объяснением того или иного происхождения (в зависимости от местности). Основная функция ольхи определяется ее лечебными и защитными свойствами. Связь с женским началом можно заметить в следующем свидетельстве: „О. выполняла функцию медиатора: словаки Новограда и Гонта клали ветки О. на могилы близких, чтобы души могли побывать на земле. В Польше (р-н Пшемышля) девушки в Сочельник гадали о замужестве: подойдя к чужому окну, стучали и спрашивали: «Pójść?» [Пойти? т.е. выйти замуж]; если отвечали: «drzyj kłoc» [держи клоц, т.е. сиди в девках] ..., то девушка шла к О., обходила ее трижды, каждый раз спрашивая: «Olszo! Czy ja najgorsza, co się wydać nie mogę? [Ольха! Или я такая разнесчастная, что не могу выйти замуж?]»” (т. 3, 2004, с. 547, авторы статьи Т.А. Агапкина, В.В. Усачева). О дубе с ольхой, но не только, см. также недавно вышедшую монографию одного из двух упомянутых в скобках авторов: Т.А. Агапкина: *Деревья в славянской народной традиции: Очерки*. Москва: Индрик, 2019.

Вместе с этим ср. такое касающееся ольхи представление: „Ольха – дерево, оказывающее покровительство семье. Считается, что чем больше в семье потомков, тем сильнее ольха поддерживает ее членов. Она сплачивает родственников, сближает всех членов семьи, для нее характерно соединять людей в род. Если вы придете к ольхе с проблемами родственных взаимоотношений, она с удовольствием «подскажет» решение. Это дерево для женщин – хранительниц очага, дерево «большого дома». Ольха поможет жене «привязать» мужа к дому” (Ю.Н. Улыбина: *Деревья-целители. Целебные силы природы*. Санкт-Петербург: Вектор, 2008, с. 69).

³³ См. об этом у В.В. Виноградова со ссылками на А.А. Потебня и Н.Ф. Сумцова (В.В. Виноградов: *Родиться в сорочке*. [В:] В.В. Виноградов: *История слов*. Москва: Институт русского языка РАН, 1999, с. 601–603): „Выражение *родился в сорочке* в бытовом просторечии укрепилось как термин, которым обозначалось наличие у новорожденного перепонки, облекающей его тело или части тела (ср. у Помяловского в рассказе «Вукол»: «Вукол *родился в сорочке*, с длинным пупком»). Но так как этот факт был приметой счастливой будущности, то соответствующие представления об удаче, о счастливой доле примешивались к прямому конкретному значению этого словосочетания”.

„Выражение *родился в сорочке* отражает мифологические воззрения на новорожденного ребенка. Еще А.А. Потебня писал в своей работе «О доле и сродных с нею существах»: «По взгляду Германской мифологии, души до своего рождения находятся у богини Гольды (Сл. Яги) за облаком. Каждый раз, когда душа сходит на землю, чтобы принять на себя человеческий образ, за нею следует одна, две, три другие души, как ее духи хранители. В Скандинавской мифологии, где это верование особенно развито, такой дух называется *fylgia* (weil er dem menschen folgt [по объяснению Гrimма. – В.В.], se adjungens), *hamingia* (felicitas). Появление этих спутников на земле, одновременное с рождением человека, есть некоторым образом тоже рождение. Местопребывание их есть в начале сорочки, которую иногда бывает обвита голова новорожденного (glückshaube), с чем очевидно связано русск. поверье, что *родиться в сорочке* — счастье” (А.А. Потебня: *О некоторых символах в славянской народной поэзии*. Харьков 1914, с. 212).

„Это поверье было широко распространено у славянских и других индоевропейских народов. Проф. Н.Ф. Сумцов в своем исследовании «О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка» писал: «Нередко случается, что ребенок рождается в перепонке, в так называемой сорочке. У многих народов сорочка эта служит несомненным

признаком, что новорожденный в жизни будет счастлив. У древних Римлян сорочку покупали адвокаты, признававшие за нею таинственную способность давать успех в делах. Подобное воззрение на сорочку в применении к адвокатуре существовало в Дании и в Англии. Еще в начале прошлого столетия в английских газетах публиковали о прощающихся детских сорочках. Во Франции детей, рожденных в перепонке, считают счастливыми: известно французское выражение “être né coiffé”, означающее счастливых детей. В Германии верование в счастливую сорочку так сильно, что повивальные бабки часто крадут ее для своих детей (Mühlhause, Die Uhrrelig. d. deutsch. Volkes, 1860, 11). Точно такое же верование в счастливое значение детской сорочки распространено по всей России. Лет пятьдесят тому назад [т. е. в 30—40-х годах XIX в. — В.В.] в дворянском сословии, при начинании какого-нибудь серьезного и трудного дела, брали на время у знакомых детскую сорочку, если не имели собственной [Авдеева, Записки о старом и новом русском быте. СПб., 1842, с. 138. — В. В.]. В Харьковской губернии плева, собравшаяся на голове новорожденного, носит название чепца. Чепец считают предзнаменованием, что новорожденный будет со временем архиереем. Повсеместно сорочку тщательно сохраняют, причем иногда зашивают в наиболее ноское платье дитяти, имевшего счастье в ней родиться»). (Н.Ф. Сумцов: *О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка*. „Журнал министерства народного просвещения”, Санкт-Петербург, 1880, № 11, ч. ССХII, с. 79).

³⁴ В дополнение к сказанному в отношении нищих (см. сноска 9) приведем также такое свидетельство: „Общеизвестно, что в народных представлениях у мертвых нет обычного земного тела («у навей нет облика»), поэтому они могут прийти в этот мир, только позаимствовав у кого-то его плоть. С этими представлениями связана традиция ряжения в Святки и на Масленицу — дни, посвященные предкам, возвращающимся в мир живых. Такое восприятие ряженых дошло практически до наших дней. Согласно данным, полученным фольклорно-этнографическими экспедициями под руководством А.М. Мехнцова, в 80-е — 90-е годы 20 века во всех районах Псковской области информаторы помнят о таких обязательных персонажах ряжения, как «предки» (старцы, покойник), «нелюди», «чужаки» (нищие, побиушки), «высокие старухи»). (С.В. Жарникова: *Золотая нить. Истоки русской народной культуры*. «Издательские решения», 2020, ISBN 978-5-44-904785-4 (Вологда 2003, 2018), с. 39). Нищие и побиушки, тем самым, как получается, нелюди и чужаки. Ср. подобное представление в связи с этимологией у М. Фасмера (в сноске 9): „Праслав. *nīstīo- родственно др.-инд. nīṣṭyas «чужой, не-здешний», піѣ «наружу»».

И.Г. Прижков, говоря о нищих, выделяет такие их виды: „Эти-то, спасающие грѣшниковъ, нищіе раздѣлялись на *богадѣленныхъ, кладбищенскихъ, дворцовыхъ, дворовыхъ, патриаршихъ, соборныхъ, монастырскихъ, церковныхъ, гуляющихъ* и леженокъ. Нищіе, имѣвшіе пристанище въ избушкахъ, назывались богадѣленными. ... До сихъ поръ существуютъ богадѣльни при кладбищахъ; живутъ тамъ нищія старухи, и всякий разъ, когда кого-нибудь хоронять, богадѣленки не дадутъ спокойно зарыть могилу, и требуютъ милостины” (И.Г. Прижков: *Нищіе на святой Руси. Матеріалы для історіи общественаго и народнаго быта въ Россіи*. Москва: Въ типографії М.И. Смирновой на Никольской ул., домъ № 10, 1862, с. 65—66).

М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова в своей монографии, посвященной языку современного города, касаются также и проблемы нищих. В одном из подразделов 4-й главы — „Ситуация «Милостины» сквозь призму коммуникативных характеристик”, определяя кладбище как институциональное пространство в отношении милостины, названные авторы отмечают следующее: „Данный тип локуса, как и церковная паперть, достаточно жестко задает правила поведения нищего. Особо значима ответная реакция

на подаяние. Получивший милостыню обычно крестится и благодарит: *Дай вам Бог здоровья; Спаси вас Господи* и т.п. Кладбищенские нищие обещают помолиться за усопшего. Заметим, что текст ответной реплики здесь чрезвычайно важен: многие подающие милостыню пристально следят за тем, соответствует ли просящий их ролевым ожиданиям. Показателен в этом отношении ответ одной из участниц социологического опроса: «Если мне вслед скажут: «Храни тебя Господь», это вы знаете – не напрасно дала эту милостыню. А если просто скажут «спасибо»... «Спасибо» мне не нужно» [Кертман 2007: 55]». (М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова: *Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы*. Москва: Языки славянских культур, 2010, с. 387).

Важно, следовательно, в том числе и с современной точки зрения, и то, что кладбище – особое пространство, не только исторически, но и ситуативно обуславливающее, через близость к умершим и их могилам, способность и возможность получения подаяния. Важно то, что, жестко задавая правила поведения, данное пространство накладывает необходимость ритуального, по своему характеру, коммуникативного взаимодействия. Произнести следует ожидаемую и правильную формулу и такой же формулой ответить. Важно обещание помолиться за усопшего и в ответ на подаяние не благодарить, а выразить пожелание божественной защиты.

Тем самым, милостыня, в том числе, если не в первую очередь, кладбищенская, обуславливаясь контактно формируемым местом, предполагает четырехместное ролевое соучастие а) того, кто просит (нищий), б) того, кто подает, в) того, за кого необходимо помолиться нищему (усопшему), г) того, кого просящий нищий, при получении, призывает в качестве защиты подающему (Господь). Милостыня, в связи с этим, выступает медиативным средством контактного взаимодействия живого, мертвого потустороннего и верхнего миров, а посредническая, по существу, позиция нищего, при получении, становится связующим и регулирующим необходимо-желательное взаимодействие звеном.

³⁵ Обстоятельно и разносторонне определяя понятие внутренней формы слова, Анна А. Зализняк представляет ее как осознаваемую „говорящими на некотором языке мотивированность значения слова (или словосочетания) данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, т.е. образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определенный способ построения заключенного в данном слове концепта; иногда в том же значении используется термин *мотивировка*. ... в последние годы в связи с обращением лингвистики к объяснительным моделям, осознанием необходимости учета фактов диахронии в синхронном описании и потребности в таком представлении слова, которое было бы ориентировано на учет всех его релевантных парадигматических связей, наблюдается возобновление интереса к проблеме внутренней формы слова". (Подчеркнуто мною – П.Ч.) (Энциклопедия Кругосвет, https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/VNUTRENNYAYA_FORMA_SLOVA.html (дата обращения: 02.01.2021). Там же см. литературу вопроса)

³⁶ В этой связи стоит обратить внимание на приводимое в *Славянских древностях* свидетельство в отношении парня. Указывая на то, что век жизни парня „осмыслился как этап, предшествующий браку, ср. в.-слав. обозначение П. – *жених*”, автор статьи о парне Г.И. Кабакова приводит такое объяснение: „Когда П. долго не удается жениться, считают, что причина кроется в невыполнении соответствующих ритуалов, например, в отсутствии на родинах обязательного пирога-*повойницы*. Чтобы исправить положение, разыгрывается ситуация родов: П. укладывается в постель с матерью, посторонняя женщина приносит *повойницу* с соответствующими пожеланиями (Косово Поле)”. (*Славянские древности...*, т. 3, 2004, с. 635).

Не вдаваясь в рассуждения по данной теме и не отрицая чего-либо подобного в отношении женского сидения без замужества (на что имеются свидетельства), видится

немаловажным то, что исправление длительного холостого положения для парня, связываясь с исходным ритуальным нарушением, точнее несоблюдением (так это можно было бы определить), предполагает необходимость возвращения, повторного и правильно оформленного рождения, открывающего возможность получения супруги, положенной ему, по новой части-доли, и его собственной, для экзистенциональной целостности, половины. Тем самым, разрешение для парня будет (или может) предполагать не соотношение с рождением крестника, а ритуальное довосполнение. Впрочем, все это требует более обстоятельного и углубленного подхода.

³⁷ Как отмечает И.А. Седакова в специально посвященной данному вопросу работе, „Особенно много поверий, магических действий и фольклорных текстов связано со своеевременным овладением навыками ходьбы и первыми шагами ребенка”. Объясняется это тем, что ходьба, по ее словам, представляется „как манифестация человеческого, культурного в противовес демоническому, животному, природному, занимая важное место в системе традиционного мировоззрения”. (И.А. Седакова: *Первые шаги ребенка и мифология ходьбы*. [В:] *Концепт движения...*, с. 284).

³⁸ Важным в этой связи видится представление покрова, очень емкое и многогранное в значениях (см. для примера у Даля), как закрывание, укрывание, скрывание, прятание (*покрывать мошенников, Темна ночь все покроет*); осуществление чего-либо необходимого для завершения или разрешения (*покрыть дом черепицей, покрыть долги, расходы, земля покрыта снегом, покрыть полы*); похоронить (*Покрыла его мать-земля*), а также выдать замуж (*покрыть девке голову, Гуляй, пока голова не покрыта*). Сюда же покров как саван (*Покровенье покойника покровом*) и защита, милость (*Под вашим покровом живем*), покрышка (*Чтоб тебе ни дна, ни покрышки! Девка не без жениха, горшок не без покрышки*), покровом сделать что-либо, т.е. тайно; покровец, покрывало, покрывающе, невеста под покровом (под фатой, под покрывалом), покровы тела (кожа); покров – церк. крыша, кровля, потолок; заступничество, покровительство (*Господь покров мой*), *Покров Богородицы*, церк. праздник, первое зазимье, свадьбы, срок наймам и сделкам, *Покров землю покроет* (где листом, где снежком), *Батюшка Покров, покрой мать сырь землю и меня, молоду! Батюшка Покров, покрой землю снежком, а меня молоду, женишком!* *Придет Покров, девке голову покроет. Если снег выпадет на покров – счастье молодым и многое другое, что требует своего самостоятельного исследования.* (В.И. Даляр: *Толковый словарь...*, т. 2, с. 247).

Piotr Czerwiński

Świat przedmiotów we wróżbach i podaniach (Cykl narodzin)

Streszczenie

Niniejsza książka jest trzecią z serii prac poświęconych analizie rosyjskich ludowych wróżb i podań ze specyficznej i jak dotąd niepodejmowanej perspektywy. Jej istota polega na tym, że wybrany materiał badawczy służy jako podstawa dwóch przenikających się i wzajem uzupełniających podejścia. Pierwsze z nich oznacza to, co w tytule nazwano *światem przedmiotów*. Zakłada ono wyłonienie i opisanie obiektów, czynności oraz ich wykonawców, zdarzeń, zjawisk i okoliczności, jakie można znaleźć w materiale. Oprócz tego zakłada taki ich opis, który pozwoli na określenie sensów związanych z wyobrażeniami o otaczającym świecie, charakterystycznymi dla przedstawicieli rosyjskiej tradycji mentalnej.

Drugie podejście zakłada w efekcie systemowo-paradygmatyczny opis tego, co uprzednio zostało określone jako obiekt. Ideę owego podejścia można sprowadzić do założenia, że wszystko to, co zostało odzwierciedlone we wróżbach i podaniach, wynika ze szczególnego rodzaju wyobrażeń o świecie. Wyobrażenia te tworzą specyficznie ukształtowany paradygmat konceptualny. Z tego też właśnie wynika założenie o możliwości wyłonienia i opisania wspomnianych wyobrażeń.

W konsekwencji w rosyjskiej świadomości otaczająca rzeczywistość odbierana jest nie bezpośrednio, lecz przez pryzmat wyobrażeń, które czynią jej obraz zgoła odmiennym. I nie są to filtry, którymi zwykło się podobne zjawiska tłumaczyć, lecz to, co można przedstawić jako coś dodatkowego. Jest to rzeczywistość nie tylko odzwierciedlona, lecz także rzeczywistość, w której człowiek żyje i przebywa.

Zmiana takiego wyobrażenia rodzi dla człowieka konieczność nie tyle dostrzegania tego, co go otacza, i podejmowania na tej podstawie właściwych działań, lecz właśnie umiejętności odpowiedniego zachowania, by w konsekwencji dać mu możliwość uniknięcia niepożądanych skutków lub osiągnięcia upragnionego celu. Znajduje to swoje odzwierciedlenie, między innymi, w kręgu obrzędów związanych z narodzinami. Ów krąg uwidacznia się w kolejno następujących po sobie etapach, od poczęcia, przez ciążę do rozwiązania i pierwszych, początkowych dni życia człowieka. W tej kolejności, na podstawie wybranego materiału wróżb i podań, określani są nie tylko związani z każdym etapem uczestnicy, ich normatywne czynności, przedmioty, przestrzenie, obiekty, zdarzenia, sytuacje, wraz z określeniem ich znaczeń i celu, lecz także to, co można by potraktować jako głęboki sens egzystencjalny. Sens przyjścia człowieka na świat z punktu widzenia omawianej tu koncepcji i jej paradymatu.

Wszystko to, co związane jest z cyklem narodzin, powinno otrzymywać i otrzymuje cechy warunkujące osiągnięcie pożdanego celu. Może to być wzbudzanie, wywoływanie, stymulacja tego, co postrzegane jest jako pożądane i dobre, jak również zapobieganie i ochrona przed tym, czego należy uniknąć. Czy też nie będąc ani jednym, ani drugim, przedmioty zostają włączone do obrzędu przez aktantów obserwowanej sytuacji i stają się znakami oraz ostrzeżeniami. Lecz ostrzeżeniami nie przed tym, co istnieje i daje o sobie znać, lecz przed tym, co można i należy wyczytać na podstawie posiadanej wiedzy o danym zjawisku czy

świecie w ogóle, a także dostrzec, zrozumieć, wyciągnąć wnioski i w odpowiedni sposób zinterpretować. Zinterpretować w niezbędnym dla człowieka, jego sytuacji i stanu sposob, aby wiedzieć, jak postępować.

Na tej podstawie podania i wróżby poprzez odzwierciedlony w nich świat przedmiotów mają charakter akcionalo- lub tylko przedmiotowo-podtrzymujący (bez akcionalności), czemuś sprzyjający, przed czymś chroniący, coś wywołujący. W zależności od etapu cyklu narodzin owe przedmioty, jak i wykonywane za ich pomocą czynności, włączając uczestników, otrzymują różne określenia i z semantycznego punktu widzenia mogą być opisywane i charakteryzowane w różny sposób. Elementem centralnym cyklu narodzin, w jego konsekwencie rozwijającym się całokształcie, w świecie podań i wróżb jest pierwiastek żeński i część dwustronnej wzajemnej relacji. Ciężarna kobieta, a następnie rodząca, nie działa sama. Już od momentu poczęcia otrzymuje ona zalecenia, co i jak należy robić, aby dziecko było określonej płci, jak chronić ciążę, unikając potencjalnych komplikacji, jak odgadnąć, kto się urodzi – chłopiec czy dziewczynka. Jawna lub niejawna, lecz zawsze odczuwalna i obserwowalna jest obecność innych, z reguły i najczęściej żeńskich przedstawicieli rodu-rodziny. W ich obecności rodząca staje się nie tylko agensem, lecz także obiektem i adresatem przeznaczonych dla niej i wykonywanych z nią czynności w określonym i zazwyczaj wiadomym celu. Należy dodać, że w takim stanie rodząca wraz z dzieckiem, które ma w sobie, nie jest chroniona, podatna na oddziaływanie ze strony potencjalnie niebezpiecznych i szkodliwych sił zewnętrznych. A to wymaga opartego na wiedzy ochronnego, przeciwdziałającego i izolującego od tych sił działania. Posiadaczkami wiedzy i wykonawczyniami tych działań są, jak wiadomo, starsze, doświadczone i przygotowane do tego żeńskie przedstawicielki rodu. Rola pierwiastka męskiego, w tym małżonka, jest mocno ograniczona i sprowadza się w zasadzie do dwóch, a dokładniej trzech, elementów – poczęcia, pomocy przy wywoływaniu skurczów przed samym porodem, a w przypadku wyjątkowo ciężkiego porodu najstarszy w rodzinie mężczyzna zwraca się o pomoc do duchownego, prosząc o otwarcie carskich wrót w cerkwi.

Wszystkie współdziałające elementy opisane w materiale badawczym są charakteryzowane, jak wspomnieliśmy, z punktu widzenia właściwej dla danego zagadnienia paradygmatyki, a następnie omówione z perspektywy stojących za nimi konceptualnych jednostek semantycznych. Jednostki te, opisywane z perspektywy relevantnych i powtarzających się wykładników semantycznych, stają się jednocześnie obiektem nie tylko paradygmatycznego, lecz także wielostronnego opisu typologicznego. W związku z tym nakreślanych jest kilka typologii, mogących dać wyobrażenie o tej semantyce i jej strukturze, która jest charakterystyczna dla świata przedmiotów we wróżbach i podaniach, odnoszących się do cyklu narodzin i przejawiających się w nim.

Piotr Czerwiński

The world of objects in predictions and tales **(The birth cycle)**

Summary

This book is the third part of a series on the analysis of the Russian folk predictions and tales. This analysis is taken from the perspective that has not been observed so far. The book focuses on the research material made up of two approaches complementary to each other. The first approach is “the world of objects” and it arises as well as describes the objects, activities with their performers, phenomena and circumstances that can be found in the material. It also assumes the description which shows the senses connected with the images of the world surrounding the people who belong to the Russian mental tradition.

Thus the second approach implies the systemic-paradigmatic description of what was formerly determined as the object. The idea of this approach may be the assumption that everything that had been reflected in the predictions and tales is the result of images of some kind of world. This gives the assumption of the possibility of the arise and the description of the images mentioned above.

The consequence of such assumption and the reason is the way the world is reflected in man’s awareness. The awareness which shapes this world is reflected via the images which from the start make its vision totally different. These are not the filters which usually explain these phenomena but it is something else that is shaped by the above relations. It is the reality reflected and the reality man lives and stays in.

The change of such image makes it necessary for man to notice the world that surrounds him and thus force him to take proper actions as well as to behave properly without the perceptible stimuli from the outer world. Finally this ability makes it possible for man to reach his goal. Then the objectively existing reality becomes an aware reality that is expected, wishful and optative. It is reflected in many aspects such as the birth rites. There are the next stages including the conception, pregnancy and finally the delivery and then the first day of man’s life. In this order based upon the selected material of beliefs, tales, the performers of these actions are determined as well as their normative actions, objects, events, targets and meanings. All these aspects are very close to the deep existential sense i.e. the sense of the birth of man from the point of view of the concept and its paradigm.

Everything connected with the birth cycle should get and gets the features to obtain the desirable effect. This may be creating, causing, stimulation of what is noticed as desirable and good and protecting from what is undesirable. Sometimes those desirable and undesirable elements are included in the rite by the actants of a particular situation and so these elements become signs and warnings. They do not warn against the things (in the grammatical sense of this word) in existence and those things which are familiar to man i.e. the world around him. Thus the man should come to the specific conclusions and explain them. This explanation should help to understand the way man should behave.

Thus these predictions are of actional or object-upholding (without actionality) character i.e. they are of causative and protective features. Depending on the stage of the birth cycle

the objects as well as the actions perform with use of this objects, including participants, get various expressions from the semantic point of view and so they can be described in various ways. The central element of the birth cycle in its developing shape in the world of tales and predictions is the female element and the part of bilateral mutual relation. A pregnant woman when giving birth to her child is not left alone. From the moment of conception she is advised what and how to do in order to have a son or a daughter and what to do to protect the pregnancy. The presence of other people in this process is either open or secret. These people are usually female members of the family. Their role is to help a mother-to-be to behave in a proper way. The mother and the baby are not able to protect themselves from the dangers of the outside world so the female advisers are very important and helpful to them. Especially the older women (being also well experienced mothers). The male element i.e. the husband and father is of minor importance as he is responsible for the conception and causing the labor pains. In case of a very difficult delivery the eldest man in the family asks the priest to open the holy gates in the Orthodox church.

All these working together elements described in the research material are characterized from the point of view of proper paradigmatics and then elaborated as the conceptual semantic units. These units are described from the relevant perspectives of semantic exponents and at the same time they become the object not only of paradigmatic but also multilateral and typological description. Finally there are some typologies which may bring an image of semantics and its structure. These two elements (i.e. semantics and the structure) are typical for the world of objects in predictions and tales in the birth cycle and they are important parts of the cycle.

Projekt okładki
Magdalena Pache

Redaktor inicjujący
Przemysław Pieniążek

Wersją referencyjną publikacji jest wersja elektroniczna
Publikacja na licencji Creative Commons
Uznanie autorstwa - Na tych samych warunkach
4.0 Międzynarodowe (CC BY-SA 4.0)

<https://orcid.org/0000-0001-6575-5736>

Czerwiński, Piotr
Predmetnyj mir primet i poverij (Cikl
roždeniâ) / Pëtr Červinskij. Wydanie I. -
Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu
Śląskiego, 2022

<https://doi.org/10.31261/PN.4052>

ISBN 978-83-226-4094-4
(wersja elektroniczna)

Wydawca
Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego
ul. Bankowa 12B, 40-007 Katowice
www.wydawnictwo.us.edu.pl
e-mail:wydawnictwo@us.edu.pl

Wydanie I. Liczba arkuszy drukarskich: 17,0. Liczba arkuszy wydawniczych: 19,0. PN 4052.

Egzemplarz bezpłatny

ISBN 978-83-226-4094-4

9 788322 640944

Więcej o książce

